

Рождение и гибель великих империй

КОРОТКИЙ ВЕК БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Annotation

Как государственное образование – империя – Франция просуществовала менее века, но в качестве колониальной империи она была долгожительницей. Первые попытки колониальных захватов со стороны Франции были осуществлены в XVI – XVII вв. Второй период приходится на XIX в. В это время Франция подчинила себе Северную, Западную и Экваториальную Африку, Индокитай, укрепилась в бассейнах Тихого, Атлантического и Индийского океанов и превратилась во вторую после Великобритании колониальную державу мира. Последние свои колонии Франция потеряла во второй половине XX в.

Книга А.Б. Широкограда рассказывает об известных и малоизвестных событиях, фактах и политических фигурах истории Франции.

- [А.Б. Широкоград](#)
 - [Раздел I](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12.](#)
 - [Глава 13.](#)
 - [Глава 14.](#)
 - [Раздел II](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)

- [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
- [Раздел III](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
-

А.Б. Широкоград

Короткий век блистательной империи

Раздел I

Становление империи

Глава 1.

Неудачный дебют империи франков

Франция в IX-XII веках, то есть в правление королей из династий Каролингов и Капетингов, занимала примерно ту же территорию, что и Республика Франция в XXI веке. В IX-XII веках и позже французские короли вели частые войны на Пиренеях, за овладение Фландрией, герцогством Бургундия, Дофине и Провансом. Войны шли с переменным успехом. Французские короли то захватывали эти небольшие территории, то их теряли.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что сухопутная экспансия французских феодалов была исключена из-за противодействия сильных соседей. Создать империю можно было лишь с помощью морских походов. А там самым простым и сулившим «огромные богатства» был путь через Средиземное море на Восток.

В IX-XI веках и норманнские конунги, и князья русов, отправляясь в походы, обходились без пропагандистских шоу. Вся дружина прекрасно понимала цель экспедиции – грабежи, захват новых земель, заключение выгодных торговых договоров.

Но тут, дабы вовлечь в поход максимальное число участников и заставить население целых стран финансировать его, требовалось серьезное идеологическое прикрытие.

И вот 27 ноября 1095 г. папа Урбан II обратился к Клермонскому собору с вдохновенным призывом к Крестовому походу: «То, что Святая земля, и прежде всего сам Иерусалим, была по-прежнему занята неверными, представляло собой оскорбление для всего христианского мира; паломники-христиане в настоящее время подвергаются всевозможным унижениям и обидам. Долг каждого доброго христианина – поднять оружие против тех, кто осквернил землю, по которой некогда ступал Христос, и вернуть ее под власть поборников истинной веры»^[1].

Урбан II откровенно заявил: «Земля эта, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, она стеснена вашей многочисленностью, обилием же богатств не преизбыточествует и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите друг другу множество смертельных ран. Пусть же прекратится ваша ненависть, пусть

смокнет вражда, утихнут войны и заснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю Святого Гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе. Земля эта, как гласит Писание, течет медом и млеком. Иерусалим – это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими землями, он словно второй рай. Он жаждет освобождения и не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку».

Папа утверждал, что «персидское племя турок» захватило священные для христиан реликвии, что они превращают храмы в хлева для скота, «топчут ногами предназначенные для богослужения сосуды», наносят побои и оскорбления духовенству. О том, что нельзя более терпеть святотатства, что христиане должны подняться на бой с неверными и каждый воин в знак этого – нашить на свою одежду крест из красной материи. Тот, кто отправится на Восток для освобождения Гроба Господня, завершал свою речь папа Урбан II, получит полное прощение всех грехов и долгов; тех же, кто примет смерть в битвах за веру, ждет вечное райское блаженство^[2].

Говоря о захвате Палестины – «персидского племени турок», папа сознательно врал. Ни арабы, захватившие Иерусалим у византийцев, ни турки-сельджуки, выбившие оттуда арабов, никогда не посягали на христианские святыни и не препятствовали отправлению христианской веры. Так, к примеру, православное греческое духовенство сохранило полностью свою структуру. Там остались два патриарха – Иерусалимский и Антиохийский – и все епископы. Никакого католического духовенства в Палестине никогда не было. Напомню, что, хотя официальное разделение церквей произошло лишь в 1054 г., православная и католическая церкви задолго до этого имели независимые структуры.

Так что «жаждать освобождения» и молить войска католиков о приходе в Палестине было попросту некому.

Обратим внимание, дело происходило во французском городе Клермоне, и папа Урбан II был француз, носивший ранее мирское имя Одон де Лажри.

Возглавил Крестовый поход француз – Раймонд граф Тулузский, за которым последовала почти вся провансальская знать: брат французского короля граф Гуго де Вермандуа, граф Роберт II Фландрский, граф Роберт Нормандский (сын английского короля Вильгельма Завоевателя) и его кузен граф Стефан де Блуа, а также Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии.

Ну а участвовал ли король в оном мероприятии? Увы, французские короли в тот период конфликтовали с римскими папами. Так, правивший во

Франции король Филипп I (1060 – 1108) еще в 1092 г. прогнал свою жену Берту, дочь графа Фландрского, и женился на красавице Бертраде, жене Фулька, графа Анжуйского. Бертрада бросила мужа и обвенчалась с королем.

Папа Урбан II получил повод и предал Филиппа I анафеме (отлучению от церкви) на том же Клермонском соборе в 1095 г.

Замечу, что тридцатью годами раньше папа Александр II предал анафеме мать Филиппа I королеву Анну, дочь киевского князя Ярослава Мудрого. Дело в том, что после смерти своего первого мужа короля Франции Генриха I в 1062 г. Анна Ярославна вторично выходит замуж за богатейшего графа Рауля де Крепи и Валуа. Онный граф длительное время воевал с Генрихом I, но, что гораздо хуже, был уже женат. Реймский архиепископ Жерве (Гервазий) срочно сигнализировал папе Александру II: «В королевстве нашем – немалая смута: наша королева вышла замуж за графа Рудольфа, что чрезвычайно огорчает нашего короля и более, чем стоило бы, беспокоит его опекунов». Брошенная графом жена Алианора тоже нажаловалась папе.

В итоге Александр II объявил брак незаконным, граф отказался подчиниться, и тогда римский понтифик предал Рауля и Анну анафеме! Супруги игнорировали отлучение от церкви, наслаждались жизнью и плодили детей.

Любопытно, что сын Анны от Рауля Симон пошел в монахи, совершил паломничество в Палестину, умер в Риме в 1080 г. и был причислен к лику католических святых. Это, наверное, единственный случай в истории, когда дед и прадед стали православными святыми, дочь отлучена от церкви, один внук отлучен от церкви, а другой попал в католические святые. Замечу, что вся родня Анны Ярославны вела аморальный образ жизни. Чего только стоят Владимир Святославич Красное Солнышко и Ярослав Владимирович Мудрый, но одни попали в святые, а другие, наоборот, были отлучены от церкви. Веселое времечко было!

Так что крестоносцам пришлось отправляться в Палестину без французского короля Филиппа I.

В Первом крестовом походе войско рыцарей двигалось в основном посуху через Центральную Европу и Византию. Правитель Венгрии согласился пропустить крестоносцев, лишь взяв заложников, и рыцарям пришлось вести себя там более-менее пристойно. В Византии же крестоносцы прославились безудержными грабежами. Руководители похода сдерживали рыцарей, поскольку Византия была еще достаточно сильна и только ее флот мог переправить крестоносцев в Азию. Весьма

прозападный историк Джон Норвич писал о поведении крестоносцев в Византии так: «Они разоряли страну, насиловали женщин, грабили города и селения, и при этом, казалось, все же считали, что имеют на это право, ожидая, что в них будут видеть скорее героев и освободителей, а не бандитов, каковыми они в действительности были. Их отъезд вызвал немалую радость; еще большее утешение состояло в сознании того, что, когда (и если) они вернутся, их количество значительно уменьшится»^[3].

Сельджукский султан Кылыч-Арслан поначалу не воспринял крестоносцев серьезным противником и был разбит. С помощью византийского флота рыцари овладели городом Никеей, а 20 октября 1097 г. подошли к Антиохии. После семи лет осады город сдался. Однако Иерусалим крестоносцам удалось взять штурмом. Все мусульманское население города – около 70 тысяч человек – было перебито, пощады не было ни детям, ни женщинам. Перебили и часть евреев, а остальных загнали в синагогу и сожгли...

Иерусалим стал столицей нового Латинского королевства, а один из предводителей Первого крестового похода Готфрид Бульонский был избран первым королем. Но он отказался от этого титула, не желая «носить королевский венец там, где Спаситель носил терновый». Готфрид принял титул «защитник Гроба Господня».

В следующем году Готфрид Бульонский скончался, ему наследовал брат Балдуин I, который не был столь благочестив и сразу принял титул «король Иерусалима». Балдуин успешно расширил королевство, захватив портовые города Акру, Сидон и Бейрут, а также утвердив свое владычество над государствами крестоносцев на севере – основанном им же графством Эдесса, княжеством Антиохия и графством Триполи.

Государственными языками в королевстве стали латынь и французский язык. Как уже говорилось, большинство рыцарей были французами, поэтому сельджуки называли его королевством франков, а крестоносцев – франками.

В государствах крестоносцев существовала феодальная иерархия, подобная западноевропейской. Вся территория делилась на рыцарские феодалы, обязанные военной службой сюзерену. Для пополнения убыли в рядах рыцарей и защиты своих завоеваний пришлось многих пришедших с крестоносцами крестьян возвести в рыцарское звание и выделить им феодалы.

Ну а крепостными западных феодалов стали мусульмане и местные христиане. Замечу, что почти все христиане в Сирии и Палестине были

православными и лишь небольшое число – монофизиты^[4]. Причем с монофизитами католики быстро нашли общий язык: мол, только признавай папу римского.

Франки жили только в городах и замках. Зато мусульманам и православным запрещалось проживать в Иерусалиме и ряде других городов.

Православные патриархи – антиохийский Иоанн Оксита и иерусалимский Досифей – были вынуждены бежать из захваченных крестоносцами Антиохии и Иерусалима. Зато крестоносцы назначили новых патриархов: папского прелата Бернарда Валенсина – антиохским и Роберта Руанского – иерусалимским. Но в декабре 1099 г. в Иерусалим прибыл папский прелат Даимберт Пизанский и сам себя объявил иерусалимским патриархом. Всего иерусалимскими патриархами с 1099 по 1291 год называли себя 20 католиков, из которых несколько человек даже не приезжали в Иерусалим.

Параллельно в Константинополе существовали в «эмиграции» Антиохийский и Иерусалимский патриаршие престолы.

В первые же годы правления франков в Сирии и Палестине почти все церкви и монастыри были захвачены католиками, а православное духовенство изгонялось, у него отнимались дома и имущество, многие были убиты.

Так «освобождение» обернулось для православных страшной бедой, чего никогда не было в годы правления мусульман. С 1100 по 1300 год число христиан в Сирии и Палестине, где до прихода крестоносцев они составляли около половины, уменьшилось в несколько раз.

Иерусалимский патриарх Досифей II (1669 – 1707) сказал о крестовых походах: «Эти войны можно назвать священными с таким же правом, как проказу – священной болезнью».

Глава 2.

Еще семь крестовых походов

С XII века начинается сплочение мусульманских княжеств, а государства крестоносцев теряют свою силу, что привело к постепенному захвату их территорий мусульманами. Так, в 1144 г., то есть менее чем через 100 лет после Первого крестового похода, мусульманский эмир Имад-эд-дин Зенги захватил важнейший опорный пункт крестоносцев – город Эдессу.

В ответ на это крестоносцы в 1147 г. предприняли новый, Второй крестовый поход, в котором приняли участие французский король Людовик VII и германский император Конрад III. И первым плодом этого похода стала прокатившаяся по Рейну волна еврейских погромов.

Как и в ходе Первого похода, крестоносцы двинулись из Меца через всю Европу к Константинополю. Надо ли говорить, что рыцари грабили села и города на своем пути. На территории Византийской империи во Фракии дошло до стычек с византийскими войсками. Понятно, что византийцы постарались как можно быстрее переправить рыцарей в Азию.

Любопытно, что Луи XII, надеясь на легкую победу, взял с собой пышную свиту и 25-летнюю жену Элеонору. И вот войско с большими потерями дошло до Антиохии – территории, контролируемой Раймондом Антиохийским. Там Элеонора сразу же отдалась владетельному графу.

Луи с войском немедленно выступил к Триполи, причем Элеонору увезли силой. И наконец, в мае 1148 г. французы достигли Иерусалима, где Элеонора имела еще несколько любовников.

Войско Конрада III прибыло в Палестину морским путем с помощью византийского флота.

Луи и Конрад решили овладеть землями эмира Дамаска и основать там собственное королевство, независимое от Иерусалимского королевства.

Палестинские крестоносцы отказались помогать пришельцам. Осада Дамаска была неудачной, и 28 июля 1148 г. войска Луи и Конрада начали отступление по раскаленной Сирийской пустыне. Подавляющая часть участников Второго крестового похода погибла.

Император Конрад III и остатки германского войска отплыли из Палестины в октябре 1148 г. На византийских кораблях они достигли Константинополя, а далее сухим путем в начале 1149 г. добрались до Германии.

Луи VII отправился из Иерусалима после Пасхи 1149 г. и к концу года вернулся во Францию. Там он немедленно начал бракоразводный процесс с беспутной королевой Элеонорой. Тем не менее развод состоялся лишь в 1152 г. на церковном соборе в городе Божанси. Герцогство Аквитанское, присоединенное было к королевским владениям этим браком, опять отошло от них.

Однако сексапильная Элеонора сразу после развода вышла замуж за английского короля Генриха II. В результате Аквитанское герцогство отошло к английским владениям во Франции – Анжу, Мэн, Нормандии и Бретани. Теперь английские короли стали владеть во Франции куда большей территорией, чем французские короли.

В 1171 г. военачальник Юсуф ибн Айюб, курд по происхождению, захватил власть в Египте и провозгласил себя султаном, приняв имя Салах ад-Дин (по-арабски – «честь», «вера»).

С конца 1172 г. Салах ад-Дин, или Саладин, как называли его европейцы, приступил к расширению своих владений. К 1186 г. Саладин создал государство, в которое вошли весь Египет, Сирия (за исключением занятых крестоносцами областей), а также мелкие месопотамские княжества. Мосульский правитель признал себя вассалом Саладина и обязался поставлять ему солдат и провиант для войны против крестоносцев.

Теперь, завершив объединение своего государства, Саладин приступил к основной задаче – борьбе против крестоносцев. Всего за год ему удалось отвоевать у крестоносцев области и города Табария, Цезарея, Хайфа, Яффа, Сайда, Бейрут и др. В битве при Хаттине Саладин наголову разгромил крестоносцев, захватив в плен иерусалимского короля Гюна Лузиньяна и магистров рыцарских орденов тамплиеров и госпитальеров. Одержать эту блистательную победу ему помог правитель города Мосула.

2 октября 1187 г. Саладин вторично въехал в Священный город, который почти 100 лет находился в руках неверных. В руках крестоносцев осталось всего несколько больших крепостей на севере: Крак-де-Шевалье, Шатель-Блан, Марграта и др.

Немедленно папа Григорий VIII призвал христианский мир взяться за оружие, чтобы отвоевать святыни. Рыцарям, отправлявшимся в новый – Третий – крестовый поход, давались отпущение грехов и отсрочка долгов.

В 1188 г. в Англии, Франции и Германии был введен новый налог – «саладинова десятина». Короли и знатные сеньеры сумели выколлотить из населения огромные суммы.

В походе приняли участие германский император Фридрих

Барбаросса, французский король Филипп-Август и английский король Ричард I Львиное Сердце. Несмотря на уроки прежних походов, вожди крестоносцев и на этот раз действовали несогласованно. Первым весной 1189 г. выступил Фридрих Барбаросса. Его войска (около 100 тысяч человек) собрались у Регенсбурга и двинулись через Австрию и Венгрию. По требованию византийцев армия Фридриха переправилась в Азию не через Босфор, а через Дарданеллы.

На Пасху 1190 г. германская армия переправилась на малоазиатский берег и двинулась через Пергам, Сарды и Филадельфию на Лаодикею. При армии находились заложники султана Конийского. Тем не менее войска этого султана постоянно нападали на крестоносцев. Однако армия Фридриха, несмотря на лишения, голод, болезни и падеж лошадей, медленно, но верно приближалась к столице султаната Кония (Икония). Этот город был взят приступом после ожесточенного боя.

Пробыв в нем два дня и пополнив запасы, рыцари двинулись дальше, сильно страдая от развившихся болезней. Армия таяла с каждым днем. Перевалив через Тавр, крестоносцы спустились в долину реки Селепа. Здесь они понесли непоправимую утрату. Император Фридрих, пытавшийся переправиться вплавь через реку, был снесен сильным течением и утонул. Следствием его смерти стало разложение армии. Хотя его сын Фридрих Швабский и был провозглашен начальником войск, ему удалось собрать вокруг себя лишь незначительную часть крестоносцев, с которыми он и прибыл в Антиохию. Многие рыцари вернулись в Европу. Некоторые избрали другой путь в Святую землю – через султанат Алеппо, где почти все были перебиты мусульманами.

А тем временем в Европе готовились к походу короли Франции и Англии. Решив избрать морской путь, чтобы избежать трудностей, сопряженных с переходом Византии и Малой Азии, монархи отплыли из Марселя и Генуи и прибыли на остров Сицилия.

В городе Мессине британские рыцари издевались над святынями, громили монастыри, насиловали женщин. Греки, которые тогда составляли большинство населения Мессины, 3 октября 1190 г. дали отпор захватчикам. Тогда король Ричард сжег город и перебил почти все его население.

Поначалу французский король Филипп II держал нейтралитет, но после разгрома Мессины потребовал себе половину города и половину добычи. Англичане отказали, но Филипп сдержался, и союзники зазимовали в Италии, внимательно наблюдая друг за другом.

30 марта 1191 г. французская армия во главе с королем отплыла в

Палестину. 10 апреля за ними последовали англичане.

Верный себе, Ричард не мог пройти мимо Кипра. Поводом для нападения стал захват местными жителями нескольких судов, разбившихся у берегов острова. 6 мая в гавань города Лимассола вошел английский флот. В нескольких сражениях Львиное Сердце разбил византийские войска и ограбил остров. Король был в хорошем настроении и согласился оставить киприотам половину их имущества.

Дабы более не возвращаться к судьбе Кипра, скажу, что вскоре Ричард продал остров рыцарскому ордену Гроба Господня. Ну а рыцари перепродали Кипр Лузиньяну, королю Иерусалимскому. Его брат Аманри принял титул короля Кипрского.

Но я забежал вперед, а 5 июня 1191 г. король Ричард с христолубивым воинством покинул берега Кипра и отплыл в Сирию. 12 июля 1191 г. объединенное англо-французское войско сумело захватить город Акру. Саладин, который стоял со своей армией невдалеке, постоянно тревожа осаждающих, отступил в глубь страны. После взятия Акры между вождями крестоносцев возникли разногласия. Король Филипп покинул армию, оставив в Палестине лишь 10 тысяч французов под началом герцога Бургундского.

Таким образом Ричарду одному приходилось продолжать войну. Пробыв несколько дней в Птолемаиде, он двинулся во главе 100-тысячной армии на юг вдоль берега к Яффе, а корабли, груженные припасами, сопровождали армию. На реке Арсур Ричарду удалось разбить войско султана Саладина. Однако в целом действия крестоносцев были неудачны.

В итоге 1 сентября 1192 г. в городе Рамле Ричард подписал мир с Саладином. Согласно его условиям, крестоносцы получили во владение береговую полосу от Яффы до Тира и свободный доступ в Иерусалим. Укрепления Аскалона были снова скрыты. Третий крестовый поход, как и Второй, не достиг цели.

В 1192 г. Саладин умер. Чтобы предотвратить споры о наследстве, он еще при жизни разделил свою империю на четыре части. Своего старшего сына Саладин назначил султаном и подарил ему Дамаск и Южную Сирию. Второму сыну, Азизу, отошел Египет, третьему – Халеб и Северная Сирия, а своему брату Адилью Саладин дал Месопотамию. Но после смерти Саладина каждый из четырех его наследников стал стремиться к верховенству. Недовольные эмиры одной провинции искали защиты у правителя другой провинции. Иногда два правителя «начинали дружить» против третьего. Так, месопотамский правитель Адиль вступил в союз со своим племянником Азизом, правившим Египтом, и в 1196 г. захватил

Дамаск. В 1200 г. Адиль после смерти Азиза присоединил к своим владениям и Египет, лишив потомков Азиза наследственных прав на Нильскую долину.

Адиль правил до 1218 г. и за это время подчинил себе и других сыновей и внуков Саладина. Присоединив несколько месопотамских княжеств, он создал империю, по площади соизмеримую с владениями Саладина. Войска Адила в основном успешно отражали наступления крестоносцев в Сирии.

Ну а в Европе католические иерархи вынашивали планы очередного, Четвертого крестового похода. В 1198 г. римским папой стал Иннокентий III. Он разослал во все страны Европы легатов с требованием к правоверным отдать одну сороковую часть своего имущества на новый крестовый поход. В своей булле папа Иннокентий III обещал рыцарям за участие в походе списание всех долгов и освобождение от налогов.

Вождем Четвертого крестового похода был избран Бонифаций, маркиз Монферратский. Кроме него приняли крест Балдуин, граф Фландрский, Иоанн Бриеннский и другие представители знатных родов Фландрии и Шампани. Крестоносцы, желавшие достигнуть Палестины морским путем, наняли у венецианцев несколько десятков транспортных судов и галер. Однако сумма, переданная крестоносцами венецианцам, оказалась меньше запрашиваемой на 34 тысячи марок. Тогда венецианский дож Дандоло предложил вождям похода ограбить по пути богатый торговый город Зару (современный Задар), который был конкурентом Венецианской республики. За это дож обещал отсрочить выплату долга.

Как мы уже знаем, грабеж европейских городов, мимо которых проходили или проплывали крестоносцы, давно стал нормой. И вот 8 октября 1202 г. войско крестоносцев село в Венеции на корабли и уже 10 ноября подошло к Заре. На следующий день их суда прорвали цепь у входа в гавань и заняли последнюю. Высадив на сушу лошадей, войска и осадные машины, крестоносцы расположились лагерем на северной стороне. 15 ноября начали действовать с суши и с моря метательные машины, а 22 ноября осаждающие подкопали одну из главных городских башен. Зара была взята и разграблена.

В Заре рыцари вошли во вкус. Зачем ехать в Палестину, где жара, нет воды, а главное, кровожадные арабы принципиально не хотят расставаться со своим имуществом и становиться крепостными европейских феодалов? Куда проще грабить христианские государства.

И вот 12 апреля 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь. Три дня новоявленные варвары грабили Второй Рим. Безымянный русский

свидетель погрома в «Повести о взятии Цареграда крестоносцами» обличает бесчинства крестоносцев, которых именует фрягами: «А на утро, с восходом солнца, ворвались фряги в Святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатах и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь Святой Софии, но и Святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, Святую Богородицу, спас Бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города»^[5].

Полному разграблению и разрушению подвергся и русский торговый квартал «у святой Маммы».

Следствием разорения Константинополя стало практически полное прекращение русского торгового мореплавания по Черному (а арабы его называли Русским) морю.

Крестоносцы решили на захваченных землях Византии создать Латинскую империю. Первым ее императором стал Болдуин, герцог Фландрский и Геннегауский.

Причем венецианцы забрали себе три квартала Константинополя, Рагузу (нынешний Дубровник), Дураццо (Дуррес), западное побережье материковой Греции и Ионические острова, весь Пелопоннес, острова Наксос и Андрос, два города на Эвбее, главные порты Геллеспонта, Мраморного моря, Галлиполи, Редеста и Гераклеи, побережье Фракии и город Адрианополь. Затем Бонифаций Монферратский продал венецианцам доставшийся ему от византийцев остров Крит.

Крестоносцы грабили греков и навязывали им католичество. Повсеместно вспыхивали восстания против захватчиков. Так, в начале 1205 г. восстало население города Дидимотихе и перебило гарнизон крестоносцев. Затем наступила очередь Адрианополя. Против крестоносцев двинулся болгарский царь Калоян. 14 июня 1205 г. Калоян вдребезги разбил армию латинян, а сам «император» Болдуин был взят в плен и в следующем году умер в тюрьме.

В 1206 г. новым «императором» Латинской империи стал брат Балдуина граф Генрих Фландрский. Замечу, что русские княжества не признавали Латинскую империю. Русские считали законным властителем Царьграда императора Никейской империи (основанной в Малой Азии). Русские же митрополиты продолжали подчиняться константинопольскому патриарху, жившему в Никее.

25 июля 1261 г. никейский император Михаил Палеолог захватил Константинополь. С Латинской империей было покончено. Однако крестоносцам и венецианцам удалось еще два с лишним столетия владеть греческими островами и даже Аттикой. Ну а с Ионических островов венецианцев выбил лишь генерал Наполеон Бонапарт в 1797 г. в ходе своей знаменитой Итальянской кампании.

В 1215 г. на Четвертом Лотеранском соборе папа Иннокентий III провозгласил Пятый крестовый поход. Вождем крестоносцев стал венгерский король Андрей II. Суда крестоносцев начали свой путь в 1217 г. от Марселя, Генуи и Бриндизи. Кипрский король Лузиньян и иерусалимский король Иоанн Бриенн присоединились к европейским крестоносцам. К концу года вся армия сосредоточилась у стен Птолемаиды (Аккры) против мусульман и вторглась в Иудею, не встретив противника. Тогда начальники решили перенести военные действия в Египет.

Однако плыть зимой в Египет союзники не рискнули и остались в Палестине. В Триполи скончался кипрский король Лузиньян, а венгерский король отправился домой в начале 1218 г. Однако на помощь участникам Пятого крестового похода в начале 1218 г. прибыло пополнение из Франции, Италии и Голландии.

9 мая 1218 г. флот крестоносцев вышел из Аккры и 29 июня внезапно появился в дельте Нила у крепости Дамьетта. Эта крепость, расположенная на берегу одного из рукавов Нила, считалась ключом страны и защищалась тройным рядом стен и глубокими рвами. Вход в рукав запирался сильной башней, от которой шли цепи к обоим берегам.

Крестоносцы расположились на противоположном берегу и все усилия направили на овладение башней. Порвав цепи и разрушив мост,

соединявший башню с Дамией, они изолировали ее и, окружив кораблями, неоднократно пытались штурмовать, но безуспешно. Наконец крестоносцы соединили два больших корабля и на полученном катамаране построили огромную деревянную башню и подъемный мост.

24 августа 1218 г. эта плавучая крепость с 300 воинами подошла к башне Дамии. Через перекидной мостик рыцари ворвались в башню и в ходе упорного боя овладели ею. Однако овладеть всей крепостью крестоносцам удалось лишь в ночь на 5 ноября 1219 г. Рыцари не сумели развить свой успех, а султан Египта Малек-Камаль собрал большие силы и блокировал крестоносцев на небольшом участке дельты Нила.

В августе 1221 г. был заключен мир, согласно которому крестоносцы очистили Египет. Так бесславно закончился Пятый крестовый поход.

Шестой крестовый поход фактически начался в июне 1228 г., когда флот германского императора Фридриха II отплыл из Бриндизи в Сирию. По традиции крестоносцы отдохнули на Кипре и в сентябре высадились у Акры (Птолемаиды).

Замечу, что Шестой крестовый поход проходил под знаком конфликта папы Григория IX с императором Фридрихом II. Первый раз папа отлучил от церкви Фридриха 23 марта 1228 г. Затем еще раз 30 августа того же года. В свою очередь, среди трех арабских правителей, правивших в Сирии и Палестине, шли междусобойчики.

В итоге 20 февраля 1229 г. султан Аль-Камил заключил с крестоносцами перемирие на 10 с половиной лет. Иерусалим арабы передавали крестоносцам. Однако стены Иерусалима, разрушенные арабами на всякий случай еще в ходе Пятого крестового похода, восстановлению не подлежали. Христиане могли посещать Храмовую гору и находившийся на ней храм Гроба Господня, а также мечеть Аль-Акса напротив. Но все это, а также Хеврон оставалось владениями мусульман. Христиане могли получить свои главные святыни в Вифлееме и Назарете лишь при условии, что с христианскими городами на побережье их соединит только узкий коридор, проходящий через мусульманские владения.

17 марта 1229 г., в субботу, император Фридрих II, как мы помним, отлученный от церкви, въехал в Иерусалим и вступил в формальное владение городом. А в воскресенье он, проигнорировав папские запреты, явился на мессу в храм Гроба Господня, причем демонстративно надев императорскую корону. Он полностью достиг всего, ради чего отправился в путь, при этом не пролив ни капли крови.

Иерусалимский патриарх Герольд, католик, ставленник папы, стал

настраивать население Иерусалима против императора. Он даже закрыл все церкви, и паломники, посещавшие святые места, больше не могли рассчитывать на отпущение грехов.

А тем временем папская армия под командованием Иоанна Бриеннского вторглась в итальянские владения императора. Она захватила города Гаэту и Беневент. В результате Фридрих II в начале мая 1229 г. отплыл от берегов Палестины и 10 июня прибыл в Бриндизи. Папа Григорий IX немедленно сбавил тон, и в августе 1230 г. состоялось примирение папы и императора.

После Шестого крестового похода Иерусалимское королевство продолжало существовать лишь благодаря раздорам между мусульманскими владыками. Но вот в 1244 г. из далекой Центральной Азии в Палестину вторглись орды тюрок-хорезмийцев, изгнанные 20 лет назад монголами Чингисхана из родных мест. 11 июля 1244 г. хорезмийцы овладели Иерусалимом. Все христианские церкви города были разграблены и сожжены. Крестоносцы были выброшены из Святого города уже навсегда.

Вторжение хорезмийцев заставило объединить силы остатков рыцарей с войсками дамасского султана. В битве у города Газа хорезмийцы наголову разгромили союзные войска. Было убито не менее 10 тысяч крестоносцев, а 800 человек во главе с великим магистром ордена иоаннитов Гийомом де Шатонёфром захвачены в плен.

После сражения у Газы под контролем латинян остались узкие полоски земли в Сирии и несколько замков.

Новый, Седьмой крестовый поход возглавил французский король Людовик IX. 25 августа 1248 г. французская 15-тысячная армия, включавшая в себя 3 тысячи рыцарей, отплыла из Марселя, а 21 сентября высадилась на Кипре. О вторжении в Палестину уже никто не помышлял – целью похода был богатый Египет.

Зиму 1248/49 г. французы провели на Кипре. Большинство кипрских феодалов решило присоединиться к походу. Людовик приказал построить большое количество плоскодонных судов, удобных для высадки на отмелях дельты Нила.

15 мая 1249 г. флот крестоносцев отплыл от Кипра и 4 июня, выдержав бурю, отнесшую большую часть кораблей к берегам Сирии, и бросил якорь в виду Дамииетты. В полдень крестоносцы, подойдя на кораблях к берегу, высадились под прикрытием арбалетчиков, размещенных на баржах. Армия эмира Фахреддина, занявшая берег, не могла выдержать натиска крестоносцев и после упорного боя с большим уроном отошла на правый

берег рукава. В то же время корабли напали на египетский флот, много судов его потопили, а уцелевшие обратились в бегство. Ночью многие эмиры ушли из лагеря вместе со своими отрядами. Гарнизон Дамииетты тоже удалился, бросив город и не уничтожив моста.

Так крестоносцы без боя заняли Дамииетту. Однако вместо решительного наступления на Каир Луи IX решил оставаться на месте, ожидая прибытия подкреплений, которые должен был привезти его брат Роберт д'Артуа, граф Пуату. Граф прибыл только в первых числах декабря 1249 г.

Сразу же (7 декабря) 60-тысячная французская армия (20 тысяч кавалерии и 40 тысяч пехоты) двинулась на Каир.

В конце января 1250 г. под городом Эль-Максуром крестоносцы потерпели поражение, причем д'Артуа был убит.

Тем не менее Людовик решил осадить Эль-Мансур. В конце февраля туда прибыл новый султан Египта Тураншах с пополнением. В одном из рукавов Нила арабские суда захватили 60 французских галер с продовольствием. В войсках крестоносцев усилился голод.

В марте 1250 г. Луи IX начал отступление к Дамииетте, но был окружен у Миниеха. Около 30 тысяч французов были убиты, а сам король, два его брата, 3 тысячи рыцарей и 15 тысяч пехоты попали в плен.

Султан сравнительно мягко обошелся с побежденными. Французы оставили Дамииетту и эвакуировались из Египта, заплатив выкуп в 400 тысяч французских ливров (8 млн. франков).

Замечу, что в ходе переговоров командиры мамлюкского корпуса убили Тураншаха, последнего султана из династии Айюбидов. После серии смут в Египте утвердилась мамлюкская династия Бахритов.

Ну а неугомонный Луи IX, заплатив выкуп, отправился не на родину, а в Палестину. В августе 1251 г. он, одетый во власяницу на голое тело, в великом смирении совершил паломничество в Назарет, после чего принялся восстанавливать укрепления вокруг Цезареи. Одновременно король активно рассылал по всему христианскому миру призывы о помощи. Но идти в новый крестовый поход пока желающих не находилось.

В апреле 1254 г. Луи IX вместе с женой и детьми покидает Палестину и отправляется во Францию.

Весной 1267 г. Луи IX и папа Клемент IV пытались организовать крестовый поход, но желающих оказалось мало, и поход был отменен.

Подвигнуть рыцарство на Восьмой крестовый поход удалось только в начале 1270 г. 4 июля 1270 г. 60 тысяч крестоносцев отплыли из Эг-Морта и 8 июля бросили якорь в порту Кальяри в Сардинии.

На сей раз объектом нападения должны были стать не Палестина и даже не Египет, а Тунис, то есть государство, расположенное более чем в 2 тысячах километров западнее Иерусалима.

17 июля флот Луи IX подошел к Тунису. Простояв три дня в виду берега, французы высадились и устроили укрепленный лагерь. Крестоносцы не предпринимали никаких активных действий, выжидая прибытия короля Сицилии. Это бездействие привело армию к роковым последствиям. Местность вокруг лагеря была пустынной, источников с питьевой водой было мало. Африканская жара изнуряла солдат. Болезни стали опустошать ряды крестоносцев. В довершение несчастий 13 августа 1270 г. скончался сам король.

В день смерти Луи IX прибыл, наконец, король Сицилии, который и принял командование армией. Нанеся армии тунисского эмира несколько поражений, он вступил с ним в мирные переговоры, и 31 октября было заключено 15-летнее перемирие. Тунисский эмир согласился платить небольшую дань королю Сицилии. Католическим попам разрешалось селиться в Тунисе и вести проповеди.

На обратном пути французов, которыми предводительствовал сын Луи Филипп III, ждала сильная буря. Погибло не менее 4 тысяч воинов.

Восьмой поход стал последним крестовым походом.

Как уже говорилось, к этому времени Иерусалимское королевство состояло из нескольких анклавов с городами Триполи, Птолемаида (Акра), Тир, Сидон и Бейрут. Своим существованием они обязаны распрям среди арабских властителей и нашествием монголов (1260, 1281 гг.) в Сирию и Палестину. В 1289 г. мамлюкский султан Калаун отбил у крестоносцев Триполи, причем арабы вырезали всех мужчин, а женщин и детей продали в рабство. Сын Калауна султан Халил в 1291 г. после долгой осады взял Акру. Бейрут, Тир, Сидон и Хайфа сами сдались султану. С Иерусалимским королевством было окончательно покончено.

Попробуем подвести некоторые итоги. Чем же были крестовые походы? Деяниями экзальтированных благородных рыцарей, стремившихся освободить от варваров-язычников христианские святыни? Разумеется, нет. Это была агрессия Западной Европы с целью захвата всего Восточного Средиземноморья. Как уже говорилось, до половины, а то и больше, населения Сирии и Палестины к началу крестовых походов составляли православные христиане, которые совсем неплохо жили под властью мусульманских правителей. Крестоносцы частью перебили, а частью обратили православных в своих крепостных.

Ну а разгром Константинополя не только закрепил раскол между

католиками и православными, который формально произошел в 1054 г., но и привел к антагонизму церквей, сохраняющемуся даже сейчас, в XXI веке.

Дабы не быть обвиненным в пристрастном подходе, приведу две цитаты: «...христианский мир изменился в результате Четвертого крестового похода. Долгое время он был разделен – теперь же поляризовался. В течение столетий, предшествовавших Великой схизме и прошедших после нее, отношения между западным и восточным христианством колебались в пределах между вежливым соблюдением дистанции и острыми, язвительными упреками; различия между ними, однако, по сути, имели теологический характер. После разграбления Константинополя ситуация изменилась. В глазах греков варвары, осквернявшие их алтари, грабившие дома и насиловавшие женщин, вообще не могли считаться христианами ни в каком смысле слова. Как они могли согласиться с идеей союза с Римом? "Лучше уж тюбан султана, нежели кардинальская шапка", – говорили они. И они действительно так думали»^[6].

«Но если крестовые походы оказали известное влияние на культуру Западной Европы, познакомив европейцев с более высокой культурой Востока, то восточным странам они принесли лишь разгром и разорение. Византии никогда уже не удалось оправиться от ударов, нанесенных ей четвертым крестовым походом и грабительским владычеством "Латинской империи". В странах мусульманского Востока крестоносцы оставили память о своем варварстве и жестокости. Имя христиан-европейцев, "франков", стало ненавистным и презираемым на всем Востоке»^[7].

Говоря о последствиях крестовых походов, практически все исследователи упоминают резкое увеличение торговой деятельности и флотов Венеции и Генуи. Ну а говоря о Франции – это Марсель и другие средиземноморские города. Однако мало кто знает о том, что десятки островов в Восточном Средиземноморье остались в руках крестоносцев и венецианцев – Крит, Кипр, Родос, Кикладские, Ионические и другие острова. Острова использовались как базы пиратских флотилий и как пункты сосредоточения войск для вторжения на Ближний Восток.

Глава 3.

Как Анжелика оказалась в Новом Свете

Франция из-за множества войн, которые она в XV – XVI веках вела в Европе, менее активно, чем Испания и Португалия, отправляла заморские экспедиции. Тем не менее Жан Кузен, купец из города Дьепа, в 1488 г. побывал у мыса Доброй Надежды, но не стал его огибать. В 1504 г. купец Бино Польмье де Гонвиль из Гонфлера на небольшой каравелле дошел до берегов Бразилии, пробыл там несколько месяцев, и на обратном пути, уже в европейских водах, его каравелла была ограблена пиратами.

Вслед за ним к берегам Бразилии было направлено еще три французских судна. Однако в порту Баин они были атакованы четырьмя португальскими кораблями. Два судна португальцы сожгли, а одно захватили. Но нескольким французским морякам удалось бежать на шлюпке. Позже они встретили у бразильских берегов французское судно и на нем вернулись на родину.

Тем не менее французы не отказались от торговли с Бразилией. Ну а в 1555 г. мальтийский рыцарь французского происхождения Николай де Вильеганьон заложил крепость на острове близ Рио-де-Жанейро. По его имени и называли крепость – Вильеганьи. Однако в 1560 г. португальцы разрушили эту фортецию.

Как видим, из-за активного противодействия португальцев создать французские колонии в Бразилии не удалось.

Более успешной оказалась деятельность французов в северной части Американского континента. Приобретением Канады французы во многом обязаны Франциску I, королю Франции с 1515 по 1547 г. Ему приписывают выражение: «Солнце светит для меня, как и для других; я хотел бы видеть статью завещания Адама, которая исключает меня из раздела мира». Слова эти явно были адресованы императору Карлу V, могущественному правителю Испании.

Франциск стал первым французским королем, ассигновавшим средства на заморские экспедиции. Уже в 1524 г. король приказал флорентийцу Джованни Верраццо (1485 – 1528), состоявшему на французской службе, отправиться на поиски западного пути «в Китай и Японию». Верраццо удалось пройти вдоль американского побережья свыше 2300 км между 34° и 46° северной широты. В своем отчете королю мореплаватель писал: «Эта земля (Америка. – А.Ш.) не соединяется ни с

Азией, ни с Африкой».

В 1527 г. Верраццо отправляется в Бразилию за красным сандаловым деревом, а весной 1528 г. вместе с братом Джироламо идет к Багамским островам. Французы высадились на острове Гваделупа, где на них напали воинственные туземцы. Джироламо Верраццо был убит ими и съеден.

В 1534 г. Франциск I отправляет к берегам Северной Америки знаменитого корсара Жака Картье (1497 – 1557). На нужды экспедиции король выделил 6 тысяч ливров. В королевской инструкции Картье предписывалось «отправиться в новые земли, открыть те острова и страны, где, как говорят, должно находиться большое количество золота».

Отправившись из Сен-Мало на двух каравеллах водоизмещением по 60 тонн каждая, Жак Картье после трехнедельного плавания 20 апреля 1534 г. пристал к восточному берегу Ньюфаундленда, а оттуда пошел к Лабрадору и, обогнув его, появился 24 июля 1534 г. на берегу залива, названного им заливом Святого Лаврентия. Этот день и считается в истории днем открытия Канады. В проливе Гаспе недалеко от устья реки Ошелаги (позже получившей название реки Святого Лаврентия) Картье поставил на берегу большой деревянный крест с надписью: «Да будет долгой жизнь короля Франции». Тем самым он объявил эти земли французским владением.

Картье думал, что эстуарий реки Ошелаги представляет собой пролив, соединяющий Атлантический океан с Тихим, и был крайне огорчен, узнав, что это всего лишь река. Далее Картье отправился назад и 5 сентября 1534 г. благополучно достиг Сен-Мало.

19 мая 1535 г. Картье на трех судах вновь отправился к берегам Северной Америки. Он зашел в залив Святого Лаврентия, открыл там остров Антикости и затем опять вошел в устье большой реки Ошелаги, ведущей в Канаду. Прежде чем подниматься по реке, Картье вторично исследовал ее эстуарий, надеясь открыть какой-нибудь проход на север, но, не найдя прохода, он вернулся в залив Себен-Айлендс (Семи островов), поднялся вверх по течению и вскоре дошел до реки Сагены, впадающей в Ошелагу. От индейцев Картье узнал, что на берегах реки Сагены местные жители добывают красную медь, которую называют «сакедазе». Картье двинулся дальше вверх по течению Ошелаги и 7 сентября достиг острова Орлеан, а еще через неделю достиг устья реки Сен-Шарль возле индейского селения Стадакона (сейчас на этом месте расположен город Квебек).

В Ошелаге индейцы приняли Картье за некое божество. «Властитель города, по имени Агуана, был разбит параличом. Решив, что Картье

всемогущ, он стал умолять его прикоснуться к его неподвижным ногам. Примеру властителя последовали все хромые, слепые и увечные. Они умоляли Картье прикоснуться к ним, так как были убеждены, что он – Бог, явившийся, чтобы их исцелить»^[8].

Затем Картье спустился вниз по течению до реки Сен-Шарль, где оставались его корабли. Здесь путешественники выстроили форт и остались зимовать.

6 мая 1536 г. Картье со спутниками спустились по реке Ошелаге в залив Святого Лаврентия, прошли мимо острова Кейп-Бретон к острову Ньюфаундленд, благополучно пересекли океан и 16 июля высадились в Сен-Мало.

Картье представил Франциску I подробный отчет о своем путешествии, и тот решил вступить во владение новой страной. Король назначил Картье главным штурманом и капитан-генералом третьей экспедиции, а знатному дворянину Жану Франсуа де ла Рок де Ро-бервалю король даровал титул «лорда Норумбеги, вице-короля и лейтенант-генерала (замечу, что звание лейтенант-генерал присваивалось второму лицу в армии после главнокомандующего) Канады, Ошелаги, Сагеней, Ньюфаундленда, Бель-Иля, Лабрадора, Большой бухты и Баккалаоса». Именно Робервалю, а не Картье Франциск I поручил основать в этих землях колонии под общим названием «Новая Франция».

23 мая 1541 г. из гавани Сен-Мало в новую французскую колонию вышли пять кораблей Картье, груженных провизией и припасами на два года. На борту кораблей находились солдаты, ремесленники и дворяне. Сам же вице-король Роберваль должен был прибыть позже с другой флотилией.

В океане корабли попали в бурю, в результате чего их разнесло в разные стороны, и только через три месяца они собрались в условленном месте у берегов Ньюфаундленда.

В конце августа Картье высадился в 15 км выше индейского селения Стадакона, где начал строительство города Квебека. Одновременно он продолжал исследование местности: поднялся до селения Ошелага и попытался преодолеть два первых порога.

Но надвигалась зима, а Роберваль так и не прибыл с новой партией переселенцев. Кое-как перезимовав, Картье решил вернуться во Францию: припасы заканчивались, а отношения с индейцами так обострились, что вот-вот могло начаться восстание.

На обратном пути в гавани Святого Креста на Ньюфаундленде Картье встретил наконец-то Роберваля с двумя сотнями колонистов на трех своих кораблях. Однако спутники Картье натерпелись лишений и были так

измучены, что о возвращении с ними в Квебек не могло быть и речи. Тогда Роберваль отправился туда один, а Картье в октябре 1542 г. прибыл в Сен-Мало и до самой своей смерти в 1557 г. не покидал родного города.

Роберваль основал колонию, а сам отправился пиратствовать в Атлантику. А в 1560 г. гугенота Роберваля в Париже убили католики.

Ну а колония в Квебеке, основанная Робервалем, влачила жалкое существование до 1608 г. Переселенцы прибывали туда редко, в основном когда в устье реки Святого Лаврентия заходило французское рыболовецкое судно.

А сейчас мы ненадолго оставим Канаду, чтобы сказать несколько слов о французской экспедиции во Флориду, организованной по указанию вождя гугенотов адмирала Колиньи. В 1562 г. корсары-гугеноты Жан Рибо и Рене де Лодонье отправились к берегам Флориды. Там на атлантическом побережье на севере полуострова они основали форт Каролина, где обосновалось около 200 переселенцев-гугенотов.

Испанский корсар Менедос де Авилес сумел захватить форт Каролина и перевешал пленных французов. Офицеры были преданы особенно мучительным казням. Так, с Жака Рибо содрали кожу, которую отправили как трофей в Испанию, в подарок королю Филиппу II, который всецело одобрил поведение Менедоса. Тот, казня и замучивая своих пленников, любил приговаривать: «Это им не за то, что они французы, а за то, что они протестанты».

Вскоре из Франции была отправлена новая экспедиция, доставившая небольшой отряд во Флориду, который штурмом взял испанское укрепление, а весь испанский гарнизон, взятый в плен, был перевешан. Поселение было сожжено дотла, но сразу же после этого французы ушли в море.

Воевать с Испанией за Флориду у французов не было сил. Не будем забывать, что все эти экспедиции происходили в годы ожесточенной религиозной войны во Франции. Тот же адмирал Колиньи был 24 августа 1572 г. убит в Париже в ходе резни протестантов, вошедшей в историю как Варфоломеевская ночь.

Лишь в 1595 г. страна объединяется под властью короля Генриха IV Бурбона. Веселый король длительное время был вождем протестантов, но потом изрек знаменитую фразу: «Париж стоит мессы» – и перешел в католичество, тем самым примирив обе стороны. При короле Генрихе Франция вновь становится великой державой.

А теперь мы вновь вернемся к берегам Канады. В 1603 г. Эймар де Шаст, получивший от короля монополию на торговлю мехами, снарядил в

Канаду экспедицию, поручив Самюэлю де Шамплёну продолжить дело Жака Картье и выбрать места, удобные для поселений.

Сначала Шамплён со спутниками обследовал берега залива Святого Лаврентия и, поднявшись вверх по реке, остановился в одном из индейских селений. Аборигены, которые, по словам Шамплёна, «не имели ни веры, ни закона и жили, как звери, без Бога и без религии», встретили французов дружелюбно. Шамплён оставил в селении свои корабли и поднялся на барке до водопада Сен-Луи, где уже побывал Жак Картье. Затем Шамплён вернулся во Францию и представил Генриху IV отчет о своем путешествии, после чего тот решил продолжить это предприятие.

Эймар де Шаст к тому времени уже умер, и его привилегии вместе с титулом вице-адмирала и губернатора Акадии (так называли Новую Шотландию) были переданы другому предпринимателю – де Мону, который и организовал новую экспедицию. На этот раз Шамплён прожил в Канаде три года, занимаясь как колонизаторской деятельностью, так и географическими исследованиями. Он досконально изучил берега атлантического побережья, обследовал остров Кейп-Бретон и залив Фанди, откуда дошел до залива Кейп-Код.

Шамплён также путешествовал и внутрь материка, где завязывал отношения с индейцами, пытаясь привлечь их на свою сторону. Вместе с восьмьюдесятью моряками он построил в юго-западной Акадии поселок, где и зазимовал. Однако пережить эту зиму смогла лишь половина колонистов, а остальные умерли от цинги.

В 1608 г. Шамплён восстановил поселение на том месте, где находится форт Квебек. В следующем году он ходил по реке Святого Лаврентия, где проводил географические исследования. Шамплён решил воспользоваться старой враждой между индейскими племенами и пообещал помочь алгонкинам и гуронам в их борьбе с ирокезами. За это алгонкины согласились проводить его по реке Святого Лаврентия до территории ирокезов.

Летом 1609 г. Шамплён поднялся с индейцами на пироге до озера Сент-Питер, а оттуда прошел по реке Ришелье к большому озеру, названному позже его именем. На берегах этого озера французы и дружественные им гуроны разбили в сражении ирокезов, после чего ирокезы стали всегда выступать против французов в союзе с англичанами.

В 1610 г. Шамплён вместе с алгонкинами и гуронами снова двинулся в страну ирокезов, на этот раз с артиллерией, благодаря чему наголову разбил противника. При нападении на одно ирокезское селение он пошел на хитрость, похожую на тактический прием ахейцев при взятии Трои.

Огромный деревянный рыцарь ночью был выставлен у самого селения. Наутро возле этого чудо-рыцаря собрались изумленные ирокезы. В этот момент спрятанные в рыцаре мушкетеры открыли огонь, чем нагнали страху на суеверных индейцев. После этого Шамплен и его союзники быстро захватили укрепленное селение.

В начале XVII века французские колонисты основывают в Канаде ряд городов, как, например, Порт-Ройал в Акадии (сейчас Аннаполис-Ройял в Новой Шотландии, Канада), Квебек (1609 г.) и Монреаль (1642 г.).

Французы налаживают торговые отношения с большинством индейских племен Восточной Канады – алгонкиноязычными абенаки, микмаки, монтанье, наскапи и др. Но основным союзником французов стало ирокезское племя гуронов.

В 1616 – 1649 гг. гуроны вместе с племенами оттава и ниписсингами построили настоящую торговую империю от Великих Озер до Гудзонова залива и реки Святого Лаврентия. У каждого из этих племен был свой маршрут и свой «бизнес-план». Так, гуроны выменивали меха на сельхозпродукты, а затем ехали в Монреаль и обменивали там пушнину на французские товары – ткани, бисер, краски, ножи, топоры, посуду. Затем они возвращались обратно и продали соседям излишки французских товаров за те же меха. Таким образом круг замыкался.

Жизнь в североамериканских лесах породила новую «породу» французов – «лесных бродяг» (курьер-де-буа). Это были свободные, ни от кого не зависящие дельцы. Многие из них жили бок о бок с индейцами и занимались пушным промыслом. Дети, рожденные в браках этих «лесных бродяг» с индейскими девушками (в основном из племени кри), образовали еще одну лесную расу – метисов.

В 1627 г. началась англо-французская война, которую историки обычно рассматривают как часть Тридцатилетней войны. Отечественному читателю она хорошо известна по роману Дюма «Три мушкетера», где четыре отважных мушкетера осаждали оплот гугенотов Ла-Рошель, на помощь которой Англия послала свой флот.

Куда менее известны эпизоды этой войны в Канаде. Британская эскадра вошла в устье реки Святого Лаврентия, поднялась вверх по течению, сожгла французское поселение Тадуссан и взяла Квебек, сдавшийся англичанам в 1629 г.

Однако в Европе англичане потерпели полное поражение, и кардинал Ришелье потребовал от английского короля Карла I вернуть все территории, захваченные в Канаде. В итоге, согласно условиям Сен-Жерменского мира 1632 года, англичане эвакуировали захваченные территории. Зато они

начали настраивать против французов и их союзников гуронов воинственные племена ирокезов. Снабженные в достаточном количестве ружьями, ирокезы в середине 40-х гг. XVII века двинулисьдесятью отрядами в глубь территории гуронов. Они выжигали их деревни, убивали мужчин, а женщин и детей угоняли в рабство. В 1631 г. остатки племени гуронов укрылись во французских владениях в бассейне реки Святого Лаврентия. Но ирокезы и здесь не оставили их в покое. Они по науськиванию англичан нападали на французские укрепленные блокгаузы, что делало жизнь канадских колонистов небезопасной. Так, в 1658 г. Квебек был осажден и чуть не взят ирокезами. Ирокезы убивали каждого француза, попавшего в их руки.

Кардинал Ришелье еще в 1627 г., после краха предшествующей торговой компании, создал особую Компанию Новой Франции с капиталом в 300 тысяч ливров.

В 1663 г. король Людовик XIV уничтожил привилегию Компании Новой Франции, и теперь эта провинция стала управляться непосредственно королевским губернатором и его чиновниками. Хотя ирокезы и были отброшены от бассейна реки Святого Лаврентия, но недалеко, поэтому они постоянно показывались на горизонте, как вечная угроза.

Однако со второй половины XVII века в Канаде начал активно применяться тот способ быстрого уничтожения индейцев, который уже давно практиковался голландцами и англичане в своих колониях. Водка стала основным товаром, на который выменивались меха и «покупались» земли. До этого индейцы не знали крепких спиртных напитков, так что европейцы легко их спаивали. Повальное пьянство быстро распространялось среди северных индейских племен. Пили все – мужчины, женщины, дети, старики. В пьяном бреду совершались многочисленные убийства и поджоги, пьянство приводило к ранней смертности и страшнейшим душевным болезням. Индейцы говорили: «Огненный напиток – это наша огненная смерть», но тем не менее были не в силах бороться с этим ядом.

Людовик XIV направил гарнизоны в Квебек, Монреаль и даже в маленькие поселки. Эти гарнизоны обезопасили жизнь французских колонистов в Канаде. Численность ирокезов медленно, но неуклонно сокращалась от постоянного пьянства, что также стало для французов благоприятным условием для утверждения своего прочного владычества в стране.

При Людовике XIV, в годы управления Кольбера финансами Франции,

началось «благоустройство» этой колонии. Она была разделена на пять больших административных единиц, подчиненных единому генерал-губернатору, который назначал уже от себя в эти пять частей главных администраторов.

Верховным собственником всей территории являлся французский король. Он лично по своему усмотрению раздавал концессии на большие земельные участки. Концессионер уплачивал в казну за свою концессию определенную сумму и обязывался ежегодно выплачивать определенную подать, которую собирал со своих фермеров. Фермеры же платили концессионеру за пользование его землей натуральным продуктом или вносили особую сумму золотом и серебром для уплаты подати королю. Помимо того концессионер имел целый ряд феодальных прав, таких же как и дворяне-землевладельцы во Франции. Так, например, он мог потребовать от своих фермеров, чтобы они мололи хлеб на его мельнице, а за право молоть на своей собственной или вообще на другой мельнице они обязаны были платить концессионеру отдельную сумму. Фермеры-колонисты, как и в старой Франции, были обязаны на несколько дней в году выезжать в указанное концессионером место, где бесплатно чинить и приводить в порядок проезжие дороги. При совершении каких-либо коммерческих сделок фермеры должны были уплачивать концессионеру определенную пошлину.

Количество колонистов из Франции в Канаде увеличивалось крайне медленно. К тому же отношения с ирокезами вновь крайне обострились. Снова начались бесконечные стычки. В 1686 г. полковник Денонвиль устроил карательную экспедицию в ирокезские деревни в районе Великих озер, сжег их дотла, перебив всех не успевших убежать индейцев, включая младенцев и стариков.

Захваченных в плен мужчин-ирокезов французы отправляли на пожизненную каторгу на галеры, где их приковывали короткой цепью к банке и те должны были грести тяжелыми веслами. С галер эти ирокезы уже никогда не возвращались.

Действия Денонвиля пробудили в ирокезах жажду мести, и они начали тотальную войну против французов, со всех сторон подошли к Монреалю и блокировали его. Денонвиль вынужден был пойти на переговоры, в результате которых уступить ирокезам часть захваченной у них территории.

Непрочность положения французских колонистов в Канаде имела две причины. Во-первых, из-за огромной помощи оружием и товарами, оказываемой ирокезам англичанами. А во-вторых, французское правительство, занятое политическими играми в Европе, очень вяло и

неохотно поддерживало свою северную колонию.

Идея искать более южные, плодородные, а главное, удаленные от англичан и ирокезов места поселения породила экспедицию, результатом которой стало открытие реки Миссисипи и некоторых ее прибрежных районов.

О том, что где-то к югу от Великих озер есть полноводная «рыбная река» (гуроны называли ее Намесисипу), французы слышали от своих союзников – гуронов как раз тогда, когда гуроны переселялись подальше от ирокезов. И уже в 1672 – 1673 гг. французские миссионеры открыли верховья Миссисипи. А в 1686 г. они основали на Миссисипи форт Арканзас.

Губернатор одной из канадских провинций Роберт де Ласалль в 1679 г. организовал и возглавил экспедицию, с которой прошел из озера Мичиган рекой Иллинойс почти до того места, где Иллинойс впадает в Миссисипи. Однако англичане вновь спровоцировали нападение на французов ирокезов, и только через два года французы продолжили свой путь и в начале февраля 1682 г. вошли в Миссисипи. Спускаясь вниз по огромной реке, они через три месяца, 9 апреля, достигли ее устья, а оттуда вышли в Мексиканский залив.

Открытие Миссисипи вызвало во Франции большой интерес, но прибывший в Париж Ласалль не получил практически никакой помощи. Тем не менее Людовик XIV соблаговолил согласиться, чтобы новая страна (весь бассейн колоссальной реки Миссисипи) была названа в его честь – страной Людовика, то есть Луизианой.

В 1666 г. французы основали форт Маурепа в устье реки Миссисипи на побережье Мексиканского залива.

Несколько слов стоит сказать о развитии экономики Канады. Так, число французских колонистов в Канаде за 36 лет, с 1627 по 1663 г., возросло со 100 до 3 тысяч человек.

В 1645 – 1659 гг. торговая монополия находилась в руках «Компании поселенцев», представляющей интересы в основном уже местных зажиточных колонистов.

Индейцы по-прежнему оставались основными поставщиками пушнины. Гигантская прибыль, получаемая от торговли с индейцами, представлявшей собой в лучшем случае неэквивалентный обмен, а то и просто ограбление путем спаивания, и составляла суть процесса первоначального накопления капитала в этой части Северной Америки.

Индейцы в погоне за пушниной постепенно, но неуклонно отходили от свойственного им оседлого образа жизни, занятия земледелием и

собираательством, охотой и рыболовством. Колонисты упорно навязывали индейцам несвойственную им форму экономической жизни – охоту только на пушного зверя. И, как следствие, нарушился образ жизни индейских племен, основанный на первобытно-общинных отношениях.

На землях к югу от Великих озер, населенных ирокезами, почти полностью исчезли бобры и другие пушные звери из-за хищнического их истребления. Ирокезы, вынужденные искать новые земли, богатые пушным зверем, двинулись на северо-запад, где жили племена гуронов.

Однако французские колониальные власти не желали допустить утечки ценных мехов к купцам Новой Голландии, поэтому всячески мешали гуронам и ирокезам договориться между собой о распределении охотничьих угодий. Особенно рьяно проявили себя иезуиты. Следствием этого стали несколько опустошительных военных набегов, совершенных ирокезами с конца 30-х до середины 60-х гг. XVII века в глубь территории, населенной гуронами. В результате вся местность, именуемая тогда Гуронией, была почти полностью разорена, большинство проживавших там индейцев уничтожены, а заодно и стерты с лица земли все католические миссии, основанные там иезуитами.

Из-за постоянной угрозы нападения ирокезов, а также неумения и нежелания торговых компаний наладить экономическую жизнь колонии Новая Франция испытывала упадок и поэтому в 1663 г. была присоединена непосредственно к королевскому домену. Управление колонией было реорганизовано. Так, помимо губернатора, официального наместника короля и главы вооруженных сил колонии была введена должность интенданта. Последний руководил экономикой колонии и занимался всеми вопросами, связанными с ее внутренней жизнью. Также был введен пост епископа, который ведал всеми религиозными делами колонии. Это отражало стремление властей метрополии укрепить в Канаде положение галиканской католической церкви, поддерживающей абсолютистский режим, и таким образом пресечь любые ультрамонтанские и теократические тенденции, выражаемые в колонии прежде всего иезуитами.

Для второй половины XVII века характерно военно-политическое, экономическое и культурное доминирование Франции в Европе, что отразилось и на методах французской колониальной политики и на самом развитии колонии Канады в этот период. Так, социально-экономический и политический строй в Новой Франции имел тенденцию к укреплению.

Правительство метрополии хотело сделать колониальную экономику более рентабельной и усилить контроль над развитием Канады путем

перенесения в нее основных институтов королевства Франция. Важным шагом колониальной политики генерального контролера финансов Жана-Батиста Кольбера в Канаде стало создание компактной густонаселенной колонии, способной не только поставлять сырье для промышленности метрополии, но и обеспечивать потребности местного населения в основных жизненно необходимых товарах. Он предполагал добиться этого не только за счет притока переселенцев из Франции, но и путем ассимиляции индейцев и превращения их в прямых подданных французского государства.

Однако эти планы осуществить не удалось. Искусственно привнесенные на американскую почву средневековые феодальные порядки оказались несовместимыми с реальной ситуацией в Канаде. Решающую роль в Новом Свете играла пушная торговля в экономике, в политике – взаимоотношения с коренным населением, во внутренней политике – принципиально иные иерархические отношения среди европейских поселенцев, отсутствие четких и охраняемых границ колонии, мобильность населения и слабость административного контроля.

Так, во Франции феодальное владение землей было гарантом социального порядка, а эксплуатация многомиллионного крестьянства являлось главным источником существования для дворянства, духовенства и королевского двора. Основу же социально-экономического и политического строя Новой Франции определяла торговля мехами. Этим постоянно занималась треть мужского трудоспособного населения колонии. До конца XVII века более 30% канадцев проживали в городах, таких как Квебек, Монреаль, Труа-Ривьер, а многие колонисты селились вокруг этих городов. Так что более половины жителей Канады зависели от хозяйственной деятельности городского характера.

Сельское же хозяйство в Канаде играло второстепенную роль. Экономика меховой торговли прямо противостояла развитию феодальных земельных отношений. В отличие от Франции, внедряемая в Канаде сеньориальная система не имела необходимой для ее развития социальной базы. Так, многие сеньории числились только на бумаге. Крупные и мелкие землевладельцы часто продавали или меняли свои земли, так и не используя их по прямому назначению. Поэтому земельная собственность в Канаде носила скорее буржуазный, чем феодальный характер, становясь элементом купли-продажи, а не феодального наследственного держания.

Правящий класс Канады состоял из представителей различных сословий: дворянства, духовенства и торговой буржуазии. За исключением губернатора и нескольких высших военных офицеров, дворянство было

представлено в Новой Франции в основном «людьми мантии», чиновниками, так называемыми ротюрье, то есть выходцами из буржуазного сословия, которые за службу на руководящих постах в административно-судебной государственной системе получали дворянское звание и так же, как потомственное дворянство, были освобождены от налогов. В 1672 г. губернатором колонии Новая Франция Людовик XIV назначил графа Луи де Фронтенака. Он отличился в ряде сражений как в Европе, так и на Крите при обороне Кандии. Злые языки не без оснований утверждали, что в Новый Свет Фронтенак бежал от многочисленных кредиторов.

В конце 1688 г., во время так называемой Славной революции в Англии, король-католик Яков II был свергнут, а его место занял голландский король-протестант Вильгельм III Оранский. Французский король Людовик XIV не признал нового короля и предоставил убежище во Франции бежавшему из Англии Якову II.

В 1689 г. Англия и Нидерланды присоединились к антифранцузской Аугсбургской лиге – оборонительному союзу между императором Священной Римской империи, королем Испании, королем Швеции, курфюрстом Баварии против Франции.

Война 1688 – 1697 гг. вошла в историю под несколькими названиями: Война за пфальцкое наследство, Орлеанская война, война короля Вильгельма и т. д.

К началу войны в Новом Свете и так происходили вооруженные столкновения между французами и англичанами. В 1688 г. губернатор доминиона Новая Англия Эдмунд Андрос устроил рейд против французских поселений в устье реки Пенобскот. В августе 1689 г. Жан-Винсен д'Аббади де Сан-Кастин, чей дом был разграблен в ходе этого рейда, повел отряд индейцев племени абенаки в набег на Пемаквид (современный Бристоль в штате Мэн). В свою очередь английский офицер Бенджамин Чёрч организовал набег на территорию, которая в настоящее время входит в штат Мэн.

В августе 1689 г., еще до того, как до Новой Франции дошла весть о начале войны в Европе, полторы тысячи ирокезов по наущению англичан атаковали поселение Лашин (ныне пригород Монреаля). В ответ граф де Фронтенак атаковал ирокезскую деревню Онондага. Затем французы и их союзники – индейцы атаковали английские пограничные поселения и в 1690 г. устроили бойню в Шенктади.

Англичане сумели захватить столицу Акадии Порт-Ройал и двинулись на штурм столицы Новой Франции, но потерпели поражение в битве при

Квебеке. Вскоре французы отбили Порт-Ройал.

Граф Фронтенак разгромил отряд британских войск у Скенектади близ Нью-Йорка, но так и не сумел взять город Бостон.

В войне короля Вильгельма больше всех пострадали племена ирокезов, подкупленные англичанами. В 1693 – 1696 гг. французы устроили несколько карательных операций, уничтожив десятки поселений ирокезов.

29 сентября 1697 г. Англия и Франция в городе Рисвике (ныне пригород Гааги) заключили мир. В результате в Новом Свете французам удалось сохранить статус кво.

Увы, этот мир оказался лишь четырехлетним перемирием.

В 1701 г. умер, не оставив прямых наследников, последний испанский король из Австрийской линии. Престол он завещал внуку Людовика XIV, герцогу Анжуйскому. Испанская корона с ее обширными владениями в различных частях Европы (Нидерланды, Неаполь, Южная Италия, Милан, Сицилия, Сардиния, Балеарские острова) переходила в дом Бурбонов.

Против этого выступили Англия, Голландия и Австрия. Первые две требовали себе Нидерланды, чтобы сделать из них буфер между Францией и Голландией, а последняя – испанские владения в Италии. Кроме того, Англия и Голландия опасались за свои торговые привилегии в испанских колониях, которыми они заручились в предыдущей войне, и не хотели допускать туда французскую торговлю. Людовик XIV решил защищать права своего внука на все испанские владения.

В мае 1702 г. союзники объявили войну Франции и Испании. Сначала союзники не возражали против восшествия на испанский престол герцога Анжуйского, обставляя это лишь рядом условий. Но уже после начала войны (1703 г.) союзники выставили кандидатом на испанский престол Карла Австрийского, причем к союзу была привлечена Португалия, опираясь на которую Карл должен был с помощью англо-голландского флота завладеть Испанией.

Как и в предшествующих войнах, главные события происходили в Европе и на морях, ее омывающих.

В Новом Свете война началась с нападения испанцев на город Чарльстон в британской провинции Каролина. В ответ в 1702 г. 500 английских солдат и ополченцев вместе с 300 индейцами захватили и сожгли испанский город Сан-Агустин (бывший французский город Форт Каролина).

Однако захватить мощную испанскую цитадель Святая Мария, построенную в 1672 г., англичанам не удалось.

В 1704 г. англичане в союзе с индейским племенем крики вторглись в

Западную Флориду, где жили союзники испанцев индейцы-апалачи, и разгромили там католические миссии. Апалачи были перебиты или обращены в рабство. Несмотря на это, испанцы сохранили контроль над Флоридой.

В 1706 г. во Флориде был высажен франко-испанский десант, сформированный в Гаване. Союзники попытались захватить Чарльстон, но потерпели неудачу.

В Канаде же шла война между ополчениями французских и английских колонистов, которые деньгами и оружием привлекали на свою сторону туземные племена. Так, в 1703 г. небольшой французский отряд под командованием Лебёра де Бёбассика с 500 индейцами устроили несколько рейдов на британские поселения от Веллса в округе Мэн до Фалмута и Хэверхилла. Свыше 160 англичан было убито или взято в плен. Надо ли говорить, что в Европе, где в битвах воюющие стороны теряли тысячи или десятки тысяч солдат, о стычках такого масштаба не упоминается даже в самых подробных описаниях войны.

В феврале 1704 г., во время так называемой Дерфелдской резни, 250 индейцев из племен абенаки и мохоки вместе с 50 французскими колонистами разгромили английское поселение Дерфелд, перебив часть колонистов, а остальных захватив в плен. Большинство детей индейцы-мохоки забрали в свои семьи, а выживших взрослых франкоканадцы позже обменяли на французских пленных. Подобные рейды индейцев, часто вместе с французскими солдатами, продолжались до самого конца войны.

В ответ на это английские колонисты под командованием Бенджамина Чёрча успешно нападали на французские поселения в Акадии.

В январе 1709 г. французские колонисты с помощью индейцев племени микмаков уничтожили британский форт Сент-Джон.

Ситуация в Канаде принципиально изменилась в 1710 г. с прибытием из метрополии мощной британской эскадры. В сентябре 1710 г. британские регулярные войска, высадившиеся с кораблей совместно с колонистами (общей численностью 36 тысяч человек), после недельной осады овладели Порт-Ройалем. Таким образом, французы потеряли контроль над материковой частью Акадии.

В апреле 1711 г. к берегам Нового Света отправилась эскадра контр-адмирала Говендера Уопера. В ее составе находилось 11 кораблей^[9] и 31 транспортное судно с 5,3-тысячным десантом.

По ряду причин британская эскадра достигла эстуария реки Святого Лаврентия только 18 августа 1711 г. Там «просвещенные мореплаватели» налетели на камни. Погибло 8 транспортов. Из находившихся на них 1383

человек спастись удалось только 499. В итоге попытка англичан захватить Квебек провалилась.

В 1712 г. Англия и Франция заключили перемирие, а 11 апреля 1713 г. в Утрехте был подписан мирный договор. По условиям Утрехтского мира 1713 г. Англия получила Акадию (которую англичане переименовали в Новую Шотландию), остров Ньюфаундленд, район Гудзонова залива и остров Сент-Китс в Карибском море. Французы же признали английский суверенитет над ирокезами и разрешили торговлю с материковыми индейцами для всех наций.

Очередная англо-французская война началась в 1744 г. Американские историки называют ее «войной короля Георга», а соответственно, Войну за испанское наследство – «войной королевы Анны». Замечу, что король Людовик XV не был заинтересован в этой войне и Франция была втянута в конфликт с Англией из-за своего союза с Испанией.

В 1745 г. английская эскадра с десантом прибыла в Новый Свет. Англичанам удалось захватить стратегически важную французскую крепость Луисбург на острове Кейп-Бретон. В свою очередь французы со своими союзниками – индейцами 28 ноября 1745 г. взяли нью-йоркскую деревню Саратога, уничтожив и захватив в плен свыше сотни ее обитателей. После этого все жители оставили все английские поселения к северу от Олбани.

В июле 1746 г. ирокезы и английские ополченцы собрались к северу от Нью-Йорка для похода в Канаду, ожидая лишь помощи из Европы. Но десант из Англии так и не прибыл, поэтому рейд был отменен.

Замечу, что и французы не дождались подкреплений из метрополии. 22 июня 1746 г. из порта Брест вышла эскадра герцога д'Авиля. В ее составе было 10 кораблей, полсотни фрегатов и транспортов, на борту которых находилось 3500 десантников. Только через три месяца эскадра добралась до Америки. Выдержав целый ряд штормов, во время которых было потеряно несколько транспортов, и потеряв от болезней больше 2 тысяч человек, эскадра, не приняв участия в военных действиях, вернулась в ноябре во Францию.

Война стала настоящей катастрофой для североамериканских колоний. Так, только Массачусетс в 1745 – 1746 гг. потерял около 8% своего взрослого мужского населения. По условиям Второго Аахенского мирного договора крепость Луисбург была возвращена Франции в обмен на город Мадрас, который французы захватили в Индии у англичан. В остальном границы в Новом Свете остались без изменений.

Как видим, англичане всеми силами пытались выгнать французов из

Канады. Однако удалось им это сделать лишь в ходе Семилетней войны (1756 – 1763). Французы со своей стороны пытались соединить Канаду и Луизиану посредством занятия еще незаселенной европейцами долины реки Огайо. В этом случае английские колонии, расположенные между берегом Атлантического океана и Аллеганскими горами, оказались бы отрезанными от берегов Тихого океана.

Понятно, что судьбу колоний в Новом Свете должна была решить борьба на море.

Еще до начала войны Людовик XV распорядился отправить в Канаду подкрепления. В мае 1755 г. транспорты с войсками и с новым губернатором де Водрейлем под конвоем эскадры под началом адмирала Дюбуа де ла Мотта отправились в Новый Свет. Хотя войны не было, англичане протестовали против этой посылки и отправили вдогонку эскадру под командованием адмирала Боскауена с целью не допускать прибытия французов в Канаду. Но французские корабли успели благополучно дойти до берегов Америки. Англичанам 8 июня удалось захватить лишь два корабля, отделившиеся от экспедиции.

С началом войны дела французов шли хорошо как в Европе, так и в Новом Свете, куда им удалось перебросить значительные подкрепления, но ряд политических просчетов Людовика XV втянул Францию в войну против Фридриха Великого, затеянную Австрией. Это отвлекло внимание и материальные средства Франции от колоний и от флота, без помощи которого не могли быть успешными операции в колониях, а Англия воспользовалась благоприятным моментом и, деятельно поддерживая щедрыми субсидиями Фридриха, нанесла целый ряд ударов французским колониям.

В 1757 г. французы еще имели у берегов Северной Америки эскадру из 16 кораблей под командованием адмирала Дюбуа де ла Мотта, и попытка английского адмирала Хольборна, имевшего 15 кораблей, взять Луисбург потерпела неудачу. Но начавшиеся на французской эскадре болезни заставили ее вернуться во Францию, оставив в Луисбурге всего 5 кораблей.

Попытка французов послать в начале 1758 г. подкрепление из 8 кораблей из Тулона в Северную Америку не удалась. Английская эскадра из 18 кораблей под началом вице-адмирала Осборна, находившаяся в Гибралтаре, загнала французов в Картахену, откуда им с большим трудом удалось уйти в Тулон, потеряв при этом два корабля.

Между тем в Канаду англичане отправили 12 тысяч войск, и адмирал Хольборн был заменен энергичным адмиралом Боскауеном, причем численность эскадры была доведена до 23 кораблей. В июне 1758 г.

Луисбург был осажден с суши и с моря и 17 июля капитулировал. Вход в реку Святого Лаврентия был открыт.

В 1759 г. британский генерал Вольф захватил город Квебек, а 8 сентября 1760 г. окруженные англичанами французские войска сдались в Монреале. Война в Канаде была окончательно проиграна Францией.

10 февраля 1763 г. в Париже был подписан договор, по которому Франция уступала Англии всю Канаду и левый берег Миссисипи.

К моменту захвата Англией Канады там проживало 75 – 80 тысяч жителей, считавших себя французами. Британский король Георг III выпустил прокламацию, суть которой сводилась к намерению сделать французских канадцев англичанами. Вводилась обычная английская колониальная система управления. То есть во главе стоял губернатор, назначенный королем. Имелись совет и выборное законодательное собрание. На Квебек распространялось действие английских законов. Судопроизводство и вся административная деятельность осуществлялись на английском языке. Формально местное население имело свободу вероисповедания, однако католики лишались политических прав и не могли занимать общественные должности. Поселенцам было запрещено заселять земли к западу от Аллеганских гор.

Однако, натолкнувшись на сопротивление французов, британский губернатор, а позже и правительство отказались от насильственной ассимиляции франкоязычных канадцев.

В 1774 г. британский парламент принял так называемый Квебекский акт, по которому восстанавливалось французское гражданское право и подтверждалось действие сеньориальной системы землевладения. Католическая церковь получала право на сбор церковной десятины, а католикам (при условии принесения ими присяги, сформулированной в весьма умеренных выражениях) разрешалось занимать общественные должности. Акт определил новые границы провинции Квебек, включив в нее значительную часть бассейна Огайо. Это разумное решение парламента привело к тому, что франкоязычные канадцы в целом отказались поддерживать американских сепаратистов.

«В 1774 г. первый Континентальный конгресс, собравшийся в Филадельфии, обратился к франкоканадцам с призывом присоединиться к союзу американских колонистов. Большинство канадцев отнеслось к этому обращению враждебно. Франкоязычные канадцы боялись, что их провинция окажется поглощенной быстро расширяющимися английскими колониями протестантского юга, а англоговорящие квебекские торговцы не хотели лишаться преимуществ, которые им давали прямые связи с

метрополией. Не поддержала Американскую революцию и Новая Шотландия, экономические интересы которой были в большей степени связаны с империей, чем с континентальной частью колоний. Торговцам и предпринимателям Галифакса, составлявшим большинство в законодательном собрании и в совете провинции, были выгодны британские Навигационные акты и субсидии, выделявшиеся для нужд военного флота. Несколько тысяч колонистов из Новой Англии, проживавших в портовых поселениях, до некоторой степени сочувствовали революции, однако они не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы британскому владычеству на этой территории»^[10].

Глава 4.

Луизиана

С 1763 по 1801 г. Луизианой правили испанцы. По завоевании Канады Англией в Луизиану переселились тысячи франкоязычных канадцев. Испанский губернатор разрешил Северо-Американским Штатам свободное плавание по реке Миссисипи, а также беспошлинное пользование портом Нового Орлеана. Однако в 1801 г. испанский губернатор решил было закрыть порт, но президент Джордж Вашингтон пригрозил захватить Новый Орлеан штурмом. Испания была вынуждена уступить и открыла порт, от которого зависело благополучие фермеров Огайской долины.

30 сентября 1801 г. республика Франция и королевство Испания подписали секретное соглашение, по которому Испания возвращала Франции Луизиану, а Тоскана, именуемая теперь королевством Этрوريا, передавалась инфанту Пармскому.

Несмотря на строгую секретность, в которой велись переговоры о Луизиане, слухи о них весной 1801 г. все же достигли Северо-Американских Штатов. А осенью того же года американский посланник в Лондоне Руфус Кинг подтвердил эти слухи, прислав в США копию франко-испанского соглашения об уступке Луизианы. Наполеон намеревался распространить французское господство на Североамериканском континенте, чем вызвал беспокойство правительства США. Было ясно, что, пока Луизиана принадлежит Испании, она не представляет непосредственной опасности для США. Совсем иная ситуация сложится, если Луизиана перейдет к Англии или Франции. 15 декабря 1802 г., обращаясь со вторым ежегодным посланием к конгрессу, американский президент Томас Джефферсон заявил: «Уступка Испанией своей провинции Луизианы Франции, которая имела место в ходе последней войны... приведет к изменению характера наших международных отношений».

К началу 1803 г. Англия и Франция находились на грани войны. Первый консул республики прекрасно понимал, что из-за превосходства англичан на море Франция не сможет защитить Луизиану. Оставался единственный выход – продать ее.

10 апреля 1803 г. Наполеон объявил о своем намерении продать Луизиану Соединенным Штатам. Уполномочив министра казначейства Франсуа Барбе-Марбуа вести переговоры с американскими представителями, первый консул заявил: «Я отказываюсь от Луизианы. Я

уступаю не только Новый Орлеан, но и всю колонию». 11 апреля Талейран уведомил Ливингстона о решении Наполеона.

Поначалу Наполеон запросил 22,5 млн. долларов. Посол США во Франции Джеймс Монро предложил 8 млн. После упорного торга сошлись на 15 млн. долларов.

Историки считают, что это была самая большая и самая выгодная сделка по покупке недвижимости в истории. 2 млн. 400 тысяч кв. км земли было куплено всего за 15 млн. долларов, то есть по 3 цента за акр. На этой территории со временем разместилось 15 штатов: Монтана, Северная и Южная Дакота, Миннесота, Вайоминг, Небраска, Айова, Колорадо, Канзас и Арканзас, Миссури, Оклахома, Нью-Мексико, Техас и нынешняя Луизиана.

Самое забавное, что покупка Луизианы грубо нарушила конституции обоих участников сделки – Соединенных Штатов и республики Франция, но на это никто не обратил внимания.

Началась тотальная американизация Луизианы. Согласно переписи 2000 г., 92% ее жителей считают родным английский язык, 5% – французский, 3% – испанский.

Глава 5.

Египетский поход Наполеона

Как мы уже знаем, Египет еще во времена крестовых походов был приоритетной целью французских королей, феодалов и купцов. Как заметил Альберт Манфред: «С того времени, как Лейбниц подал Людовику XIV совет овладеть Египтом, идея эта на протяжении всего восемнадцатого столетия не переставала занимать государственных деятелей и некоторых мыслителей Франции»^[11].

В XVI – XVIII веках купцы и судовладельцы Марселя, Тулона и других средиземноморских портов Франции имели обширные связи с Египтом и другими странами Леванта. Шарль-Ру считал, что в среднем в XVIII веке объем ежегодной торговли между Францией и Египтом приближался к 5,5 млн. пиастров^[12].

Министр иностранных дел Французской республики Талейран в докладе Институту 3 июля 1797 г. «Мемуары о преимуществах новых колоний в современных условиях» прямо указывал на Египет как на возможное возмещение понесенных Францией потерь.

Формально Египет был частью Османской империи. Однако в середине XVII века мамелюкские беи добились значительной степени автономности от Константинополя. Султану ничего не оставалось делать, как автоматически утверждать назначение очередного бея.

Надо ли говорить, что на Египет имели свои виды и «просвещенные мореплаватели». Наполеон в своих мемуарах писал: «В 1775 г. мамелюки заключили договор с английской Индийской (Ост-Индийской. – А.Ш.) компанией. С этого момента французские торговые дома подвергались оскорблениям и всяческим унижениям. По жалобе Версальского двора Порты в 1786 г. направила против беев капудан-пашу Хасана; но со времени революции французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям. Порта заявила, что она тут ничего не может поделать, а мамелюки – "люди жадные, безбожные и мятежные", и дала понять, что отнесется к экспедиции против Египта терпимо – так же, как отнеслась она к экспедиции против Алжира, Туниса и Триполи»^[13].

Мармон писал, что со времени Итальянской кампании поход в Египет был любимым детищем Бонапарта. «Европа – это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на

Востоке, где живут шестьсот миллионов людей»^[14].

Итак, совпали интересы торговой буржуазии и грандиозные планы генерала Бонапарта. Ну а Директория была довольна любому исходу кампании: оккупация Египта – хорошо, а гибель или пленение честолюбивого генерала – просто великолепно. В портах Тулона, Марселя, Корсики, Генуи и Чивата-Веккии было собрано 13 кораблей (линейных), 9 фрегатов, 11 корветов и авизо, а также 232 транспортных судна. На них разместился десант – 32 300 человек и 680 лошадей. Зато транспорты везли упряжь на 6 тысяч лошадей в расчете на будущие трофеи.

Бонапарт планировал обосноваться в Египте всерьез и надолго. Поэтому он не забыл даже... большую комиссию из ученых и инженеров. Комиссия состояла из академиков Монжа и Бертолле, Доломье, Денона; главных инженеров путей сообщения Ленэра, Жирара; математиков Фурье, Костаза, Корансеза; астрономов Нуэ, Бошана и Мэшена; натуралистов Жоффруа, Савиньи; химиков Декостильса, Шальпи и Делиля; рисовальщиков Дюгертра, Редутэ; музыканта Вийото; поэта Парсеваля; архитекторов Лепэра, Протэна. В ее состав входил также Контэ – начальник группы воздухоплавателей. К этой комиссии было прикреплено около двадцати студентов Политехнического и Горного училищ^[15].

Между 15 и 20 мая 1798 г. французская армада вышла из пяти портов. Цель экспедиции держалась в строжайшей тайне. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта – от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались и решили, что злодей «Бонапартый» не иначе как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

Для начала Бонапарт решил захватить остров Мальта, контролировавший проход из западной в восточную часть Средиземного моря. С 1525 г. остров принадлежал ордену Святого Иоанна Иерусалимского (в просторечье Мальтийскому ордену). Орден, формально сохраняя нейтралитет, не признавал Французской республики. Причина весьма серьезная – якобинцы национализировали многочисленные земельные владения ордена во Франции.

Замечу, что рыцарей ордена революционеры не только не отправили на гильотину, но и назначили им большие пенсии. Тем не менее магистр ордена Фердинанд фон Гампеш отказался устанавливать с Республикой дипломатические отношения. Французские торговые суда могли заходить

на Мальту, лишь спустив триколор. Зато Мальта постоянно служила базой британского флота. Со складов великого магистра корсиканским сепаратистам было отправлено 20 тысяч фунтов пороха. Наконец, орден отдался под покровительство Павла I. Православный царь стал главой католическо-масонского ордена... Каких только анекдотов не было в нашей многострадальной России!

В принципе, любого из перечисленных факторов с точки зрения тогдашнего права было достаточно для объявления войны Мальте.

Остров представлял собой неприступную крепость, однако рыцарство уже давным-давно разложилось. Орден жил за счет ренты, собиравшейся с его владений в Западной и Центральной Европе. Так, в 1789 г. он получил в виде ренты от 18 до 20 млн. франков. Кроме того, рыцари баловались пиратством – доход от награбленного плюс выкуп за пленников.

На захват Мальты Бонапарту потребовались 48 часов. Потери французов составили 3 человека. 12 июня в 2 часа утра на борту флагманского корабля «Орион» была подписана капитуляция ордена. Мальта стала частью Французской республики. Рыцари получили гарантию неприкосновенности своего имущества на острове.

Французский генерал Каффарелли, на следующий день осматривая укрепления Мальты, в шутку заметил: «Хорошо, что в них были люди, чтобы открыть нам ворота».

Трофеями французов стали огромные запасы оружия и продовольствия. Наполеон писал: «На рейде стоял 64-пушечный линейный корабль ордена и еще один находился на стапелях. Чтобы увеличить количество легких судов флота, адмирал забрал две полугалеры и две шебеки. Он взял на эти суда матросов, служивших ордену. Триста турок, находившихся в качестве невольников на каторге, приодели и распределили по линейным кораблям. За армией последовал легион, составленный из батальонов, названных мальтийскими. Он был сформирован из солдат, служивших ордену. На службу (во французскую армию. – А.Ш.) поступили также гренадеры гвардии великого магистра и несколько рыцарей. Некоторые жители, говорившие по-арабски, пожелали быть прикомандированными к генералам и различным учреждениям.

Три роты ветеранов, составленные из старых солдат ордена, были отправлены на Корфу и на Корсику. В крепости имелось 1200 пушек, 40 000 ружей, 1 миллион фунтов пороха. Начальник артиллерии велел погрузить на суда все, что счел нужным для пополнения и укомплектования материальной части. Эскадра запаслась водой и продовольствием. Склады ржи были очень велики, их содержимого хватило бы городу на три года.

Фрегат "Сансибль" отвез во Францию трофеи и несколько редкостей, которые главнокомандующий отправил правительству...

К 18 июня на Мальте не оставалось больше ни одного рыцаря. Великий магистр 17-го отплыл в Триест. Найденная в казначеистве серебряная посуда стоимостью в миллион была по прибытии в Каир перечеканена в монету»^[16].

Наполеон из скромности не упомянул о неизвестно куда девшихся сокровищах ордена.

30 июня 1798 г. французский флот подошел к Александрии. Ну а чем был занят знаменитый адмирал Нельсон? Во время подготовки к походу французской армады эскадра Нельсона стояла у Гибралтарского пролива – а вдруг злодей пойдет к Туманному Альбиону? Когда же Горацио узнал о взятии Мальты, он бросился на поиски французов и опередил их. Когда эскадра Нельсона пришла в Александрию, там ни о Бонапарте, ни о французах вообще никто ничего не слышал. Нельсон решил, что французский флот направился в Александретту или Константинополь, и также устремился туда.

2 июля французский десант во главе с Бонапартом двинулся на штурм Александрии. После того как французы овладели несколькими укреплениями, гарнизон города капитулировал. Десантники потеряли убитыми и ранеными около 300 человек, а египтяне 700 – 800 человек. Правившие Египтом мамелюки не пользовались особой любовью горожан, поэтому сразу после сдачи Александрии шейх Аль-Шесри, местные улемы и шерфи принесли присягу на верность Бонапарту.

По распоряжению Бонапарта генерал Бертье приказал расклеить по всей Александрии, а также раздать жителям большое количество прокламаций на французском, арабском и турецком языках, содержание которых в основном сводилось к следующему: «Кадии, шейхи, улемы, имамы, чарбоджии^[17], народ Египта! Довольно беи оскорбляли Францию; час возмездия наступил. Бог, от которого зависит все, сказал: царству мамелюков пришел конец. Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама. Отвечайте, что я люблю пророка и Коран, что я пришел восстановить ваши права. Во все века мы были друзьями великого султана. Трижды счастливы те, кто выскажется за нас! Счастливы те, кто останется нейтральными, у них будет время, чтобы узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, они погибнут! Деревни, которые захотят отдаться под наше покровительство, поднимут на минарете главной мечети флаг султана, а также армии. С деревнями, жители которых совершат

враждебные действия, будет поступлено по закону военного времени; если такие случаи будут иметь место, их сожгут. Шейх-аль-беледы, имамы, муэдзины утверждаются на занимаемых должностях».

Бонапарт написал паше письмо, которое было доставлено ему в Каир офицером с турецкой каравеллы. В этом письме говорилось: «Французское правительство несколько раз обращалось к Высокой Порте, требуя наказания беев и прекращения оскорблений, которым подвергалась наша нация в Египте; Высокая Порта заявила, что мамелюки – люди жадные и капризные... и что она лишает их имперского покровительства... Французская республика посылает сильную армию, чтобы положить конец разбоям, подобно тому, как она это делала несколько раз в отношении Алжира и Триполи... Итак, выйди мне навстречу».

700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, были высажены с французских кораблей и отправлены по суше на родину. Среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и Константинополя. «Их хорошо кормили, хорошо одевали, с ними обращались уважительно. Им были выданы денежные суммы, достаточные для покрытия дорожных расходов»^[18].

Освобожденные распространяли слухи о могуществе и щедрости Наполеона.

Как уже говорилось, Наполеон взял с собой всего 680 лошадей, часть из которых пала в пути. Надо ли говорить, что только с ними французская армия погибла бы в пустыне даже без воздействия противника. Но прокламации Бонапарта сыграли свою роль. Уже 4 июля 30 шейхов племен хенади, аулад-али и бениаунус прибыли в главную квартиру Бонапарта. Генералы и шейхи подписали договор, по которому они предоставляли французам 300 лошадей и полторы тысячи верблюдов. Естественно, этого было недостаточно для такой армии, но идти вперед было можно.

Оставив в Александрии гарнизон из 8 тысяч человек во главе с генералом Клебером, Бонапарт двинулся на Каир.

Любопытно, что позже Бонапарту стали приписывать слова: «Ислам – истинная религия». Также он добавил, что если люди будут больше читать, они станут умнее. Тогда они будут следовать логике и искать аргументы. Такие люди не станут поклоняться разным богам и слепо соблюдать ритуалы. Они признают единство Бога. «И поэтому я надеюсь, что скоро придет время, когда ислам будет во всем мире, потому что... Он уже преобладает».

Однако доказательств подлинности этих высказываний нет.

После поражения под Аустерлицем Александр I не придумал ничего

более умного, чем приказать Священному синоду объявить Наполеона... антихристом. Народу объявили, что Наполеон-де еще в 1799 г. в Египте тайно принял мусульманство, а также много не менее занятых вещей. Глупость царя и Синода ужаснула всех грамотных священников. Согласно канонам православной церкви антихрист должен был первоначально захватить весь мир и лишь потом погибнуть от божественных сил, а не от рук людей. Из чего следовало, что сражаться с Бонапартом бессмысленно.

По приказу Бонапарта контр-адмирал Перрэ сформировал Нильскую флотилию, состоявшую из двух полугалер, трех полушебек, четырех посыльных судов и шести вооруженных джерм, то есть из 15 вымпелов с экипажами из французских моряков общей численностью 600 человек.

В нескольких сражениях была разбита мамелюкская конница. 21 июля 1798 г. в сражении у подножия пирамид все ожесточенные атаки мамелюков Мурад-бея разбивались о непробиваемое французское каре. Тогда Бонапарт изрек свою знаменитую фразу: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас!» Мамелюки в этом сражении были наголову разбиты.

Тогда же была произнесена и не менее знаменитая фраза: «Ослов и ученых – в середину каре». Именно их генерал считал самыми важными для успеха экспедиции.

На Ниле произошло ожесточенное сражение между французской и египетской речными флотилиями. У мамелюков было около 600 речных судов, из которых 25 имели на вооружении пушки. Турецкая флотилия начала одолевать противника. Тогда генерал Бонапарт приказал подвезти к берегу несколько десятков 8– и 12-фунтовых пушек и 24-фунтовых гаубиц. Египтяне были вынуждены выйти из боя. Пользуясь попутным ветром и используя весла, они пошли вверх по течению Нила.

По Каиру поползли слухи, что французский султан – колдун, который держит всех солдат связанными толстой белой веревкой, и в зависимости от того, в какую сторону он ее тянет, солдаты поворачивают направо или налево, как один человек.

24 июля французы без боя вошли в Каир. Население в целом лояльно относилось к захватчикам.

1 августа Нельсон наконец-то обнаружил французскую эскадру, стоявшую у мыса Абукир при впадении Нила в Средиземное море. Французская эскадра в составе 13 кораблей и 4 фрегатов стояла на якоре в Абукирском заливе. У Нельсона было 14 кораблей и один бриг (всего 1012 человек).

Чисто арифметически французы были сильнее, но на самом деле англичане имели существенные преимущества. Так, значительная часть

французских кораблей, как, например, «Герье» и «Конкеран», были стары и ветхи, максимальный калибр установленных на них орудий составлял всего 18 фунтов.

До революции 1789 г. процент аристократов среди морских офицеров был куда выше, чем в армии. Соответственно, процент ушедших из флота в 1790 – 1793 гг. офицеров был куда выше, чем в армии. К 1798 г. республиканцы не сумели подготовить новый морской офицерский корпус, что серьезно повлияло на боеспособность французских кораблей.

Командующий французской эскадрой вице-адмирал Франсуа Брюс действовал крайне безграмотно. Он не принял очевидных мер по охранению флота, которые были возможны и в Абукирской бухте, не держал в море дозорных судов и не высылал разведчиков для заблаговременного предупреждения о приближении англичан. Не сделал он этого и 1 августа, когда значительная часть команды была отправлена на берег за пресной водой, а батарейные палубы загромождены вытащенными из трюма бочками для наливки привезенной с берега воды.

Сама диспозиция эскадры была устроена неграмотно. В первой линии располагалось 13 линейных кораблей (1 – 120-пушечный, 3 – 80-пушечных, 9 – 74-пушечных), но ни один из флангов не был настолько приближен к отмели 4-саженной глубины, чтобы противник не мог его обойти и чтобы он не мог проникнуть внутрь диспозиции. Проходы между отмелью и флангами не были защищены даже группами фрегатов, которые (4) составляли вторую линию против средней части первой. Мелкие суда (около 30) находились под самым берегом, у мыса Абукир.

На островке Абукир была построена батарея, но из-за слабости установленных на ней шести орудий и дальности расстояния она не могла остановить прорыва кораблей противника между отмелью и северным флангом первой линии.

В сражении адмирал Брюс получил два тяжелых ранения и скончался через три часа после начала боя.

Нельсон восемью линейными кораблями атаковал пять кораблей авангарда Брюса. А в это время арьергард под командованием контр-адмирала Вильнева спокойно наблюдал за уничтожением французского авангарда.

В итоге уйти с места сражения удалось лишь двум французским кораблям и двум фрегатам. Французы потеряли свыше 6 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Потери англичан составили около 900 человек.

Французский корабль «Гильом Телль» и фрегаты «Диана» и «Жюстис»

ушли на Мальту, а корабль «Женера» у Кандии (Крит) встретил британский 50-пушечный корабль «Леандр», посланный Нельсоном в Англию с известием об Абукирской победе. «Женера» захватил «Леандр» и вместе с ним пришел в занятую французами крепость Корфу (Ионические острова). Забегая вперед, скажу, что после захвата Корфу адмирал Федор Ушаков по указанию Павла I вернул «Леандр» «просвещенным мореплавателям».

Поражение под Абукиром существенно затруднило снабжение экспедиционной армии. Однако фраза из российской Военной энциклопедии – «Это поражение, лишив французскую Египетскую армию связи с Францией, предоставило ее собственным силам»^[19] – понимается всеми нашими историками неверно. Французская республика обладала достаточно большим количеством боевых кораблей и тысячами больших и малых транспортных судов. Поэтому снабжение экспедиционной армии могло успешно вестись из портов Южной Франции, Северной Италии и с Ионических островов. Кстати, даже в Египте были уничтожены не все французские суда. Помимо четырех кораблей и фрегатов, ушедших к Мальте и Корфу, в Александрии находились два 64-пушечных корабля, 7 фрегатов, бригов и корветов. Уцелело также и большинство транспортных судов.

Другой вопрос, что Баррас и К° попросту не желали снабжать Египет оружием и пополнениями, мечтая о гибели Бонапарта. Так что грамотнее сказать, что Директория, а во вторую очередь Нельсон прекратили снабжение Египетской армии.

Султан Селим III долго колебался между союзом с Францией и объявлением ей войны. Абукирское сражение и приход в Константинополь эскадры Ушакова помогли султану сделать выбор. 1 сентября 1798 г. Османская империя объявила войну Республике.

Когда население Каира узнало о начале войны с Турцией, в городе началось восстание, длившееся с 21 по 23 октября 1798 г. Генерал Дюпон и свыше 100 французов были убиты. В ходе усмирения восстания погибло до 5 тысяч арабов. Следует заметить, что большинство шейхов не принимало участия в бунте, а многие горожане прятали французов в своих домах.

Между тем турки заканчивали формирование армии в Анатолии и на острове Родос, которая совместно с войсками полунезависимого губернатора Сирии и Палестины Джезара Ахмед-паши должна была изгнать французов из Египта.

Наполеон решил нанести превентивный удар и занять Палестину и Сирию. На 1 января 1799 г. армия Наполеона насчитывала 29 700 человек строевого и нестроевого состава, в том числе: Верхний Египет – 6550

человек, Нижний Египет – 10 000 человек, Сирия – 13 150 человек. В начале января Бонапарт отправился в Сирийский поход с четырьмя пехотными дивизиями и одной кавалерийской дивизией Мюрата (всего около 14 тысяч человек). Сирийской армии потребовалось 3 тысячи верблюдов и 3 тысячи ослов для перевозки продовольствия, воды и обозных грузов. А именно: тысяча верблюдов для перевозки двухнедельного запаса продовольствия на 14 тысяч человек, а также на 3 тысячи лошадей кавалерии, штаба и артиллерии; и 2 тысячи верблюдов для перевозки запаса воды на три дня.

Осадные орудия везти по пустыни было невозможно. Поэтому два осадных парка, в каждом из которых было по четыре 24-фунтовые пушки, четыре 16-фунтовые пушки и четыре 8-дюймовые мортиры, были переброшены по морю. Один парк был погружен в Дамiette на шесть шебек (гребных судов), а другой парк был отправлен из Александрии на трех фрегатах («Жюпан», «Куражез» и «Альсест»).

9 февраля 1799 г. французы после короткой бомбардировки овладели фортом Эль-Ариш. 26 февраля Наполеон был в Газе, а 3 марта пошел к сильно укрепленной крепости Яффа. 7 марта дивизии Ланна и Бона, проделав брешь в городской стене, после упорного штурма овладели городом, захватив 40 полевых и 20 крепостных орудий.

14 марта армия, в которой уже появились первые признаки чумы, двинулась дальше. 19 марта французы подошли к Аккре и под руководством генерала Каффарелли начали осадные работы.

Между тем английская эскадра блокировала побережье и 18 марта перехватила шесть французских шебек с одним из осадных парков. Захваченные орудия англичане установили на укреплениях Аккры. Фрегаты же с другим парком были выгружены в Яффе лишь 15 июня.

Тем временем к Аккре приближалась 25-тысячная турецкая армия дамасского паши Абдаллы. Против нее была двинута дивизия Клебера. Выявившееся превосходство турецких сил заставило Бонапарта лично выйти им навстречу с большей частью осадного корпуса, оставив перед Аккрой дивизии Ренье и Ланна.

16 апреля у горы Фавор произошло сражение, в котором турки были разбиты и бежали к Дамаску, потеряв до 5 тысяч человек и весь лагерь.

В апреле 1799 г. с Родоса был отправлен на кораблях 8-тысячный турецкий корпус. К вечеру 7 мая турецкий флот показался в виду Аккры. Бонапарт, пользуясь штилем, который мешал транспортам приблизиться к берегу, немедленно повел отчаянную атаку. Утром 8 мая французам удалось завладеть передовыми линиями укреплений. Командор Сидней

Смит, несмотря на дальность расстояния, все-таки перевез часть турецких солдат, а в критический момент, когда французы уже были готовы ворваться в город, свез судовой десант, который повел сам.

В этой ситуации Бонапарт принял единственно верное решение – возвращаться в Египет. 21 мая он снял осаду Аккры. Возвращение армии из Сирии сопровождалось полным опустошением края, чтобы усложнить туркам вторжение в Египет с этой стороны. 2 июня армия достигла Эль-Ариша, 7 июня – Салагие, откуда дивизия Клебера была направлена в Дамьетту, а остальные войска – в Каир.

14 июня Бонапарт как победитель торжественно въехал в Каир.

15 июля он получил известие о том, что тринадцать 80-пушечных и 74-пушечных линейных кораблей, 9 фрегатов, 30 канонерок и 90 транспортов с турецкими войсками бросили якорь на Абукирском рейде. Англо-турецкий флот высадил десант из 16 тысяч человек под командованием Мустафы-паши. Турки заняли полуостров Абукир, но идти далее не рискнули.

Бонапарт решил сбросить турок в море, несмотря на то что он мог собрать только 6 тысяч человек. Турецкая позиция состояла из двух укрепленных линий, из которых первая упиралась обоими флангами в укрепления, расположенные на берегу моря. Утром 25 июля Бонапарт послал Ланна и Дестенга с отрядом в 1800 человек в обход флангов по берегу моря. Когда их внимание было отвлечено, Мюрат с конницей прорвал центр и атаковал фланги с тыла. За первый час сражения погибло 8 тысяч человек: 5400 утонули, 1400 были ранены или убиты на поле боя и 1200 сдались в плен. Победителям достались 18 пушек, 30 зарядных ящиков, 50 знамен.

Бонапарт решил сразу же атаковать и вторую укрепленную линию, перед которой находилась деревня Абукир и центр которой опирался на сильный редут. Опять было решено отвлечь внимание турок демонстрациями на флангах, чтобы прорвать их центр.

Ланну удалось при поддержке артиллерии и конницы Мюрата проникнуть по берегу в район расположения турок, и французы смогли завладеть деревней Абукир. Турки отступили в редут, расположенный на плоской возвышенности. Несколько попыток Мюрата проникнуть дальше по берегу не увенчались успехом из-за сильного перекрестного огня турок с редута и с канонерских лодок.

Атаки французов на правый фланг и центр также были безуспешны. Хоть французы и доходили до самых укреплений, но из-за ураганного огня турок они были вынуждены отступить в деревню.

Турки же со своей стороны, желая отбить деревню, перешли в наступление, что это дало французам возможность произвести блестящую атаку. Пользуясь произведенным ею эффектом, Бонапарт направил на штурм все свои силы, причем сам повел свои войска в атаку. Укрепления были взяты, и только незначительной горсти турок удалось укрыться в замке.

Мустафа был ранен в руку Мюратом, а в свою очередь паша из пистолета ранил генерала в голову. В конце концов, Мустафа-паша и тысяча турок сдались победителям. Остальные попытались спастись в воде, но большинство утонуло.

Сидней Смит едва не был захвачен в плен и с трудом добрался до своей шлюпки. Три бунчука паши, 100 знамен, 32 полевых орудия, 120 зарядных ящиков, все палатки, обозы, 400 лошадей остались на поле боя. От 3 до 4 тысяч беглецов направились к форту, расположились в лежащей перед ними деревне и закрепились в ней. Все попытки выбить их оттуда успеха не имели.

Тогда французская артиллерия начала обстрел форта. На рассвете 2 августа толпа турок выбежала из форта и сдалась. В самом форте случилось 1200 трупов и более 1800 тяжелораненых. Бонапарт приказал отправить раненых обратно на английские корабли. Англичане были вынуждены принять турок. Английский адмирал в порядке «любезности» передал французам пачки английский и франкфуртских газет с известиями, относящимися к апрелю, маю и июню.

Эти газеты потрясли Бонапарта: «Вторая коалиция оказалась победоносной; армии России и Австрии разбили генерала Журдана на Дунае, Шерера на Адидже, Моро – на Адде. Цизальпинская республика была уничтожена, Мантуя – осаждена; казаки достигли альпийской границы; Массена с трудом удерживался в горах Швейцарии»^[20]. Роялисты вновь начали восстание в Вандее.

Так позже объяснял свой отъезд Наполеон. Однако решающей причиной отъезда была полная бесперспективность войны в Египте. Исход ее был очевиден, вопрос стоял лишь во времени и условиях капитуляции французских войск.

В строжайшей тайне Бонапарт приказал контр-адмиралу Гантолу готовить к походу фрегаты «Мюиرون» и «Карэр» и шебеки «Реванж» и «Фортюн».

В 9 часов вечера 12 (23) августа 1799 г. генерал Бонапарт на фрегате «Мюиرون» покинул Александрию и в сопровождении трех судов двинулся на запад.

В случае встречи с вражескими кораблями Наполеон планировал бежать на шебеках, а фрегат должен был боем связать корабли противника. Великий полководец продумал все до деталей, чтобы избежать малейшего риска. Отряд французских кораблей шел не прямым путем, а вдоль берегов Африки, а затем – берегов островов Сардиния и Корсика. Подводная часть корпусов обеих шебек была обшита медью, и они имели хороший ход под парусами. Вблизи же берега шебека имела все шансы уйти от кораблей и фрегатов противника на веслах, а также используя малую осадку.

Бонапарт взял с собой лучших генералов египетской армии – Лана, Мюрата, Мармона, Бертье, Монжа и Бертолле. Главнокомандующим в Египте Наполеон оставил генерала Клебера.

Формально отъезд генерала Бонапарта без приказа из Парижа являлся чистой воды дезертирством. Однако с точки зрения военной стратегии, а главное – большой политики это был гениальный ход. Позже Стефан Цвейг назвал его «звездным часом человечества».

В начале сентября русская эскадра Ушакова, вышедшая из Палермо, разошлась с судами Бонапарта на расстоянии примерно 100 км. Переход в открытом море от берегов Африки к берегам Сардинии был самым опасным местом маршрута. Отклонись русская эскадра чуть левее, ход истории мог существенно измениться. Что же касается многих десятков британских кораблей и фрегатов, циркулировавших между Мальтой, Сицилией и берегами Ливии, то тут Нельсон «обмаковался» не хуже самого Мака.

Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения, и беглый генерал 9 октября 1799 г. высадился во Франции близ Фрежюса. А ровно через месяц, 9 ноября, то есть 18 брюмера по революционному календарю, генерал Бонапарт совершил государственный переворот. Директория была низложена, и египетский герой сам себя назначил первым консулом.

Покидая Египет, Бонапарт даже не удосужился предупредить об этом своего преемника на посту командующего армией генерала Клебера. Тому лишь была вручена инструкция. В ней Бонапарт успокаивал Клебера, обещая приход в Египет французской эскадры. Но после «успокоительной пилюли» Наполеон переходил к главному: «Если же вследствие неисчислимых непредвиденных обстоятельств все усилия окажутся безрезультатными и вы до мая месяца не получите ни помощи, ни известий из Франции и если, несмотря на все принятые меры, чума будет продолжаться и унесет более полутора тысяч человек... вы будете вправе заключить мир с Оттоманской Портой, даже если главным условием его будет эвакуация Египта»^[21].

Таким образом Бонапарт давал Клеберу карт-бланш на заключение мира с турками и англичанами при условии эвакуации французской армии из Египта. В том же приказе Наполеон откровенно врал: «Правительство вызвало меня в свое распоряжение». На самом деле Директория меньше всего желала видеть Бонапарта в Париже.

Между тем для очищения Египта в Сирии уже была сформирована 80-тысячная турецкая армия.

30 декабря 1799 г. турки взяли форт Эль-Ариш. Это вынудило Клебера подписать 21 января 1800 г. Эль-Аришскую конвенцию, по которой французские войска должны были быть перевезены во Францию на своих или турецких судах.

Клебер отправил с донесением об этом Директории генерала Дезе и сдал туркам Катие (Катиех), Салагие (Салехие) и Белбейс. Французская армия уже готовилась очистить Каир, как было получено уведомление от адмирала Кейта, командовавшего английским флотом в Средиземном море, что британское правительство требовало сдачи французской армии в плен без всяких условий.

Клебер решил продолжать борьбу. 20 марта близ Каира, у развалин древнего города Гелиополиса, он разбил главные силы великого визиря и преследовал их до Салагие. В Сирии остатки турецкой армии были уничтожены арабами.

После сражения у Гелиополиса Клебер, отправив часть своих войск в помощь каирскому гарнизону, окруженному восставшим населением и турецкими войсками Нассифа-паши, преследовал великого визиря до Салагие. Оставив там Ренье, он 27 марта с остальными силами прибыл к Каиру, который был уже во власти Нассифа-паши и Ибрагим-бея. Сообщив им об участии армии великого визиря, Клебер предложил очистить город.

25 апреля 1800 г. Каир сдался французам. Клебер принялся за приведение в порядок внутренних дел и водворение спокойствия в стране. Им были приняты меры к укомплектованию армии местным населением. Так, в Нижнем Египте охотно поступали в ряды французских войск копты, сирийцы, эфиопские невольники.

14 июня Клебер был убит фанатиком, подосланным визирем. К этому времени английское правительство, несколько изменив взгляд на египетский вопрос, утвердило Эль-Аришскую конвенцию. Но генерал Мену, принявший после Клебера командование, ссылаясь на отсутствие полномочий, предложил известившему его об этом адмиралу Кейту обратиться в Париж. Тогда английским правительством был выработан план высадки 20-тысячного отряда британских войск западнее устья Нила

для совместных действий с Сирийской армией турок, которая должна была наступать по правому берегу реки. В то же время 8-тысячный английский корпус из Ост-Индии предполагалось от Суэца двинуть в тыл французам.

Бонапарт, ставший первым консулом, принимал все меры, чтобы усилить армию в Египте и облегчить ее положение.

В начале 1801 г. в турецкой армии в Сирии началась эпидемия чумы. Несмотря на высадку 8 марта 1801 г. английских войск в Абукире, война затянулась, и лишь 31 августа генерал Мену, заменивший убитого Клебера, подписал конвенцию об эвакуации французских войск из Египта.

Были ли Египетская экспедиция Наполеона авантюрой? И да и нет. Наполеон планировал создать в Египте цветущую экономику. «Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Ма-реотис и Безводной рекою, до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и во все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, оттуда ее можно было бы брать для орошения; многочисленные эмигранты из внутренней части Африки, Аравии, Сирии, Греции, Франции, Италии, Польши, Германии учетверили бы население; торговля с Индией вернулась бы на свой древний путь благодаря необратимой силе естественных условий; к тому же, господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане...

После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки через Сеннар, Абиссинию, Дарфур, Феццан; несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!! <...>

Египет может уже сейчас (1799) обеспечить содержание армии в 50 000 человек и эскадры в 15 линейных кораблей, частью на Средиземном море, частью на Красном, а также многочисленной флотилии на Ниле и на озерах. Его территория может предоставить все необходимое, кроме леса и железа, которые он будет получать из Албании и Сирии и из Европы в обмен на свои произведения. Его доходы составляют 50 – 60 миллионов»^[22].

Важную роль в установлении дружеских отношений с арабами сыграл атеизм республиканской армии Наполеон писал: «Со времени революции

французская армия не исполняла обрядов какой-либо религии. Она вовсе не бывала в церквях в Италии и не стала чаще бывать в них в Египте. Это обстоятельство было замечено проницательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культу. Оно оказало на них самое благоприятное влияние. Если французы не были мусульманами, то, по крайней мере, было доказано, что они и не идолопоклонники»^[23].

Многие муллы и даже улемы утверждали, что султан Кебир – они так называли Наполеона – пользуется особым покровительством Пророка.

Спору нет, в чем-то Наполеон фантазировал, но в целом он мог реализовать свои планы.

Как уже говорилось, Наполеон захватил три из четырех стратегических пунктов Средиземного моря – Мальту, Корфу и Египет. В руках англичан оставался только Гибралтар.

Увы, генералу Бонапарту для успеха в Египте и Сирии не хватило одной малости... гражданина Бонапарта во главе Директории. При имевшемся же правительстве талантливые революционные генералы терпели поражения не только в Египте и Вест-Индии, но и в Италии, и в Германии.

Русская армия и флот захватили Корфу, а отдельные десантные отряды успешно действовали в Южной и Центральной Италии.

Гарнизон Мальты под командованием генерала Вобуа 20 месяцев выдерживал осаду англичан и лишь 5 сентября 1800 г. сдался на почетных условиях. Весь гарнизон на британских кораблях был доставлен в Тулон.

Война 1798 – 1809 гг. на Средиземном море завершилась поражением Франции, России и Турции и блистательным успехом Туманного Альбиона. Читатель, воспитанный на патриотических книгах и кинофильмах, возмутится – ведь Ушаков взял Корфу! Да, взял. Но потом Ионические острова пришлось эвакуировать, а огромный русский флот, состоявший из нескольких эскадр, пришедших с Балтики и Черного моря, стал трофеем французов и англичан^[24].

Гибель русского флота в Средиземном море произошла не по вине моряков и адмиралов, а из-за бездарной политики Павла I и Александра I, четырежды втягивавших Россию в войну с Францией – государством, которое с 1789 по 1812 г. не претендовало ни на дюйм русской земли.

Ну а дальновидный Лондон присоединил к своим владениям не только Мальту, но и все Ионические острова, включая Корфу.

Глава 6.

Французы в Индии

Впервые французские корабли отправились в Индию во времена правления Франциска I (1515 – 1547). Купцы из Руана снарядили два корабля для торговли в восточных морях. Они отплыли из Гавра и не вернулись, больше о них никто ничего не слышал. В 1604 г. одна компания получила патент от короля Генриха IV, но проект провалился. В 1615 г. была выдана еще одна лицензия, и два корабля отправились в Индию. Во Францию вернулся лишь один корабль.

Под покровительством кардинала Ришелье в 1642 г. была создана французская Ост-Индская компания. Однако во Франции началась Фронда, государственное финансирование после смерти Ришелье компании прекратилось, и она влачила жалкое существование.

Создателем новой компании, получившей название «Компания Восточных Индий», стал министр финансов Жан-Батист Кольбер. Главную надежду Кольбер возлагал на короля и его окружение. Людовик XIV пожертвовал на компанию огромную сумму – 3 млн. ливров. Другие вельможи, желая не отставать от короля, также вносили большие деньги. Большие суммы собрали и крупные торговые города и порты. Так, лионские купцы внесли 1 млн. ливров.

В итоге Кольберу удалось собрать более 8 млн. ливров, и в 1664 г. Людовик XIV подписал торжественный акт об образовании Компании Восточных Индий. Ей предоставлялись значительные права, в том числе монополия торговли на восток от мыса Доброй Надежды. Король обещал производить регулярные финансовые вливания в компанию, а также поддерживать ее интересы силами военного флота.

Первым президентом Совета директоров Компании Восточных Индий стал сам Кольбер. Людовик XIV торжественно объявил, что заморская торговля – почетный долг дворянина. В городах были расклеены афиши, призывавшие французов всех сословий послужить во славу Франции и короля.

В 1667 г. Компания Восточных Индий отправила экспедицию под командованием Франсуа Карона, которая в 1668 г. достигла Сурата и основала первую французскую факторию в Индии. В 1669 г. перс Маркара – спутник Карона в его экспедиции – основал другую французскую факторию в Масулипатаме. В 1673 г. с разрешения Шайста-хана – набоба

Великих Моголов в Бенгалии – был основан Чандан-нагар. В 1674 г. французы получили Валикондапурам от султана Биджапура, и так было положено начало колонии Пондишери.

К концу XVII века Пондишери вместо Сурата стал административным центром Французской Индии. Однако территориально французские колонии в Индии не были связаны друг с другом, а их губернаторы избавлены от зависимости от Пондишери.

«Сохранилось довольно подробное описание Пондишери конца XVII века. Корабли, приплывавшие к городу, бросали якорь на расстоянии полулье от берега. На обычных шлюпах нельзя было перевозить людей и товары из-за почти никогда не стихающего здесь бриза. Пассажиров и товары доставляли к берегу на индийских лодках-челингах, плоских суденышках. Дно их не было осмолено, вода проникала туда постоянно, и двое индийцев все время вычерпывали ее. У реки находилось два водоема, откуда жители брали воду. За небольшим фортом находилась церковь капуцинов, а неподалеку от нее – церковь враждующих с ними иезуитов (обе были построены в 70-х годах XVII века). Высокий забор окружал здание Компании. Близ Пондишери селились ткачи, отбельщики. Их убогие хижинки теснились в беспорядке, но уже появились красивые дома, принадлежавшие купцам. В 1690 году был разбит городской парк, в нем обычно прогуливались служащие Компании. На рынке шла бойкая торговля. Здесь продавались шелк-сырец, неокрашенные ткани, хлопок, перец, селитра, а также цветные ткани, которые французские купцы перепродавали в другие страны. По вторникам на рынок съезжалось до 10 тысяч индийцев. "Белый город" насчитывал 300 человек. Некоторые чиновники и купцы заводили здесь семьи, беря себе в жены топасок (топасами называли потомков от браков португальцев с индийскими женщинами). Французы не так чурались местного населения, как англичане в Мадрасе»^[25].

Существование французских колоний в Индии было постоянно под угрозой из-за частых войн с Англией и Голландией.

Так, например, случилось в ходе Орлеанской войны 1688 – 1697 гг., где Франции противостояли Англия и Голландия. 21 августа 1693 г. к Пондишери подошла голландская эскадра, и губернатор Мартен эвакуировал из города женщин. Все мужчины получили оружие и составили гарнизон в 600 человек. Французы ждал приступа. Однако голландцы на приступ не пошли, а подтащили пушки к самому городу и открыли огонь. В городе вспыхнули пожары, начались паника и дезертирство. Пондишери был обречен и после двухнедельной осады

капитулировал.

Губернатора Мартена голландцы перевезли в Батавию (ныне Джакарта), откуда позже хотели переправить его в Европу, но французскому губернатору удалось бежать, и вскоре он оказался в Бенгалии, где взял на себя руководство всеми французскими факториями в Касим-базаре и Шандернагоре (по-индийски Чандернагор).

В 1697 г. в Рисвике был заключен мир. После этого Мартен приехал в Пондишери, перешедший по договору французам. В городе потихоньку стала налаживаться жизнь. Во Францию разрешили ввозить отбеленный ситец, корицу, перец и другие товары, вскоре появились ткачи – около 500 человек. И уже в 1700 г. Пондишери вновь стал основным среди французских колоний и факторий.

В ходе новой войны 1744 – 1748 гг. губернатор островов Иль-де-Франс и Бурбон Махе де ля Бурдонне из судов Ост-Индской компании сумел сформировать хорошую эскадру из десяти кораблей. Но использовать свое преимущество против конкурентов Бурдонне не мог, так как Ост-Индская компания, у которой он состоял на службе, заключила соглашение с английской Ост-Индской компанией о нейтралитете, несмотря на то что война между метрополиями уже была объявлена. Английская компания с радостью ухватилась за это французское предложение, поскольку в этот период она была слабее, но предупредила, что это не связывает действия английского правительства и военного флота.

В 1745 г. в Индийский океан была отправлена английская эскадра из шести кораблей под командованием коммодора Пейтона. Эскадра начала нападать на французские торговые суда и в июле 1746 г. появилась у восточного берега Ост-Индии, чтобы поддержать атаку против Пондишери, которую в то время готовил губернатор Мадраса. Но в это время подоспел Бурдонне, получивший свободу действий.

6 июля 1746 г. французская и британская эскадры встретились у Негопотама в 150 милях к югу от Пондишери. Англичане, не приняв боя, ушли к Цейлону.

В сентябре 1746 г. французы высадили десант вблизи Мадраса. После пятидневного сражения англичане капитулировали. Однако Бурдонне вместо того, чтобы разрушить британский Мадрас до основания или сделать его французской колонией, оставил город англичанам за большой выкуп – 9 млн. фунтов стерлингов деньгами и 13 млн. товарами. Некоторые французские историки утверждают, что этот поступок решил судьбу Индии.

13 октября у берегов Мадраса разразился страшный шторм. Два

французских корабля погибли, а остальные были серьезно повреждены. Из-за этого, а также из-за склок в Париже Бурдонне покинул Индию. Тогда губернатор Дюплекс нарушил условия капитуляции, занял Мадрас и приступил к его укреплению.

В августе 1748 г. у Коромандельского берега появился сильный британский флот с десантом на борту под общим командованием адмирала Боскауена и осадил Пондишери, но из-за неудач через два месяца был вынужден снять осаду.

В это время в Европе военные действия уже закончились. В апреле 1748 г. был подписан Аахенский мирный договор между Англией, Францией и Голландией, а в октябре к нему присоединились и остальные державы. По этому договору Англия, Франция и Испания остались при тех владениях, которые имели до войны, так как Луисбург был обменян на Мадрас.

В 1756 г. началась Семилетняя война, в начале которой французская Ост-Индская компания повторила ошибку 1744 г., предложив английской Ост-Индской компании соблюдать нейтралитет, и отказала набобу^[26] в помощи. Благодаря этому англичане разбили набоба, после чего сразу же двинулись против французов и отбили у них Чандернагор. Французы в ответ захватили значительную часть побережья между Мадрасом и Калькуттой.

Вскоре, 26 апреля 1758 г., к ним прибыла помощь из Франции – эскадра из девяти кораблей (около половины слабые, принадлежавшие Ост-Индской компании) под командованием коммодора д'Аше и 1200 человек войска.

28 апреля французы осадили Гуделур (форт Святого Давида), а 29 апреля подошла британская эскадра из семи кораблей под началом адмирала Покока, который немедленно напал на д'Аше, но потерпел неудачу и был вынужден вернуться в Мадрас, а Гуделур 2 июня сдался французам.

После устранения повреждений своих кораблей д'Аше и Покок встретились у Негопотама 3 августа. Сражение опять было вялое, и противники разошлись и ушли в Пондишери и Мадрас чинить свои корабли. Портовые средства в Пондишери оказались столь скудны, что д'Аше счел необходимым, несмотря на то что имел приказание оставаться у Коромандельского берега до 15 октября (в это время дул северо-восточный муссон, во время которого пребывание у этого берега для парусных судов считалось опасным), идти 2 сентября для исправлений на Иль-де-Франс. Замечу, что Иль-де-Франсом с 1715 по 1814 г. назвался остров Маврикий. В

1722 г. король Людовик XV передал остров во владение французской Ост-Индской компании.

Но Франция, снарядив в начале войны экспедицию д'Аше, после этого занялась сухопутными операциями против Фридриха Великого и не снабдила порт на Иль-де-Франсе ни провизией, ни корабельными материалами, ограничившись посылкой только еще трех кораблей. Поэтому губернатор потребовал, чтобы д'Аше уходил, так как и на берегу был недостаток в провианте, за которым пришлось посылать корабли на мыс Доброй Надежды (голландская колония).

Кое-как снабженный и плохо отремонтированный, д'Аше вышел в Ост-Индию в июле 1759 г. и 10 сентября вновь встретился с Пококом у Порто-Ново. Опять сражение было нерешительное, но из-за невозможности как следует исправить и снабдить эскадру д'Аше окончательно покинул Ост-Индию, после чего все французские поселения попали в руки англичан, а 16 января 1761 г. сдался и Пондишери.

10 февраля 1763 г. Англия и Франция подписали в Париже мир, согласно которому в Вест-Индии Англия вернула Франции Мартинику, Гваделупу и Сан-Люцию, удержав за собой Сан-Винцент, Тобаго, Доминику и Гренаду. Минорку Англия получила обратно, а Франции были возвращены ее владения в Ост-Индии, но с лишением ее права воздвигать укрепления и держать войска в Бенгалии.

В ходе англо-французской войны 1778 – 1783 гг. ситуация на Ост-Индийском театре военных действий повторилась. Известие об объявлении войны пришло в Калькутту 7 июля 1778 г., и англичане немедленно захватили Чандернагор и осадили Пондишери, который сдался после 70-дневной осады его с суши и с моря. Небольшой французский отряд судов был вынужден уйти на Иль-де-Франс, поскольку к англичанам подошло подкрепление.

В начале 1779 г. в Ост-Индию пришел адмирал Юз с шестью кораблями и при отсутствии какого-либо морского противника единолично завладел морем. Все французские владения были захвачены, а когда в конце 1780 г. к Франции присоединилась Голландия, англичане захватили и ее владения – Негопотам и Тринкомале.

Согласно условиям Версальского мира от 20 января 1783 г., англичане возвратили французам все их индийские владения: Пондишери, Чандернагор, Маэ, Янам и Карикал. Французские флаги развевались над официальными зданиями в этих местах вплоть до 1954 г., до тех пор, когда французские колонии воссоединились с Индией, ставшей самостоятельным государством.

Известие о революции во Франции дошли до французских колоний в Индии аж в конце февраля 1790 г. Европейское население колоний приветствовало свершившийся переворот, видя в нем освобождение от «министерского деспотизма», не помышляя пока о перемене режима, а еще менее – о возможности предоставления политических и социальных прав «цветным».

Губернатор Пондишери шевалье де Френ не сочувствовал революции, но не мог воспрепятствовать организации в Пондишери Генерального собрания граждан численностью около 250 человек (естественно, только белых), открывшемуся 1 марта 1790 г. Это собрание выделило из своей среды представительный комитет. На основании мартовских декретов парижского Учредительного собрания он был преобразован в Колониальное представительное собрание в составе 21 члена, в том числе 15 – от Пондишери, 3 – от Чандернагора и по одному – от остальных городов. Собрание открылось 8 июля 1791 г. Индусы не были допущены и в Колониальное собрание, несмотря на их требования.

Любопытно, что в колонии (фактории) Чандернагор деклассированные элементы, а также солдаты и моряки захватили власть и организовали собственное Учредительное собрание. Революционный комитет Чандернагорского собрания, назвавший себя «патриотической администрацией свободной колонии», выработал конституцию, в которой, однако, не был даже затронут вопрос о положении туземного населения.

Революционным начинаниям во французских колониях положила конец война с Англией. Британские войска в начале июля 1793 г. окружили Пондишери. 22 августа город капитулировал. По требованию англичан гарнизон Пондишери присягнул белому эмигрантскому правительству.

В 1799 г. Наполеон предпринял попытку восстановить старые связи Франции с султанатом Майсор, направив туда дипломатов и военных инструкторов, которые, опираясь на враждебного англичанам Типу-султана, пытались заключить франко-майсорский военный союз. Используя тяжелое положение французов в Египте, английские войска в союзе с Маратами и Гайдерабадом напали на Майсор и после ряда ожесточенных сражений подчинили его своей власти. Таким образом, французы лишились всякой опоры в Индии.

По Альенскому миру (25 марта 1802 г.) Англия вернула Французской республике все ее индийские колонии. Однако с возобновлением войны англичане в 1803 г. вновь захватили их.

К 1947 г. в пяти индийских колониях Франции проживало 190 тысяч французских граждан, большинство из которых были этническими

индусами. Представителей этих колоний хорошо иллюстрирует таблица.

Территории и население

Владения	Площадь, кв. км	Население, по переписи 1941 г., тыс. чел.	Плотность населения на 1 кв. км
Пондишери	291	204,6	707
Карикал	135	60,6	450
Чандернагор	10	38,3	383
Маэ	59	14,1	240
Янзон	18	5,7	317
Всего	513	323,3	630

В экономике Французской Индии преобладало земледелие. Так, в Пондишери имелись три хлопчатобумажные фабрики и несколько металлообрабатывающих мастерских, в Чандернагоре – одна джутовая фабрика. Имелись ценные породы леса, добывался бурый уголь.

После войны правительство Франции предоставило всем пяти колониям статус «свободного города».

А между тем в августе 1947 г. Индия стала независимым государством. В соответствии с договором между Францией и Индией, подписанным в 1948 г., жители остальных французских территорий в Индии должны были определить свое политическое будущее самостоятельно. Губернаторство Чандернагоре было передано Индии 2 мая 1950 г. и 2 октября 1955 г. присоединено к штату Западная Бенгалия. Анклавы Пондишери, Янам, Маэ и Карикал де-факто были переданы Индии 1 ноября 1954 г., образовав Союзную территорию Пондишери (в 2006 г. название было заменено на Пудучерри), однако де-юре объединение Французской Индии с Индией произошло лишь в 1963 г., когда французский парламент ратифицировал этот договор.

Глава 7.

Захват Алжира

В XVI веке Алжир, а затем и Тунис вошли в состав Османской империи. Причем это было не завоевание, а добровольное признание власти турецкого султана. Турки для народов Северной Африки были единственной альтернативой агрессии Запада, в первую очередь Франции и Испании.

В период турецкого владения Алжир был разделен на три провинции (бейлика) – Константину, Титтери (Медеа) и Маскару (современный Оран). Местные арабские племена и берберы фактически были предоставлены самим себе. Первые сто лет пребывания в составе Османской империи Алжир управлялся пашами, назначаемыми султанами. Но после 1671 г. Алжир получил большую автономию, и его правитель (дей) стал пожизненно выбираться высшей военной и гражданской администрацией с последующим утверждением в Константинополе.

Деи заключали договоры с иностранными державами и принимали посольства и консульства. Начала чеканиться собственная алжирская монета. При правителе функционировал совет, состоявший из министра по делам внешней политики и флота (Увакиль аль-Харифк), военного министра (ага) и министра, отвечавшего за государственную казну и внутренние дела (хазнаджи).

Алжир обладал достаточно сильным военно-морским флотом. В западной и отечественной литературе, посвященной морскому разбою, много говорится об алжирских пиратах. И действительно, масштабы действий алжирских корсаров впечатляют. Но стоит заметить, что турки и арабы лишь перехватили инициативу у христианских пиратов. Еще в самом начале XIV века каталонские пираты (католики) держали в страхе все Средиземноморье и даже совершали рейды в Черное море. Так что в XVI – XVIII веках в западной части Средиземноморья шла непрерывная война с торговым судоходством – христиане топили мусульман, а турки и арабы – христиан. Периодически обе стороны захватывали и суда своей конфессии.

По свидетельству очевидцев, в 1634 г., например, только в одном городе Алжире находилось одновременно 25 тысяч рабов-христиан и около 8 тысяч христиан, принявших ислам.

Мусульмане гораздо лучше обращались с рабами, нежели христиане. Довольно часто рабов, особенно принявших ислам, отпускали на волю, и

часть из них примыкала к корсарам. За богатых или знатных пленников корсарам платили большой выкуп родственники или европейские монархи.

В 1682 г. король Франции Людовик XIV отправил большой флот к берегам Алжира под командованием адмирала Дюкена. В его составе имелось 5 бомбических галиотов, вооруженных мортирами большого калибра. Эти суда должны были, став на якорь, обстреливать город навесным огнем. Эскадра бомбардировала город Алжир с 20 августа по 12 сентября 1682 г. с небольшими перерывами. Несмотря на значительные разрушения в городе, алжирский дей не выполнил требований французов о выдаче невольников, и из-за недостатка боеприпасов и позднего времени года Дюкену пришлось вернуться в Тулон.

В июне следующего 1683 года Дюкен опять появился у Алжира с эскадрой и 7 бомбическими галиотами. Способ бомбардировки был тот же, что и в прошлом году. Начали ее в ночь с 26 на 27 июня, результатом чего стала выдача наутро 600 французских невольников. Переговоры затянулись, что привело к дальнейшему сопротивлению мусульман.

23 июля вновь началась бомбардировка, которая продолжалась с перерывами до октября. Три четверти города было разрушено, но Алжир не подчинился. Недостаток боеприпасов и позднее время года опять заставили Дюкена уйти.

В 1688 г. французская эскадра с 10 бомбическими галиотами под командованием графа д'Эстре снова бомбардировала город Алжир. С 30 июня по 14 июля французы выпустили 10 тысяч бомб, но особых результатов это не дало, и Алжир так и не покорился.

В 1755 г. испанский король отправил в Алжир экспедиционный корпус в составе 22,5 тысячи солдат при 100 осадных и полевых орудиях под началом маршала О'Рельи. Армия была переправлена на 344 транспортных судах под конвоем военного флота. Эскадра подошла к Алжиру 1 июля и, став на якорь в нескольких милях от города напротив устья ручья Эль-Араш, стала готовиться к высадке. Но свежая погода задержала ее на целую неделю. Алжирцы же тем временем успели укрепиться и подтянуть к городу до 100 тысяч войск.

8 июля на сильной позиции они встретили наступление испанской армии, которая после несвязных и бестолковых атак была вынуждена с большими потерями отступить. Алжирцы же энергично преследовали отступавших и между морем и ручьем Эль-Араш атаковали их. Испанцы отступили к самому месту высадки и лишь в большом трудом, бросив более 2 тысяч раненых и все орудия, сели на суда и отплыли в Европу.

В начале XIX века Англия, Голландия и США несколько раз посылали

военные экспедиции к Алжиру с целью унять корсаров. Часть экспедиций возвращалась «несолоно хлебавши», а иногда дей выдавал некоторое количество христианских невольников. Так, в августе 1816 г. союзной эскадре, бомбардировавшей Алжир, было выдано 1083 невольника.

Следует заметить, что алжирский дей Хасан II (годы правления 1791 – 1798) установил хорошие отношения с революционной Францией. Он в больших количествах поставлял во Францию хлеб, солонину, кожи и другие товары. Аналогично вели себя и его преемники Мустафа II, Ахмед II и др. Алжирские корабли снабжали продовольствием египетскую экспедицию генерала Бонапарта.

Однако Людовик XVIII, взойшедший на престол на штыках интервентов в 1815 г., категорически отказался оплачивать долги Наполеона.

В свою очередь алжирские власти увеличили налог с французской торговой компании с 60 тысяч франков до 200 тысяч франков.

Франция постоянно оспаривала правомочность этого акта. Однажды, 29 апреля 1827 г., во время публичной аудиенции разъяренный дей Хусейн III слегка шлепнул нагло державшегося французского консула Деваля опухолью. Этот комичный эпизод французское правительство использовало для начала агрессии против Алжира.

К этому времени вооруженные силы Алжира состояли из 16-тысячной регулярной армии и ополчений, выставляемых туземными племенами. Для похода в Алжир французы назначили 3 пехотные дивизии, 3 эскадрона кавалерии и 15 батарей (82 осадных, 24 полевых и 6 горных орудий), всего 37 500 человек при 112 орудиях. Для переброски этой армии и всего военного снабжения было собрано 102 военных судна (11 линейных кораблей, 24 фрегата, 8 корветов, 27 бригов, 6 пароходов, 8 бомбардирских судов, 18 военных транспортов) и 570 коммерческих судов, большинство из которых водоизмещением от 25 до 35 тонн. Во главе экспедиции стал военный министр граф Бурмон. Флотом командовал адмирал Дюперре.

Из-за свежей погоды морской переход затянулся на две недели, и эскадра, выступившая из Тулона в конце мая, лишь 13 июня подошла к африканским берегам. Высадка войск на западном берегу полуострова Сиди-Феррух, в 20 верстах к западу от города Алжира, началась утром 14 июня и была произведена в три приема: первая часть (9600 человек пехоты, 4 полевые и 1 горная батареи и саперы, всего 10 278 человек) была высажена в 4 часа 30 минут утра; вторая часть (9900 человек) – в 6 часов утра, а в полдень вся армия с 10-дневным запасом боеприпасов и продовольствия была на берегу.

Немедленно продвинувшись вперед, авангард атаковал укрепленную позицию алжирцев на Сиди-Феррухском перешейке, отбросив противника к мысу Стауели. Французская армия тут же приступила к укреплению высадочного пункта.

Между тем алжирцы активно готовились к бою, стягивая туземные войска и полчища кабилов. В ночь на 19 июня их соединенная армия под общим командованием зятя дея Ага-Ибрагима атаковала французский лагерь, но была отбита. Тогда французы перешли в наступление и гнали разбитого противника, потерявшего большую часть своих орудий и обоза, до селения Сиди-Калефа в 10 верстах от города Алжира.

24 июня Ага-Ибрагим возобновил нападение, но был вторично отбит, а преследовавшая его французская армия дошла до высот Бузария в 5 верстах от города. Однако дальнейшее наступление было здесь приостановлено до 29 июня, когда к армии прибыли осадные орудия.

29 июня французы овладели высотами Бузария и начали закладывать траншеи против форта Султан-Калесси (Султанский замок), расположенного к юго-западу от города Алжира и командовавшего всем городом. 4 июля, предварительно разрушив бомбардировкой стены замка, французы начали штурм. Остатки защитников бежали, и к 10 часам утра форт Султан-Калесси был занят французами.

Дальнейшая оборона города теперь была невозможна. Поэтому на следующий день дей сдал его с 2 тысячами орудий, множеством всяких запасов, несколькими стоявшими в гавани военными судами и собственной казной (49 млн. франков). Сдавшийся Гуссейн-паша был отправлен по его желанию в Неаполь, пленные турки-янычары – на кораблях в Малую Азию, а местное ополчение большей частью разбежалось.

По французским данным, потери алжирцев убитыми и ранеными достигли 10 тысяч человек, французов – 400 человек убитыми и 1900 ранеными. За взятие Алжира графу Бурмону был пожалован маршальский жезл.

Новый маршал, опьяненный успехом, предпринял поход в глубь страны в район Блиде для покорения кабийских племен и потерпел полное поражение. Началась длительная война. Враждовавшие ранее между собой племена мавров, кабилов и арабов спланиваются против захватчиков под руководством Абдель-Кадера. В 1832 г. в городе Маскаре он был провозглашен эмиром правоверных и в следующем году начал войну с французами. Хотя оккупанты имели в то время на севере Африки около 20 тысяч войск и владели, кроме Алжира и Орана, портами Бужия и Бона, положение их представлялось настолько затруднительным, что уже в

феврале 1834 г. они были вынуждены заключить с Абдель-Кадером мир, по которому за последним признавалось господство над всеми арабскими племенами к западу от реки Шелиффа.

Но подобная ситуация не устраивала обе стороны, и через несколько месяцев французские войска напали на владения Абдель-Кадера. Боевые действия с переменным успехом длились 15 лет, и лишь 22 декабря 1847 г. пятитысячный отряд Абдель-Кадера, оказавшись в безвыходном положении, сдался французам.

В 1851 г. генерал-губернатором Алжира был назначен генерал Рандон, управлявший страной до 1858 г. и много сделавший для закрепления здесь французского господства. В 1852 г. он занял сахарский оазис Лагуат, а в 1854 г. для подавления восставших арабов Северной Сахары из этого оазиса были отправлены две колонны, занявшие находившиеся к югу от Лагуата оазисы Тугурт, Вади-Суфа и Уарглу. С занятием этих важнейших узлов страны был открыт путь для торговых сношений с племенами Внутренней Сахары (на Тимбукту и Сенегал). В этот же период генералом Рандоном предпринималось несколько экспедиций против кабилы, которые завершились большой экспедицией 1856 – 1857 гг., окончившиеся полным подчинением кабийских племен.

В начале 1864 г. французские колониальные власти подвергли телесному наказанию (избиению палками) «знатного туземца», что привело к новому восстанию арабов в южной части провинции Оран. 13 мая 1864 г. французский генерал Делиньи разгромил войско повстанцев, но партизанская война продолжалась.

Стоит отметить, что Российская империя поначалу не признавала законности захвата Алжира Францией. И лишь после Крымской войны была вынуждена признать эту территорию частью Франции. В 1859 г. Россия открыла свое консульство в городе Алжире. Однако в 1862 г. колониальные власти закрыли его. Вновь русское консульство открылось лишь в 1884 г.

Сразу же после оккупации Алжира туда хлынул поток французских переселенцев. К 1841 г. их число превысило 37 тысяч, а в конце столетия французы составляли не менее 10% всего населения колонии.

В 1848 г. Алжир был объявлен французской колониальной территорией, управляемой генерал-губернатором. Страна была поделена на департаменты, управляемые префектами. Фактически же вся полнота власти находилась в руках военных.

В XIX веке и сейчас французские историки утверждают, что они принесли цивилизацию в Алжир. Однако в 1834 г. французский генерал

доносил, что в Алжире поголовная грамотность и в каждой деревне как минимум две мусульманские школы. Теперь же арабы, равно как и другие мусульмане, были лишены всех политических прав – издавать свои книги, газеты, создавать политические объединения.

Колониальная администрация всячески поощряла иммиграцию европейцев. Дело дошло до того, что периодически швейцарские и немецкие эмигранты, пытавшиеся выехать в Америку через Францию, насильственно отправлялись в Алжир. Число европейцев в Алжире росло, как снежный ком. В 1833 г. их насчитывалось 7,8 тысячи, в 1840 г. – уже 27 тысяч, в 1847 г. – 110 тысяч, из которых 47 тысяч французов, 31 тысяча испанцев, 8,5 тысячи итальянцев, 8,6 тысячи немцев и швейцарцев, 8,7 тысячи мальтийцев и т. д.

Переселенцы в большинстве своем оседали в городах, лучше охранявшихся французскими войсками. Однако власти всеми силами старались колонизировать ими сельские районы. Из 131 тысячи европейцев, проживавших в Алжире в 1851 г., только 25 тысяч были заняты в сельском хозяйстве.

Французские власти экспроприировали земли коренного населения Алжира. По королевскому указу 1840 г. конфискации подлежали земли лиц, поднявших оружие против Франции или перешедших на сторону врага. В 1843 г. «собственностью французского государства» стали принадлежавшие дею земли бейлик, а также земли мусульманских общин хабус. Ордонансы 1844 и 1846 гг. предписывали конфискацию «бесхозных земель, права собственности на которые до 1 июля 1830 г. нельзя доказать предшествующими текстами». Поскольку многие алжирские племена не могли документально доказать свое право владения землями, они были их лишены. В дополнение к этому в 1851 г. было предписано провести принудительное ограничение земель всех племен. На каждого члена племени выделялось по 8 – 10 гектаров, хотя бытовавшая в то время в Алжире система земледелия, а также практика выпаса скота требовали земли в 2 – 3 раза больше.

В результате в руках французских властей скопился огромный земельный фонд, который постепенно распродавался колонистам, неизменно превращаясь в объект всевозможных спекуляций. Хотя официальной целью колонизации провозглашалось насаждение повсюду мелких землевладельцев, огромные массивы земель были захвачены крупными капиталистическими компаниями, особенно в правление Наполеона III. Так, «Компани женевауз» в 1853 г. получила 30 тысяч га, компания «Хабра э Макта» в 1861 г. – 25 тысяч га, «Сосьетэ женераль

альжерьен» в 1864 г. – 100 тысяч га леса. Прочие компании и отдельные предприниматели только за 1850 – 1860 гг. получили 50 тысяч га. Общая площадь захваченных европейцами земель составляла 115 тысяч га – в 1850 г., 365 тысяч га – в 1860 г., 765 тысяч га – в 1870 г.

Непосредственным результатом колониальной политики стали разорение и обнищание основной массы арабов, которых оттеснили на малопродуктивные земли в горных и пустынных районах. В этих условиях всякое стихийное бедствие и неурожай влекли за собой катастрофические последствия. Пример тому – голод 1866 г., унесший жизни свыше 500 тысяч алжирцев.

Затем прибрежные города Алжира стали походить на французскую провинцию. В конце 1869 г. французский писатель Альфонс Доде в своей знаменитой повести «Тартарен из Тараскона» написал: «В Алжире Тартарен из Тараскона на каждом шагу широко раскрывал глаза. Он-то себе представлял волшебный, сказочный восточный город, нечто среднее между Константинополем и Занзибаром... А попал он в самый настоящий Тараскон... Кофейни, рестораны, широкие улицы, четырехэтажные дома, небольшая площадь с макадамовой мостовой, где военный оркестр играл польки Оффенбаха, мужчины за столиками пили пиво и закусывали пышками, гуляли дамы, девицы легкого поведения, военные, опять военные, на каждом шагу военные... и ни одного турка!..»

Успехи в ряде европейских и колониальных войн вскружили голову французскому императору Наполеону III. Он всерьез вообразил себя повелителем Европы.

19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии. Немцы быстро объяснили племяннику, что он лишь злая карикатура на своего великого дядю. Император Наполеон III вместе с армией маршала Мак-Магона был окружен в крепости Седан и 2 сентября капитулировал вместе с армией. Императрица Евгения вместе с Сыном Наполеоном Эжен-Луи бежала в Англию. 4 сентября Франция была провозглашена республикой.

26 февраля 1871 г. было подписано предварительное мирное соглашение, по которому Франция обязалась уплатить Германии контрибуцию в 5 млрд франков и передать ей Эльзас и Лотарингию. Мирный договор (Франкфуртский мир) был заключен 10 мая 1871 г.

18 марта 1870 г. в Париже произошло народное восстание. Глава правительства Тьер и его министры бежали в Версаль, туда же отступили и войска. Власть в Париже перешла в руки Центрального комитета федерации Национальной гвардии. 26 марта состоялись выборы Парижской коммуны, а 28 марта она была официально провозглашена.

21 мая войска Тьера ворвались в Париж, но еще целую неделю шла вооруженная борьба на улицах города. Подавление Коммуны сопровождалось свирепым террором. Около 50 тысяч человек было арестовано, а 20 тысяч расстреляны без суда и следствия. 13 450 человек были осуждены и приговорены к смертной казни, каторжным работам, ссылке в крепость, тюремному заключению, изгнанию и т. д.

Революционные коммуны, провозглашенные после 18 марта в Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне, Тулузе, Нарбонне, Лиможе, Крезе, продержались от 2 до 10 дней. Они были не в состоянии ничем помочь Парижской коммуне.

Эти события затронули и Алжир. В октябре 1870 г. восставшее европейское население Алжира изгнало имперскую администрацию – генерал-губернатора, префекта и т. д. Алжирские республиканцы образовали органы местного самоуправления – муниципалитеты, республиканские комитеты обороны и национальную гвардию. Тогда же была создана политическая партия, получившая название Республиканской ассоциации Алжира. В партию входили представители рабочих и мелкой буржуазии. Революционная часть этой ассоциации добивалась создания алжирской коммуны.

Председателем Республиканского комитета обороны и мэром города Алжира был избран адвокат Вильермоз, возглавлявший мелкобуржуазное большинство вновь созданных организаций. 8 ноября 1870 г. Вильермоза избрали временным чрезвычайным комиссаром Алжира.

Центральное правительство было вынуждено пойти на уступки колонистам Алжира. В октябре 1870 г. был издан декрет, по которому военное управление в Алжире было заменено на гражданское. Алжирским европейцам предоставлялись права граждан Французской республики, восстанавливалось их представительство в парламенте Франции, аннулированное Наполеоном III, вводился суд присяжных и т. д.

Европейскую буржуазию и мелких колонистов эти реформы вполне устраивали. Поэтому Вильермоз, выражавший позиции мелкой буржуазии, в ноябре 1870 г. безропотно сдал власть назначенному Парижем адмиралу Гейдону. Новый генерал-губернатор без труда разогнал алжирский муниципалитет и национальную гвардию.

Куда более трудным оказалось справиться с восстанием арабов, начавшимся в марте 1870 г. Помимо недовольства захватами земель местного населения французскими колонистами, арабы боялись новых налогов для выплаты репараций Пруссии.

Ходили слухи о переселении в Алжир беженцев из захваченных

пруссакими Эльзаса и Лотарингии и предстоящих в связи с этим новых экспроприациях земель. Арабы узнали об этом от разъезжавших по всему Алжиру эмиссаров могущественного религиозного братства Рахманийя, под влиянием которого находилось около 250 арабских и кабилских племен – всего 600 тысяч кочевников и оседлых крестьян. Тайная сеть братства Рахманийя стала организационной основой восстания, которое возглавил Си аль-Хадж Мухаммед Мукрани – феодальный правитель области Мерджана.

Восстание охватило весь Восточный Алжир от пустыни Сахара до Средиземного моря и грозило уничтожением французского господства в стране. Войска колонизаторов в первый период восстания (март – май 1871 г.) были вынуждены оставить обширные области. Повстанцы одерживали победы одну за другой, захватывали города, разоряли поселки колонистов. Французское же правительство в этот момент было занято борьбой с коммунарами и не могло послать в Алжир подкрепления.

5 мая 1871 г. пал в бою вождь повстанцев Си аль-Хадж Мухаммед Мукрани, а в метрополии была разгромлена Парижская коммуна. Следствием этого стал ряд поражений восставших. Однако восстание продолжало шириться, охватив некоторые области даже в Западном Алжире. И только с августа 1871 г. инициатива окончательно перешла в руки колонизаторов. Получив значительные подкрепления из Франции и воспользовавшись расколом в лагере повстанцев, французские войска овладели основными центрами восстания. Но только к январю 1872 г. были окончательно ликвидированы последние очаги восстания в оазисах Сахары.

После подавления восстания у племен, принимавших в нем участие, было отнято 446 тысяч гектаров земли. К тому же их обязали выплатить 27,5 млн. франков контрибуции. Это позволило существенно расширить колонизацию и создать новые европейские поселки. На захваченных у арабов землях было расселено около 1200 семей, эмигрировавших из Эльзаса и Лотарингии.

Восстание 1871 – 1872 гг. стало последним в XIX веке крупным выступлением против французской оккупации. В восстании участвовало около 150 тысяч алжирцев. Восстание горцев в области Ауре в 1879 г. и восстание племен улад сиди шейх в 1881 г. носили локальный характер и быстро были подавлены французами. Именно после подавления восстания 1871 – 1872 гг. и последовавших жестоких репрессий начался период наиболее интенсивной европейской колонизации Алжира и освоения капиталом природных богатств страны.

Согласно закону 1873 г. и дополнившему его закону 1887 г. была отменена неотчуждаемость земель хабус и арш. Эти земли делились на мелкие парцеллы, передававшиеся в частное владение и становившиеся объектом купли-продажи. Пользуясь этим, европейские колонисты и спекулянты начали скупать земли у арабов. Общая площадь земель, перешедших в собственность европейцев, возросла с 765 тысяч га в 1870 г. до 1682 тысяч га в 1900 г. и 1847 тысяч га в 1910 г. При этом по мере роста общей площади принадлежавших европейцам земель увеличивались и средние размеры владений колонистов: с 4 – 12 га к 1848 г. до 40 га к 1878 г.

А после 1878 г. в Алжир хлынули французские виноделы из пораженных филлоксерой районов Бордо и Прованса, что способствовало введению новых сельскохозяйственных культур, особенно винограда, строительству дорог и зарождению промышленности.

С 60 – 70-х гг. XIX века в Алжире появляются филиалы французских банков и промышленных компаний. В 1863 г. там открываются аграрный банк «Сосьетэ колниаль де креди фосье» и местный филиал французского банка «Сосьетэ марсейез де креди». В 1865 г. возникают железорудная компания «Макта» и пароходная компания «Сосьетэ женераль де транспор маритим». Крупнейшая аграрная компания «Сосьетэ женераль альжерьен» была связана с могущественным банком метрополии «Юньон паризьен», который предоставлял займы колониальной администрации Алжира и был одним из главных организаторов захвата Францией Туниса в 1881 г. Железорудная компания «Сосьетэ де л'Уэнза», основанная в 1902 г. трестом Шнейдера вместе с германским концерном Круппа, впоследствии стала совместным владением французских монополий Ротшильда, де Нерво и др. Группа Ротшильда контролировала также добычу свинца и цинка, средства транспорта. Проникли в Алжир и другие монополистические группы французского капитала.

В тесном контакте с предпринимателями метрополии европейцы Алжира развивали свою деятельность в области горнодобывающей промышленности, строительства и транспорта. Они добились «монополии флага», то есть исключительного права для своих пароходных компаний осуществлять перевозки морем из Франции в Алжир и обратно. Их представители занимали высокие посты в алжирских филиалах французских компаний, в правлениях крупных горнодобывающих предприятий (особенно по добыче фосфатов) и торговых фирм. Кроме того, многие колонисты основывали предприятия по переработке сельхозпродукции, что давало им дополнительные прибыли. Постепенно

верхушка европейского населения стала своеобразным придатком монополистической буржуазии Франции.

С конца XIX века в Алжире получило развитие националистическое движение младоалжирцев, которое формировалось под влиянием шедших с Ближнего Востока идей панисламизма и арабского возрождения. Выразителями новых идей стали в основном деятели культуры, получившие религиозное образование в Тунисе и Египте.

По мере развития младоалжирского движения его состав и характер менялись. Ведущее положение в нем заняла новая буржуазная интеллигенция, получившая образование во французских учебных заведениях и полуассимилированная французами. Представители этой интеллигенции основывали кружки и общества просветительского характера, издавали газеты, требовали отмены «туземного кодекса» и прекращения произвола колониальных чиновников. В частности, эти требования отстаивала делегация, направленная ими в Париж в июне 1912 г. Но вместе с тем они были сторонниками доктрины «плавильного котла», то есть выступали за ассимиляцию алжирцев французами, а будущее Алжира видели в его приобщении к «западной культуре» путем массового распространения образования на французском языке.

Газеты младоалжирцев призывали местное население вступать во французскую армию, указывая, что «в качестве награды за нашу службу мы требуем лишь предоставления прав французских граждан». Объективно младоалжирцы выражали точку зрения части алжирской буржуазии, которая рассчитывала ценой отказа от национальной самобытности полностью слиться с французской буржуазией, обеспечив тем самым свое финансовое благополучие и достойное место в иерархической структуре Французской республики.

С началом Первой мировой войны размежевание внутри младоалжирцев усилилось. Течение, связанное с панисламизмом и панарабизмом, стало открыто ориентироваться на Турцию и стоявшую за ней Германию, надеясь с их помощью сбросить французское господство. Его сторонники сомкнулись с некоторыми тунисскими националистами и выступали за создание независимого алжиро-тунисского государства. Но приверженцы доктрины ассимиляции среди младоалжирцев, так называемые мусульмане-французы, составлявшие большинство, выступили за поддержку Франции в войне, рассчитывая в дальнейшем добиться удовлетворения своих требований в качестве платы за эту поддержку.

Первая мировая война оказала значительное влияние на дальнейшее развитие страны. В ходе ее 155 тысяч европейских поселенцев и 173

тысячи алжирцев были мобилизованы во французскую армию. Кроме того, 119 тысяч алжирцев были направлены во Францию для восполнения вызванной войной нехваткой рабочей силы. В ходе войны на различных фронтах погибли 22 тысячи европейцев Алжира и 25 тысяч туземцев.

Мобилизация значительной части трудоспособного населения, сокращение внешней торговли в связи с переключением торгового флота на военные перевозки резко ухудшили состояние алжирской экономики, полностью зависевшей от Франции. В то же время сокращение импорта из метрополии дало толчок некоторому расширению местного промышленного производства. Наконец, война положила начало миграции алжирских рабочих во Францию и обратно. Этот фактор в дальнейшем сыграл значительную роль в развитии рабочего и национально-освободительного движения в Алжире.

Антиколониальная борьба продолжалась и в годы войны. В 1914 г. восстали племена горного района Бени-Шугран на западе страны, сопротивлявшиеся мобилизации во французскую армию. Еще более серьезным было восстание берберов шавийа в труднодоступной области Аурес (на востоке Алжира) в 1916 г. Эти выступления, а также деятельность младоалжирцев вынудили французское правительство внести в 1917 г. в парламент проекты весьма ограниченных реформ.

В 1919 г. на Парижской мирной конференции делегация алжирских националистов, возглавляемая эмиром Хамидом, внуком Абд-аль Кадыра, потребовала предоставления Алжиру независимости. В том же году французское правительство провело в Алжире некоторые реформы. Оно отменило налоговое различие между французами и арабами, предоставило избирательные права при выборах в местные самоуправления арабам-землевладельцам, купцам и чиновникам.

Недовольство арабской националистической буржуазии половинчатыми реформами вылилось в создание ряда организаций с весьма умеренной программой. Был создан «Союз алжирских улемов», объединивший прогрессивные элементы помещичье-буржуазной интеллигенции и ставивший своей задачей борьбу за развитие национальной культуры и языка, создание национальных школ, освоение европейской техники и создание национального капитала. Союз имел большое влияние в мелкобуржуазных слоях арабского населения.

В 1926 г. группа мелкобуржуазных эмигрантов из Алжира основала в Париже «Союз северной звезды», предусматривавший в своей программе проведение некоторых буржуазных реформ в Алжире.

В 1920 г. в Алжире была создана секция Французской

коммунистической партии. Поначалу она целиком состояла из французских рабочих и среди арабов никакой работы не вела. С 1928 г. алжирские коммунисты начали привлекать в свои ряды и рабочих-арабов, выдвигая в том числе и на руководящие должности. В 1934 г. секция была преобразована в Коммунистическую партию Алжира. Она сохранила организационную связь с Компартией Франции, но одновременно выработала для Алжира специальную программу. В основу этой программы было положено требование национальной независимости, прекращения колонизации и вывода французских войск из страны.

18 октября 1936 г. на Первом съезде Алжирской коммунистической партии был принят манифест. Там об отношениях с монополией говорилось: «Мы не скрывали и ни на один миг не упускаем из виду нашей конечной цели, которая состоит в освобождении алжирского народа от феодального, капиталистического и империалистического гнета, но мы не являемся сторонниками ложного принципа "все или ничего"...

Мы будем еще более энергично добиваться союза всех эксплуатируемых и всех угнетенных, без различия расовой принадлежности, политических направлений и религиозных убеждений. И если мы стремимся разбить цепи аннексий и угнетения, приковывающие нас к империалистической Франции, то лишь для того, чтобы создать между нами прочные узы братства, которые добровольно соединили бы наш народ с братским французским народом в основанное на взаимных интересах содружество свободной и счастливой Франции, идущей рядом со свободным и счастливым Алжиром».

В мае 1936 г. после прихода к власти правительства Блюма в Париже был выдвинут «законопроект Виолетта», немного расширивший избирательные права арабов. Осуществление этой реформы французские колониальные власти встретили в штыки.

В июне 1936 г. в Алжире собрался «Мусульманский конгресс», стоявший на платформе Народного фронта. Он разработал «Национальную хартию», в которой добивался равноправия и отмену туземного кодекса.

В июле 1937 г. собралась вторая сессия «Мусульманского конгресса», выразившая свое доверие Народному антифашистскому фронту. Одновременно сессия констатировала, что правительство Блюма не осуществило реформ, намеченных в «законопроекте Виолетта».

В 1930 г. в Алжире проживало свыше 1 млн. европейцев, составлявших 15,3% населения страны. Причем французам среди европейцев было не более 25%, а остальные были этническими испанцами, итальянцами, мальтийцами и т. д. Любопытно, что во Франции

европейских жителей Алжира именовали *pieds noirs* – «черноногие».

Глава 8.

Тунис

Тунис с 1574 г. находился в составе Османской империи. В 1591 г. офицеры-янычары заменили константинопольского наместника выбранным ими беем. Бей утверждался султаном, но это была простая формальность. В 1705 г. власть в Тунисе захватил Хусайн Бек-Али и установил наследственную династию беев, которая в Европе именовалась Хусайнидами.

В 1811 г. в Тунисе был разоружен, а затем распущен корпус янычар. После вторжения французов в Алжир бей Хусайн II объявил о нейтралитете Туниса. Тем не менее 8 августа 1830 г. Франция навязала Тунису первый неравноправный договор. Согласно ему Хусайн был вынужден предоставить Франции статус «наиболее благоприятствуемой нации», ввел принцип «свободы торговли» и установил режим капитуляций, подтвердив особые права иностранных подданных на своей территории.

В середине 30-х гг. XIX века султан Махмуд II попытался укрепить свою власть на вассальных территориях. В 1835 г. турецкие войска высадились в Триполи. После этого в Ливии было восстановлено прямое султанское правление. А в 1836 г. османская эскадра Тахир-паши подошла к Тунису. Однако французские корабли не дали подойти ей к берегу. Французское правительство заявило, что считает Тунис независимым государством и будет защищать его суверенитет силой оружия.

В 1837 г. на престол вступил Ахмед I (Ахмед-бей), племянник Хусайна II. Он продолжил политику реформ, начатую дядей. В его правление численность регулярной армии была доведена до 26 тысяч человек, восстановлен военный флот, закупалось современное оружие, строились береговые батареи. В 1838 г. Ахмед-бей открыл в столице Военно-инженерное училище, где молодых тунисских офицеров обучали прибывшие из Франции военные советники и инструкторы. В Тунисе строились казенные заводы. При дворе началось использование французского языка, европейская культура все шире входила в быт и нравы тунисской аристократии. Кроме того, Ахмед-бей, симпатизировавший Европе, проявил веротерпимость и разрешил в Тунисе деятельность христианских миссионеров, а также поселение в стране европейцев. В основном в Тунис приезжали выходцы из Италии. В 1846 г. Ахмед-бей

официально отменил рабство.

Однако модернизация экономики велась безграмотно, а чиновники «брали не по чину». В результате в 1853 г. наступил финансовый кризис, казенные заводы в большинстве своем закрылись, начались крестьянские волнения.

На Парижском конгрессе 1856 г. европейские державы принудили бея распространить на Тунис турецкий хатти-хумаюн^[27]. В 1857 г. бей Муххамед, преемник Ахмеда, подписал «Фундаментальный акт», воспроизводивший основные принципы танзимата^[28]: равенство всех подданных перед законом, неприкосновенность личности и имущества. Иностранцам предоставлялось право приобретать недвижимость наравне с тунисцами. Одновременно, как и в Турции, тунисское правительство заявило о необходимости создания портов и развития торговли.

В 1861 г. была опубликована тунисская конституция, в которую вошли основные положения «Фундаментального пакта». В то же время конституция фактически отменяла разрешение иностранцам приобретать землю, поскольку это вызвало недовольство населения.

Однако уже в 1863 г. Англия вынудила тунисское правительство вернуть это право британским подданным. В 1866 – 1868 гг. оно было распространено на австрийских, прусских и итальянских подданных, а в 1871 г. – на французских. Европейский капитал стал проникать в сельское хозяйство Туниса.

В 60-х гг. XIX века экономическое положение Туниса ухудшилось. Еще в 1856 г. был введен подушный налог – меджба, которым облагались в основном крестьяне. Новый налог вызвал взрыв недовольства, поскольку намного усиливал налоговый гнет и противоречил мусульманскому праву, согласно которому подушным налогом можно было облагать только немусульман. Но в 1863 г. правительство увеличило меджбу вдвое. Ответом на это стало крестьянское восстание, возглавляемое Али Бен Гедахумом, охватившее большую часть страны и бушевавшее более года. Войска жестоко подавляли восстание, уничтожали целые деревни со всем населением. Спасаясь от репрессий, многие тысячи крестьян бежали в Ливию. Восстание было подавлено, но правительство все же было вынуждено снизить меджбу.

В 1867 г. и без того разоренную страну еще больше опустошили эпидемии холеры, тифа и голод. Тунис обезлюдел и обнищал, что привело к сокращению поступлений в казну. Уже в 1862 г. внутренний долг составлял 28 млн. франков, в то время как доходы государства не превышали 13,5

млн. франков. Правительство искало выход путем внутренних и особенно внешних займов.

В 1863 и 1865 гг. европейские банкиры предоставили бею два займа на кабальных условиях. Заем 1863 г. был оформлен на 35 млн. франков, из которых Тунис получил только 5,6 млн. За это он должен был в течение 15 лет уплатить 63 млн. франков. Заем 1865 г. был заключен на еще более тяжелых условиях. В обеспечение его банки получили таможенные доходы государства – самую надежную статью поступлений в казну.

В 1867 г., когда на страну обрушились стихийные бедствия, правительство осталось без денег и было вынуждено приостановить платежи по внешним займам. Державы, подданные которых были держателями тунисских займов, потребовали, чтобы все финансы страны были поставлены под иностранный контроль. 5 июля 1869 г. бей передал государственные финансы под контроль Международной комиссии из представителей Франции, Англии, Италии, а также Туниса. Внешний долг Туниса был определен в 125 млн. франков, из которых 80% причиталось французским капиталистам. Только для выплаты процентов по этому объединенному долгу Тунис должен был ежегодно отдавать половину государственных доходов. Международная комиссия пользовалась чрезвычайно широкими полномочиями. Она контролировала не только финансы, но и государственное имущество. Без утверждения комиссии не были действительны акты о продаже или дарении собственных земель бея.

Теперь вопрос ставился – быть или не быть Тунису колонией, а чьей колонией он должен был стать? На него претендовали одновременно Англия, Франция и Италия. Географически Тунис был ближе всего к Италии – от его берегов до Сицилии около 140 км. Поэтому Париж не без оснований опасался, что, захватив Тунис, Италия станет господствовать в центре Средиземноморья.

Кстати, Италия опередила другие страны в области колонизации Туниса. К 1881 г. из 19 тысяч европейцев там было 11 200 итальянцев, 7 тысяч мальтийцев и только 700 французов.

В 1871 г., воспользовавшись поражением Франции в войне с Пруссией, Италия направила свой флот к берегам Туниса, намереваясь оккупировать страну. Однако совместное выступление Англии и Франции заставило Италию отказаться от своих намерений.

Судьба Туниса была решена Францией, Германией и Англией в 1878 – 1882 гг. «Нейтралитет» Англии в тунисских делах французское правительство получило в обмен на признание английского «управления» Кипром, ранее принадлежавшим Османской империи, и «беспристрастное»

отношение к планам Лондона по захвату Египта. Что же касается Германии, то Бисмарк был крайне заинтересован во французской экспансии в Тунисе. Он полагал, что внимание к Тунису отвлечет французских лидеров от идей реванша за поражение в войне 1870 – 1871 гг.

Кроме того, в Тунисе неизбежно столкнулись интересы Франции и Италии. Это обстоятельство понудило германского канцлера через статс-секретаря министерства иностранных дел Бернхарда фон Бюлова одновременно обещать Тунис и итальянцам. Германские дипломаты добивались, чтобы Италия не протестовала против захвата Боснии Австро-Венгрией, но зато намертво сцепилась бы с Францией.

Итак, в апреле 1881 г. французские войска оккупировали северо-запад страны. Вскоре в порту Бизерта высадился французский десант, быстро захвативший столицу. 12 мая 1881 г. бей Мухаммед ас-Садык под угрозой низложения был вынужден подписать в Бардо (пригород Туниса) договор, в соответствии с которым он соглашался на оккупацию Туниса французскими войсками для «восстановления порядка и безопасности на границе и побережье».

Италии и Турции, не имевшим возможности противостоять Франции военной силой, оставались только протестовать. Любопытно, что до 1918 г. Турция продолжала считать тунисского бея своим вассалом, не правомочным заключать международные договоры. Итальянское правительство, поощряя колонизацию соотечественниками Туниса, добилось быстрого роста там численности своих колоний. В 1896 г. Италия все же признала «права» Франции на Тунис, но добилась для своих подданных особых привилегий. Поэтому итальянская община численно преобладала в Тунисе над французской как в конце XIX, так и в начале XX века.

Как и в Алжире, после капитуляции бея в Тунисе начались народные восстания, подавленные французами лишь в 1882 г. Наконец, 8 июня 1883 г. тунисский бей Али-Муддан подписал в Ла-Марсе новую конвенцию, по которой Тунис стал протекторатом Франции. Вся реальная власть в стране сосредоточилась в руках французского генерального резидента, которому подчинялись все французские войска в Тунисе, а также вся местная администрация. Повсеместно распоряжались французские контролеры. Бей формально оставался на престоле, но не имел права издавать любые указы без согласия генерального резидента. Всеми государственными доходами распоряжалась французская администрация, выдававшая на содержание бейского двора 1 млн. 250 тысяч франков.

По ряду причин, в первую очередь дабы не раздражать Италию, Париж

так и не пошел на официальное объявление Туниса колонией, хотя фактически дело обстояло именно так.

Так, французский резидент, управлявший Тунисом, считался послом при дворе бея и назначался французским министром иностранных дел. Однако генеральный резидент Поль Камбон прямо заявил, что резидент «управляет от имени бея всем Тунисом сверху донизу».

В правительстве за тунисцами были оставлены три министерских поста. Министров назначал формально бей, а фактически – генеральный резидент. Каждый из министров был поставлен под контроль француза – «уполномоченного». Кроме того, в правительство входили шесть начальников управлений – все французы. Главой правительства формально считался тунисец, премьер-министр, а фактически им был генеральный резидент. Министерства и управления наводняли французские чиновники. Не только на высшие (кроме трех министров), но и на средние должности тунисцы не назначались.

Этой политики французы придерживались и в местном управлении. По-прежнему во главе областей стояли каиды, назначаемые тунисским правительством. Им подчинялись мукаддамы и шейхи – главы округов и деревень. Но фактически власть в областях принадлежала французским гражданским контролерам, представлявшим генерального резидента. В их распоряжении находилась и полиция.

В пустынных областях Южного Туниса было введено военное управление. Здесь каиды подчинялись французским офицерам из «туземных бюро». Эти офицеры обладали еще большей властью, чем гражданские контролеры. Они могли судить население, налагать штрафы, заключать в тюрьму.

После установления протектората французская буржуазия быстро вытесняла английскую и итальянскую из экономики Туниса. Чтобы закрыть прочим иностранцам доступ в горную промышленность, был провозглашен принцип государственной собственности на горные разработки. Все концессии на них были переданы французам.

Французское правительство получило право на выдачу железнодорожных концессий. Старые железнодорожные концессии были выкуплены тунисским правительством и переданы в аренду французской «Компани дю шмэн де фер Бон-Гельма». Ей же были предоставлены новые железнодорожные и другие концессии.

Французское правительство поощряло развитие в Тунисе инфраструктуры и горной промышленности. За первые 25 лет протектората было выдано 37 концессий на разработку недр и проложено свыше 1100 км

железных дорог. Строились также шоссейные дороги, трамвайные пути, линии связи, морские порты. Уже в первые годы протектората начался вывоз свинцово-цинковых руд. В 1899 г. началась разработка фосфатов, в 1908 г. – железных руд.

Создание инфраструктуры и горнодобывающих предприятий финансировалось туниским государством за счет налогов с населения. За первые 25 лет протектората налоги в расчете на душу населения увеличились в 1,8 раза.

Большинство промышленных предприятий принадлежало французскому капиталу, часть – бельгийским, швейцарским, а также итальянским и немецким фирмам. Национальная буржуазия, не обладавшая достаточными капиталами, не имевшая связи в финансово-промышленных кругах, была оттеснена на задний план. Тунистам принадлежало лишь небольшое число мелких предприятий, в основном по переработке сельскохозяйственного сырья (маслодавили и пр.).

Иностранный капитал захватил всю внешнюю и значительную часть внутренней торговли. Наплыв импортных товаров вызвал массовое разорение ремесленников, деградацию и гибель старинных ремесел. Так, в столице за первые 25 лет протектората число ремесленников уменьшилось в 3,5 раза, несмотря на общий рост населения.

Невиданному прежде разорению подверглась деревня. Вслед за установлением протектората французские капиталисты начали захват земель. В отличие от Алжира в Тунисе французские колонисты не получали землю бесплатно, но плата была настолько низкой и сопровождалась такими льготами, что скупка земель стала самой выгодной формой помещения капитала. Банки и промышленные компании, отдельные предприниматели, генералы, министры, депутаты, журналисты получали за бесценок огромные поместья площадью в тысячи гектаров.

Чтобы облегчить земельные захваты, колониальные власти издали в 1885 г. закон об «имматрикуляции». Землевладельцам предлагалось зарегистрировать свою собственность на основе французского права. Все дела о ней отныне изымались из ведения туниских властей. Возникло множество споров из-за собственности, которые всегда решались в пользу французов. Общинное землевладение этим законом фактически не признавалось. Серия декретов 1885 – 1905 гг. разрешала фактическое отчуждение земель хабус. В результате уже к 1892 г. в руки французов перешли 443 тысячи гектаров земель, из них 416 тысяч принадлежало 16 крупным собственникам. Значительные массивы земель, прежде находившиеся во владении горных и кочевых племен, были объявлены

собственностью государства. Они составили ядро колониционного фонда, к которому были присоединены земли, принудительно скупленные у населения. Разделенные на крупные участки, они были распределены между колонистами. Это делалось по плану «официальной колонизации», принятому в 1892 г.

План предусматривал создание слоя французских фермеров, как в соседнем Алжире. Однако лишь несколько сот французских колонистов завели в Тунисе собственные хозяйства, а остальные перепродали полученные участки или сдали их в аренду. Параллельно с «официальной колонизацией» продолжалась частная скупка европейцами земель у тунисского населения.

В итоге к началу Первой мировой войны европейцам принадлежало свыше миллиона гектаров – почти 36% – пригодных для обработки, притом, как правило, наиболее плодородных земель. Из них около 900 тысяч га принадлежало французам, 87 тысяч га – итальянцам, 48,5 тысячи га – другим европейцам. Примерно четверть перешедших к европейцам земель принадлежала четырем французским компаниям, связанным с банками метрополии.

Как и в Алжире, французские колонисты не составляли большую часть населения Туниса. Так, к началу XX века свыше половины европейцев были этнические итальянцы, 10% – мальтийцы и лишь 20% – французы.

Засилье европейцев привело к созданию в 1895 г. националистических кружков из местной интеллигенции. Позже их по аналогии с младотурками стали называть младотунисцами. Они ставили своей задачей распространение современного образования, реформу ислама, демократизацию законодательства, полное уравнивание тунисцев в правах с французскими гражданами.

Руководителями младотунисцев были аль-Башир Сафар – основатель и профессор колледжа Халдунийя в городе Тунисе; Али-Баш Ханба (Али-паша Ханба); Абд аль-Азиз ас Саалиби и др. В начале XX века возникает первая политическая организация младотунисцев – Национально-исламская партия.

В 1905 г. часть младотунисцев во главе с ас-Саалибом объединилась с французскими радикалами в Республиканскую партию. Она развернула агитацию за уравнивание тунисцев в правах с французами, за республиканский, парламентский режим, самоуправление в городах, экономические льготы для мелких собственников. Колониальные власти пытались расколоть движение, соглашаясь на уступки лишь французским колонистам. В том же 1905 г. был издан декрет, по которому члены

Совещательной конференции избирались всеобщим и прямым голосованием, но лишь французскими гражданами. Другим декретом формально разрешалась свобода собраний, но для проведения политического или религиозно-политического собрания требовалось разрешение властей.

В начале 1907 г. колониальные власти пошли на первые политические уступки. В состав Совещательной конференции было введено 16 туниССких делегатов, но они не избирались, а назначались правительством. Делегаты-французы отказались заседать вместе с туниССами, и тогда правительство в 1910 г. разделило Совещательную конференцию на две секции: французскую и туземную. Права конференции были еще больше урезаны и ограничены обсуждением бюджетных вопросов.

Маневры колонизаторов не могли задержать роста национально-освободительного движения. Во время триполитанской войны 1911 – 1912 гг. младотуниССы организовали кампанию протеста против итальянской агрессии. По всему Тунису собирали средства в пользу сражающейся Ливии, туда направлялись туниССкие врачи, посылались медикаменты. Во многих городах происходили столкновения туниССцев с итальянскими поселенцами, среди которых собственные «национальные» организации вели великодержавную пропаганду. Эти столкновения перерастали в демонстрации против произвола властей, неизменно принимавших сторону итальянцев.

В ноябре 1911 г. в столице произошел взрыв народного возмущения. Муниципалитет города Туриса принял решение имматрикулировать (объявить муниципальной собственностью) мусульманское кладбище аль-Джалляз, чтобы проложить через него трамвайную линию. Народ увидел в этом надругательство над памятью предков. 7 ноября 1911 г. начались демонстрации, расстрелянные полицией и войсками. В разных частях города произошли столкновения с европейцами, перешедшие в стихийное восстание. Власти жестоко его подавили: около 50 человек было убито на улицах, 7 повешено по приговору суда, 28 осуждено на длительные сроки.

Вся страна бурлила от возмущения. Сообщения о зверствах итальянцев в Ливии подогревали ненависть к европейским захватчикам. Новый взрыв произошел в феврале 1912 г., когда под колесами трамвая погиб туниССкий мальчик. Сразу же начались бурные антиевропейские демонстрации.

Власти развернули борьбу с «заговором», якобы имевшим целью свержение французского владычества в Тунисе. В стране было объявлено осадное положение, отмененное только в 1922 г. Закрылись газеты

младотунисцев, Тунисская партия запрещена, а ее лидеры арестованы и в марте 1912 г. высланы из страны. Часть их отправилась в Алжир и Европу, а остальные – в Турцию. Лидеры младотунисцев, особенно правое крыло, и раньше были связаны с младотурками. Лидеру же радикального крыла ас-Саалиби в 1913 г. удалось вернуться на родину и возобновить политическую деятельность. Однако репрессии ослабили национально-освободительное движение.

В годы Первой мировой войны для Франции возросло значение ее североафриканских колоний. Цены на тунисскую продукцию сельского хозяйства и горной промышленности резко подскочили. Конечно, главные барыши достались компаниям и колонистам, но кое-что перепало и тунисским помещикам. В Тунисе стало не хватать некоторых товаров, поступавших ранее из-за границы, что привело к некоторому росту местной промышленности. Для нужд армии было налажено производство консервов и обмундирования. В 1914 – 1918 гг. в военных целях (для производства удушливых газов) началась разработка солончаков у города Заргис. Но с окончанием войны большинство этих предприятий закрылось.

В то время как буржуазия и помещики наживались на военных поставках и спекуляциях товарами широкого потребления, весь груз налогов, дороговизны и рекрутских наборов ложился на плечи простого народа. В армию были мобилизованы 65 тысяч тунисцев, 10,5 тысячи из них погибли. Крестьянские хозяйства разорялись. Крестьяне и даже мелкие помещики теряли землю. Теперь уже недовольство колониальным гнетом и войной становилось всеобщим.

Находившиеся в эмиграции младотунисцы надеялись на освобождение своей родины с помощью Турции и Германии. Группировка, возглавляемая Али-Баш Ханбой, впервые открыто выдвинула требование независимости Туниса. Ее поддержала группа младотунисцев в Женеве, возглавляемая Муххамеддом-Баш Ханбой, братом Али-Баш Ханба. Последний организовал в 1915 г. совместно с младоалжирцами «Комитет независимости Алжира и Туниса». Младотунисцы, остававшиеся в стране, вели активную агитацию среди учащейся молодежи и служащих. Колониальные власти производили среди них аресты, стремились изолировать интеллигенцию от стихийных выступлений масс.

В начале 1915 г. на юге Туниса восстало племя бени-зейд под предводительством аль-Хадж Сайда Бен Абд аль-Латифа. Бени-зейд начали партизанскую войну, которую французам удалось подавить лишь в 1916 г., направив на юг значительные силы. Восстание бени-зейд не вышло из племенных рамок, но нашло отклик по всей стране.

22 декабря 1920 г. в тунисский порт Бизерта прибыли первые корабли «Русской эскадры», то есть суда, угнанные Врангелем в ноябре 1920 г. в Константинополь. Французское правительство определило им стоянку в порту Бизерта. Всего на судах, прибывших в Бизерту, находилось около 5600 человек, включая женщин и детей. Всех сходящих на берег пропустили через дезинфекционный пункт в госпитале Сиди-Абдалла.

В конце декабря 1920 г. семейные чины эскадры вместе с их семьями стали свозить в лагеря Айн-Драгм в горах на северо-востоке Тунисской области, Табарка на берегу Средиземного моря недалеко от Айн-Драгама, в приморский городок Монастир в южной части Тунисской области, а также в Сен-Жан, Эль-Эйш и Рара в горах недалеко от Бизерты.

Все корабли, которые можно было продать, врангелевцы продали. Значительная часть артиллерии была распродана фирмой инженера Клягина. В октябре 1924 г. по приказу французского правительства флаги на уцелевших русских кораблях были спущены, а команды сошли на берег. Подавляющее большинство русских моряков постепенно покинули Тунис.

В апреле 1922 г. бей Мухаммед V ан-Насер предъявил генеральному резиденту требование провести политические реформы. В случае же отказа он грозился отречься от престола. Париж был вынужден провести ряд реформ. Так, был учрежден Большой совет – представительское собрание, дававшее заключение по бюджету, но лишенное права обсуждать политические и конституционные вопросы. Совет состоял из двух секций – тунисской и французской. Члены совета назначались или избирались на основе сложной системы выборов. Кроме того, создавались окружные советы, но их права были весьма ограничены.

В 1926 г. была создана Коммунистическая партия Туниса, но она не играла особой роли в стране. Поэтому в некоторых изданиях указывается иное время ее создания – май 1939 г.

После Первой мировой войны усилилась миграция итальянцев в Тунис, причем правительство Бенито Муссолини активно поддерживало эту тенденцию. В первой половине 1930-х гг. Париж заигрывал с Римом, желая «дружить» против «Владычицы морей». По франко-итальянскому соглашению 1935 г. Франция значительно расширила особые права, предоставленные итальянскому меньшинству в Тунисе соглашениями 1896 и 1919 гг.

Глава 9.

Французское Марокко

С 1631 г. Марокко правила династия Филалидов, которые считали себя потомками Пророка. Представитель этой династии Мухаммад VI и поныне царствует в королевстве Марокко.

В первой половине XIX века «во главе марокканского государства стоял султан, власть которого была ограничена центральным махзенем (правительственным советом). Отдельные части страны находились под управлением халифов – наместников султана, пашей – правителей областей, каидов – правителей округов, шейхов – племенных вождей. Редко султану или махзену удавалось подчинить себе всю территорию страны. Почти всегда Марокко делилось на две зоны: область, подчинившуюся центральному правительству (бияд аль-махзен), и «область мятежа (бияд ас-сиба), не признававшую его власти»^[29].

В 1844 г. разбитый французами алжирский эмир Абд аль-Кадир бежал в Марокко, и султан отказался выдать французам алжирского вождя. В ответ на это в августе 1844 г. французский флот бомбардировал Танжер и Могадор, а в последнем еще и высадил десант. Одновременно французская армия вторглась в восточные провинции страны. В сражении на реке Исли марокканская армия была разбита.

В сентябре 1844 г. при посредничестве Англии, обеспокоенной успехами французов, было заключено Танжерское соглашение между Францией и Марокко. По условиям этого соглашения султан обязывался интернировать алжирского вождя, а впоследствии марокканские войска даже выступили против Абд аль-Кадира.

В мае 1845 г. был заключен франко-марокканский договор о разграничении. Граница с Алжиром была обозначена весьма неопределенно, что оставляло колонизаторам широкие возможности выискивать предлоги для нападений на Марокко.

В правление Абд ар-Рахмана (1822 – 1859) западные державы навязали Марокко режим капитуляций. Первый подобный договор заключили с Абд ар-Рахманом американцы в 1836 г., получив право экстерриториальности. В 1856 г. был заключен договор с Англией, по которому англичане получали не только право экстерриториальности, но и торговые преимущества.

Султан Хасан I (1876 – 1894) пытался добиться пересмотра режима

капитуляций и предложил европейским державам начать переговоры по этому вопросу. На обсуждении марокканского вопроса настаивала также Испания, пытавшаяся оградить свои притязания в Марокко от французов. По инициативе Испании в Мадриде в 1880 г. была созвана конференция 14 держав с участием Марокко. Однако, вопреки желанию марокканского правительства, режим капитуляций не только был сохранен, но и распространен на все остальные державы. Более того, теперь иностранцам разрешалось приобретать в Марокко землю и другую недвижимость. Но Испания добилась своего: участники Мадридской конференции гарантировали марокканский суверенитет, что затрудняло Франции возможность реализовать планы аннексии этой страны.

Однако султан Хасан I не прекращал попыток укрепить независимость страны. Он противился приобретению европейцами марокканских земель и стремился усилить центральную власть. Хасану удалось подчинить себе многие племена, обложить их налогом, чем пополнить государственную казну. При нем Марокко освободилось от внешних долгов, выплатив заем 1860 г. и контрибуцию Испании.

Тем не менее попытки захвата марокканских земель продолжались. В 1881 – 1882 гг. французы вторглись в юго-восточные области Марокко и захватили ряд оазисов. В 1884 – 1885 гг. испанцы заняли бухту Рио-де-Оро, ставшую центром будущей колонии с таким же названием.

Чтобы повысить обороноспособность страны, Хасан приступил к военным реформам. В армию были приглашены европейские инструкторы из разных стран. С помощью европейских специалистов был построен военный завод, основана инженерная школа и началось строительство портовых сооружений в Касабланке. За границу были посланы марокканские студенты.

Хасан даже попытался завести современный ВМФ. Им был заложен легкий крейсер «Al Hassenah» водоизмещением 2000 тонн и две канонерские лодки по 450 тонн. Естественно, эти корабли не могли противостоять европейским флотам, но вполне могли осуществлять патрулирование побережья.

15 декабря 1900 г. Париж и Рим заключили секретное соглашение о поддержке французской экспансии в Марокко в обмен на поддержку итальянских планов захвата Ливии.

8 апреля 1904 г. Англия и Франция заключили соглашение, по которому Франция полностью признавала британское владычество в Египте, а Англия – «особые интересы» Франции в Марокко. В то же время северная часть страны по соседству с британской базой Гибралтар

выделялась Испании.

В октябре 1904 г. было заключено франко-испанское соглашение, по которому Испании предоставлялось право захвата северных и юго-западных районов Марокко, а Франции – остальной части страны.

Одновременно французское правительство усилило нажим на Марокко. В 1901 г. был заключен франко-марокканский договор о дружбе. Французскому консулу предписывалось «разъяснить» марокканскому правительству, что Франция претендует на место первого друга Марокко. В противном же случае она станет злейшим врагом.

В 1902 г. был заключен новый франко-марокканский договор, по одному из пунктов которого власти брались «навести порядок» в сахарских пограничных областях, а марокканское правительство обязалось оказывать им содействие. Под этим предлогом французские войска захватили ряд оазисов Сахары, номинально принадлежавших султану, и бомбардировали марокканский город Фигиг. Одновременно в Северном и Восточном Марокко вспыхнули мятежи, тайно поддержанные Францией и Испанией. Французское влияние стало преобладающим во всех пограничных с Алжиром областях.

Начало XX века ознаменовалось для Марокко новой финансовой кабалой. В 1903 г. султан осуществил внешний заем равными долями у Англии, Франции и Испании. Из 22,5 млн. франков займа он получил только 13,5 млн., а остальное удержали французские банки, разместившие заем. Уже в следующем году консорциум французских банков навязал султану новый заем в 62,5 млн. франков, из которых султан получил 48 млн., ушедших в основном на уплату долга 1903 г. Заем 1904 г. был гарантирован 60% таможенных доходов страны, которые переходили под контроль Франции. А эти доходы составляли самую регулярную часть поступлений в государственную казну. В 1905 – 1906 гг. султан заключил во Франции новые займы, еще более усилившие экономическую зависимость Марокко.

Во Франции был организован «Марокканский комитет», в задачу которого входила разведка минеральных богатств Марокко и изучение возможностей расширения их эксплуатации. В начале 1905 г. в Марокко прибыла специальная французская миссия, чтобы создать государственный банк под контролем французского консорциума банков, организовать портовую полицию под командованием французских офицеров и добиться у султана железнодорожных и других концессий.

Чтобы захватить Марокко, Франция была вынуждена пойти на соглашение со своим вековым противником Англией. Кроме всего прочего,

две главные морские державы сближала ненависть к набиравшей силу Германской империи. Дипломаты с обоих берегов Канала быстро нашли общий язык. Весной 1903 г. состоялся визит нового короля Эдуарда VII в Париж. (Королева Виктория умерла 22 января 1901 г.) Визит этот носил характер эффектной демонстрации сближения Англии и Франции. В Париже король много говорил о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Летом 1903 г. президент Французской республики Лубэ прибыл с визитом в Лондон. Его сопровождал Делькассе – главный поборник англо-французского сближения. Между Делькассе и главой Форин офис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжились между Ленсдауном и французским послом Камбоном.

Главной темой переговоров было устранение колониальных разногласий между Англией и Францией. Французская сторона выдвинула вопрос о Марокко и Сиаме, а англичане добавили и Египет.

Заключенный 8 апреля 1904 г. договор принял форму соглашения о разделе колоний. Пресса обеих стран окрестила его «сердечным согласием».

Договор Антанты^[30] представлял собой очень любопытный документ. Он состоял из двух частей: открытой, предназначенной для опубликования, и секретной.

В открытой декларации «О Египте и Марокко» английское правительство заявило, что оно не имеет намерения изменять политический статус Египта и Марокко. В статьях же секретного соглашения в полную противоположность статьям публичной декларации предусматривалась возможность изменения «политического статуса» как Марокко, так и Египта.

Отдельной декларацией устанавливался раздел Сиам между Англией и Францией на сферы влияния по реке Менам. Западная часть страны, граничащая с Бирмой, становилась сферой влияния Англии, а восточная, граничащая с Индокитаем, – Франции.

После заключения соглашения с Францией британское Адмиралтейство стянуло в метрополию из Средиземного моря и других многочисленных владений Англии около 160 боевых кораблей. После создания Антанты английские коммуникации по всему миру оказывались в относительной безопасности, их теперь обеспечивал французский флот. А свои основные военно-морские силы Англия теперь сосредоточила против Германии. Раньше главные базы английского флота располагались по

побережью Ла-Манша, напротив французских берегов, а с 1903 г. Англия начала строить крупные военно-морские базы на своем восточном побережье, обращенном в сторону Германии.

Замечу, что Англия и Франция серьезно рисковали. В феврале 1904 г. Япония, связанная с Англией союзным договором 1902 г., напала на Россию. Франция же фактически предала свою восточную союзницу. С другой стороны, Германия существенно помогла России поставками боевых кораблей, подводных лодок, артиллерийских орудий и т. д. Будь в России иное руководство, союз между Германией и Россией мог быть заключен еще в 1905 г. Не было бы Цусимы, революции 1905 г., и вообще вся мировая история могла пойти совсем в ином направлении.

По настоянию министра иностранных дел рейхсканцлера графа Бернхарда фон Бюлова Вильгельм II отправился на своей яхте «Гогенцоллерн» в Средиземное море якобы просто попутешествовать. И это не вызвало подозрений, поскольку было общеизвестно, что германский император большой любитель морских прогулок. 31 марта 1905 г. кайзер высадился на берег в Танжере, где ему была организована торжественная встреча. Марокканский султан послал в Танжер своего дядю, чтобы приветствовать германского императора, посетившего Марокко. Встречать кайзера вышла и имевшаяся в Марокко небольшая немецкая колония под предводительством представителя фирмы Круппа.

Отвечая на приветствия, Вильгельм II выступил с речью, которая немедленно облетела всю мировую печать. Кайзер заявил, что прибыл приветствовать султана как независимого государя. Он надеется, что под его властью Марокко останется открытым для мирной конкуренции всех наций – без монополий и без исключений для кого бы то ни было. Кайзер добавил, что готов защищать германские интересы в Марокко и для этого будет сноситься непосредственно с султаном. Отвечая на приветствия французского дипломатического представителя, Вильгельм заявил, что он знает, как надо защищать права Германии, и надеется, что Франция будет их уважать.

Слова кайзера означали, что Германия обращается к Англии и в особенности к Франции с требованием отказаться от претензий на Марокко.

В ответ министр иностранных дел Франции Делькассе заявил в Париже: «Европа на моей стороне, Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, мое положение превосходно... Германия не может хотеть войны, и ее нынешнее выступление не более как блеф: она

знает, что против нее выступит Англия. Я повторяю, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас»^[31].

К концу мая дело дошло до того, что германский посол в Риме открыто заявил, что, «если французские войска войдут в Марокко, германские войска немедленно перейдут границу Франции»^[32].

Перед Николаем II открылась блестящая возможность исправить катастрофическое положение после Мукдена и Цусимы. Поддержка Россией Германии в вопросе о Марокко могла иметь только два результата: или капитуляцию Англии и Франции, тогда Германия получила бы Марокко, а Россия – почетный мир на Дальнем Востоке; или войну против Англии и Франции в союзе с Германией и Австро-Венгрией, которую физически невозможно было бы проиграть. И вот тогда «коварному Альбиону» пришлось бы заплатить за все, от поддержки панов в 1863 г. до проведения крейсеров «Ниссин» и «Касуги» в 1904 г в Японию.

10 июля 1905 г. из Кронштадта в залив вышла императорская яхта «Полярная звезда», на борту которой находился Николай II. Собственно говоря, ничего необычного в этом не было – царь-батюшка любил отдохнуть. Ранней весной он уезжал в Крым в Ливадию, где обязательно встречал Пасху. С наступлением жары царь возвращался в Царское Село или в Петергоф, а в июне – июле путешествовал на яхте в финских шхерах. Август и начало сентября он проводил на охоте в Беловежской Пуще, а в сентябре опять ехал в Ливадию, где оставался до конца ноября – начала декабря. Но тут есть маленький нюанс: во все эти поездки царь отправлялся только с семьей. А 10 (23) июля он поехал в шхеры один.

В течение двух дней, 10 и 11 июля, царь и кайзер вели переговоры на борту «Гогенцоллерна». В Бьёрке в ночь с 10 на 11 июля было подписано секретное соглашение. Советские историки старались приписать инициативу встречи германской стороне. Но эта ложь была опровергнута в 1939 г. известным историком-монархистом С.С. Ольденбергом^[33]. Он писал, что Николай II еще 7 июля 1905 г. послал императору Вильгельму приглашение посетить финские шхеры.

Замечу, что со времен Александра II в России жестко выполнялось правило: когда царь встречался с иностранными монархами и вел с ними политические беседы, то его обязательно сопровождал министр иностранных дел. На этот раз было сделано исключение, Николай II не только не взял с собой графа Ламздорфа, но, уезжая утроем 10 июля, не уведомил министра иностранных дел, что вечером его ждет встреча с кайзером.

Эмигрантский историк С.С. Ольденберг в 1939 г. писал: «Бьёркский договор устанавливал взаимное обязательство для России и для Германии оказать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой статьей указывалось, что Россия предпримет шаги для привлечения Франции к этому союзу. Договор должен был вступить в силу с момента ратификации мирного договора между Россией и Японией. Острие договора было явно направлено против Англии...

Бьёркский договор как союз материковых держав против Англии вполне соответствовал тем воззрениям, которые Государь неоднократно высказывал, начиная с весны 1895 г. Но в данный момент он имел еще одно, гораздо более непосредственное значение. Государь подготавливал возможность продолжения войны с Японией»^[34].

По прибытии в Петергоф 12 июля царь записал в дневнике: «С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров»^[35].

Действительно, ведь, кроме царя, в России никто не знал о договоре. Как писал А.П. Извольский: «По возвращении в Петербург во время аудиенции, которая была дана министру иностранных дел, как рассказывал мне граф Ламздорф, Николай был очень обеспокоен и озабочен. Он медлил пятнадцать дней, прежде чем решился заговорить о договоре. Граф Ламздорф был совершенно подавлен, когда узнал об этом, и со всей убедительностью, на которую только был способен, стремился указать императору опасность положения и полную необходимость принять немедленные меры для уничтожения договора»^[36].

Профранцузское лобби и прежде всего масоны из ложи «Великий Восток» сорвали план общеевропейского союза России, Германии и Франции, направленного против всемирного спрута – Британской империи.

Англия обещала полную поддержку Франции в марокканском кризисе. В итоге 28 сентября 1905 г. Франция и Германия достигли договоренности о созыве конференции по Марокко.

5 января 1906 г. в испанском городе Альхесирасе началась международная конференция. Она закончила свою работу 7 апреля 1906 г. подписанием трактата, определявшего положение марокканского государства. Трактат устанавливал независимость султана, «целостность его государства», «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении». В соответствии с этим Марокканский государственный банк создавался под контролем иностранных банков: английского (Bank of England), французского, германского Рейхсбанка и

Испанского государственного банка.

Наибольшее противоречие вызвал вопрос организации полиции в Марокко. Так, Германия не хотела отдавать Франции контроль за поддержанием внутреннего порядка в Марокко. Немцы пригрозили разрывом, но, никем не поддержанные, не могли помешать тому, что Франции вместе с Испанией было поручено фактическое руководство марокканской полицией.

Алхесирасский трактат гласил: «В помощь султану, для устройства... полиции будут командированы в его распоряжение соответствующими правительствами испанские и французские офицеры и унтер-офицеры инструкторы». Однако верховным контролером над марокканской полицией поставили швейцарского офицера, присвоив ему звание генерального инспектора. Реально же он не играл никакой роли.

Алхесирасский трактат устанавливал международный контроль над таможнями. Но на алжирской границе таможенный контроль переходил в руки одной Франции, а в Риффской области – к Испании.

Сразу же после Алхесирасской конференции Франция начала оккупацию основных районов Марокко. В 1907 г. французы заняли Ужду, затем Касабланку и округ Шавия. Французская оккупация вызвала восстание против султана Абд-аль-Азиза, которого марокканцы считали предателем. В 1908 г. вожди племен провозгласили султаном Мулай-Хафида.

Воспользовавшись борьбой сторонников старого и нового султана, Франция оккупировала еще несколько оазисов. После того как Мулай-Хафид обязался выплатить Франции и Испании контрибуцию, согласился на оккупацию французскими и испанскими войсками уже занятых ими частей страны и принял на себя все международные обязательства Абд-Аль-Азиза, 6 января 1909 г. он был признан державами.

В 1910 г. Франция навязала Мулай-Хафиду заем в 100 млн. франков. Вынужденный выискивать новые источники доходов, Мулай-Хафид обложил племена налогами. Начавшееся в 1911 г. в связи с этим восстание племен дало повод Франции и Испании оккупировать большую часть страны.

Французская оккупация встретила сопротивление со стороны Германии, не желавшей без компенсации уступать Марокко. В ответ 1 июля 1911 г. в марокканский порт Агадир прибыла германская канонерская лодка «Пантера». Это был небольшой корабль водоизмещением всего в тысячу тонн, вооруженный двумя 105-мм орудиями. Тем не менее английские и французские СМИ подняли страшный вой, назвав этот визит «прыжком

пантеры».

Немедленно в дело вмешалась Англия. Ее министр иностранных дел Грей предупредил германского посла, что Англия не допустит утверждения Германии на западном побережье Марокко. В Лондоне боялись, как бы Франция не капитулировала и не заключила сделки с Германией. 21 июля по поручению кабинета канцлер казначейства Ллойд-Джордж публично выступил по марокканскому вопросу. Он заявил, что Англия не позволит решать этот вопрос без ее участия. Ллойд-Джордж говорил: «Я готов на большие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только ценой отказа от того большого и благотворного положения, которое Британия завоевала столетиями героизма и успехов. Если Британию в вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы, будут третировать так, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда – я подчеркиваю это – мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша»^[37].

Россия также стала на сторону Франции в обмен на обещание поддержать ее претензии на Черноморские проливы. Замечу, что и Лондон, и Париж никогда и в мыслях не допускали возможности передачи проливов России, но пообещать в обмен на Марокко Франция могла России даже Луну.

Германии пришлось пойти на попятную. В ноябре 1911 г. было, наконец, подписано франко-германское соглашение. Германия безоговорочно признала протекторат Франции над Марокко. В качестве отступного она получила лишь небольшую часть Французского Конго. Вместо большой и стратегически важной колонии Германии пришлось довольствоваться некоторым пространством тропических топей. Это были две узкие полосы земли, связавшие немецкий Камерун с рекой Конго.

30 марта 1912 г. в городе Фасе султан Мулай-Хафид подписал договор о протекторате, продиктованный ему французским посланником, а в ноябре того же года Франция подписала в Мадриде соглашение с Испанией, по которому устанавливались границы испанской зоны. Танжер выделялся в особую область. Султан Мулай-Хафид, пытавшийся проводить самостоятельную политику, в августе 1912 г. был лишен власти, а его место занял более покорный Мулей-Юсуф. А фактически власть в стране перешла к французскому генеральному резиденту генералу Лиоте, занимавшему этот пост до 1926 г.

После провозглашения протектората французские банки, тресты и компании начали захватывать в Марокко земли и недра. Французские

компания получили концессии на строительство и эксплуатацию портов и железных дорог. «Генеральная компания Марокко», контролировавшая большинство французских концессионных предприятий, превратилась в фактического хозяина страны. В руки французских земельных компаний, крупных помещиков, промышленников и генералов попали земли, принадлежавшие ранее султану и мусульманским религиозным организациям. Земли родовых и сельских общин специальным декретом 1919 г. были переданы под управление «Французской дирекции туземных дел» для заселения их французскими колонистами.

В 1921 г. началось восстание рифских племен в испанской части Марокко. Возглавил восстание талантливый политический деятель, стратег и организатор АСщ-эль-Крим. В июле 1921 г. рифы в сражении при Ануале разбили испанского генерала Сильвестре и взяли 20 тысяч пленных. Испанцы были вынуждены покинуть область рифов, где в 1922 г. была образована Республика Риф. В 1924 г. фашистский диктатор Испании Primo де Ривера попытался возобновить военные действия против рифов, но успеха не добился.

Абд-эль-Крим планировал проведение ряда реформ, которые должны были способствовать экономическому и культурному развитию вновь созданной республики. Однако непрерывные войны, которые ему пришлось вести (сначала с Испанией, а потом и с Францией), не дали ему возможности осуществить свои планы.

Французское правительство, стремившееся захватить всю территорию Марокко, сначала поддерживало Абд-эль-Крима. Однако его победы, нашедшие отклик во всех французских колониях Северной Африки, напугали Париж. Оккупировав в 1925 г. главную продовольственную базу рифов – долину Уэрги, французское военное командование вынудило рифов начать военные действия. После года упорной борьбы с франко-испанскими войсками Республика Риф была уничтожена, а Абд-эль-Крим сослан на остров Реюньон.

Следует отметить, что Испания и Франция в борьбе с рифами применяла самые новейшие типы вооружений, включая танки, бронев автомобили, а также самолеты и дирижабли. Большая испанская эскадра блокировала марокканское побережье и поддерживала свои войска огнем артиллерии. Так, летом 1923 г. у берегов Марокко действовали 2 испанских монитора, 2 крейсера, 12 эсминцев, 11 канонерских лодок и другие корабли.

26 августа 1923 г. линкор (дредноут) «Испания» налетел на подводную скалу у мыса Тре-Фокас. Безграмотные действия командира привели к

гибели корабля. После этого все крупные испанские корабли были отозваны от берегов Марокко.

С 1925 г. в боевых действиях стал принимать участие и отряд кораблей из французской Средиземноморской эскадры в составе 2 легких крейсеров, 6 эсминцев, 2 канонерских лодок, 4 сторожевых судов и т. д.

Французские войска вели боевые действия с необычайной жестокостью. Извиняюсь, с обычной жестокостью, с которой просвещенные французы вели колониальные войны.

Официальное французское наставление для боевых действий экспедиционных отрядов гласило: «Все репрессии должны проводиться немедленно и сурово. Нельзя останавливаться перед сожжением деревень и посевов, так как опыт показал, что великодушие истолковывается как слабость и побуждает марокканцев к новым нападениям».

Французский капитан Тарри писал в своем очерке «Применение партизан в Марокко» (*Revue de cavalerie*, март – апрель 1923 г.): «Наше продвижение в район "непокорных" выражается в занятии стратегических пунктов и, в особенности, участков, необходимых для экономической жизни враждебных нам племен, – пахоты, пастбищ, водоемов, рынков и т. п. Когда мятежники, оттесненные в горы, теряют свои последние клочки пашни и пастбищ, они должны уже сдаться; при затягивании сопротивления они рискуют погибнуть от холода и голода. Вот почему они и отваживаются бродить у самых наших постов и чуть не под дулами пушек собирать клочки травы, необходимой для корма спасенных быков и овец; тут-то и удобный случай нашим партизанам ударить внезапно на зарвавшегося противника...»^[38]

Но и после уничтожения Рифского государства борьба марокканцев за независимость не утихала. В 1929 – 1930 гг. вспыхнуло восстание в области Тадла. В 1930 г. начались волнения в городе Фесе, в 1932 г. – в области Тафилелы. Волнения племен вдоль алжиро-марокканской границы были столь сильны, что французское командование было вынуждено создать специальный алжиро-марокканский пограничный военный округ.

Глава 10.

Французская Западная Африка

Для начала стоит уточнить, что такое Французская Западная Африка, поскольку этот термин мало знаком отечественному читателю. Поэтому мы обратимся к справочнику «Франция и ее владения». Там говорится:

«Французская Западная Африка – обширное владение Франции в западной и центральной части Африки у Атлантического океана, объединяющее 7 колоний и 1 территорию. Географические координаты: 4°20' – 27°20' с. ш., 16° в. д. – 17°30' з. д.

Территория – 4,702 тыс. кв. км»^[39].

Территория Дакар – около 0,2 тысячи кв. км; Сенегал (Сен-Луи) – 201,2 тысячи кв. км; Мавритания (Сен-Луи) – 835 тысяч кв. км; Французская Гвинея (Конакри) – 251 тысяч кв. км; Берег Слоновой Кости (Абиджан) – 477,1 тысячи кв. км; Дагомен (Порто-Ново) – 412 тысяч кв. км; Французский Судан (Бамако) – 1531,3 тысячи кв. км; Нигер (Низмей) – 1293,8 тысячи кв. км.

Термин «Французская Западная Африка» весьма удобен как метка, обозначающая группу французских колоний, поэтому мы будем пользоваться им и далее.

У нас еще с дореволюционных времен бытует мнение, что в странах Центральной Африки до прихода европейцев жили исключительно дикие племена. На самом деле в Северной и Центральной Африке к XV веку существовали довольно развитые государства, многие из которых были соизмеримы с королевством Франция в XVII веке.

Территория Французской Западной Африки с древнейших времен была населена многочисленными племенами суданских негров (мандвинго, уолоф, сонтраи и др.). Еще в V веке до нашей эры карфагеняне достигли берегов Мавритании. В Средние века арабы и берберы неоднократно проникали на территорию, составившие впоследствии Французскую Западную Африку. В XIII веке сильное племя мандинго, жившее по среднему течению Нигера, создало большое негритянское государство Мели, которое в XV веке было покорено племенем сонрайев, попавших позже под власть марокканцев. Затем на этих территориях обосновались племена фульбэ из Сенегала, также образовавшие свое государство.

С XI века во Французской Западной Африке началось распространение

ислама, пришедшего с севера вместе с арабами и берберами.

Первой французской колонией в Западной Африке стал Сенегал. Первыми европейцем, посетившим Сенегал, стал португальский моряк Диниш Дасс, добравшийся в 1444 г. до Зеленого Мыса.

Первые французские фактории в устье реки Сенегал были основаны в 1630 г., а в последующие годы был простроен форт на острове Сен-Луи, а также французы захватили у голландцев форты Аргуин и Гори. Последний постепенно стал основной французской морской базой в Западной Африке.

В 1633 г. была основана французская Сенегальская компания. А в 1638 г. – поселение в устье реки Сенегал, получившее в 1659 г. наименование Сен-Луи.

В 40-х гг. XVII века небольшие французские гарнизоны или фактории появились в нескольких местах на Береге Слоновой Кости и Невольничьем Береге, где купцы из Нанта, Марселя и Бордо издавна занимались работоторговлей, а также скупкой золота и пальмового масла.

В этот же период французы утвердились на побережье Нижней Гвинеи. В 1837 – 1843 гг. их военные корабли обследовали побережье в районе экватора, и в бухте Габон началось строительство форта. В 1849 г. французы захватили судно с рабами, освободили их и привлекли к постройке селения Ливерпуль.

С несколькими старейшинами местных деревень, населенных мпонгве, были заключены договоры, передававшие Франции «суверенные права» на участки побережья между бухтой Габон и Рио-Муни. О характере этих договоров можно судить по сделке, заключенной в 1842 г. со старейшиной Рио-Муни по имени Коако. Согласно договору, французы получали участок побережья площадью в одну квадратную милю за две бочки спиртных напитков крепостью в 16°, восемь кусков ткани по 7 саженьей каждый и 400 связок табака.

Фактория на побережье Гвинейского залива не имела важного экономического значения. Французские коммерсанты извлекали доходы в основном из торговли в Сенегале, откуда вывозились в больших количествах камедь и арахис.

В середине XIX века колония Сенегал насчитывала порядка 50 тысяч жителей. Она состояла из двух-трех поселков европейского типа и нескольких десятков деревень, населенных в основном народом волоф. В столице колонии Сен-Луи проживало около 12 тысяч человек. Еще в 50-х гг. XIX века французские поселения в устье реки Сенегал платили дань местным волофским вождям, которые рассматривали построенный французами Сен-Луи и примыкавшие к нему земли как свою

собственность. Лишь в 50 – 60-х гг. XIX века, когда правительство Второй империи приступило к осуществлению широкой программы колониальных захватов в разных районах земного шара, французы расширили свое влияние в Сенегале настолько, что устье реки, а также некоторые опорные пункты в ее среднем течении (до Медины) полностью попали под их контроль.

Основной задачей колониальных войн 50 – 60-х гг. XIX века было обеспечение торговых путей к востоку от устья Сенегала. Оттуда в Сен-Луи поступала камедь, которую продавали арабы в факториях, лежавших по течению реки. Помимо этого французы решили построить вдоль реки Сенегал линию фортов, опираясь на которые, они могли бы продвигаться в глубь Африки, в бассейн реки Нигер.

В начале 50-х гг. XIX века французские колониальные власти направили против арабских племен, торговавших камедью, несколько экспедиций. Французы угнали у арабов десятки тысяч голов скота, оттеснили их с пастбищ к югу от реки Сенегал, и те были вынуждены капитулировать. Одновременно французы начали операции против тукулерского государства Аль-Хадж Омара в верхнем и среднем течение Сенегала. Французы разбили тукулеров и построили в областях Хассо и Бонду несколько фортов. А деревни в Хассо и Бонду, жители которых пытались сопротивляться, были сожжены.

В начале 60-х гг. XIX века французы начали завоевание Кайора. Но дело это оказалось нелегким. На руку французам сыграла борьба за престол дамеля (правителя), вмешавшись в которую они смогли привлечь на свою сторону часть местной знати. Французы возвели на престол своего ставленника, который вскоре был свергнут, и его место занял Лат-Диор – ярый борец за независимость страны. В декабре 1863 г. Лат-Диор окружил роту колониальных войск, которых поддерживал двухтысячный отряд кайорских вождей, враждовавших с новым дамелем. Французы и их союзники были разбиты. Лишь в январе 1864 г. французы, собрав тысячный экспедиционный корпус, смогли нанести поражение Лат-Диору и оккупировать Кайор.

Лам-Диор вместе со своими сторонниками отступил в страны Баол и Джолов, откуда неоднократно устраивал набеги на Кайор, вынуждая губернатора Сенегала держать там многочисленные гарнизоны.

После поражения в войне с Пруссией, в 1871 г., французское правительство прекратило финансирование новых экспедиций в Сенегале. Колониальные войска из Кайора были выведены, а с Лат-Диором заключен мир, по которому Франция признала независимость волофского

государства.

Война с Пруссией временно приостановила экспансию Франции в Тропической Африке. Правительство Третьей республики распорядилось эвакуировать небольшие воинские подразделения, несшие гарнизонную службу в отдельных деревнях Гвинейского побережья, сохранив в Западной Африке лишь Сенегал, Габон и опорные пункты в районе так называемых рек Юга. Правительство Третьей республики распорядилось эвакуировать небольшие воинские подразделения Меллагоре, Понго и Нунес (будущая Французская Гвинея).

Активные военные действия возобновились лишь во второй половине 70-х гг. XIX века, когда Третья республика, оправившись от поражения 1870 г., вместе с другими европейскими странами начала захват колоний по всему миру. Для этого французское правительство собрало в Сенегале 4 – 5 тысяч солдат регулярных войск, большую часть которых составляли сенегальские стрелки, вербовавшиеся в основном из рабов, купленных колониальными властями.

Вторгшиеся в глубинные области Западной Африки европейцы захватывали и грабили города и селения. Колониальная армия беспощадно подавляла любое сопротивление. Из-за бездорожья и порожистых рек передвижение и снабжение французской армии сильно усложнялось, поэтому на переноску военного снаряжения нередко угонялось все трудоспособное население захваченных областей. Офицеры и генералы фактически поощряли работорговлю, раздавая пленных женщин и детей сенегальским стрелкам и другим африканским отрядам, набранным среди туземного населения с помощью местной знати.

О том, как велись колониальные войны, можно судить по рассказу очевидца, присутствовавшего при захвате Сикасо – столицы государства сенуфо: «После осады следует штурм. Бабемба (правитель секуфе) кончает жизнь самоубийством. Отдается приказ грабить. Всех захватывают или убивают... Полковник приступает к дележу добычи. Сначала он сам отмечал в записной книжке, но потом отказался, заявив: "Поделите между собой". Делили со спорами и дракой. Затем – в путь! Каждый европеец получил по женщине на выбор... Обратно шли переходами по 40 километров вместе с пленными. Детей и всех тех, кто выбился из сил, прикончили ударами прикладов и штыков»^[40].

В Сенегамбии самыми сильными противниками Франции были тукулеры Фута и волофы Кайора. Однако политическая ситуация в Фута, где не затухала борьба между отдельными группировками местной знати, была нестабильной. Внутренняя борьба, как и войны, начатые против

волофов под знаменем джихада одним из представителей тукулерской знати – Ахмаду-Шейку, облегчали Франции захват территорий, населенных этими народами.

После того как Ахмад-Шейку покорил соседнее с Кайором волофское государство Джолоф, Франции было нетрудно использовать опасения Лат-Диора, что тукулеры вторгнутся в пределы его владений. С Кайором было заключено соглашение о совместных военных действиях, и в начале 1875 г. объединенные силы французов и кайоров разбили отряды Ахмаду-Шейку в ожесточенном сражении при Коки (к юго-востоку от Сен-Луи). В этом бою тукулеры, по признанию французов, показали чудеса храбрости. Первыми перейдя в наступление, они под ураганным ружейным и артиллерийским огнем приблизились к противнику менее чем на сто шагов. Французы и кайорцы с трудом отбили эту атаку, бросив в бой кавалерию. Не выдержав натиска, тукулеры отступили, но при этом французский отряд, насчитывавший 600 человек, потерял более сотни убитыми и ранеными.

Разбив с помощью Лат-Диора тукулеров, французы постепенно подчинили Фута своему влиянию. Но в некоторых районах этой страны сопротивление продолжалось до начала 90-х гг. XIX века. Но силы тукулеров были подорваны. В 1887 – 1889 гг. они, так и не смирившись с французским господством, целыми деревнями двинулись на восток, в пределы государства Ахмаду. Те же, кто остался в Фута, признали протекторат Франции.

В начале 1880-х гг. французы решили прибрать к рукам и Кайор. Губернатор Сенегала потребовал, чтобы Лат-Диор согласился на строительство железной дороги Дакар – Сен-Луи и обеспечил его дешевой рабочей силой. В ответ Лат-Диор писал губернатору: «Ты утверждаешь, что она (железная дорога) принесет нам счастье и богатство, а я думаю, что она низведет до положения рабов меня и моих вождей»^[41].

В итоге стороны так и не пришли к соглашению, и французы в декабре 1882 г. двинули против волофов войска. Опустошенная длительными войнами страна не могла сопротивляться, и Лат-Диор отступил за пределы Кайора, а его престол занял Самба-Лаобэ, подписавший договор о протекторате. А в 1886 г. Самба-Лаобэ был предательски убит во время переговоров, после того как попытался проводить самостоятельную политику. В том же году во время набега на французский пост погиб и Лат-Диор. Кайор был включен в состав колониальных владений Третьей республики.

К захватам областей, населенных малинке и бамбара, французы приступили в 80-х гг. XIX века, начав строительство шоссе между реками

Сенегал и Нигер и железной дороги Каес – Диаму в обход порогов, преграждавших движение по реке Сенегал. Правительство Третьей республики спешило укрепиться в Верхнем Нигере, чтобы опередить англичан, продвигавшихся на восток из Гамбии и Сьерра-Леоне. Правда, с англичанами, как и с португальцами, в 1880-х гг. были заключены сделки о разграничении в приморских районах. Но тогда как границы Португальской Гвинеи были окончательно определены в 1886 г., с Англией все еще не удавалось достигнуть соглашения о разделе глубинных районов.

К тому времени, когда французы проникли в Верхний Нигер, там завершился процесс объединения ряда мелких государств малинке под руководством исламизированной элиты. В эмирате, который возглавил Самори, принявший титул эмира и альмаамиимама, самым многочисленным народом были малинке. Помимо этого в объединенное государство вошли территории, населенные бамбара, диула, сенуфо. Правители княжеств, существовавших ранее в Уасулу и бассейне Мило, были низложены, а вся территория эмирата разбита на несколько областей во главе с губернаторами, назначенными Самори.

Старые династии сохранились лишь в окраинных районах, признавших вассальную зависимость от эмира.

Государство опиралось на армию, которая насчитывала 10 – 15 тысяч человек. Ее ядро составляли профессиональные военные, значительная часть которых комплектовалась за счет населения завоеванных стран. При войсках находились мастерские, где местные кузнецы чинили европейское огнестрельное оружие, а также изготавливали новые винтовки, скопированные с европейских образцов.

Проникновение Франции на Верхний Нигер облегчалось соперничеством между эмиратами Самори и Ахмаду, попытками захватить государство сенуфо Кенедугу. Несмотря на то что Самори и Ахмаду периодически вступали в дипломатическую переписку, они так и не договорились о совместных действиях против европейцев.

Стойкость воинов племени малинке французы почувствовали в первых же столкновениях. Большие укрепленные деревни, таты, на левобережье Нигера удалось захватить лишь в результате ожесточенных боев, стоивших сенегальским стрелкам больших потерь. Рейд на правый берег реки, предпринятый в 1882 г., закончился безрезультатно. Столкнувшись здесь с большим отрядом Самори, колониальные войска отступили и, преследуемые малинке, укрылись в фортах Верхнего Сенегала.

Бои с переменным успехом продолжались и в 1883-м, и в 1885 гг. Лишь в январе 1886 г., после того как на Верхнем Сенегале был

сконцентрирован отряд в тысячу штыков, французы смогли нанести войскам Самори первое поражение. По некоторым данным, у малинке было тоже порядка тысячи человек войска. Вооруженные кремневыми ружьями, дальнобойность которых не превышала 200 м, малинке были вынуждены отступить на правый берег Нигера.

Экспансия Третьей республики в бассейне Конго усилилась после того, как в конце 1870-х гг. стали известны результаты путешествий Г. Стэнли и французского офицера С. Де Бразза в глубь Экваториальной Африки. Де Бразза, который смог разведать путь из бухты Габон в бассейн Конго, в 1883 г. был назначен командиром отряда в 400 человек и получил задание укрепиться в среднем течении Конго, выше порогов. В 1883 – 1885 гг. французы построили здесь первые форты, вокруг которых вскоре образовалось мертвое пространство, так как местные жители стали покидать эти районы. Де Бразза писал, что фанг «знакомы с нашей цивилизацией лишь потому, что их часто наказывали, сжигая деревни! В настоящее время... наше влияние на судоходных реках эстуария Габона не простирается далее, чем на расстояние ружейного или пушечного выстрела. Продолжительность этого влияния ограничивается сроком пребывания канонерок...»

На Берлинской конференции 1884 – 1885 гг. делегаты Третьей республики заявили о претензиях на все правобережье и частично на левобережье Конго. В конце концов под давлением Англии и Германии французы вынуждены были довольствоваться «международным» признанием своих владений на правом берегу Конго, в то время как левый достался бельгийцам. Кроме того, весь бассейн реки Конго был объявлено зоной свободной торговли, то есть Франции запрещалось вводить здесь какие-либо преференции для своих коммерсантов.

Неудачи Третьей республики на Дальнем Востоке, в Индокитае, замедлили расширение ее колониальных владений во второй половине 80-х гг. XIX века. После того как французские войска потерпели поражение в 1885 г. при Ланг-Соне, правительство умеренных республиканцев, настаивавшее на всемерном усилении колониальной агрессии, было вынуждено уйти в отставку. Под влиянием поражений на Дальнем Востоке в парламенте стали все чаще раздаваться призывы к уменьшению кредитов на дальние заморские экспедиции, отвлекавшие силы метрополии от подготовки реваншистской войны против Германии.

Положение изменилось в 1889 г., когда на очередных выборах умеренные республиканцы усилили свои позиции. В парламенте сложилась «колониальная партия» – группа ярых приверженцев экспансии в Азии и

Африке, прямые ставленники складывавшейся финансовой олигархии. Департамент колоний возглавил лидер этой партии Э. Этьенн, депутат от французских колонистов Алжира, состоявший в свое время на службе у крупнейшей морской компании «Мессажери маритим».

В 1890 г. Франция начала экспансию в район Невольничьего Берега, входившего в состав Дагомеи. Армия Дагомеи насчитывала 12 – 15 тысяч человек, так что воевать с ней было проблематично. В начале 1890 г. французы сожгли в приморских районах несколько деревень, но сломить сопротивление не смогли. Гарнизон из нескольких сот сенегальских стрелков, укрепившийся в Порто-Ново, оказался фактически блокирован с суши. Все попытки отбросить дагомейскую армию от Порто-Ново заканчивались большими потерями. В конце концов, французское правительство пошло на мирные переговоры, и в октябре 1890 г. было подписано компромиссное соглашение, по которому Франция удерживала за собой Порто-Ново и Котону, но должна была в виде компенсации платить Дагомею по 20 тысяч франков ежегодно.

Это соглашение дало дагомейцам некоторую передышку, которую они использовали для усиления своих вооруженных сил. А правитель Дагомеи Беханзин обратил себе на пользу противоречия между Францией и ее колониальными соперниками на Невольничьем Берегу – Англией и Германией. В факториях, принадлежавших коммерсантам этих стран, были закуплены крупные партии современного стрелкового оружия, а также несколько орудий и пулеметов.

Собрав на побережье порядка 3,5 тысячи войск, французы в сентябре 1892 г. спровоцировали конфликт. Сопротивление было мощным, особенно на подступах к столице государства городу Абомею. В этой компании французы потеряли убитыми и ранеными свыше 740 человек.

Но силы были неравны, и Беханзин в ноябре 1892 г. был вынужден выслать парламентаров для мирных переговоров. Командующий французским корпусом генерал Додде в качестве предварительного условия мира потребовал сдать артиллерию и уплатить контрибуцию. Дагомейцы отправили французам часть своей артиллерии и винтовок. Однако Додде, получив это оружие, возобновил военные действия. Беханзин с остатками своей армии отступил на север Дагомеи, где продолжал борьбу еще более года. А в январе 1894 г. местная знать выдала его французам. Беханзин был сослан в Вест-Индию, а затем в Северную Африку.

Военные действия на Среднем Нигере французы начали в 1890 г., перебросив туда из фортов Верхнего Сенегала полуторатысячный отряд. В войне против эмирата Ахмаду французы решили использовать племенную

рознь. Так, они спровоцировали столкновения между тукулерами и бамбара, поскольку в эмирате Ахмаду тесно переплетались классовые, религиозные и национальные противоречия. Мусульманская знать тукулеров не могла рассчитывать на поддержку угнетенных бамбара, которые сохраняли политеистические верования. Французы, притворившись друзьями бамбара, поддерживали представителей династий, правивших в Секу и Карте до завоеваний Аль-Хадж Омара. Поэтому бамбара активно поддерживали французов в их борьбе с тукулерами.

Продолжая натравливать туземные племена друг на друга, французы укрепились в области Сегу. Французский офицер, участник боевых действий, писал: «Экспедиции были очень удачны, и мы понесли весьма малые потери. Но, черт возьми, какая война!.. Всякий мужчина, взятый в плен, немедленно обезглавливается; женщин и детей превращают в рабов, раздают их стрелкам-воинам вспомогательных частей»^[42].

С продвижением французов в область Карты сопротивление тукулеров усиливалось. Лишь после упорных боев были захвачены с помощью союзников-бамбара таты (укрепленные деревни) Усебугу и Ниоро. Особенно ожесточенное сражение произошло под Усебугу. Никто из защитников крепости не сдался французам живым, они предпочли плену смерть и взорвали бастион, в котором укрывались.

Разгромив государство тукулеров, французы вновь двинулись против Самори. В начале 1891 г. они перебросили свои войска на правый берег Нигера и приступили к оккупации Уасулу.

На этот раз малинке лучше подготовились к военным действиям, чем в 1880-х гг. Они закупили несколько тысяч современных винтовок в факториях Сьерра-Леоне и переправили их в Уасулу через Фута-Джаллон. Во французскую армию были посланы разведчики, которые, пройдя подготовку в рядах сенегальских стрелков, возвращались к Самори и обучали своих солдат современным методам боя.

Военные действия в Уасулу продолжались более двух лет. Самори применил стратегию «выжженной земли», и наступавшие французские колонны не могли пополнять свои запасы продовольствия за счет местного населения. Огромный вред колониальным войскам причиняли партизанские отряды. Малинке организовывали многочисленные засады, нападали на небольшие подразделения сенегальских стрелков и т. д. Французский офицер писал: «Самори действует всегда одинаково, идет ли речь о тактике, о крупных военных операциях или о политике. Он наступает и захватывает, когда мы перестаем наступать, когда он считает, что мы не в состоянии с ним бороться за территорию или что у нас нет

желания ему сопротивляться».

Однако в конце 1893 г. Самори был вынужден покинуть Уасулу и отойти со своей армией в северные районы Берега Слоновой Кости, населенные племенами диула и сenuфо. Здесь он продержался еще пять лет, и только в сентябре 1898 г. его войска, теснимые со всех сторон французами, были вынуждены сложить оружие. Пленных малинке французы угнали на север, где в каторжных условиях тысячи людей строили железную дорогу Каес – Бамако. Самори же был сослан в Конго, где умер в 1900 г.

В 1895 г. все завоеванные французами территории были объединены в одну колонию, получившую название Французской Западной Африки. В 1922 г. к ней была присоединена часть территории бывшей германской колонии Того, отданная Франции по мандату Лиги Наций.

Административное устройство Французской Западной Африки было определено декретами французского правительства от 1904, 1920 и 1925 гг. Во главе колонии стоял французский генерал-губернатор, резиденцией которого был город Дакар. Помимо этого был учрежден генеральный секретариат и совещательный правительственный совет, состоявший из представителей колоний, французских высших чиновников, туземных вождей и представителей торговых палат. Восемь колоний, входивших в состав Французской Западной Африки, – Сенегал, Французская Гвинея, Берег Слоновой Кости, Дагомей, Западный (Французский) Судан, Мавритания, Нигер и Верхняя Вольты (1 января 1933 г. последняя была упразднена как отдельная административная единица) – управлялись губернаторами колоний, при которых состояли совещательные административные советы. В Сенегале имелся административный совет из 44 членов – французов и местных жителей.

В 1924 г. был издан декрет о выделении Дакара в особую территорию.

Политика французских колонизаторов в Западной Африке заключалась в жестокой эксплуатации населения, во введении принудительного труда, в грабеже земель племен и в превращении Западной Африки в аграрный придаток Франции. В Гвинее, на Берегу Слоновой Кости, в Дагомее создавались кофейные плантации, насаждалась культура какао, делалась попытка превратить дельту Нигера в хлопковую базу, а Сенегал был превращен в страну монокультуры земляного ореха. Франция использовала туземное население для формирования воинских частей – сенегальских стрелков, которые в составе французской армии участвовали как в Первой, так и во Второй мировых войнах.

Глава 11.

Фашодский инцидент

В 1897 г. французское правительство решило отправить военную экспедицию к Верхнему Нилу. В марте 1897 г. от пристани города Базавилха (Французское Конго) отчалили два речных парохода. На них находилась экспедиция капитана Жана-Батиста Маршана, направлявшаяся к Белому Нилу. В ее составе было 8 французских офицеров, а также 150 (по другим сведениям – 120) сенегальских стрелков. Пароходы шли вверх по реке Конго, а затем по ее правобережным притокам. Потом экспедиция уже по суше пересекла водораздел между реками Конго и Нил.

10 июля 1898 г. экспедиция достигла города Фашоды (Кодока). Там над полуразрушенной египетской крепостью Маршан водрузил французский триколор.

Маленькая справка: город Фашода, где коренным населением были негритянские племена шилуков, в 1867 г. был захвачен египтянами. Но в 1884 г. египтян выгнали махмадисты (суданцы).

И французское правительство, и Маршан прекрасно понимали, что на весь бассейн Белого Нила претендуют англичане. Но они надеялись на поддержку эфиопского императора Менелика. Однако император сам хотел овладеть берегами Белого Нила. Он приказал губернатору юго-западных округов Тэсэмме захватить территории, находящиеся на юго-западе от Горе, и достичь верхнего течения Нила.

В апреле 1898 г. Тэсэмма во главе 8-тысячной армии двинулся через Баро в сторону Белого Нила. Целью похода, кроме присоединения новых территорий, была встреча с капитаном Маршаном. В июне 1898 г. Тэсэмма достиг Белого Нила. Увы, французов там не было. В эфиопском же войске оказалось много заболевших. В итоге Тэсэмма не стал долго ждать и через несколько дней ушел с берегов Нила. 15 сентября 1898 г. он прибыл в Аддис-Абебу и доложил императору о выполнении задания – о присоединении к Эфиопии почти всей провинции Иллубабор и о покорении племен масонго и гимирра.

Замечу, что земли, завоеванные Маршаном, вошли в состав Эфиопии и принадлежат ей по сей день, к началу XXI века.

А тем временем с севера навстречу французскому отряду вверх по Нилу двигался экспедиционный корпус английского генерала Китченера, состоявший из британских и египетских войск. Наряженный в костюм

сирдара (военачальника египетских войск), Китченер действовал от имени правительств Англии и Египта.

2 сентября 1898 г. корпус Китченера разбил арабов в сражении при Омдурмане на западном берегу Нила, напротив столицы Судана Хартума, и занял город. Глава суданского государства дервишей халиф Ардаллах бежал, а войска его рассеяны. Победители же учинили в Хартуме жестокую расправу над его жителями.

А через 4 дня после этого сражения Китченер узнал о том, что французский отряд находится в Фашоде.

10 сентября 1898 г. Китченер во главе горных стрелков, двух батальонов союзных суданцев и батареи горных пушек погрузился на суда своей речной флотилии и отправился в новый поход. Заднеколесные канонерские лодки «Султан», «Фатех», «Назир», «Абу Клеа» и пароход «Дал», с несколькими баржами на буксирах, двинулись вверх по Нилу.

19 сентября с борта канонерок увидели крепость Фашода, над которой развевался огромный французский флаг. В тот же день Маршан явился к Китченеру на его канонерку, а тот ответил визитом на берегу. Капитан заявил английскому командующему, что его правительство поручило ему занять область Бахр-эль-Газаль и страну шелуков на левом берегу Белого Нила до Фашоды. Но Китченер заявил, что не может признать французской оккупации какого-либо района долины Нила и вручил Маршану письменный протест против пребывания французских войск, которое якобы нарушало права египетского и английского правительств. Китченер уведомлял французского капитана, что с его прибытием власть в Фашоде перешла к правительству Египта и назвал фамилию назначенного им коменданта. Таким образом, англичанин дал понять, что французам пора убраться.

В ответ Маршан заявил, что не покинет Фашоду без приказа своего правительства, что, объявив об установлении в Фашоде власти хедива, Китченер коснулся вопроса, который можно решить только посредством дипломатических переговоров между правительствами или на международной конференции.

Поскольку эфиопские войска ушли, шансы французов разбить англо-египетские силы в Судане были равны нулю.

Однако исход Фашодского инцидента решался не на берегах Белого Нила, а в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Британским дипломатам удалось добиться благожелательного нейтралитета Берлина. Сейчас, задним числом, можно только удивляться политической близорукости кайзера и его министров, упустивших великолепный шанс

наступить на хвост британскому льву.

Зато Россия была готова решительно поддержать Францию в ее противостоянии с «Владычицей морей». Как раз из-за нестабильности в Турции, в том числе из-за восстаний армян и т. д., Петербург планировал провести захват Босфора, и англо-французская война тут была бы очень кстати.

Военно-морские специалисты считали старые утюги-броненосцы и важно объявляли, что британский флот сильнее французского и русского флотов, вместе взятых. Но замечу, что Париж и Петербург уже 40 лет готовились к крейсерской войне на британских коммуникациях и легко могли парализовать морскую торговлю «Владычицы морей».

Однако французское правительство предпочло капитулировать перед англичанами и уступить им весь бассейн Белого Нила. Ну а Маршан, произведенный к тому времени в майоры, получил приказ увести свой отряд через Эфиопию. В декабре 1898 г. французы покинули Фашоду. Две пушки и стрелковое вооружение Маршан подарил эфиопскому императору.

Причину упорства англичан в Фашодском кризисе зарубежные и отечественные историки видят исключительно в важности для Британской империи бассейна Белого Нила, британских планов постройки трансафриканской железной дороги от Египта до Южной Африки и т. д.

Между тем Лондон, унижая Францию, преследовал и другую цель – «опустив» страну-соперницу, сделать позже ее послушной союзницей. Несколькими годами позже англичане сделают тот же с Россией. Они в 1902 г. вступят в военный союз с Японией, будут помогать ей оружием и дипломатическими средствами в ходе войны с Россией в 1904 – 1905 гг. Ну а потом, в 1907 г., Лондон пойдет на небольшие уступки униженной России и сделает ее послушной союзницей.

Так было и в 1899 г. Добившись своего, британское правительство решило угостить пряничком своего поверженного врага. В феврале 1899 г. оно начало с Францией те самые переговоры, в которых отказывало ей до капитуляции. И уже 21 марта между Англией и Францией было достигнуто соглашение. Их африканские владения были разграничены. Франция окончательно ушла из бассейна Нила, но получила взамен небольшие компенсации, в которых до капитуляции в борьбе за Нил Англия ей отказывала. Граница между французскими и английскими владениями в Африке проходила в основном по водоразделу между бассейнами озера Чад и реки Конго, с одной стороны, и бассейном Нила – с другой. За отказ от Нила Франция получала большие территории в Судане к западу от Дарфура. Захват этой территории позволил ей соединить свои владения в

Северной и Западной Африке с центральноафриканскими колониями.

Еще до Фашодского инцидента в бассейне Чада появились отряды Раббаха – синнарского араба по происхождению, который в 1870-х гг. боролся против англичан в Восточном Судане. Потерпев поражение в Бахр-эль-Газале, Раббах с группой своих соплеменников собрал несколько сот воинов среди динка и крейш (народы Центральной Африки и Судана) и двинулся на запад. В 1894 г. он захватил Борну и сделал ее город Дикоа своей столицей. Местная знать Борну частично сохранила свои позиции, но она была поставлена под контроль губернаторов из сениарских арабов, составлявших ближайшее окружение Раббаха. Армия Раббаха комплектовалась из хорошо обученных солдат, вооруженных огнестрельным оружием.

В первой половине 1890-х гг. в бассейне Чада несколько раз появлялись отряды французских разведчиков, а после Фашодского инцидента сюда по рекам Конго, Убанги и Шари были доставлены регулярные войска. В 1899 г. Раббах вторгся в Багирми, правитель которого согласился сотрудничать с французами. В двух боях под Куно французы, пришедшие на выручку своим союзникам, потерпели поражение. В последнем бою две роты сенегальских стрелков безуспешно атаковали тэту, сооруженную воинами Раббаха, и отступили, потеряв около 170 человек.

Сломить сопротивление Раббаха удалось лишь после того, как в район Чада прибыли подкрепления из бассейна Нигера и Северной Африки. Здесь было сконцентрировано несколько отрядов регулярных войск общей численностью 750 человек, а также багирмийская армия. В апреле 1900 г. под Кусери произошел решительный бой. Трехтысячная армия Раббаха, укрывшаяся за палисадом, в течение двух часов отражала натиск французов. Однако артиллерийским огнем палисад был разрушен, и в проломы устремились сенегальские стрелки. Не задержав атаки, большая часть воинов Раббаха отступила, а те, кто остался в укреплении, были расстреляны. Погиб и сам Раббах. Его отрубленная голова была доставлена французским офицерам в виде трофея.

Глава 12

Мадагаскар

Мадагаскар – крупнейший остров Индийского океана, населен мальгашами – потомками индонезийских переселенцев, смешавшихся с негроидами и частично европеоидами. С антропологической точки зрения жители центральной части Мадагаскара в основном принадлежат к монголоидной расе. В приморских районах острова преобладает негроидный тип. Население Мадагаскара – мерина, бецилеу, бецимизарака, сакалава и другие этнические группы – говорит на диалектах одного и того же мальгашского языка, принадлежащего к австронезийской семье языков. Различия в диалектах невелики, как писал французский этнограф А. Грандидье: «...они ни в коей мере не затрагивают основу языка и в действительности не имеют никакого значения для лингвистов».

К концу XVIII века на Мадагаскаре существовало несколько племенных образований.

К началу XIX века королю племенного образования Имерины (Имерна) Андриенампуинимерину (1784 – 1810) удалось захватить власть на всем острове, за исключением ряда племен юга Мадагаскара. Согласно народному преданию, незадолго до смерти король обратился к сыну и наследнику, будущему королю Радаме I со словами: «О Ландама, в присутствии всей Имерины, собравшейся здесь, я говорю тебе: море должно стать границей твоих владений!»

Несколько слов стоит сказать о государстве Имерина в начале XIX века. Во главе его стоял король, власть которого передавалась по наследству от отца к сыну. Король обладал верховной властью над жизнью и смертью подданных и над всем их имуществом, осуществлял верховную судебную власть. Система судебных органов была одновременно и системой управления. Король правил с помощью Совета семидесяти, который состоял из судей. Часть их исполняла роль королевских эмиссаров (так называемые базарные судьи вадинтани). Другая часть, носившая титул андриембавенти, осуществляла власть на местах.

Королю принадлежали и все земли Имерины. Он даровал земли знати королевства. Знать, какое-то подобие европейского дворянства, имела право на наследственные феодальные вотчины – вудивуна. Их владельцы осуществляли юрисдикцию над подвластным населением (менакели), собирали налоги, созывали ополчение. Крестьяне менакели были

прикреплены к земле и не могли покинуть пределы вудивуны, хотя и считались «свободными подданными». Король и знать имели довольно большое число рабов.

В правление короля Радамы I (1810 – 1828) европейцы впервые проникли в центральные районы страны. Поначалу контакты с европейцами ограничивались взаимовыгодной торговлей. Однако Радама I опасался европейцев, и, надо заметить, не без оснований. Так, на все предложения англичан проложить дорогу от Таматаве к Тананариве он неизменно отвечал: «Если такой путь будет открыт, англичане сами не замедлят воспользоваться им, чтобы захватить страну». Тем не менее Радама I вынужден был обратиться за поддержкой к Англии и заключить с ней торговый договор.

С помощью англичан Радама I приступил к реорганизации армии, к созданию регулярного войска по европейскому образцу. Феодалное ополчение Мадагаскара было заменено регулярной армией численностью до 30 тысяч человек. В начале XIX века на вооружении ополчения были гладкоствольные кремневые ружья, а в 50 – 60-х гг. появились винтовки с центральным боем. Королевская артиллерия насчитывала около дюжины полевых пушек.

В 1828 г. Радама I скончался. Ему наследовала жена Ранавалуна I (1828 – 1861).

В июле 1829 г. французская эскадра бросила якорь у города Таматаве. Королеве был послан ультиматум, в котором обосновывались «исторические права» французов на все восточное побережье и юг острова. Французы бомбардировали Таматаве, заняли несколько населенных пунктов и построили небольшой форт. Королевская армия и вооруженные местные жители блокировали этот форт. В итоге французы были вынуждены покинуть Мадагаскар в мае 1831 г.

В 1833 г. французский военный корабль вновь появился близ острова, в заливе Диего-Суарес. На этот раз французы попытались утвердиться в стране сакалава, используя старинное соперничество их правителей с Имериной. Договоры с вождями сакалавов отдавали в руки французов острова Носи-Бе и Носи-Комба.

Особую опасность для королевства представляли католические миссионеры. Они успешно совмещали прозелитизм с разведывательными операциями. Они сообщали французским властям подробную информацию о стране и армии, составляли точные топографические карты и т. д. Кстати, то же самое миссионеры творили в других государствах от Марокко до Китая.

В связи с этим королева Ранавалуна I в 1835 г. высылает с острова всех миссионеров, а самими малагасийцам под страхом смертной казни запрещалось принимать христианство.

Местные жители верили в собственного бога Андриаманитру (Благоухающий господин) и множество духов, которым они приносили в жертву зебу^[43] и кур.

В 1839 г. был принят закон, запрещавший вывоз рабов с острова. Наконец, по закону 1845 г. на европейцев было распространено действие малагасийских законов. Они были обязаны выполнять государственные повинности, в том числе «королевскую барщину». За долги их могли продать в рабство и т. д. Отныне они были подсудны малагасийскому суду и подлежали тем наказаниям, которые были приняты в стране, в том числе их вынуждали подвергаться испытаниям особым ядом, то есть «божьему суду» – Ордалии. Ордалии, отмененные Радамой I, вновь были введены Ранавалуной как решающий момент судебного разбирательства. Этот же закон ограничивал сферу деятельности европейцев прибрежными районами. Под страхом конфискации имущества и других тяжких наказаний им было запрещено торговать во внутренних районах острова.

В ответ на это Англия и Франция запретили торговлю с Мадагаскаром. Затем объединенная англо-французская эскадра бомбардировала порт Таматаве. Однако королева осталась непреклонна.

В 1857 г. французы пытались устроить дворцовый переворот, свергнуть королеву Ранавалуну и возвести на престол ее сына Ракуту. Переворот не удался, принц был посажен под почетную стражу в собственном дворце, а французы высланы с острова.

Однако в 1861 г. королева умирает, и королем становится Ракута, принявший имя Радамы II. Теперь французы становятся хозяевами страны. Король становится пайщиком французских компаний и раздает им обширные территории. Радама II отменил все таможенные пошлины, составлявшие важнейшую статью государственных доходов.

Надо ли говорить, что политика короля вызывала возмущение знати, да и простых людей по всему острову.

Поводом к мятежу послужил указ короля, узаконивший дуэли в качестве основного средства разрешения споров между отдельными людьми и даже целыми областями. Депутация от народа явилась во дворец просить отмены распоряжения. Король отказался. Началось восстание.

12 мая 1863 г. король Радама II был задушен в своем дворце группой «новой знати», а на престол спешно возведена его жена, правившая до 1868 г. под именем Разухерины.

Новая королева стала ориентироваться на Лондон. В 1865 г. она заключила торговый договор с Британией. А в 1868 г. Разухерина и ее премьер-министр Райнилайаривуни (судя по всему, любовник) приняли англиканство. А в следующем году англиканство было объявлено государственной религией. Замечу, что это не было спонтанным актом. Первые протестантские миссионеры появились на острове еще в 1818 г. Именно англиканские пасторы в 1835 г. первыми перевели Библию на малагасийский язык. Забегая вперед, скажу, что в XXI веке англиканская церковь на Мадагаскаре именуется «Церковь Иисуса Христа», а вице-председателем церкви является президент страны.

Следует отметить, что Лондон не был заинтересован в захвате Мадагаскара и превращении его в свою колонию. Его вполне устраивали обширные торговые связи с островом.

В конце 70-х гг. XIX века на Мадагаскаре начались реформы. В 1877 г. начал формироваться корпус мелких чиновников «друзья деревни» из отставных солдат. Параллельно централизации органов местного управления шла и централизация органов судебной власти. В 1878 г. вместо старого трибунала андриембавенти были созданы новые суды, состоявшие из двух судей и 11 чиновников (офицеров двора). Они и вели следствие, и разбирали дела, и выносили решения. В последней инстанции приговор выносила королева, а фактически сам Райнилайаривуни.

В 1881 г. была проведена реформа центрального аппарата. Было создано девять министерств: внутренних дел, иностранных дел, военное, юстиции, министерство законов, министерство торговли, промышленности и общественных работ, министерство финансов, министерство образования. Во главе каждого министерства стояли министр и государственный секретарь. Они входили в состав Правительственного совета, руководимого премьер-министром. Эту должность бессменно занимал Райнилайаривуни, обладавший всей полнотой власти. По существу, эта реформа была призвана облегчить Райнилайаривуни задачу управления.

С 1877 г. правительство начало выплачивать жалованье за различного рода работы: сестрам и врачам в больнице, учителям дворцовой школы, стражникам, отбывавшим барщину в Тананариве. Непроизводительность барщинного труда вынудила правительство сократить сферу его применения, расширяя вольнонаемный труд на отдельных государственных предприятиях, например по добыче золота.

В 1881 г. в Имерине было введено всеобщее обязательное обучение для детей в возрасте от 8 до 16 лет, в стране открылось две тысячи школ.

В 80-х гг. XIX века число рабов в Имерине было очень высоко. Рабы по численности превышали свободное население. Несмотря на сравнительно легкие формы рабства на острове, положение рабов было тяжелым. Часты были случаи кражи и продажи европейцам свободных. Хотя борьба рабов и не выливалась в формы открытого протеста, армия беглых рабов в горных и лесных районах составляла внушительную силу, с которой правительство вынуждено было считаться. Потенциальная угроза со стороны этих людей и невыгодность рабского труда, становившаяся все более явной, толкали правительство на ограничение рабства и работорговли. В 1874 г. было объявлено об освобождении некоторых групп мозамбиков (рабов африканского происхождения). Все законодательные документы второй половины XIX века содержат статьи, ограничивающие рабство, работорговлю и строго карающие за кражу и продажу свободных подданных. Кодекс 1863 г. запрещал вывоз и торговлю рабами за пределами Имерины. «Кодекс 101 статьи» запрещал долговое рабство. «Кодекс 305 статей» строго карал не только за вывоз, но и за ввоз рабов с побережья и торговлю ими.

В конце 80-х гг. XIX века французское правительство вновь решило захватить Мадагаскар. Надо ли говорить, что в подобной ситуации всегда найдется повод. Париж нашел сразу два. Первый – это так называемое «наследство Лаборда».

Жак Лаборд – француз, почти всю жизнь проживший на Мадагаскаре, служивший малагасийским королям и наживший на этой службе хорошее состояние. Лаборд был женат на малагасийке, но завещание оставил не в пользу жены и детей от этого брака, а в пользу соплеменников-французов. После смерти Лаборда его наследники попытались завладеть участками земли, полученными дядей в пользование от правительства или приобретенными им во временное пользование (куплены были, собственно, строения на земле: по малагасийским законам земля не подлежала купле-продаже). Поэтому Райнилайаривуни запретил продажу одного из участков наследниками Лаборда. В ответ наследники потребовали в возмещение убытков огромную сумму – почти полмиллиона пиастров!

Частный конфликт был использован французским правительством как повод для земельных притязаний и денежных вымогательств. Переговоры затянулись на три года – с октября 1878 г. до октября 1881 г., когда представитель Франции Бодэ предъявил малагасийскому правительству ультиматум. Одним из пунктов этого ультиматума было требование немедленно решить вопрос о наследстве Лаборда.

Далее Бодэ требовал выплатить компенсацию за убийство араба – французского подданного, владельца парусного судна «Туале». Этот известный контрабандист, торговец оружием, был убит в пограничной перестрелке сакалава. Наконец, в этом ультиматуме впервые ставился вопрос об установлении протектората над северо-западным побережьем острова, населенным сакалава. Французское правительство пыталось обосновать свои претензии «договорами» с вождями сакалава. Однако эти «договоры» потеряли свою силу уже потому, что были заключены ранее договора 1868 г., по которому французское правительство официально признавало суверенитет королевы над всем островом.

Малагасийское правительство удовлетворило часть требований, а именно: выплатило компенсацию за парусник «Туале». Однако ситуация продолжала обостряться несмотря на то, что Имерина заручилась поддержкой Англии и США. В мае 1881 г. малагасийское правительство заключило с США договор, по которому власть королевы распространялась на всю территорию Мадагаскара.

В этом же духе не раз высказывалось и британское правительство. Английские купцы с большими барышами продали малагасийскому правительству несколько партий современных винтовок типа «Ремингтон» и «Шнейдер», которые были доставлены на остров в 1881 г.

А 16 мая 1883 г. французский адмирал Пьер Галибер без объявления войны бомбардировал Маджунгу. Затем он двинулся к Таматаве, где от имени французского правительства вручил требование уступить Франции треть территории Имерины. Не дожидаясь ответа, Пьер бомбардировал все крупные населенные пункты северо-восточного побережья. Поведение адмирала вызвало возмущение даже в самой Франции. Командир французского корабля доносил: «Адмирал Галибер приказал мне следовать вдоль берега до залива Диего-Суарес и причинить как можно больше вреда. Я сжег все, что мог...» В декабре 1885 г. был заключен мир, причем Франция сохранила контроль над северо-западной частью острова.

В 1886 г. в Мозамбикском проливе северо-западнее Мадагаскара Франция захватила острова Гранд-Комор, Мохели и Анжуан, присоединив, таким образом, к своим владениям всю группу Коморских островов. В 1890 г. была заключена англо-французская конвенция о разделе Тропической Африки и островов Индийского океана. Согласившись на включение ряда территорий Западной Африки и Занзибара в английскую сферу влияния, правительство Франции получило свободу рук на Мадагаскаре, который Великобритания признала французским протекторатом.

В конце 1894 г. после ряда провокационных инцидентов французский

резидент Лемир де Вилер направил правительству королевы ультиматум с требованием фактического подчинения французам всей страны. 30 октября 1894 г. королева Ранавалуна III в своей речи так определила содержание этого документа и реакцию правительства Мадагаскара: «Прежде они добивались одной трети нашей земли, и, так как мы отказали, началась война. Сейчас они хотят получить весь Мадагаскар. Они хотят управлять всем островом. Я отказала! И я предупреждаю об этом тебя, народ!»

27 ноября 1894 г. палата депутатов Франции вотировала на войну против Мадагаскара кредиты в 65 млн. франков – в несколько раз больше, чем на любую из экспедиций, когда-либо предпринятых в Тропической Африке.

Любопытно, что британские и другие европейские военные советники немедленно покинули остров.

В феврале 1895 г. 15-тысячный французский корпус высадился близ города Маджунга. В его составе было 5 тысяч французских солдат и 10 тысяч колониальных войск. Отряд генерала Дюшена двинулся к столице. Плохо вооруженная и экипированная малагасийская армия с боями отступала. Но опасность иностранного порабощения придавала силы малагасийским воинам. Поэтому путь от Маджунги до Тананариве, который французы рассчитывали пройти триумфальным маршем, затянулся на семь месяцев. За это время малагасийская армия дала французам пять больших и жестоких сражений. Самой мощной и кровопролитной была битва при Царасаутре 29 июня 1895 г.

В конце сентября 1895 г. отряд генерала Дюшена подошел к Тананариве и начал его бомбардировку. Правительство не сумело организовать защиту города, и Тананариве был сдан без боя. Тогда народ, увидев врага у стен города, сам начал строить баррикады, оказывая ожесточенное сопротивление на улицах города. Однако, хоть уличные бои еще продолжались, королева 1 октября подписала договор о протекторате.

15 октября 1895 г. премьер-министр Райнилайаривуни был сослан в одно из своих поместий, а оттуда – в Алжир.

Лишь после окончания боевых действия французское военное министерство опубликовало заниженные цифры потерь. Согласно ему погибло 5700 французских солдат, причем около 90% потерь были санитарными – от тропической лихорадки, брюшного тифа и дизентерии.

Стоит отметить, что Париж не удовлетворился заключением договора о протекторате. Французские олигархи мечтали о полном захвате острова. Договор от 1 октября 1895 г. не только никогда не был ратифицирован, он никогда не был представлен палатам, а уже в декабре того же года

правительство Франции передало управление Мадагаскаром из министерства иностранных дел в министерство колоний. В июне 1896 г. французский парламент принял закон, объявивший Мадагаскар и зависимые от него острова французской колонией. Закон был обнародован 6 августа того же года.

В конце 1895 г. основная часть экспедиционного корпуса отправилась в метрополию. На Мадагаскаре осталось около 4,5 тысячи войск, которые дислоцировались большей частью в Тананариве и приморских городах: Таматаве, Диего-Суаресе, Мажунга и др. С помощью этих войск, а также королевской администрации французы установили контроль над областями, населенными мерина, бецилеу, бецимизарака, антанкарана и частично сакалава.

В договоре имелись и другие статьи, сильно ущемлявшие суверенитет правительства Мадагаскара. Так, французы были подсудны лишь французским законам, споры между ними и малагасийцами решал резидент в присутствии малагасийского судьи, французские подданные получали право наибольшего благоприятствования и право долгосрочной (а точнее – бессрочной) аренды земель острова. Франция получала стратегическую базу Диего-Суарес и огромную контрибуцию в 10 млн. франков, вплоть до выплаты которой французы оккупировали порт Таматаве.

Поведение французов вызвало ненависть у большинства местного населения. Началась партизанская война.

В марте 1896 г. в северных и южных районах Имерины образовалось несколько повстанческих отрядов, совершивших набеги на французские военные посты. Среди повстанцев – меналамба, как их именovalo население, – было немало солдат бывшей малагасийской армии, вооруженных европейскими винтовками, которые были надежно спрятаны, когда французы разоружали малагасийскую армию.

В районы, охваченные повстанческим движением, было направлено девять рот французских войск – около тысячи штыков. Полковник Комб, руководивший карательной экспедицией в бассейнах рек Бецибока и Махажамба, «разорил, предал огню и залил кровью» все деревни, через которые прошли французские войска. Тем не менее большая часть повстанцев, отступивших с боями к окраинам Имерина, сохранила свои силы. После того как карательная экспедиция Комба вернулась в Тананариве, бассейны рек Бецибока и Махажамба вновь перешли под контроль меналамба.

По данным французской администрации, в рядах меналамба в этот период находилось 7 – 8 тысяч человек, вооруженных порядка 3,5 тысячи

ружей. Повстанцы избрали тактику партизанской войны и постоянно прерывали коммуникации между французскими гарнизонами в Имерине. Для того чтобы контролировать дорогу Тананариве – Таматаве, французы создали многочисленные военные посты, которые, подвергаясь постоянным нападениям, несли большие потери. За первые 3 – 4 месяца восстания французы потеряли убитыми около 190 человек.

Для французского правительства становилось очевидным, что 4,5-тысячное войско, дислоцированное на Мадагаскаре, не в силах подавить восстание. Поэтому во второй половине 1896 г. на остров были направлены подкрепления: шесть рот Иностранного легиона и две роты режюньонцев (1200 штыков). Генеральный резидент Франции на Мадагаскаре Ларош был смещен со своего поста, и на его место был назначен генерал Галлиени, который приступил фактически к геноциду малагасийского народа. Так, Галлиени поучал своих офицеров: «Не следует забывать, что имеешь дело с дикарями, которых нужно дрессировать и приручать, как животных...»

В конце 1896 г. Галлиени сосредоточил большую часть французских войск в центральных районах острова, которые были поделены на шесть военных округов. Командующие округами должны были разбить воинские подразделения на небольшие отряды по 50 – 60 человек, в задачу которых входило создать непрерывную цепь, способную оттеснить повстанцев к границам Имерины. В каждый округ также направлялись войска, набранные среди малагасийцев путем принудительной мобилизации. Чтобы предотвратить возможность перехода малагасийских стрелков на сторону повстанцев, Галлиени широко применял принцип «разделяй и властвуй». Для подавления восстания мерина использовались подразделения, сформированные 1896 – 1897 гг. из бецимизарака и сакалава. А когда французы начали военные действия в областях, населенных сакалава, туда были переброшены войска, состоявшие из мерина.

Французы расправлялись с восставшими с невероятной жестокостью. Кровавые репрессии были направлены не только против самих повстанцев, но и против всех мирных жителей Имерины. Французские войска уничтожали запасы продовольствия, заливали водой рисовые поля, обрекая на голод районы, охваченные восстанием. Французские отряды прочесывали деревни и арестовывали всех, кто был заподозрен в сочувствии повстанцам. Очевидец рассказывал: «В Амбатоманга (центр одного из округов) прибывали лишь те, кого захватили якобы с оружием в руках. Им отрубали головы или расстреливали без допроса и без какого-либо суда... Вокруг деревни были расставлены колы с головами. Эти

головы постоянно заменялись новыми, так как казнили почти ежедневно».

Репрессии не обошли стороной и малагасийскую знать. Так, в октябре 1896 г. были расстреляны несколько высших королевских чиновников, поддерживавших связь с повстанцами.

Французские войска получили приказ уничтожать все на своем пути, и в первую очередь урожай. Так в стране искусственно был вызван голод.

Особенно ожесточенное сопротивление французские войска встретили в стране сакалава, где в сентябре – октябре 1897 г. вспыхнуло восстание, продолжавшееся до марта 1900 г., а в отдельных районах – и до июля 1901 г. Галлиени писал: «В сентябре 1900 г. две обширные области оставались еще не подчиненными и даже не затронутыми проникновением. На востоке страны – лесная зона, идущая параллельно побережью вдоль границ провинций Фианаранцуа, Фарафангана, и округ Бара (от Икунгу на севере до округа Форт-Дофин на юге); на юге – страна Михафали и Антандруи. Эти области были не единственными, где умиротворение не было завершено».

В этих областях в течение всего 1901 г. французские войска вели ожесточенные бои с партизанскими отрядами.

Французское командование в 1902 г. заявило о полном умиротворении страны. По словам французского исследователя П. Буато, один из современников, побывавших на Мадагаскаре в конце XIX в., «оценивал в 100 тыс. число погибших в годы "умиротворения". Другие авторы говорили о 300 тыс. и даже о 700 тыс. жертв, считая тех, кто погиб не только вследствие репрессий, но и от голода»^[44].

Но вот в 1904 г. вновь вспыхнуло восстание на юге острова – на территории антайфаси, антайсака, антанузи, антандруи, частью танала и бара (этнические группы малагасийского народа). Восстание перекинулось в округ Икунгу. И снова на подавление малагасийцев были двинуты значительные подразделения колониальных войск. Разрозненные вспышки сопротивления продолжались вплоть до 1915 г.

Следует заметить, что борьба малагасийского народа не была напрасной. Французские колонизаторы были вынуждены сохранить старую систему крестьянского землевладения и землепользования. Наконец, именно национально-освободительное движение стало важнейшей причиной, помешавшей превращению острова в переселенческую колонию.

С 1897 г. на Мадагаскаре утвердился система прямого управления. Вся территория острова, кроме его южных и восточных районов, где периодически вспыхивали антиколониальные восстания, была разбита на

двадцать провинций. Некоторые из них подчинялись непосредственно генерал-губернатору, а другие – командующим военных округов. В провинциях были созданы советы нотаблей, то есть местной знати. По представлению этих советов колониальная администрация назначала малагасийских чиновников на различные должности от «туземных» губернаторов провинций до старост деревень. Власть «туземных» губернаторов, находившихся под контролем французских резидентов, была лишь номинальной. Но, по словам Галлиени, эта власть должна была быть сохранена, так как, «укрывшись за ней, нам лете маневрировать».

Прямое управление на Мадагаскаре основывалось на принципе разделения отдельных малагасийских племен и противопоставления их друг другу. Так, единые в этническом отношении территории были разделены на несколько провинций, имевших свой административный аппарат. Чиновники мерина были удалены со всех постов, которые они занимали за пределами центральной части острова, а на их места назначены представители знати бецилеу, бецимизарака, антаймуру и других народностей.

В 1897 г. французское правительство объявило Мадагаскар ассимилированной колонией.

Колониальные власти гордились тем, что на Мадагаскаре они открыли целых четыре (!) больницы! Для сравнения: к 1900 г. во Французском Конго была только одна больница.

На Мадагаскар отправились сотни католических миссионеров, которые кнутом и пряником обращали туземцев в «истинную веру». К 1910 г. на Мадагаскаре свыше 8 тысяч гектаров земли принадлежало католическим миссиям. Причем эти земли бесплатно обрабатывали малагасийцы-христиане и ученики сельскохозяйственных школ. Во Французском Конго миссионеры также использовали труд учеников сельхозшкол. Шаллэ, посетивший католические школы в этой колонии, писал, что «физический труд, которым заняты ученики, скорее должен способствовать преуспеванию миссии, чем обучению какому-либо ремеслу».

Во время Первой мировой войны экономические и людские ресурсы Мадагаскара широко использовались Францией для военных нужд. Солдаты-малагасийцы, сражавшиеся в Европе, сумели познакомиться с левым и коммунистическим движениями.

В 1920 – 1930 гг. под руководством ветерана мировой войны Ж. Ралаймунгу на Мадагаскаре проводилась широкая организационно-пропагандистская работа по сплочению национальных сил. В июне 1925 г. там состоялась первая рабочая забастовка, а через год – первое массовое

выступление крестьян против отчуждения земель. 19 мая 1929 г. в Тананариве прошла первая демонстрация, участники которой выступили за восстановление независимости Мадагаскара.

С 1936 г. на острове появляются первые профсоюзные организации и начинает свою работу малагасийская секция Французской коммунистической партии. В 1939 г. колониальные власти объявили компартию на Мадагаскаре вне закона.

Французы вывозили с Мадагаскара крупный рогатый скот, кофе, каучук, который добывался из дикорастущих лиан ландольфия, ценные породы дерева, золото и т. д. Так, в 1900 г. с острова было вывезено 1300 тонн золота.

В 1938 г. экспорт Мадагаскара составлял 819 млн. франков, а импорт – 603 млн. франков. Эти цифры наглядно показывают степень эксплуатации Парижем своей островной колонии.

Глава 13.

Французский Индокитай

Главной колонией Франции в Индокитае был Вьетнам. Вьетнамцы были древним земледельческим народом. Они выращивали рис, бобовые культуры, овощи, разводили буйволов и быков, занимались шелководством и выделкой шелковых тканей. Хорошо было развито рыболовство и добыча жемчуга как для внутреннего потребления, так и на вывоз. Китайцы закупали во Вьетнаме различные благовония, лекарственные травы и перья редких птиц. В горах Северного Вьетнама велась добыча меди, железа, олова, цинка, свинца и золота. Существенной статьей дохода была торговля слоновой костью и рогом носорога.

В VI веке господствующей религией во Вьетнаме стал буддизм, в основном одна из его школ – тхиен. Основная доктрина этой школы гласила: «Человек познает в своем собственном сердце истинное сердце Будды», то есть человек от природы чист и свободен от заблуждений. Вьетнамские феодалы всячески поддерживали буддизм, строили храмы и ступы, делали щедрые вклады в монастыри.

В VI – XI веках Вьетнам то становится независимым, то вновь попадает в вассальную зависимость от китайских императоров.

С 1069 г. Вьетнам стал называться Дайвьет, то есть «Великий Вьет». Во главе феодального государства стоял король (вус).

В 1257 г. во Вьетнам вторглись орды монголов. Война шла с переменным успехом. Наконец, в 1285 г. в битве при Тэйкете была наголову разбита монголо-китайская армия, а в апреле 1288 г. на Красной реке недалеко от современного Ханоя были уничтожены 400 судов монголо-китайского флота.

В 1289 г. был заключен мир. Формально монгольская династия Юаней осталась сюзереном Дайвьета, но это была лишь пустая формальность. Фактически Вьетнам стал независимым.

В XVI – XVII веках во Вьетнаме по-прежнему подавляющее большинство населения занималось земледелием, в основном рисосеянием. Широкого развития достигло ремесленное производство, а вьетнамские изделия из кремового фаянса получили широкую известность и за пределами страны. Укрепились внешние торговые связи, в том числе и с Японией, и с северояванскими княжествами.

В XVI веке во Вьетнаме появляется привозное огнестрельное оружие.

В начале XVI века Вьетнам разделился на два государства. На севере страны правила династия Чиней, а на юге – Нгуенов. Нгуены лили собственную монеты и вели активную торговлю со всеми странами Юго-Восточной Азии, Китаем, Японией, Индией, Голландией и Португалией. А в начале XVII века с помощью португальцев вьетнамцы наладили производство пушек.

Армия Нгуенов была немногочисленна, но зато вооружена большим количеством огнестрельного оружия. Располагало государство и сильным военным флотом. Имелись в стране и военные училища – артиллерийское, кавалерийское и пехотное. Также в войсках использовали боевых слонов.

В 1627 г. войска государства Чинней напали на Нгуенов, и началась полувековая война между двумя династиями. Походы шли за походами, и, чтобы усилить свою оборону, Нгуены приказали построить знаменитую Догхойскую стену.

В это время во Вьетнам начинают проникать католические миссионеры, в основном иезуиты. 29 июля 1658 г. основатели Парижского общества заграничных миссий Франсуа Паллю и Ламбер де ла Мотт были рукоположены в епископы. 9 сентября 1659 г. папа римский определил для них территории, где они должны были служить. Франсуа Паллю был назначен епископом Индокитая и Южного Китая, а Ламбер де ла Мотт – епископом Юго-Восточного Китая.

Деятельность миссионеров противоречила интересам вьетнамских феодалов, да и простого народа тоже. В конце XVII века начались преследования вьетнамцев, перешедших в католицизм. Миссионеры утверждали, что в конце XVII – начале XVIII века за свою веру пострадали до 100 тысяч человек.

В 1771 г. в Аннаме на юге Вьетнама вспыхнуло народное восстание тайшовов («горы запада»). Борьба тайшовов против свергнутой ими династии Нгуенов продолжалась около 30 лет. Французские католические миссионеры под предводительством епископа Адранского Пиньо де Бехена, вмешались в эту войну, организовав военную помощь свергнутому королю Нгуен-Ану, и способствовали его восстановлению на троне. Епископ Адранский от имени короля Людовика XVI в 1787 г. заключил с Нгуен-Ану договор, согласно которому Франция за свою помощь получала остров Пуло-Кондор и Туран (Кохинхина). Однако Нгуен-Ану, объявивший себя в 1806 г. императором и образовавший Аннаменскую империю, в которую вошли Аннам, Тонкин и Кохинхина, вассалами которой являлись Лаос и Камбоджа, затем отказался выполнять условия этого первого неправомерного договора, навязанного Аннам.

В 1825 г. вьетнамский император Минь Манг запретил деятельность католических миссионеров на том основании, что католики якобы развращают местное население.

Как и в других местах, миссионеры требовали судебного и административного иммунитета от действий властей не только для себя, но и для всех новообращенных туземцев. Миссионеры открыто занимались разведкой и политической деятельностью. «Некоторые из миссионеров Парижского общества заграничных миссий даже принимали участие в вооружённой борьбе против императора Минь Манга в восстании 1833 – 1835 годов».

В 1835 г. был арестован французский миссионер Иосиф Маршан, через несколько дней он умер в тюрьме во Вьетнаме. Миссионеры стали распускать сплетни о его «страшной казни». Забегая вперед, скажу, что 19 июня 1988 г. папа Иоанн Павел II канонизировал Маршана вместе со «117 вьетнамскими мучениками».

В 1843 г. министр иностранных дел Франции Франсуа Гизо послал эскадру к берегам Вьетнама. В 1847 г. Франция направила два военных корабля во Вьетнам, чтобы освободить из вьетнамской тюрьмы епископа Доминика Лефевра и добиться демонстрацией военной силы свободного вероисповедания для католиков Вьетнама.

Надо ли говорить, что французские миссионеры не случайно отправились «просвещать» народы Индокитая. Захват Индокитая позволял Парижу создать барьер между британской Индией и Китаем. Базы на побережье Вьетнама были крайне важны для Франции в случае начала крейсерской войны с Англией и другими державами. Помимо всего прочего Индокитай был богат сельскохозяйственными продуктами, среди которого на первом месте стоял известный своим высоким качеством индокитайский рис, а также кукуруза, просо, кунжут, различные клубневые культуры. Славился Вьетнам и тропическими продуктами – чаем разных сортов, ароматическими маслами, корицей, сахарным тростником, хлопком, коноплей, индиго, опиумом, а из фруктов – бананами, апельсинами, лимонами, ананасами, манго. Богат Индокитай и полезными ископаемыми, особенно его северная часть – Тонкин, где имелись каменный уголь, цинк, олово, свинец, вольфрам, золото, платина, медь, марганцевые руды.

В 1851 г. миссионеры настолько допекли короля Тыдыка, что тот велел топить миссионеров и резать пополам священников из вьетов. Фактически же было утоплено всего два миссионера: в 1851 г. – Августин Шёффлер, а в 1852 г. – священник Жан-Луи Боннар. Парижское общество заграничных миссий обратилось к французским властям с просьбой снова вмешаться в

ситуацию. Понятно, что оба этих священника в 1988 г. попали в число 117 канонизированных «вьетнамских мучеников».

В 1858 г. французский флот под командованием адмирала Риго де Женуиля под предлогом защиты миссионеров вошел в бухту Туран, что стало поводом к войне, которая затянулась, поскольку вьетнамцы оказывали упорное сопротивление. 4 июня 1862 г. французское правительство заставило Аннам заключить договор, по которому Франция получала три восточные провинции Кохинхины и остров Пуло-Кондор, а также право свободной торговли, а католические миссионеры – свободу проповеди.

В 1867 г. французы захватили остальную часть Кохинхины. «В овладении Северным Вьетнамом были особо заинтересованы французские торговые и банкирские дома, занятые коммерческими и кредитными операциями в Китае и Индокитае. За захват Тонкина ратовали французские колониальные власти в Кохинхине, министерства флота, колоний и иностранных дел. Для кредитования французской торговли и поощрения колониальной экспансии в Индокитае в 1875 г. крупнейшие банкирские дома Франции основали Индокитайский банк, просуществовавший до наших дней, с главной конторой в Сайгоне. К концу 1878 г. банк имел в обороте на 7 млн. фр. банковых билетов»^[45].

23 августа 1883 г. генеральный комиссар Франции в Индокитае Арман предъявил императору Тыдыку ультиматум. Под дулами французских пушек аннамское правительство 25 августа 1883 г. было вынуждено подписать договор о протекторате Франции над Аннамом и находившимся от него в вассальной зависимости Тонкином.

Однако желание французского правительства подчинить Тонкий насторожило китайское правительство, которое имело на него собственные виды. Для защиты интересов Поднебесной империи в Северный Вьетнам были введены регулярные китайские войска, которые вместе с местными повстанцами начали наступление на французов.

Французское правительство направило к берегам Китая флот адмирала Амадея Кудре в составе 4 броненосцев, 12 крейсеров и 5 канонерских лодок, а также дюжины малых миноносцев.

23 августа 1884 г. французская эскадра в Фучжоу внезапно атаковала 9 малых и плохо вооруженных китайских кораблей. Огнем артиллерии и шестовыми минами китайские корабли были потоплены. Затем французы обстреляли китайские береговые объекты.

Только после нападения на Фучжоу, 27 августа 1884 г., китайский богдыхан объявил войну Франции. Французское же правительство вообще

не объявляло войну, поскольку, согласно конституции, для этого требовалось согласие парламента. Ну а добрейший премьер Жюль Ферри решил не беспокоить депутатов подобной ерундой.

Французский флот объявил о блокаде китайского побережья. Был запрещен даже провоз продовольствия. Поэтому европейские газеты именовали ее «рисовой блокадой».

В октябре 1884 г. французы попытались высадиться на острове Тайвань (Формоза), но нападение было отбито китайскими войсками.

В марте 1885 г. французы вновь высадились на Тайване и захватили угольные шахты Узилупа. Кроме того, адмирал Кудре высадил несколько десантов на Пескадорских островах в Формозском проливе. В захваченном порту Магун французы создали базу для своих кораблей.

На суше к началу марта 1885 г. французы сумели вытеснить китайцев с территории Северного Вьетнама. Однако 23 марта 1885 г. у пограничного селения Банбо французский генерал Франсуа де Негрие потерпел сокрушительное поражение, а сам был тяжело ранен. Артиллерия и обоз французов стали добычей китайцев.

Тем не менее Китай согласился на переговоры и большие уступки Франции. Это объяснялось тяжестью французской «рисовой блокады». В связи с волнениями в Корее Япония начала грозить Китаю войной.

9 июня 1885 г. был подписан Тяньцзинский мирный договор между Парижем и Пекином. Китай окончательно признал протекторат Франции над всем Вьетнамом, и с вьетнамской территории были выведены все китайские войска. Франция в свою очередь эвакуировала свои десанты на Тайване и Пескадорских островах и отказалась от требований получить контрибуцию с богдыхана.

Параллельно с Вьетнамом Париж стремился захватить соседние Лаос и Камбоджу.

Камбоджа в середине XIX века находилась под властью энергичного короля Анг Дуонга, который провел в этой довольно отсталой и политически слабой стране ряд кардинальных реформ, направленных на укрепление центральной власти, упорядочение налогов, улучшение положения крестьян и включавших в себя строительство дорог, налаживание финансов, законотворческие дела.

Чтобы избавиться от давления на Камбоджу со стороны сильного Сиама, король решил обратиться за помощью к французам, для чего стал искать союза с закрепившейся во Вьетнаме Францией. Но французская колониальная администрация, воспользовавшись стремлением Анг Дуонга к сближению, уже в 1863 г. навязала преемнику Анг Дуонга свой

протекторат. Формальным предлогом для этого стала вассальная зависимость Камбоджи от Вьетнама, и в качестве его правопреемника Франция считала возможным выступить после аннексии Кохинхины, граничившей с Камбоджей. Французы начали активно проникать в Камбоджу, резидент постоянно вмешивался в политические связи страны с ее соседями, в первую очередь с Сиамом. И к 1884 г. Камбоджа фактически превратилась во французскую колонию.

Проникнув в Камбоджу, французы не обошли своим вниманием и соседний Лаос. Французский консул обосновался в Луангпрабанге в 1886 г., а в 1893 г. Лаос стал французским протекторатом.

В 1887 г. французское правительство из завоеванных стран Индокитая создало так называемый Индокитайский союз. Правительство союза возглавлял подчиненный министру колоний Франции генерал-губернатор, имевший широкие административные полномочия. При нем в 1928 г. был создан консультативный орган – Большой совет по экономическим и финансовым делам. Половина совета состояла из высокопоставленных французских чиновников, представителей Колониального совета Кохинхины и Торговой и Сельскохозяйственной палат. Вторая половина состояла из представителей местного населения. В задачу совета входило рассмотрение проектов бюджетов союза и его членов, а также предложений по налоговой политике.

Все пять членов Индокитайского союза сохраняли свои собственные административные системы и местные правительства. Прямое правление французских чиновников было организовано только в Кохинхине, имевшей статус колонии, а не протектората. Губернатору Кохинхина, подчинявшемуся генерал-губернатору, помогал Колониальный совет, состоявший из французов и 12 местных жителей. В отличие от других участников союза, Кохинхина имела своего представителя в палате депутатов Франции.

В протекторатах управление производилось через местных чиновников, однако уцелели и традиционные административные институты. Так, в Аннаме и Тонкине власть формально принадлежала императорам, а Камбодже – королю. В Лаосе также имелся монарх, но его власть распространялась лишь на область Лаунгпхабанг в центральной части страны.

В каждом из протекторатов, где были созданы консультативные ассамблеи, имелся французский верховный резидент, а в Лаосе французский представитель назывался администратором.

Судопроизводство в Кохинхине производили французские магистраты.

Под их юрисдикцией находились как европейцы, так и местные жители. В протекторатах дела туземцев рассматривались собственными органами юстиции, а дела иностранцев – французскими судами. Апелляции подавались в суды высшей инстанции в Сайгоне и Ханое, состоявшие из французских юристов, которым при разборе дел туземцев ассистировали местные чиновники.

«До установления французского господства в Индокитае верховным собственником земли там являлось государство в лице аннамского императора, который раздавал ее в вечное пользование своим подданным, которые, в свою очередь, уплачивали за это налог в государственную казну. В деревне основой землепользования и землевладения была община. Французское правительство объявило себя собственником всех "свободных" земель в Кохинхине, а в протекторатах контроль над ними постепенно захватили французские резиденты.

В 90-е годы XIX в. колониальные власти начинают наступление на общинные земли, в результате чего площади этих земель значительно сократились. К 30-м годам XX в. в Кохинхине их сохранилось только 3%, в Тонкине – 21%, в Аннаме – 25% от общего количества обрабатывавшихся земель. Экспроприированные общинные земли раздавались французским колонистам, чиновникам, миссионерам и военным. По официальным французским данным, к 1921 г. французы получили в концессии около 300 тыс. га земель, в том числе 71 тыс. га в Тонкине и 186 тыс. в Кохинхине»^[46].

Одним из первых мероприятий французской администрации стало строительство железных и шоссейных дорог. К 1914 г. протяженность железных дорог в Индокитае составляла 1,5 тысячи км, а к началу Второй мировой войны было построено 3 тысячи км железных и 32 тысячи км асфальтовых дорог.

В период с 1888 по 1908 г. французские капиталовложения в Индокитай составили примерно 40 – 50 млн. золотых франков. В 1888 – 1918 гг. они возросли почти до 500 млн. золотых франков. Эти капиталовложения распределялись следующим образом: в промышленность – 249 млн. золотых франков, в транспорт – 128 млн., в сельское хозяйство – 40 млн. В целом французские капиталовложения достигли 492 млн. золотых франков.

С начала XX века развернулось широкое крестьянское движение, направленное против захвата земель и тяжелых налогов. В 1913, 1914 и 1915 гг. произошли восстания в Тонкине, Аннаме и Кохинхине. В 1916 – 1917 гг. в связи с голодом и большим набором рекрутов во французскую

армию снова произошли крестьянские волнения.

Первый контакт русских с вьетнамцами состоялся в 1862 г., когда русский корвет «Калевала», совершавший кругосветное плавание, вошел в Сайгонскую бухту. На «Калевале» находился двадцатилетний гардемарин Константин Михайлович Станюкович, будущий известный писатель, который позже вспоминал: «Местные жители, узнав, что неведомый корабль прибыл с мирными целями, встретили посланцев далекой России с искренним радушием. В свою очередь, русские моряки отвечали им откровенным сочувствием, столкнувшись с полной драматизма жизнью и борьбой вьетнамского народа против иноземных колонизаторов».

А первым русским кораблем у берегов Северного Вьетнама стал крейсер первого класса «Забияка», пришедший 1 февраля 1894 г. в порт Хайфон.

Ну а в 1891 г. во Вьетнаме побывал император Николай II, который тогда еще был наследником-цесаревичем. 15 марта 1891 г. русская эскадра в составе крейсеров «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах» и мореходных канонерских лодок «Маньчжур» и «Кореец» подошли к устью реки Меконг. «Нахимов» имел большую осадку, и его оставили в устье реки, а остальные корабли поднялись до Сайгона, где и находились до 19 марта. Причем «Память Азова» шел под флагом наследника-цесаревича Николая Александровича.

1 августа 1904 г. поврежденный в бою с японцами крейсер «Диана» зашел в Ханой, а затем в Сайгон. Французские власти могли помочь русским морякам заправиться топливом, сделать небольшой ремонт и уйти на Балтику. Однако колониальные власти были больше заинтересованы в сотрудничестве с японцами, нежели в «верном союзнике Франции». Они начали тянуть время, а затем потребовали разоружения и интернирования «Дианы».

В 20-х гг. XX века Франция содержала в Индокитае 26-тысячный корпус. Главной французской военно-морской базой был Сайгон, где имелись большой и два малых сухих дока, а также большой плавучий док. Постоянно в водах Индокитая находились четыре миноносца, две канонерские лодки и несколько вспомогательных судов. Периодически в Сайгон заходили французские крейсера.

Несмотря на все потуги Парижа, Индокитай по-прежнему оставался слаборазвитым регионом. Так, в 1921 г. ввоз в эту колонию составлял 363 млн. франков, а вывоз – 454 млн. франков.

«Несмотря на сравнительно незначительные цифры этой торговли, она далеко не вся еще принадлежала Франции; в этом отношении любопытные

цифры дает портовая статистика, которая указывает, что в порта Индокитая в указанном году вошло судов:

Количество судов		Вместимость судов (т)	
Общим числом	2714	Общей вместимостью	2 241 746
Французских	332	Под французским флагом	437 080
Английских	281	Под английским флагом	366 438
Японских	258	Под японским флагом	525 094

Таким образом, оказывается, что во ввозной морской торговле французский флаг занимает только около одной пятой всего тоннажа; его тоннаж оказывается меньшим ввозного тоннажа японского.

Главным предметом вывоза из Французского Индокитая являются продукты сельской промышленности, причем первое место тут занимает рис; рису принадлежит почти 70% всего вывоза колоний. Среди предметов ввоза главное место занимают текстильные фабрикаты, хлопчатобумажная и отчасти шерстяная ткани. Хлопчатобумажные ткани привозятся сюда в очень большом количестве из Англии.

То обстоятельство, что Франция сравнительно слабо эксплуатирует в хозяйственном отношении Индокитай в связи с тем, что Франция вообще слабо эксплуатирует и все остальные свои колонии, объясняется общим укладом вывозящей промышленности в метрополии, которая, производя главным образом предметы роскоши, нуждается в богатых покупателях, и фактически главными колониями Франции в этом отношении следовало бы считать такие богатые государства, как Соединенные Штаты и Англия: именно туда и направляется поток французских произведений. Французские же заморские колонии мало нужны для народного хозяйства метрополии.

Население Франции гораздо меньше зависит от ввоза съестных продуктов, чем население английских и японских островов. С другой стороны, французский капитал гораздо больше заинтересован непосредственно в европейском рынке и в водных путях Атлантики и Средиземного моря, чем в рынках отдаленных стран. Эти два обстоятельства предопределяют собою малую заинтересованность Франции в тихоокеанских делах.

Цифры подтверждают это обстоятельство с полной очевидностью. Из трех главных подразделений французского европейского ввоза первое место занимает ввоз во Францию сырья для промышленности (главным

образом угля, стали, шерсти и пр.) на сумму почти в 17 000 млн. франков; второе место занимают фабрикаты на сумму почти в 10 000 млн. франков; и только третье и последнее место занимает ввоз съестных продуктов, которых Франция покупает несколько больше, чем на 8500 млн. франков. В Англии, наоборот, первое место занимает третья группа ввоза, т. е. группа съестных продуктов, которых страна покупает почти на 767 500 000 фунтов стерлингов [1 ф. стерл. = 25 зол. франкам]»^[47].

Оценивая военный и экономический потенциал Франции в Индокитае, профессор военно-морской стратегии и выдающийся специалист в области разведки Борис Иосифович Доливо-Добровольский делает вывод: «Франция при этих условиях, конечно, не может быть тихоокеанской державою и таковою действительно не является»^[48].

Любопытны отзывы французов об аннамитах (вьетнамцах), приведенные Доливо-Добровольским. Так, французский генерал-губернатор Поль Думер писал: «Их всех национальностей дальней Азии самую интересною я считаю – аннамитскую. Аннамиты находятся в дальнем родстве с японцами и очень на них похожи. И те и другие очень умны, трудолюбивы и храбры. Аннамит в армии – прекрасный солдат; в деревне – он образцовый хозяин; в городе – отличный ремесленник».

Французский офицер Бернард, хорошо изучивший быт местного населения, с удивительной откровенностью говорит: «Французы и аннамиты взаимно презирают друг друга и ненавидят. Для аннамита француз – это жестокий и невежественный варвар. Для француза аннамит – это лукавый, нерадивый и коварный работник, которого исправлять можно только палкою и управлять которым можно лишь при помощи страха». Профессор Поль Жирбаль говорит, что «мы никогда не понимали аннамитов и аннамиты не понимали нас»^[49].

В 1923 г. во Вьетнаме возникает Конституционалистская партия, выступавшая за реформу колониальных порядков и за предоставление стране статуса доминиона. В 1927 г. сформировалась Национальная партия Вьетнама, требовавшая уничтожения колониального режима.

В 1920-х гг. на политическом небосклоне Индокитая встает звезда Хо Ши Мина. Он родился 19 мая 1890 г. в семье сельского чиновника.

С 1900 по 1945 г. Хо Ши Мин сменил более ста псевдонимов, и, чтобы избежать путаницы, я везде буду называть его Хо Ши Мином.

В 1911 г. Хо завербовался матросом и под чужим именем отправился в Европу. Первым увиденным им европейским городом стал Марсель, который сами французы называли «городом контрастов». Посетив нищие

кварталы города, Хо спросил приятеля-француза: «Почему вы не обеспечили и не просветили своих соотечественников прежде, чем "учить" нас?»

В начале 1919 г. работавший дворником во Франции Хо отправляет свое требование к Версальской конференции, так называемую «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа». В ней он даже не заикался о независимости народов Индокитая, а лишь предлагал провести там вполне умеренные политические реформы. Тем не менее «Тетрадь...» произвела во французском обществе эффект взорвавшейся бомбы.

В том же году Хо вступает в ряды Социалистической партии Франции. В декабре 1920 г. в городе Туре открылся съезд Социалистической партии, на котором активно выступал Хо. Съезд закончился расколом партии. За резолюцию Марселя Кашена о присоединении к Коминтерну проголосовало 70% участников съезда, после чего правые и центристы покинули съезд.

И вот 30 декабря 1920 г. группа участников Социалистического съезда устроила Первый съезд Французской коммунистической партии (ФКП). Надо ли говорить, что товарищ Хо был среди них.

В 1923 г. по приглашению Коминтерна Хо отправился в Москву. В 1925 – 1927 гг. Хо работал переводчиком в советском консульстве в Кантоне (Китай). Там же он основывает в 1925 г. «Товарищество вьетнамской революционной молодежи» – первую вьетнамскую марксистскую организацию.

В марте 1929 г. члены «Товарищества вьетнамской революционной молодежи» создают в Северном Вьетнаме первую коммунистическую группу. В этом же году возникают другие группы.

3 февраля 1930 г. при активном участии Хо в Гонконге проводится конференция, на которой происходит объединение различных коммунистических групп и основание Коммунистической партии Вьетнама («Вьетнам конг шан данг»).

Экономический кризис, начавшийся в Индокитае в конце 1929 г., привел к резкому ухудшению положения трудящегося местного населения. Следствием этого стал мощный подъем национальноосвободительного движения. В 1929 г. развернулось широкое стачечное движение. В 1930 г. произошло восстание тонкинских стрелков в Йкн-Бае, поддержанное крестьянами Тонкина. 22 сентября 1930 г. колониальные власти из пулеметов расстреляли демонстрацию вьетнамцев в городе Винь. Было убито свыше 270 человек. В ответ начинается вооруженное восстание. В конце месяца провинции Нгеан и Хатинь уже находятся в руках крестьян.

Восставшие образовали Советы – органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Производилось распределение помещичьей земли среди крестьян.

В 1934 – 1938 гг. Хо учился в Москве в Коммунистическом университете.

В 1937 – 1938 гг. движение Демократического фронта Индокитая, где ведущую роль играют коммунисты, добивается ряда уступок от колониальных властей. Так, представители Демократического фронта, в том числе коммунисты, были избраны в совет управления провинции Кохинхина (Намбо), в палату народных представителей Северного и Центрального Вьетнама, в экономический и финансовый совет Индокитая. Рабочий класс добился выполнения некоторых своих требований: введения 9-часового рабочего дня, повышения заработной платы, запрещения труда детей до 10 лет и др.

В начале 1939 г. французские власти в Индокитае переходят к массовым репрессиям. Компартия Индокитая, куда в 1930 г. вошла и Вьетнамская компартия, уходит в глубокое подполье. Дело идет к войне.

Глава 14.

Сирия и Ливан – колонии по мандату

С 1517 г. Сирия и Ливан входили в состав Османской империи. В годы Первой мировой войны на судьбу этих территорий существенно повлияли события в Хиджазе – области на западе Аравийского полуострова. Формально Хиджазом управляли паши, назначаемые Стамбулом, а фактически – местные правители – шерифы Мекки из династии Хашимитов, считавшие себя родней пророка Мухаммеда.

В начале 1916 г. шериф Хусейн ибн Али вошел в сговор с британской разведкой и согласился сделать Хиджаз протекторатом Англии.

5 июня 1916 г. Хусейн провозгласил независимость Хиджаза, а себя – королем и начал боевые действия против турецких войск. В июле 1917 г. хиджазцы захватили порт Акаду, а 30 сентября 1918 г. – Дамаск.

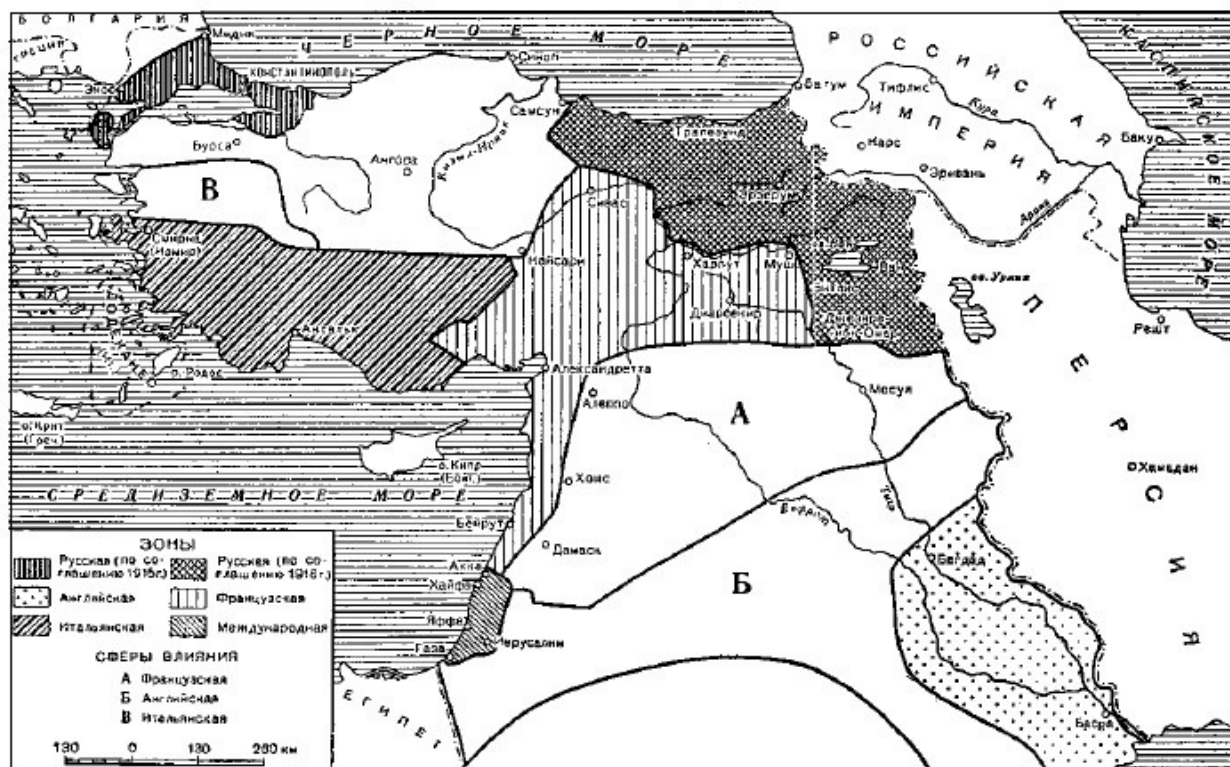
Город был объявлен резиденцией независимого правительства всей Сирии, а в Бейруте была создана собственная арабская администрация. Все ответственные посты в обоих городах заняли выходцы из Сирии, имевшие опыт административной работы в Османской империи и в Египте. В июле 1919 г. администрации Дамаска и Бейрута направили своих представителей на Всеобщий сирийский конгресс, собравшийся в Дамаске. Там была принята резолюция, призывавшая к провозглашению полной независимости Сирии, созданию конституционной монархии во главе с Фейсалом и обеспечению прав меньшинств.

Между тем судьба Сирии и Ливана давно уже была решена. Еще в ноябре 1915 г. в Лондоне британский дипломат Марк Сайке и бывший французский генеральный консул в Бейруте Жорж Пико приступили к переговорам по разделу ближневосточных территорий – наследства Османской империи. И уже в январе 1916 г. проект соглашения был готов. В английскую зону включались Месопотамия с Багдадом и Басрой, но без Мосула. Кроме того, Англия получала палестинские порты Хайфу и Акку. Во французскую зону включались Ливан, прибрежная часть Сирии (западнее линии Алеппо – Хомс), часть Восточной Анатолии, Малая Армения и Курдистан. Палестина (без Хайфы и Акки) должна была составить международную зону.

В январе 1916 г. русские войска начали наступление на Закавказском фронте. 3 (16) февраля они взяли Эрзерум, а затем Трапезунд, Эрзинджан и Битлис.

Опасаясь, как бы области Азиатской Турции, о разделе которых они сговорились, не оказались захвачены Россией, Франция и Англия решили немедленно согласовать свои планы с русским правительством, и уже в феврале 1916 г. Пико и Сайке выехали в Петроград. Памятной запиской английского и французского посольств в Петрограде от 25 февраля (9 марта) 1916 г. русскому правительству сообщалось содержание правительственного англо-французского соглашения о разделе Азиатской Турции.

Соглашение между Россией и Францией о разделе Азиатской Турции было заключено 13 (26) апреля 1916 г. По этому соглашению Россия получала «области Эрзерума, Трапезунда, Ванна и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда». Кроме того, ей отдавалась часть Курдистана, «расположенная к югу от Ванна и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джебзире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией», которая по плану Сайкса – Пико предназначалась Франции. Взамен этого Франция получала обусловленную часть Малой Азии. 26 апреля (9 мая) и 3 (16) мая 1916 г. состоялось соглашение между Францией и Англией – «соглашение Сайкса – Пико». 17 (30) мая 1916 г. Англия присоединилась к франко-русскому соглашению о разделе Азиатской Турции.

План раздела Турецкой империи перед Первой мировой войной

На Ближнем Востоке о договоре Сайкса – Пико узнали лишь в конце ноября 1917 г. из... петроградских газет. По указанию Ленина прессе были переданы все тайные договоры Антанты, хранившиеся в сейфах на Певческом мосту.

Естественно, это вызвало бурные протесты в Сирии и Ливане. 30 сентября 1918 г. в Дамаске было создано правительство, лояльное королю Хусейну. Принц Фейсал (Файсал), сын Хусейна, отправился в начале 1919 г. на Версальскую конференцию.

В июне 1919 г. в Дамаске был созван Всеобщий сирийский конгресс, активно протестовавший против навязывания мандата Парижской мирной конференцией. В ноябре конгресс призвал народ к «защите отечества от французских оккупантов». Тогда же был образован Народный совет национальной обороны, в который вошли представители многих городов и областей, а также различных политических движений.

8 марта 1920 г. Сирийский национальный конгресс провозгласил независимость Сирии, а принца Фейсала – ее королем. В новое государство, помимо Сирии, Палестины и Ливана, были включены части Морской Месопотамии.

Англия и Франция были согласны на «условную независимость» Сирии и Месопотамии с тем, чтобы они некоторое время, не оговаривалось какое, имели статус «надмандатных территорий», то есть полуколоний западных держав. Ну а когда они «станут способными быть самостоятельными государствами, вот тогда и получат независимость».

19 – 26 апреля 1920 г. в итальянском городке Сан-Ремо состоялась конференция по ситуации на Ближнем Востоке. В ней приняли участие британский премьер Ллойд-Джордж, министр иностранных дел лорд Керзон, французский премьер-министр Мильеран, а также итальянский премьер-министр Франческо Нитти. Японию представлял посол Мацуи. От США в качестве наблюдателя присутствовал посол в Италии Джонсон.

Конференция утвердила мандат Англии на Месопотамию и Палестину. В спорном вопросе о Сирии Англия согласилась на оккупацию Внутренней Сирии Францией.

24 апреля генеральный секретарь французского министерства иностранных дел Вертелло и глава Имперской нефтяной компании (Англия) Кедман подписали соглашение о нефти, которое 25 апреля было утверждено Ллойд-Джорджем и Мильераном. Этим соглашением разрешалась нефтяная проблема на Ближнем Востоке, в Румынии, а также

во французских и английских колониях. Англия удерживала за собой Мосул, но гарантировала Франции 25% будущей добычи мосульской нефти. Франция со своей стороны обещала обеспечить вывоз английской нефти через Сирию к Средиземному морю.

В июле 1920 г. 20-тысячная французская армия двинулась на Дамаск. В битве у горного прохода Майсалун несколько сотен сирийцев во главе с полковником Юсуфом Азме погибли, закрывая собой путь к столице. Увы, король Фейсал капитулировал перед французскими войсками, разоружил армию и сдал Дамаск без боя. Но его «поступок» французы так и не оценили и после захвата Дамаска выслали Фейсала из страны. Французы не нуждались в арабском короле, к тому же тесно связанном с их британскими конкурентами.

Лондон ценил и Фейсала, и его отца, и в июле 1921 г. под давлением оккупационных войск временное иракское правительство провозгласило его королем. Замечу, что Фейсал I правил Ираком до самой своей смерти в сентябре 1933 г. А далее правили его сын Гази и внук Фейсал II. Лишь 14 июля 1958 г. организация «Свободные офицеры» во главе с Абдель-Керимом Касемом свергла правившую в Ираке почти 40 лет Хашимитскую династию. Сам Фейсал II был убит в ходе штурма его дворца.

После захвата Дамаска все арабские патриотические организации были разогнаны, а все политические партии Сирии запрещены. 9 августа 1920 г. французский военный суд приговорил к смертной казни 37 ведущих арабских политических деятелей. Тем же, кто успел эмигрировать, приговор был вынесен заочно.

Эмигрировали и многие рядовые члены национально-освободительного движения, в основном в Каир. Там и возобновила свою работу Партия арабской независимости («Хизб аль-истикляль аль-арабий»), созданная как оппозиционная Фейсалу организация. Оставшиеся в Дамаске члены партии поддерживали с Каиром нелегальную связь, но до 1922 г. сами не вели никакой политической деятельности.

Несмотря на то что движение сопротивления было обезглавлено, на установление мандата народ ответил восстаниями. В августе 1920 г. начались крестьянские волнения в области Хауран, а в 1921 г. восстание охватило уже всю Северную Сирию. В апреле 1922 г. в Дамаске и других городах прошли бурные демонстрации. Этому новому всплеску борьбы способствовали судьбоносные внешние факторы – разгром интервенции в России, победа кемалистов в Турции и формальное провозглашение независимости Египта.

В сентябре 1921 г. Партия арабской независимости созвала конгресс

для обсуждения судьбы региона после распада Османской империи. Конгресс выработал требования, направленные в Лигу Наций: признание независимости и национального суверенитета Сирии, Ливана и Палестины; признание права этих стран объединиться под властью гражданского правительства, ответственного перед избранным народом парламентом, а также права на объединение с остальными арабскими странами в форме федерации; полная отмена мандата; эвакуация французских и английских войск из Сирии, Ливана и Палестины; отмена декларации Бальфура, открывавшей путь еврейской колонизации Палестины. Однако Лига Наций проигнорировала эти требования.

На конгрессе был избран постоянно действующий Исполком, работавший в Каире. Во время работы Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.) Исполком направил в Геную сирийско-ливанскую делегацию с меморандумом, перечисляющим требования сирийского народа. Они были направлены против раздела страны, создания искусственных таможенных границ и барьеров, против режима капитуляций, инфляции, против передачи эмиссионных функций французскому частному банку.

В июле 1922 г. сирийско-ливанская делегация отправилась в Лондон, где утвердился текст мандатов. Делегаты требовали, чтобы вопрос о политическом устройстве Сирии и Ливана был передан на рассмотрение их населения и чтобы Лига Наций перед окончательным решением судьбы этих стран выслушала их представителей. Но Совет Лиги Наций проигнорировал эти требования и утвердил текст мандатов, что немедленно было опротестовано сирийско-ливанской делегацией. Повторный протест был оглашен в сентябре 1922 г. перед Ассамблеей Лиги Наций. Но Ассамблея утвердила мандаты.

Чтобы добиться желаемых результатов, Сирийско-палестинский конгресс в ноябре 1922 г. направил свою делегацию на мирную конференцию в Лозанну, но делегатов туда даже не допустили. 24 июля 1923 г. был заключен Лозаннский мирный договор между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией, Грецией, Румынией, Югославией и Японией – с другой. После этого Сирийско-палестинский конгресс создал постоянную делегацию, с местопребыванием в Женеве для связи с Лигой Наций и правительствами других стран.

Когда мандаты на Сирию, Ливан и Палестину вступили в силу, Исполком Сирийско-палестинского конгресса 4 октября 1923 г. заявил представителю Лиги Наций, что не принимает их как противоречащие букве и духу Устава Лиги. Мандатами, разработанными и одобренными без

ведома населения Сирии, Ливана и Палестины, были реализованы тайные соглашения между западноевропейскими империалистическими державами. «Политика этих двух держав отнюдь не направлена к возрождению местного населения и к достижению им независимости. Напротив, эта политика собственника, бесконтрольно владеющего своей вещью. Условия мандата хуже условий, в которых находятся некоторые британские колонии, хотя Устав Лиги Наций определил, что эти страны (Сирия и Палестина) должны быть независимыми», – отмечалось в меморандуме Исполкома. Исполком просил Лигу пересмотреть свое решение, но напрасно – все протесты и требования делегации в Женеве ни разу не ставились Лигой Наций даже на обсуждение.

Французские власти в Сирии попытались подавить арабское национальное движение, используя принцип «разделяй и властвуй». Они активно укрепляли позиции религиозных меньшинств и содействовали распрям на конфессиональной почве. Маронитский район в Горном Ливане был расширен путем присоединения к нему долины Бекаа, населенной в основном мусульманами, а также и городов Триполи, Бейрут, Сайда и Сур (Тир). Остальная часть Сирии была разбита на 5 полуавтономных единиц: Дамаск, Халеб, Латакию (область алавитов), Джебель-эд-Друз (область друзов) и Александретту (ныне Искандерун, передан Турции в 1939 г.). А на крайнем северо-востоке страны, в районе Ракки и Дейр-эз-Зора, был выделен отдельный округ, управлявшийся непосредственно из центра. Политическими делами этих территорий ведал верховный комиссар в Дамаске, назначавший всех правительственных и местных чиновников и отвечавший за режим чрезвычайного положения, введенного в 1920 г.

Французская администрация в борьбе с арабскими националистами пыталась опереться на национальные или религиозные меньшинства, проживавшие на территории Сирии. Подавляющее большинство населения Сирии, около 90%, исповедовали ислам. Среди мусульман около 70% приходилось на суннитов.

Сунниты видели во французах врагов ислама. Шииты придерживались того же мнения, а кроме того, были категорически против включения районов, населенных шиитами, в состав Ливана.

Друзы – мусульманская секта, близкая к исмаилитам, самоназвание «Муваххидун», то есть единобожники, – тоже выступили против французских колонизаторов и ориентировались на Англию.

Самой надежной опорой французов в Сирии были христиане – католики и униаты, и в первую очередь марониты. Марониты – последователи монаха Марона Пустынника, жившего в Ливане в V веке н.

э. В конце VII века они капитально рассорились с константинопольским патриархом и выбрали своего патриарха. После прихода крестоносцев в 1182 г. марониты заявили о «единстве» с католицизмом. Причем многие марониты уверены, что их церковь никогда не порывала с Римом.

Интересно отношение к французам православного Антиохийского патриархата. С VII века патриархами его были греки. Однако в 1898 г. русские дипломаты при содействии Императорского Православного Палестинского общества сумели добиться избрания на патриарший престол этнического араба, уроженца Сирии. Кстати, с тех пор патриархами избираются только арабы. С 1908 по 1914 г. Антиохийская патриархия ежегодно получала по 30 тысяч рублей из личных средств императора Николая II.

Замечу, что в 1923 – 1924 гг., когда турки проводили депортацию греческого населения, православные арабы из Киликии, Шанлыурфа и Мардина за компанию были высланы из Республики Турция в Сирию. Напрасны были вопли: «Мы – арабы, а не греки!» Замечу, что и греки проводили с 1828 по 1924 г. массовые депортации турок не по национальному, а по конфессиональному принципу. В итоге из Греческого государства были насильственно выселены сотни тысяч этнических греков, исповадовавших ислам.

В начале 1920 г. православные сирийцы во главе с патриархом Антиохийским Григорием IV (в миру Гантос Георгий Хаддад) активно поддерживали короля Фейсала. А позже выступали против французских властей и католического прозелитизма в Сирии.

В январе 1933 г. на кафедру в Дамаске был избран новый патриарх Александр III, который выступил в поддержку арабских националистов. Любопытно, что Александр III учился в Киевской духовной академии, свободно говорил по-русски и часто бывал в СССР. А в июне 1941 г. патриарх Александр III обратился к христианам всего мира с призывом поддержать СССР в его войне с Германией.

Забегая немного вперед, скажу, что после 1945 г. антиохийские патриархи вновь стали получать материальную помощь из России. Так, в 1947 г. в ходе поездки на Ближний Восток делегации Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Григорием (Чуновым) патриархам Антиохийскому и Иерусалимскому было лично передано по 25 и 35 тысяч долларов США, что тогда составляло немалую сумму. А в 1948 г. Антиохийской церкви были возвращены здания ее московского подворья.

Но я немного отвлекся, и теперь вновь вернемся в 20-е гг. XX века в многоконфессиональную Сирию. Французские власти еще до 1920 г.

пытались заигрывать в Сирии с любопытной сектой алавитов (нусайритов).

Алавизм можно считать отдельной религией, хотя некоторые ученые относят алавитов к крайним шиитам. Считается, что движение алавитов было основано имамом Абу Шауибом Мухаммадом Ибн Нусайром, умершим в Басре в 883 г. В основе учения алавитов – представление о «Вечной Троице»: Али – Мухаммад – аль-Фарси. Али – Божественный смысл. Мухаммад – имя отражения Бога, аль-Фраси – Врата Бога. Алавиты почитают пророка Ису (Христа) и христианских апостолов, празднуют Рождество и Пасху.

С начала XX века и по сей день численность алавитов оценивается как 10% от общего населения Сирии. В ходе Египетского похода генерала Бонапарта алавиты (до тысячи человек) активно помогали французам при осаде Акко.

Происхождение алавитов спорно. Так, армянские историки считают алавитов потомками армян из Киликийского царства, погибшего в 1375 г. В свою очередь, французские власти уделяли алавитам больше внимания, считая возможным сделать алавитский район главной базой своей колониальной политики. Одновременно в районы компактного проживания алавитов были направлены сотни французских миссионеров, в задачу которых входило убедить алавитов в их религиозной исключительности и создать в их среде сепаратистские настроения. Опираясь на элементы христианства в алавизме, миссионеры доказывали, что алавиты – потомки крестоносцев, а их мировоззрение базируется на христианстве. Но, несмотря на все усилия французов завоевать симпатии алавитов, их отношения поначалу складывались неблагоприятным для колонизаторов образом.

Тем не менее 31 августа 1920 г. французы создали «автономную территорию алавитов», 12 июня 1922 г. это территориально-административное образование получило название «Государство алавитов». Алавитское государство состояло из двух бывших санджаков – Латакийский (области Латакия, Джебле, Банияс, Масьяф, Хафера) и Туртусский (области Тартус, Сафита, Телль–Калях), имело собственный флаг в виде полотнища белого цвета с желтым солнцем в средней части и четырьмя красными углами. Население Государства алавитов насчитывало 278 тысяч человек, из которых алавитов было 176 тысяч, суннитов – 52 тысячи, христиан – 44,5 тысячи, исмаилитов – 4,5 тысячи. В 1930 г. Государство алавитов приняло свою конституцию.

Тем не менее 5 декабря 1936 г. Государство алавитов было присоединено к Сирии указом № 274 французских властей. Однако

официально в Сирии алавиты были признаны мусульманами лишь в июле 1973 г. Дело в том, что алавиты в 1930 – 1960-х гг. добились больших успехов в экономике и политике. А в марте 1971 г. президентом Сирии был избран алавит генерал Хафез Асад, отец нынешнего президента (на июнь 2012 г.). А по старым законам президентом страны мог быть только мусульманин. Так алавиты и попали в правоверные мусульмане. Но, увы, только в Сирии. Во многих арабских странах их таковыми не считают.

В 1920 – 1930-х годах алавиты исправно служили в созданных французами туземных войсках – Сирийском легионе Левантийской армии. Численность армии в 1920-х гг. колебалась от 15 до 20 тысяч человек.

Восстание друзов подтолкнуло Францию увеличить численность Левантийской армии до 30 тысяч человек, в том числе Сирийского легиона – до 5 тысяч человек. В 1930 г. легион насчитывал 13 тысяч человек, в том числе 319 офицеров, из которых 162 были сирийцами. Однако самый высокий чин, на который могли претендовать местные уроженцы, был майорский. Командный состав легиона готовился в специально созданном в 1920 г. в Дамаске училище, кадеты которого набирались в основном из курдов-езидов, друзов, алавитов, армян и арабов-христиан.

В 1924 г. на основе возникших ранее отдельных марксистских кружков создается Сирийская коммунистическая партия, объединившая в своих рядах коммунистов Сирии и Ливана. Под руководством компартии был проведен ряд политических мероприятий, в том числе первомайский митинг в Бейруте в 1925 г. В июле 1925 г. коммунисты начали издавать свой печатный орган – газету «Аль-Инсанийя», но уже после выхода пятого номера власти ее закрыли.

18 июля 1925 г. началось восстание друзов под руководством Султана аль-Атраша. Французские войска беспощадно сжигали деревни повстанцев и убивали мирных жителей. Чтобы запугать жителей Дамаска, французы погрузили тела расстрелянных повстанцев на верблюдов и провели этот «караван смерти» по улицам. Затем обнаженные тела убитых были выставлены на главной площади Дамаска.

Акция колонизаторов вызвала бурю возмущения мусульман всех конфессий. 18 октября 1925 г. весь Дамаск оказался во власти восставших. Французский верховный комиссар в Сирии Саррайль приказал начать артиллерийский обстрел города, длившийся двое суток. Бомбардировка такого большого города вызвала возмущение на всем арабском Востоке. Париж был вынужден отозвать Саррайля из Сирии.

К началу ноября 1925 г. в руках повстанцев находилась почти вся Сирия, за исключением крупных городов. Военные действия перекинулись

и в Ливан. Там армия Зейда аль-Атраша, брата вождя восстания, заняла несколько крупных населенных пунктов. Рабочие Бейрута в поддержку повстанцам организовали стачки и забастовки.

Для подавления восстание французские власти решили посеять вражду между религиозными группировками, то есть превратить Ливан в «сирийскую Вандею», натравив части, сформированные из ливанских маронитов, на патриотов. Но эта провокация была успешно сорвана командованием повстанцев, призвавшим народные массы сплотиться в борьбе против колонизаторов. Был выдвинут лозунг: «Религия – для Бога, родина – для всех». Многие марониты даже вступали в партизан

Ливанский историк удивлялся: «Никто не помнит, чтобы в прошлом мусульмане и христиане или сунниты и шииты объединились и сформировали общий партизанский отряд, преследующий под руководством общего вождя общую цель. Понадобилась революция 1925 – 1926 гг., чтобы благодаря политическим взглядам, объединявшим большую часть населения, образовать смешанные партизанские отряды. Только сельская маронитская буржуазия пошла в контрреволюционные "отряды христианской обороны"».

В ноябре 1925 г. новым французским верховным комиссаром был назначен де Жувенель. Полученная им инструкция предписывала изменить тактику, и он начал переговоры с Исполкомом Сирийско-палестинского конгресса. Конгресс предложил де Жувенелю следующие условия прекращения борьбы: 1) отмена мандата и признание полной независимости Сирии, вступление Сирии в Лигу Наций; 2) предоставление Ливану по желанию его населения права иметь собственное правительство; 3) система правления должна быть определена свободно избранным Учредительным собранием; 4) между Францией и Сирией будет заключен равноправный договор сроком на 30 лет.

По условиям договора, если не будет возражений со стороны ливанского правительства, Франция сохранит в Ливане свои оккупационные войска и военно-морскую базу, французские офицеры будут обучать сирийскую национальную армию. Между Францией и Сирией будет заключен военный союз, и Франция в случае войны получит возможность использовать сирийскую армию. Французскому капиталу будет обеспечено господствующее положение в экономике Сирии, которая обязуется получать займы только во Франции, развивать свои экономические ресурсы только с помощью французского капитала, приглашать иностранных специалистов только из Франции. Французы в целом отвергли эти условия. Однако в мае 1926 г. де Жувенель

сформировал сирийское национальное правительство, в которое вошли и представители «Хизб аш-Шааб». Верховный комиссар обещал объединить Сирию, созвать Учредительное собрание для выработки конституции, заключить франко-сирийский договор, провести всеобщую амнистию, сформировать национальную армию и т. д., но обещаний своих не выполнил. В знак протеста члены кабинета от «Хизб аш-Шааб» ушли в отставку, а через три дня они были арестованы и сосланы.

Французские власти по-прежнему не оставляли надежды расколоть национально-освободительное движение. Так, в 1926 г. они «даровали» Ливану республиканскую конституцию. В стране были созданы правительство и двухпалатный парламент. Однако такие важные прерогативы, как внешние сношения и военные вопросы, оставались в компетенции Франции. Любое решение ливанского правительства могло быть отменено верховным комиссаром.

В 1935 г. французские власти одобрили новый закон о труде, ограничивавший перечень профессий, представителям которых разрешалось объединяться в профсоюзы. Этим законом рабочие синдикаты ставились под жесткий контроль государства. В ответ на это по стране прокатилась вторая волна выступлений. В 1936 г. профсоюзы Дамаска объединились в единый тред-юнион, а еще через два года в Дамаске, Халебе и Хомсе образовали Всеобщую федерацию профсоюзов.

Выступления трудящихся способствовали принятию Национальным блоком в январе 1936 г. «Национального пакта», в котором опять поднимался вопрос о провозглашении независимости и подготовке проекта новой конституции.

Опубликование этого пакта совпало с пятидесятидневной всеобщей забастовкой, парализовавшей деятельность рынков, школ, коммунальных служб и фабрик по всей стране. Французские власти тщетно пытались подавить забастовку, и верховный комиссар был вынужден начать переговоры с Национальным блоком. Результатом переговоров стал договор, по которому де-юре признавалась независимость Сирии и созывался новый парламент, но одновременно подтверждались и широкие права французов в военной и экономической областях.

На выборах в ноябре 1936 г. Хашим аль-Атаси был избран президентом страны, а большинство мандатов в парламенте получил Национальный блок.

Серьезные проблемы для французской администрации в Сирии с начала 1920-х гг. создавались Александреттским саджаком. В 1920 – 1925 гг. Александреттский саджак входил в состав государства Алеппо, а затем

Сирии. Значительная часть населения саджака состояла из этнических турок.

Президент Турции Мустафа Кемаль, выступая 15 марта 1923 г. в Адане, заявил, что «саджак всегда был турецким и не может оставаться в чужих руках».

В 1936 г. Мустафа Кемаль, который получил титул Ататюрка – отца турков, придумал новое название Александреттскому саджаку – Хатай – и поднял в Лиге Наций «Хатайский вопрос». В результате Франция согласилась дать Хатаю статус автономного саджака в составе Сирии.

Саджак был оставлен в составе Сирии, но получил, как того требовал Ататюрк, полную независимость в своих внутренних делах, а во внешних делах – право добиваться через органы Лиги Наций отклонения или заключения Сирией тех или иных затрагивающих интересы округа международных соглашений. В округе сохранились общие с Сирией таможенная и валютная системы. Турция получила одинаковое с Сирией право пользоваться портом Александреттой. Официальными языками в округе объявлялись турецкий и арабский. Над округом устанавливался контроль Лиги Наций, осуществляемый делегатом Лиги – французом, наблюдающим за нерушимостью его статута и основного закона. Франция и Турция обещали гарантировать территориальную неприкосновенность округа и принять совместные меры для ограждения его от всякой агрессии.

В середине 1938 г. прошли выборы в Законодательную ассамблею Хатая. Из 40 мест 22 получили турки, 9 – алавиты, 5 – армяне, 2 – арабы-сунниты, 2 – православные арабы.

Успех турок на выборах предопределялся не столько числом этнических турок в санджаке, сколько давлением турецких войск, при попустительстве Франции. Фактически же этнических турок в саджаке проживало не более 40%.

В нарушение всех соглашений хатайская Законодательная ассамблея 6 февраля 1939 г. приняла все турецкие законы, а 13 марта сделала турецкую лиру денежной единицей Хатая.

Окончательное присоединение округа к Турции было оформлено франко-турецким соглашением, подписанным в Анкаре 19 июня 1939 г. французским послом Массигли и турецким министром иностранных дел Сараджоглу. Город Александретту турки переименовали в Искандерун.

Сирия так никогда, по крайней мере до июня 2012 г., не признала отторжения от нее Александреттского саджака.

Ряд современных отечественных историков утверждают, что французы передали Хатай туркам, дабы обеспечить нейтралитет Турции во Второй

мировой войне. На самом деле турки смертельно боялись вступать в войну, прекрасно понимая, что при любом исходе их выкинут из Проливной зоны. Ну а французское правительство ни в 1938-м, ни в начале 1939 г. вообще не планировало близкого начала войны и тем более какого-либо участия в ней Турции.

Раздел II

Империя во Второй мировой войне

Глава 1.

Смертный приговор империи был подписан в... Версале

Причины возникновения Второй мировой войны следует искать не в событиях 1938 – 1939 гг. – Мюнхенское соглашение, Московский договор, заключенный в августе 1939 г., нападение Германии на Польшу и т. д., а в варварских действиях Англии и Франции по отношению к Германии и России в конце 1918 – 1919 г.

В ноябре 1918 г. закончилась Великая война. Ни Россия, ни Германия не потерпели военного поражения. Ну, в отношении России наши историки с этим согласны. А вот Германия?..

Ценой огромных потерь союзным войскам удалось с июля по октябрь 1918 г. продвинуться на фронте шириной примерно 275 км на глубину от 50 до 80 км. К 1 ноября 1918 г. линия фронта начиналась на побережье Северного моря в нескольких километрах западнее Антверпена, далее шла через Монс, Седан и далее до швейцарской границы, то есть война до последнего дня шла исключительно на бельгийской и французской территориях.

В ходе наступления союзников в июле – ноябре 1918 г. немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными 785,7 тысячи человек, французы – 531 тысячу человек, англичане – 414 тысяч человек, кроме того, американцы потеряли 148 тысяч человек. Таким образом, потери союзников превысили потери немцев в 1,4 раза. Если экстраполировать эти цифры, то, чтобы дойти до Берлина, союзники должны были угробить все свои сухопутные силы, включая американцев.

К моменту подписания перемирия Германия имела 15 тысяч легких полевых орудий, 10 тысяч тяжелых и 2600 зенитных орудий. Франция имела 10 тысяч легких 75-мм полевых орудий, Англия – 7 тысяч легких и 400 тяжелых орудий. Франция и Англия вместе имели на фронте 800 зенитных орудий.

Огромный перевес был у союзников в танках. У Англии и Франции имелось 7 тысяч танков, а у Германии – 70, то есть в 100 раз меньше.

Но на самом деле германское командование готовило большой танковый погром в конце 1918 – начале 1919 г. В 1918 г. германская промышленность изготовила 800 танков, однако большинство их не успело

дойти до фронта. В войска начали поступать противотанковые ружья и крупнокалиберные пулеметы, которые легко пробивали броню британских и французских танков. Было начато массовое производство 37-мм противотанковых пушек.

В годы Первой мировой войны не погиб ни один германский дредноут (линкор новейшего типа). В ноябре 1918 г. по количеству дредноутов и линейных крейсеров Германия уступала Англии в 1,7 раза, но германские линкоры превосходили союзные по качеству артиллерии, системам управления огнем, непотопляемости кораблей и т. п.

В 1917 г. немцы построили 87 подводных лодок, а исключили из списков (из-за потерь, по техническим причинам, из-за навигационных аварий и т. п.) 72 подводные лодки. В январе – октябре 1918 г. было построено 86 лодок, а исключена из списков 81. В строю находилась 141 лодка. На момент подписания капитуляции строилось 64 лодки.

Почему же германское командование попросило у союзников перемирие, а фактически согласилось на капитуляцию? Германию погубил удар в спину. Суть происшедшего одной фразой выразил Владимир Маяковский: «...и если б знал тогда Гогенцоллерн, что это и в их империю бомба». Да, действительно, германское правительство передало революционным партиям России, включая большевиков, довольно крупные суммы. Однако Октябрьская революция привела к постепенной деморализации германской армии.

В обеих империях к концу 1919 г. правители, виновные в развязывании войны, были казнены или бежали из страны. К власти пришли люди, которые еще осенью 1914 г. выступали против войны. Так почему бы Антанте не принять выдвинутый Лениным еще в 1917 г. план мира «без аннексий и контрибуций»? Увы, правители Англии, Франции и США почувствовали себя неограниченными властителями мира и учинили дикую расправу над Германией и Россией. Причем если с Россией расправлялись «по понятиям», как с какой-нибудь африканской страной, то для закабаления и расчленения Германии была созвана весьма представительная Версальская конференция.

У России и Германии было отнято около трети территории, почти весь военный флот обеих стран был потоплен союзниками, а весь торговый флот присвоен.

Германии Версальским договором было разрешено иметь 100-тысячную армию, а точнее, полицейские силы. Германии не разрешалось иметь танки, бронеавтомобили, противотанковые и зенитные орудия, тяжелую артиллерию, боевые самолеты и воздушные шары, торпедные

катера, подводные лодки, линкоры, мощные радиостанции (включая гражданские)... и далее длинный список. Германия должна была заплатить непомерную контрибуцию.

В 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рурскую область, которая давала 90% угля и 50% металла Германии, чтобы беспрепятственно вывозить ее продукцию.

В 1922 г. реальная заработная плата в Германии упала в 4 раза по сравнению с довоенной, а в 1923 г. промышленное производство страны составляло пятую часть довоенного.

На отторгнутых русских и немецких территориях Англия и Франция решили создать «санитарный кордон» против Советской России и Германии – Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Чехословакию. Замечу, что не следует путать современную Польшу с Польшей 1930-х гг. под диктатурой маршала Пилсудского. Сейчас Польша является национальным государством, в котором подавляющее большинство граждан – поляки. Но достигнуто это было за счет уничтожения или депортации многих миллионов немцев, евреев, русских, украинцев и белорусов. Ну а оставшиеся были насильно полонизированы.

А в 1922 г. в Республике Польша этнические поляки составляли около 60% населения. Причем в поляки были записаны славянские народности – лемки, кашубы, поморяне и др., которые имели больше языковых и культурных различий с поляками, нежели между русскими и украинцами.

В Чехословакии из 14-миллионного населения чехов насчитывалось 6,6 млн., немцев – 3,5 млн., словаков – 3 млн., венгров, румын, поляков и др. – 400 тысяч человек. Ее власти сделали чехов (45% населения) титульной нацией. Остальные же нации не желали жить в этом искусственном государстве, которое держалось на французских штыках до 1938 г. и на советских – до 1991 г.

Сразу после Версальской конференции французский маршал Фош сказал: «Версаль – не мир, а перемирие на 20 лет». А на самой конференции британский премьер Ллойд-Джордж сказал французскому премьеру Клемансо, желавшему включить в состав Польши земли, заселенные немцами: «Не создавайте новую Эльзас-Лотарингию».

Таким образом, французский маршал и британский премьер точно предсказали время – 1939 год – и причину – Польша – возникновения Второй мировой войны.

Но ведь во всех учебниках написано, что Вторую мировую войну развязал Адольф Гитлер? Да, бесспорно, Гитлер совершил величайшие преступления XX века: вероломное нападение на СССР 22 июня 1941 г.,

уничтожение миллионов людей в концлагерях и т. д. Но что, без Гитлера не было бы Второй мировой войны?

Ровно через пять лет после окончания Великой войны, 9 ноября 1923 г., Гитлер, шедший во главе колонны нацистов в Мюнхене, попал под обстрел полицейских. Макс Федорович Шейбнер-Рихтер, бывший офицер царской армии, закрыл фюрера своим телом. Гитлер оказался под трупом Рихтера, а затем укрылся на квартире генерала Василия Васильевича Бискупского. Ну, русский след в зарождении нацизма – тема особая, а мы представим на секунду, что Рихтер оказался бы на полметра правее или левее Адольфа и фюрер получил бы полицейскую пулю. Так что, в этом случае Вторая мировая война не состоялась бы и в Европе до сих пор действовала бы Версальская система договоров?

В советское время наши историки восторженно писали об Эрнсте Тельмане – вожде германских коммунистов, непримиримом борце с фашизмом. Но, судя по всему, оные авторы не читали речи Тельмана. Я же не поленился и прочел с карандашом. Спору нет, программы коммунистов и нацистов во внутренней политике кардинально расходились. Но найти разницу у Гитлера и Тельмана по отношению к западным державам и Версальскому договору я так и не смог.

Тельман официально заявил: «Советская Германия не заплатит ни пфеннига по репарациям... Мы, коммунисты, не признаем никакого насильственного присоединения народа или части народа к другому национальному государству, мы не признаем никаких границ, проведенных без согласия действительного большинства населения... Мы, коммунисты, против территориального расчленения и разграбления Германии, проведенного на основании насильственно навязанного нам Версальского договора».

Давайте предположим, что 6 ноября 1932 г. на выборах в рейхстаг компартия получила не 6 млн. голосов, как было на самом деле, а 8 млн. и законным образом сформировала правительство. Нацисты ответили погромами, но были рассеяны полицией и штурмовыми отрядами коммунистов. Нацистская партия распущена, Гитлер отправлен в концлагерь.

И вот рейхсканцлер Тельман объявляет о прекращении выплат по репарациям и непризнании границ Германии на востоке. Каковы действия западных держав? Объявление войны Германии, то есть Второй мировой войны, или ноты протеста?

В 1934 г. Тельман вводит четыре пехотных батальона в Рейнскую область. У Запада вновь дилемма – мировая война или молчаливое

признание свершившихся фактов?

В марте 1938 г. германские танки под красными знаменами с серпом и молотом входят в пределы Австрии. Убежденный старый коммунист воскликнет: «Тельман никогда бы не пошел на аншлюс. На подобное способен был только злодей Адольф!» Увы, увy... Постановление об аншлюсе, то есть объединении Австрии с Германией, было принято австрийским парламентом еще в декабре 1918 г.

2 марта 1919 г. между Германией и Австрией был заключен секретный договор (Берлинский протокол) о присоединении Немецкой Австрии к Германии, если мирный договор не запретит аншлюс.

Понятно, что Антанта категорически запретила аншлюс, что и было закреплено в Версальском и Сен-Жерманском договорах. А 4 октября 1922 г. западные державы приняли так называемый Женевский протокол, запрещавший аншлюс даже в форме экономического союза Австрии с Германией. А из партийной программы австрийских социал-демократов требование аншлюса было запрещено лишь осенью 1934 г., когда стало очевидно, что аншлюс будет проводить совсем иная партия. Да и Тельман в ряде речей требовал воссоединения Германии и Австрии. Так что в марте 1938 г. по-другому «вождь германского пролетариата» физически не мог поступить.

Как видим, Вторая мировая война началась бы и при рейхсканцлере Эрнсте Тельмане. Вопрос лишь в том, когда Англия и Франция объявили бы войну Советской Германии. В 1934, в 1938 или 3 сентября 1939 года? Нетрудно догадаться, на чьей стороне оказалась бы Советская Россия и каким стал бы финал этой войны.

Уверен, что сказанное либералы поймут превратно. Автор, мол, правильно показывает, что коммунисты и нацисты – заядлые поджигатели войны. Ну хорошо, давайте уберем их с политической сцены, и в 1933 г. в Германии будет восстановлена монархия Гогенцоллернов, а в России – Романовых.

Но, увy, никто из Гогенцоллернов и Романовых никогда бы не признал Версальский мир и его детище – государства-лимитрофы^[50]. Благо «кобургский император» Кирилл Владимирович породнился с Гогенцоллернами, а его жена Виктория встречалась в 1920-х гг. с Гитлером и поддерживала «движение» материально. А может, генерал Антон Деникин стал бы лобызаться с паном Пилсудским?

У великого князя Александра Михайловича большевики убили двух родных братьев, конфисковали дворцы в Крыму и Петербурге. В начале 1933 г. великий князь медленно умирал в нищете на Лазурном Берегу. Но

перед смертью он написал в своих воспоминаниях: «Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке».

Нам могут нравиться или не нравиться приведенные мнения великого князя Александра Михайловича, Эрнста Тельмана, маршала Фоша и др. Тем не менее очевидно, что за Первой мировой войной мы можем оставить титул «Великая война», но «Второй Отечественной» она никогда не была и не будет. Война велась за интересы, чуждые нашему народу и государству Российскому. А с подписанием Версальского мира Вторая мировая война стала неизбежной. Интрига была лишь в именах тех, кто будет ей руководить из Парижа, Лондона, Берлина и Москвы.

1 сентября 1939 г. германские войска вступили на польскую территорию. Британский премьер Невилл Чемберлен два дня колебался и лишь утром 3 сентября объявил в палате общин, что Англия находится с 11 часов утра 3 сентября в состоянии войны с Германией. «Палата общин, – заметил английский историк Тэйлор, – силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству». В тот же день, в 17 часов, объявила войну и Франция.

Сейчас в развязывании Второй мировой войны модно обвинять Гитлера и Сталина, которые, мол, сговорились и 22 августа 1939 г. подписали Пакт о ненападении. Можно сколь угодно долго спорить о соответствии Московского договора нормам международного права, да и какого права? Образца 1914 г.? Образца 1939 г.? Или 2012 г.? Гораздо забавней то, что по границам, установленным этим пактом, до сих пор живут ряд государств Восточной Европы – те же Польша, Литва, Беларусь и Украина. И никто, включая хулителей Пакта Молотова – Риббентропа, не

рискует поставить под сомнение справедливость этих границ и не предлагает вернуться к границам, существовавшим на 1 января 1939 г.

Накануне Второй мировой войны политики всех стран непрерывно говорили о своей приверженности миру. Ну, это и понятно, за то им и жалование платят. А давайте посмотрим на военные планы сторон, в первую очередь на состояние ВМФ как наиболее зависимого от внешней политики рода вооруженных сил.

Так, Англия уже в январе 1937 г. заложила 4 линкора типа «Кинг Джордж V», а через полгода – еще один. Их готовность ожидалась в 1940 г.

Еще раньше, в 1935 – 1936 гг. во Франции заложили два сверхдредноута новой серии – «Ришелье» и «Жан Бар». Они имели огромное водоизмещение – почти 50 тысяч тонн. Наряду с большой скоростью – 32 узла, они имели сильное вооружение: восемь 381/45-мм и двенадцать 152/55-мм пушек. Причем впервые в истории 152-мм пушки были приспособлены для зенитной стрельбы. Они должны были вступить в строй в 1939 г., но по ряду причин строительство затянулось. Позже был заложен еще один сверхдредноут «Клемансо».

Итак, миролюбивые и весьма демократические Англия и Франция окончание своих корабельных программ наметили на 1939 – 1940 гг. А вот в 1939 г. Германия лишь в 1939 г. приступила к строительству огромного надводного флота. 14 апреля 1939 г. на верфи «Блом и Фосс» в Гамбурге и «Дешимаг» в Бремену были заложены два линкора нового проекта под литерными обозначениями «Н» и «J». Стандартное водоизмещение этих кораблей должно было составлять 56 440 тонн, а полное – 62 600 тонн. Орудиями главного калибра должны были стать восемь 406/52-мм пушек SKC/34 системы Круппа в четырех башнях. К 1 сентября 1939 г. 40-см (406-мм) пушки прошли полигонные испытания и были запущены в серийное производство. Всего, по разным данным, немцы изготовили от 12 до 19 таких орудий. Впервые после «карманных линкоров» немцы решили вернуться к установке дизелей, которые должны были обеспечивать 30-узловой ход.

Кроме линкоров в состав германского флота должны были войти и линейные крейсера. Так, в начале 1939 г. были отпущены средства на постройку трех линейных крейсеров водоизмещением 31 650/35 400 тонн (стандартное/полное), вооруженных шестью 38-см пушками SKC/34.

Ну а три первых советских линкора – «Советский Союз», «Советская Украина» и «Советская Белоруссия» – были заложены соответственно 15 июля 1938 г., 31 октября 1938 г. и 21 декабря 1939 г.

Возникает резонный вопрос: зачем СССР и Германия строили

огромные надводные флоты со сроками готовности в 1943 – 1946 гг.? Ведь огромные суммы, отпущенные на строительство суперлинкоров и тяжелых крейсеров, можно было потратить на танки, авиацию, сухопутную артиллерию и т. п. И советских, и германский генштабы прекрасно понимали, что суперлинкоры бесполезны в континентальной европейской войне.

Вывод один – ни Гитлер, ни Сталин не собирались начинать мировую войну ранее 1943 г. Другой вопрос, что они учитывали возможность нападения на них западных держав и были готовы принять вызов.

Еще одним подтверждением того, что Гитлер не планировал войну с западными державами осенью – зимой 1939 – 1940 гг., служит отсутствие в германском флоте вспомогательных крейсеров. Вспомогательные крейсера (рейдеры) – это торговые суда, вооруженные пушками и предназначенные для нарушения судоходства противника в отдаленных районах Мирового океана. О них можно сказать коротко: «Дешево и сердито». Действительно, на переоборудование таких крейсеров ушли небольшие суммы, а старые 15-см пушки были взяты со складов, где они хранились после сдачи на лом кайзеровского флота.

Два-три десятка таких крейсеров могли навести ужас на союзников. Но переоборудование их началось лишь в октябре 1939 г., и первые рейдеры вышли в море лишь в марте – апреле 1940 г., когда англичане уже наладили систему конвоев, воздушного патрулирования океанских просторов и т. п.

Ложь (дезинформация) – весьма важное оружие на войне. Информация о том, что враг начал первым, что ты защищаешь родину, а не участвуешь в аванюре своего правительства, существенно поднимает моральный дух армии. Тем более что Гитлер 22 июня 1941 г. совершил величайшее в истории преступление, вероломно напал без всяких оснований на СССР. Поэтому наш народ поверил и тому, что Гитлер в сентябре 1939 г. напал на миролюбивые демократические государства Англию и Францию. В итоге «пропаганда военного времени» превратилась в непререкаемый исторический факт.

Увы, 1 сентября 1939 г. началась не Вторая мировая война, а всего лишь локальный европейский конфликт, исход которого был решен в течение первых двух недель и полностью закончен через четыре недели.

Польская кампания 1939 г. представляет собой классическую локальную войну, а более уместно сказать – конфликт. Воевала же Франция против рифов в Марокко и Алжире, и жертв было не меньше. Или советско-японский конфликт на реке Халхин-Гол летом 1939 г. Там с

советской стороны было задействовано куда больше танков и самолетов, чем во всей польской армии. А то, что Пилсудский в мае 1920 г. взял Киев, в Европе никто и не заметил, кроме русских эмигрантов, и в газетах это освещалось далеко не на первых полосах.

Но в эти и десятки других вооруженных конфликтов 1920 – 1939 гг. никто из великих держав не полез, и не было мировой войны.

Те же США за последние 200 лет десятки раз совершали интервенции в страны Латинской Америки. Но лишь один раз, осенью 1962 г., СССР сказал: «Стоп! Не тронь Кубу!», и мир оказался на грани мировой войны.

Так что нравится кому или нет, но Вторая мировая война началась 3 сентября 1939 г., когда Англия и Франция объявили Германии войну.

Позже, в 1943 г., Уинстон Черчилль откровенно сказал польским министрам марионеточного «эмигрантского правительства»: «Мы начали войну не из-за границ Польши».

Англия и Франция хотели прежде всего устранить торгового конкурента, сохранить «санитарный барьер» в Восточной Европе и многое другое.

Самое забавное, что, объявив войну, ни Англия, ни Франция не желали... воевать! С первых же дней войны они начали искать себе подходящее пушечное мясо. Поляки не оправдали надежд Запада и разбежались через две недели. Срочно начались попытки сколотить фронт против Германии из балканских государств, включая Турцию. Однако желающих связываться с вермахтом там не нашлось.

Идеальный вариант был бы, как и в 1914 г., стравить немцев с русскими. Причем в этом варианте Лондон и Париж были готовы воевать на любой стороне.

Сейчас трудно понять логику французских министров, которые, ввязавшись в войну с Германией, пытались задирать... СССР!

На встрече в Париже 19 декабря французский премьер Эдуард Даладье попытался уговорить Уинстона Черчилля совершить совместное нападение на Мурманск и Архангельск. Но Черчилль понимал разницу между 1918 и 1939 гг. и отказался.

15 января 1940 г. генеральный секретарь французского МИДа Леже сообщил американскому послу У. Буллиту, что Даладье предложил направить в Черное море эскадру для блокады советских коммуникаций и бомбардировки Батуми, а также атаковать с воздуха бакинские нефтяные скважины. Причем целью этих операций являлось не только предотвращение поставок нефти из СССР в Германию. Леже заявил: «Франция не станет разрывать дипломатических отношений с Советским

Союзом или объявлять ему войну, но она уничтожит Советский Союз, – при необходимости – с помощью пушек!»^[51]

Командующий французскими ВВС в Сирии генерал Ж. Жоно заявил: «Исход войны решиться на Кавказе, а не на Западном фронте».

Весной 1940 г. французское командование составило план «Rip» (бомбардировки Кавказа). Аналогичный план «MA-6» был составлен и английским командованием. Бомбардировки планировалось проводить днем и ночью с различных высот. Баку рассчитывали разрушить за 15 дней, Грозный – за 12, Батуми – за 1,5 дня. 20 марта 1940 г. в Алеппо (Сирия) состоялось совещание представителей французского и английского командований в Леванте, на котором отмечалось, что к июню 1940 г. будет закончено строительство двадцати аэродромов первой категории. 17 апреля 1940 г. командующий французскими войсками на Ближнем Востоке генерал Вейган доносил министру обороны Франции генералу Гамелену, что подготовка воздушного удара будет завершена к концу июня – началу июля. Британские разведывательные самолеты совершили несколько облетов Баку и Батуми. Советская ПВО открывала зенитный огонь, но из-за большой высоты он оказался безрезультатным.

В Москве всерьез восприняли угрозу западных союзников. В полную боевую готовность была приведена система ПВО Закавказья. В районе Баку было сосредоточено 420 зенитных пушек калибра 76 – 85 мм и 60 орудий малого калибра. К июню 1941 г. в ПВО Баку было 19 радиолокационных станции (13 «Рус-1» и 6 «Рус-2»), а в ПВО Москвы – всего три («Рус-1»).

Тем не менее Сталин решил не ограничиваться обороной. Где-то в начале февраля 1940 г. советское командование приступило к подготовке ответного удара. Его должны были нанести шесть дальнебомбардировочных полков (всего свыше 350 бомбардировщиков ДБ-3).

6, 42 и 83-й дальнебомбардировочные полки начали сосредотачиваться на аэродромах Крыма. Еще три полка ДБ-3 должны были действовать с аэродромов в Армении, в районе озера Севан.

Эскадрильи первой группы, пролетев над Турцией, должны были атаковать британские базы в Ларнаке, Никозии и Фамагусте на Кипре, базу в Хайфе в Палестине и французские военные объекты в Сирии.

Самолеты второй группы, базировавшиеся в Армении, должны были лететь через Иран и Ирак. В районе Багдада полки расходились в разные стороны на турецкие объекты и на британские базы в Ираке и в Египте.

Последний самый лакомый кусочек достался 21-му дальнебомбардировочному авиаполку. Две его эскадрильи должны были

атаковать британскую эскадру в Александрии, две эскадрильи – сбросить бомбы под Порт-Саидом, а одна эскадрилья должна была разрушить шлюзы Суэцкого канала и парализовать британское судоходство. Стоит добавить, что все английские и французские базы к началу июня 1940 г. жили в режиме мирного времени и о возможности авианалетов никто и не думал.

Союзное командование назначило первую бомбардировку Баку на 15 мая 1940 г. Сразу после обнаружения самолетов противника должны были подняться в воздух и бомбардировщики Ильюшина, чтобы устроить англичанам небольшой Пёрл-Харбор.

В конце 1939 – начале 1940 г. английскому и французскому флотам удалось захватить несколько советских торговых судов, находившихся в отдаленных районах Мирового океана. Это были откровенные акты пиратства. После капитуляции Франции большинство советских судов было отпущено, а груз и часть оборудования – украдены.

9 мая 1940 г. немцы начали наступления на Западном фронте и уже к 3 июня капитулировали Бельгия и Голландия, а остатки британской армии эвакуировали в районе Дюнкерка. Германские части 5 июня перешли реку Сомму между Амьеном и Абвилем, а спустя три дня достигли Сены. 9 июня германские танки были в Руане.

11 июня войну Франции и Англии объявила Италия, однако итальянским войскам не удалось продвинуться в глубь французской территории.

Положение Франции было крайне тяжелым, но не безнадежным. Германские моторизованные войска оторвались от своих тылов. Англичане попросили разрешение перебросить на аэродромы на юге Франции свою бомбардировочную авиацию. Вспомним, что большинство итальянских промышленных центров находится на севере страны. Так, например, от пограничных французских аэродромов до Генуи и Милана всего 300 – 320 км, а до Турина – всего 100 км. ПВО Италии оставляла желать лучшего. Флоты Англии и Франции на Средиземном море превосходили итальянский флот более чем вдвое. Соответственно, удары авианосной авиации и обстрелы из орудий линкоров калибра 381 – 340 мм прибрежных итальянских городов неминуемо вызвали бы панику в стране.

Но опять, как и в сентябре – октябре 1939 г., никто не хотел воевать или, по крайней мере, драться насмерть.

Еще 2 июня 1940 г. французское правительство попросило Англию направить во Францию 20 истребительных авиаэскадрилий (320 самолетов). К этому времени во Франции было только три британские

истребительные эскадрильи. У англичан истребителей имелось в несколько раз больше, но они отказались и лишь после повторных просьб французов направили туда две (!) истребительные авиаэскадрильи.

В свою очередь правительство Рейно 12 июня запретило английским бомбардировщикам действовать по итальянским городам с аэродромов на юге Франции.

10 июня правительство Рейно, покидая Париж, обратилось к президенту США Рузвельту с отчаянной просьбой о помощи. Соединенные Штаты могли предъявить Гитлеру ультиматум, требуя остановить наступление во Франции. Наконец, янки могли предложить свои посреднические услуги в деле заключения перемирия. Однако Рузвельт решил пока воздержаться от прямого вмешательства в европейские дела и отправил в Бордо, куда перебралось французское правительство, ответ, полный пустых обещаний, а также намекнул на желательность ухода французского флота в порты Англии и США.

Итак, Англия и США отказали Франции в поддержке. Хуже же всего было то, что французская армия, за исключением отдельных частей, обратилась в бегство. Наиболее храбрыми и воинственными оказались французы, находившиеся по ту сторону Канала.

В такой ситуации 16 июня 1940 г. правительство Рейно отклонило предложение Англии об образовании «органического союза», то есть о создании двуединого англо-французского государства.

В тот же день британский кабинет отдал приказ о полной эвакуации всех английских войск из Франции. В ночь на 17 июня в Бордо было сформировано новое французское правительство во главе с маршалом Петэном – героем Первой мировой войны.

Подробный рассказ о причинах капитуляции Франции и анализ их выходит за рамки книги. Поэтому я приведу сжатое и достаточно аргументированное мнение французского адмирала П. Офана: «12 июня в штаб-квартире в Бриаре состоялось совещание высшего Военного Совета Франции. Генерал Вейган и Альфонс Жорж сделали трагическое заявление: "Способность французской армии к сопротивлению подходит к концу, и через непродолжительное время почетное перемирие станет единственно возможным решением".

Никто не оспаривал сложности ситуации. Однако ряд министров видели другой выход. Вместо перемирия – политической акции, предпринимаемой правительством, – они хотели капитуляции армии, что являлось акцией не политического характера, которую мог осуществить главнокомандующий, как это было сделано в Голландии, что оставляло для

правительства свободу продолжать войну на стороне Британии. В одном случае тяжесть поражения принимали на себя политические лидеры, в другом – за него несли ответ военные лидеры. В первом случае правительство, кладя конец безнадежному кровопролитию, оставалось на французской земле для защиты своих граждан всеми возможными способами, во втором оно предоставляло собственной судьбе всех военнослужащих и подлежащих призыву, как находившихся в плену, так и еще остававшихся на свободе, а также все гражданское население страны, чтобы связать свою судьбу с судьбой Англии. С одной стороны лежало более гуманное решение, полностью, однако, подчиненное суровому реализму ситуации, с другой – грандиозный жест, ведущий в полную неизвестность, поскольку Соединенные Штаты отказались вступить в войну, а Англия могла в один прекрасный день принять удобный для нее компромисс. Поскольку Россия практически являлась союзником Германии, никто не мог бы предположить, когда закончится оккупация Франции.

Кроме того, быстрый обмен депешами с генералом Шарлем Ноге, главнокомандующим французскими силами в Северной Африке, открыл тот факт, что успешное сопротивление немцам в заморских территориях ни в коем случае не является делом решенным. В них не удалось вывезти сколь-нибудь значительных войсковых соединений французской армии, не было там и современного оборудования и вооружения. Великобритания не могла помочь находящимся в колониях французским силам, поскольку потеряла практически все вооружение в Дюнкерке и других местах. Несмотря на влияние союзных наций, между Испанией и Германией существовали теплые отношения, что давало возможность вермахту и люфтваффе создать базу для наступления на Африку из испанского Марокко. Если бы это произошло, то порты французской Северной Африки оказались под реальной угрозой захвата с суши, как это происходило с портами Атлантического побережья.

После капитуляции под Байленом в 1808 году, в годы Первой Империи, французское правительство приняло закон, карающий смертью всякого генерала, сдавшегося на поле битвы. Этот закон никогда не отменялся. Даже не обращая внимания на данный закон, генерал Вейган наотрез отказался рассматривать вариант военной капитуляции, которую он, в полном согласии со своими подчиненными, рассматривал как бесчестие. Ни один генерал на его месте не принял бы другого решения. Как отметил Вейган, начало и прекращение военных действий есть политический акт, и ответственность за него должна полностью ложиться на правительство»^[52].

Находившийся в тот момент в Лондоне генерал Шарль де Голль отказался повиноваться новому правительству и по британскому радио обратился к населению Франции с призывом продолжать войну с Германией.

22 июня 1940 г. в Компьене, в том же самом вагоне, где было подписано перемирие в 1918 г., французские представители подписали капитуляцию. Через два дня британское правительство признало генерала де Голля «руководителем всех французов». 1 июля состоялся переезд правительства Петэна в небольшой курортный городок Виши.

Согласно условиям перемирия под контролем правительства Виши осталась лишь южная часть Франции. Северная же часть страны и все атлантическое побережье были оккупированы германскими войсками. Весь французский флот остался в подчинении правительства Виши.

Поскольку состояние французских кораблей имело важное значение для судьбы колоний, я полностью приведу статью 8 соглашения о перемирии:

«Французский военный флот, за исключением части, разрешенной французскому правительству для защиты французских интересов в колониях, должен быть собран в определенных соглашением портах и разоружен под германским или итальянским контролем. Выбор этих портов будет осуществлен на основании базирования кораблей в условиях мирного времени. Правительство Германии торжественно заявляет правительству Франции, что не собирается использовать французский флот для своих собственных целей в войне в тех случаях, когда он будет находиться в портах, состоящих под германским контролем, за исключением тех единиц, которые понадобятся для патрулирования берега и траления мин. Далее, определенно заявляется, что не имеется никаких намерений предъявлять права на французский боевой флот во время подписания мира. За исключением той части французского боевого флота, которую предстоит определить и которая предназначается для защиты французских интересов в колониях, все боевые суда, находящиеся вне французских территориальных вод, должны быть отозваны во Францию»^[53].

Сразу после капитуляции Франции (подписания перемирия с Германией) возникла ситуация, вполне нормальная для животного мира, – на тяжело раненного большого зверя набрасываются большие и малые хищники. Ведущие державы мира приступили к захвату французских колоний и кораблей в Африке, Азии и Восточной Индии.

Глава 2.

Война и мир в Сирии

Поводом для британского вторжения в Сирию в 1941 г. стали события в соседнем Ираке. Как уже говорилось, в 1921 г. англичане посадили на королевский престол в Ираке выгнанного французами из Сирии короля Фейсала. Государства Ирак как такового до 1918 г. никогда не существовало. Просто Лондон сам себе дал мандат на управление этой частью бывшей Оттоманской империи.

Поскольку британский мандат в 1932 г. истекал, 30 июня 1930 г. Лондон навязал Ираку кабальный договор на 25 лет. Согласно его условиям, Англия имела в мирное время право держать ВВС и пехотные части на авиабазах близ Басры и в Хаббании и право перевозки по всей стране войск и грузов.

3 апреля 1939 г. в автомобильной катастрофе погиб иракский король Гази, сын Фейсала. На престол вступил четырехлетний король Фейсал II. По указанию из Лондона иракское правительство 5 сентября 1939 г. объявило войну Германии. Однако после вступления в войну Италии отношения между Багдадом и Римом разорваны не были.

В марте 1941 г. премьер Черчилль решил, что премьер-министр Ирака Рашид Али аль-Гайлани готовит заговор против англичан. Этого оказалось достаточно, чтобы Лондон высадил десант в Басре. В ответ иракское правительство решило закрыть обе британские авиабазы.

К авиабазе Хаббания подошли иракские войска. Но их 2 мая встретила британская авиация.

В Хаббании базировались 82 английских самолета и еще несколько бомбардировщиков «Веллингтон», поддерживавших британские наземные войска с других аэродромов. В итоге иракцы отошли от авиабазы.

2 мая 1941 г. премьер Рашид Али аль-Гайлани обратился к Гитлеру с просьбой о вооруженной помощи. И уже на следующий день германскому посольству в Виши было поручено получить от французского правительства разрешение на переброску через Сирию самолетов и военных материалов для Ирака. 5 и 6 мая адмирал Дарлан заключил с немцами предварительное соглашение, по которому германская авиация получала возможность пользоваться взлетно-посадочными площадками в Сирии.

13 мая несколько германских самолетов произвели посадку на

аэродром в Мосуле. Позже Черчилль писал в своих мемуарах: «С 9 мая до конца месяца на сирийских аэродромах приземлилось около 100 немецких и 20 итальянских самолетов».

Но, увы, это лишь фантазии престарелого джентльмена.

Небольшая техническая помощь немцев не оказала и не могла оказать никакого влияния на ход боевых действий в Ираке. Плохо вооруженные и еще хуже обученные королевские войска повсюду отступали, и 31 мая 1941 г. Ирак капитулировал.

Однако англичане решили использовать транзитную посадку нескольких германских самолетов на территории Сирии для захвата ее. Надо ли объяснять, что в мае 1941 г. германские самолеты садились и в Португалии, и в СССР, и во многих других странах, а британские – по всему миру, но это никто не использовал как казус белли.

В британской официальной истории Второй мировой войны говорится: «Английские начальники штабов не хотели упускать возможности добиться сотрудничества Турции»^[54].

В Лондоне прекрасно знали о пограничном конфликте Турции и Сирии и надеялись обещаниями передачи северных сирийских территорий втянуть Турцию в войну. По плану Черчилля турки должны были оккупировать север Сирии, в том числе район Алеппо. Турки отправили на границу несколько дивизий. Однако 16 мая 1941 г. генерал де Голль, встретившись с британским генералом Уэйвелом в Каире, пришел в ярость и потребовал отказаться от турецкого участия в операции «Экспортер». Такое название получил британский план вторжения в Сирию.

Де Голль сам давно собирался вторгнуться в Сирию, даже до начала событий в Ираке. Еще 24 апреля 1941 г. он писал генералу Катру: «Я имею честь передать вам планы грядущих операций в Сирии... Целью операции является установление сначала в Дамаске, а затем и в Бейруте военной власти, способной обеспечить деятельности верховного комиссара Свободной Франции»^[55].

Французские сухопутные силы в Сирии и Ливане к июню 1941 г. состояли из 18 пехотных и 20 кавалерийских батальонов (всего 35 тысяч человек), в которых служило менее 8 тысяч этнических французов, а остальные – «колонияльные войска» и некоторое количество солдат Иностранного легиона. Командовал ими бригадный генерал Анри Денц, он же был генеральным комиссаром (административным главой) Сирии и Ливана.

Сухопутные войска располагали 120 орудиями и минометами, но всего

19 танками.

Французские ВВС в Сирии и Ливане имели в своем составе до 90 самолетов. В мае 1941 г. там дислоцировалось 26 истребителей «Моран-Солнье» MS.406, 5 разведывательных групп, оснащенных архаичными двухместными бипланами «Потез» 25.ТОЕ и 6 скоростных многоцелевых самолетов «Потез» 63-II. Из-за начавшихся атак британской авиации на французские объекты правительство Виши приняло спешные меры по усилению сирийской авиационной группировки. И уже 28 мая 24 самых мощных французских истребителя «Девуатин» D.520С прибыли из Алжира на аэродром Раяк через Бриндизи и Афины.

31 мая генерал Анри Денц потребовал от германского командования прекратить использование сирийских аэродромов самолетами люфтваффе. Так что к началу британского вторжения (8 июня) на территории Сирии и Ливана не было ни одного германского самолета и даже солдата. Так что повод для нападения исчез.

Тем не менее 8 июня британские войска начали вторжение в южную часть Сирии с территории Палестины и Трансиордании (с 1946 г. Иордания). Численность британских войск составила 34 тысячи человек – 18 тысяч австралийцев, 9 тысяч англичан, 2 тысячи индусов, 5 тысяч французов и французских колониальных войск, подчинявшихся де Голлю. С воздуха силы вторжения поддерживали 103 самолета.

С моря англичан прикрывала эскадра вице-адмирала Э. Кинга в составе крейсеров «Феб», «Аякс» и «Ковентри», а также шести эсминцев и нескольких подводных лодок. Однако в случае необходимости к ним могли присоединиться основные силы британского средиземноморского флота, базировавшиеся в Александрии.

Французские морские силы под общим командованием контр-адмирала Пьера Гутона располагались в Бейруте, являвшемся торговым портом, не имевшим практически никакой защиты. Французские ВМС располагали двумя однотипными лидерами – «Вальми» и «Гепард» (водоизмещение 2500 тонн; скорость 38 узлов; вооружение: пять 138-мм пушек, 6 торпедных аппаратов), подводными лодками «Кайман», «Морзе» и «Суффлер», сторожевым кораблем «Элла», танкером «Адур» и несколькими тральщиками.

Следует заметить, что, несмотря на подавляющее превосходство англичан, французские моряки действовали достаточно активно. Уже 8 июня подводная лодка «Кайман» выпустила по крейсеру «Аякс» торпеду, но промазала.

На следующий день, 9 июня, лидеры обстреляли британские части,

двигавшиеся по дороге вдоль побережья. Обстрел не был эффективным, поскольку на кораблях не имелось осколочно-фугасных снарядов.

Затем, когда подросли британские крейсера, лидеры отошли и возвратились в Бейрут без сколько-нибудь серьезных повреждений.

Одновременно над морем произошел воздушный бой. Пара французских истребителей атаковала барражирующие над британскими кораблями истребители Фейри «Фульмар» и сразу сбила два самолета. Для прикрытия британских кораблей были вызваны «харрикейны», базировавшиеся в Палестине. Один из них атаковал над побережьем двухмоторный разведчик «Потез» 63-II, поджег ему один из двигателей, но затем потерял противника из виду. День закончился атакой двух звеньев бомбардировщиков «Мартин» 167F колонн «Свободной Франции» в районе города Мескии.

Адмирал Эндрю Каннингхэм, главнокомандующий британским флотом на Средиземном море, немедленно послал подкрепление в виде шести эсминцев и крейсера «Линдер».

На суше британские части 9 июня захватили крупный город Кунейтра, но на следующий день французы, применив танки, отбили город, взяв в плен британский батальон.

С 9 по 22 июня шли упорные бои за город Мерджуон, трижды переходивший из рук в руки. Провалилась и попытка с ходу взять Дамаск – прорвавшиеся к нему индийские части были контратакованы и окружены в пригородном поселке Мецци, где двое суток упорно оборонялись. Только 21 июня основные силы союзников вышли к Дамаску, тогда войска Виши без боя оставили город.

Успехом завершилось наступление на Центральную Сирию из пустыни на границе с Иорданией частей британского Арабского легиона, захватившие горные проходы с минимальными потерями и взявшие города Месмия и Пальмира соответственно 14 июня и 3 июля.

К 9 июля передовые части союзников вышли с юга к Бейруту, прорвав мощный оборонительный рубеж у города Дамур. Это предредило исход всей кампании. После взятия союзниками Дамура генерал Денц начал переговоры о капитуляции. С 11 июля боевые действия были прекращены. А 14 июля в Акре было подписано соглашение о прекращении боевых действий, по условиям которого войска союзников занимали всю Сирию.

Одной из причин поражения французов стало отсутствие в Сирии боеприпасов и оружия. Попытки доставить подкрепления в Сирию из метрополии и Северной Африки в целом были неудачны. Турецкие власти категорически отказались пропускать французских солдат и вооружение

через свою территорию.

Французское адмиралтейство выслало лидер «Шевалье Поль» с грузом столь необходимых боеприпасов. Однако в ночь на 16 июня он был торпедирован английским самолетом примерно в 50 милях от сирийского побережья. Зенитки сбили торпедоносец, но спасти корабль не удалось. Лидеры «Вальми» и «Гепард» прибыли вовремя для того, чтобы спасти его экипаж.

Второму лидеру – «Воклену» – удалось проскользнуть из Франции с грузом боеприпасов, но его сильно повредила британская авиация в порту Бейрута на следующий день после прибытия.

22 июня имела место ночная стычка с двумя крейсерами и шестью эсминцами, причем «Гепард» получил попадание 6-дюймового снаряда с «Линдера», но продолжал вести огонь.

25 июня подводную лодку «Суффлер» вблизи залива Джуния торпедировала британская подводная лодка. Танкер «Адур», который имел на борту весь запас топлива французских ВМС на Среднем Востоке, уже получил значительные повреждения от самолета-торпедоносца, когда стоял на якоре на рейде.

Лидеры «Гепард», «Вальми» и «Воклен», а также подводная лодка «Кайман» прорвались сквозь британскую блокаду и ушли в Северную Африку.

В ходе боевых действий французы потеряли 179 самолетов (включая небоевые потери). Не менее 20 французских бомбардировщиков перелетели на остров Родос и другие аэродромы, а оттуда направились в Северную Африку.

В воздушных боях французские летчики сбили 30 английских самолетов. Сколько английских машин было сбито зенитчиками и погибло в авариях, британские историки скрывают по сей день.

Данные о потерях противоречивы. Так, по британским данным, французы потеряли 63 500 человек убитыми и ранеными, а англичане – 4052 человека убитыми и ранеными и 841 человека пленными. В отчете генерала Денца говорится о 1819 убитых и пропавших без вести французах, из которых 405 являлись офицерами или имели временные офицерские чины. В число этих потерь включены и погибшие на «Суффлере».

По условиям соглашения, подписанного 14 июля, французские войска имели право или присоединиться к движению «Свободная Франция», или отправиться в Северную Африку или Францию. Де Голль призывал англичан нарушить соглашение и силой заставить французов вступить в

«Свободную Францию» или отправить их в лагеря для военнопленных. Англичане категорически отказались нарушать акрские договоренности.

В результате присоединиться к войскам «Свободной Франции» пожелали не более 6 тысяч человек, а 37,5 тысячи предпочли репатриацию в Северную Африку. Замечу, что британский премьер-министр Джон Мейджор, выступая 15 июля 1941 г. в палате общин и говоря о событиях в Сирии, «довольно почтительно отозвался о боевых качествах войск противника, утверждая, что отношения Великобритании с правительством маршала Петэна "в том виде, как они сложились", не ухудшились "в течение тех немногих недель, когда шли эти весьма достойные сожаления бои". Подобное выступление, безусловно, не могло понравиться генералу де Голлю»^[56].

Позже де Голль отыгрался за свои обиды на генерале Денце. 13 апреля 1945 г. французский трибунал приговорил его к смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение, но 18 декабря Денц скончался, если верить Офану, «пребывая в нужде и холоде».

А теперь перейдем к политическим аспектам этой войны и ее последствиям. 8 июня 1941 г., в день вторжения войск Англии и «Сражающейся Франции» на территорию Сирии и Ливана, генерал Катру, принявший от имени де Голля пост представителя Франции в странах Леванта, обратился по соглашению с Англией с декларацией к сирийцам и ливанцам, в которой заявлял: «Я иду положить конец мандатному режиму и провозгласить вас свободными и независимыми. Отныне вы будете суверенными и независимыми народами и сможете либо конституироваться в различные государства, либо объединиться в одно государство». Катру уверял, что в том и в другом случае независимость сирийцев и ливанцев будет гарантирована их договором с Францией.

В тот же день английский посол в Каире Майлс Лемпсо обратился с декларацией к сирийцам и ливанцам, в которой от имени британского правительства поддержал «гарантии независимости, данные генералом Катру».

Лондон устраивали колониальные владения Франции в Сирии и Ливане. По сему поводу 26 сентября 1941 г. Катру провозгласил независимость Сирийской республики, а 26 ноября того же года – независимость Ливана.

Зато де Голль пытался увязать декларации Катру о провозглашении независимости Сирии и Ливана с сохранностью французского мандата и «особых привилегий».

Осенью 1941 г. в Сирии была восстановлена конституция, отмененная

французскими властями в 1939 г.

Между оккупационными силами Англии и «Сражающейся Франции», с одной стороны, и умеренными арабскими националистами, руководимыми Халедом аль-Аземом, – с другой было достигнуто соглашение, в соответствии с которым в июле 1943 г. в стране состоялись новые парламентские выборы. На них победил Национальный блок, преобразованный в Национальный патриотический союз, получивший подавляющее большинство мест в парламенте. В составе нового правительства оказались видные деятели национального движения из Дамаска, Халеба и Хомса, но при этом не у дел остались представители Хамы, алавиты и друзья.

Президентом Сирии стал лидер Национального блока Шукри аль-Куатли. 28 ноября 1943 г. сирийский парламент принял решение об исключении из текста конституции статьи 116, определявшей права страны-мандатария, а 24 января 1944 г. президент и депутаты национального парламента присягнули на верность конституции, в которой более не упоминалось о том, что Сирия является страной, управляемой иной державой.

21 июля 1944 г. министр иностранных дел Сирии Джамиль Мардам обратился к министру иностранных дел СССР В.М. Молотову с предложением об установлении дипломатических отношений между двумя странами. И уже через пять дней – 26 июля – пришел положительный ответ: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик высоко оценивает чувства, выраженные Вами в отношении великой борьбы советского народа против гитлеровской Германии и её сообщников. Советское правительство с удовлетворением принимает предложение Сирийского Правительства об установлении дружеских дипломатических отношений».

26 октября 1944 г. чрезвычайный посланник СССР в Сирии вручил верительные грамоты президенту Шукри аль-Куатли, а 16 мая 1945 г., произошел первый обмен посланиями между главами обоих государств.

Война закончилась, а французские войска не собирались покидать Сирию и Ливан. Но арабов это не устраивало, и националисты перешли к вооруженным выступлениям как в сельской местности, так и в городах.

2 июня 1945 г. правительство СССР обратилось с нотой к правительствам США, Франции, Великобритании и Китая. В ноте заявлялось, что «на территории Сирии и Ливана происходят военные действия и что находящиеся там французские войска вошли в столкновение с сирийскими и ливанскими, производя артиллерийский и минометный

обстрел, а также обстрел с самолетов столицы Сирии – города Дамаска».

В Совете Безопасности ООН Советский Союз заострил внимание на ситуации в Сирии и Ливане. В феврале 1946 г. правительства Сирии и Ливана передали вопрос о выводе иностранных войск с территории обеих стран на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Оба правительства обращались к Совету Безопасности с просьбой принять решение о «полной и одновременной эвакуации всех иностранных войск с территории Сирии и Ливана».

17 апреля 1946 г. последний иностранный солдат покинул Сирию, а в декабре того же года англо-французские войска были выведены из Ливана. День 17 апреля стал национальным праздником Сирии – Днем эвакуации.

Глава 3.

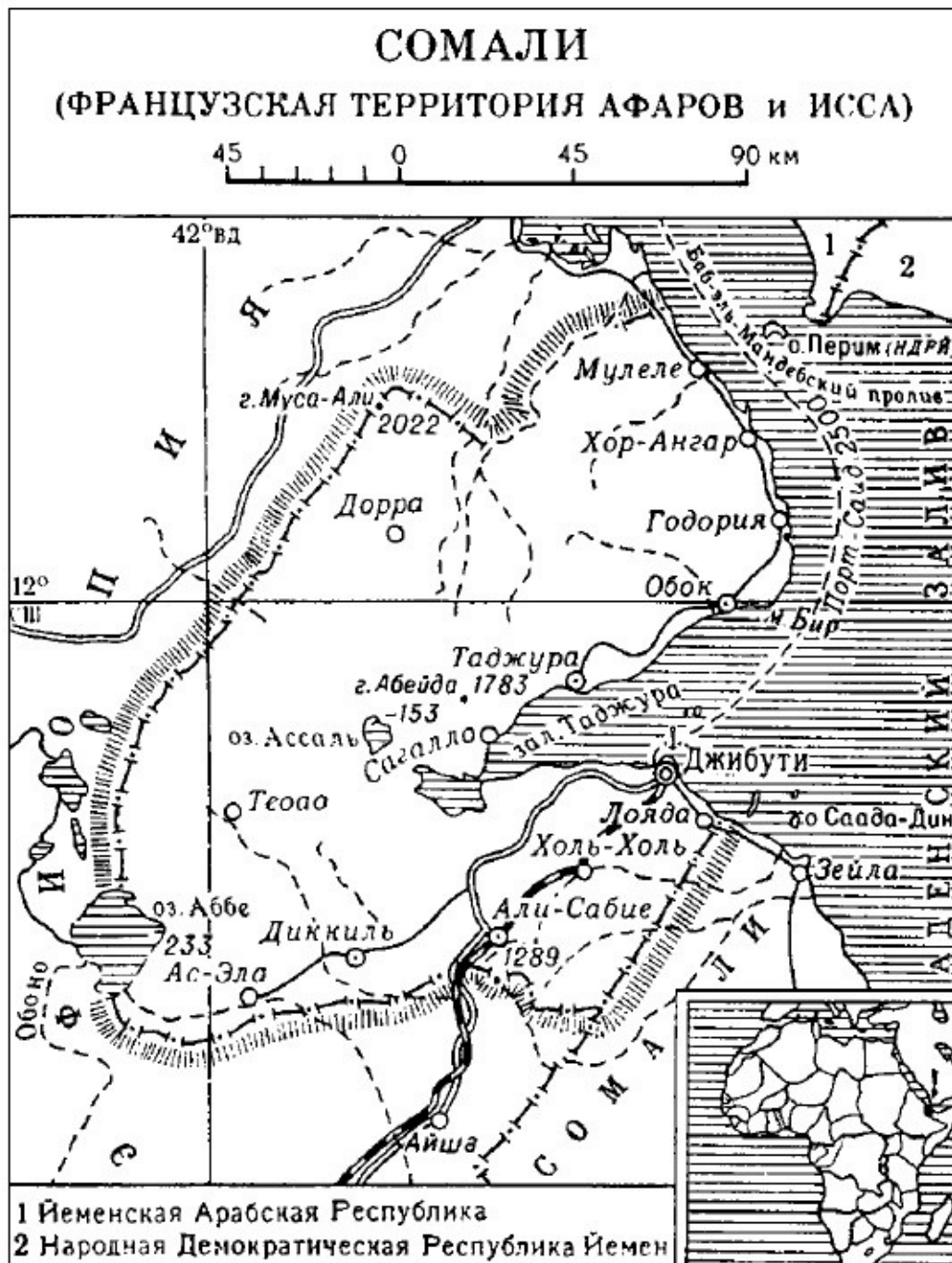
Французское Сомали

Территория Французского Сомали мало известна отечественному читателю. Поэтому я напомним, что к началу XX века это была территория общей площадью 21,7 тысячи кв. км, граничившая с севера с итальянской Эритреей, с востока – с Эфиопией, а с юга – с Британским Сомали.

В те годы Французское Сомали представляло собой безводную солончаковую пустыню. Коренное население – главным образом кочевники-скотоводы. Кое-где (в районах Таджура и Джибути на побережье) население занималось земледелием и огородничеством.

В VII веке Французское Сомали оказалось под властью арабов, которые и способствовали распространению ислама среди местного населения.

В XVI – XVII веках за район города Джибути велись войны между турками и арабами, с одной стороны, и португальцами и эфиопами – с другой. В XVII веке победили арабы и взяли район под свой контроль. Местные жители – племена афар, исса, данакиль – сохранили кочевой образ жизни. На севере разводили главным образом верблюдов, овец, коз; на юге – в основном крупный рогатый скот местной породы. Многие верблюдоводы активно участвовали в караванной торговле.

Французское Сомали

Земледелие было развито на юге Сомали. Арабы жили в городах и занимались ремеслами и торговлей.

В 1862 г. французский капитан Флерио де Лангле по поручению своего правительства заключил с одним из вождей данакиль договор о «покупке» порта Обок в Таджурском заливе. Так было положено начало

проникновению европейских держав на землю Сомали.

Однако по ряду причин только в июне 1884 г. французское правительство официально назначило Лагарда комендантом Обока, а в августе того же года Обок был занят французскими войсками. Затем в течение четырех лет Франция заключила ряд «договоров» с соседними султанами о передаче ей Рас-Али, Таджура, Губбет-Хараба и других пунктов на побережье Таджурского залива. В 1888 г. французы захватили порт Джибути, а в 1896 г. все приобретенные Францией территории были объединены в одну колонию – Французский берег Сомали с административным центром в Джибути.

При захвате побережья Сомали французы столкнулись с... русскими!

Дело в том, что в начале 1889 г. на берега залива Таджур высадились русские колонисты общей численностью 150 человек во главе с Николаем Ивановичем Ашиновым.

Ашинов родился в 1859 г. в казацкой семье в Терской области. Женитьба на богатой помещице Софье Ханенко дала ему определенные средства. Ашинов начал пропагандировать создание русской колонии на берегу Красного моря. Поначалу его поддержали знаменитый журналист и издатель М.Н. Катков, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, морской министр И.А. Шестаков и даже сам император Александр III.

Естественно, эти персоны никаких соглашений и распоряжений Ашинову не подписывали, но представить себе, что в России кто-то мог два года собирать людей для отправки на берега Красного моря без санкции императора, столь же невозможно, как отправку добровольцев в Испанию без санкции Иосифа Виссарионовича.

И вот 10 ноября 1888 г. русский торговый пароход со 150 переселенцами отправляется из Одессы и держит путь на Босфор, а далее – к Суэцкому каналу. На борту его Ашинов вместе с женой Софьей. Для окормления поселенцев с ним отправляется архимандрит Паисий.

Ашинов сам выбрал место на берегу Таджурского залива рядом с давно брошенным фортом Сагалло, неизвестно когда и кем построенным – то ли турками, то ли египтянами. Вокруг была абсолютно безлюдная местность. Замечу, что этот участок побережья официально был ничейной территорией, хотя на него одновременно претендовали Франция и Италия.

Поселенцы начали активно обживать район Сагалло. Строили дома, разводили сады, разбивали огороды. Большинство переселенцев были казаками, но было и несколько бежавших из дома гимназистов. Ашинов назвал поселение Новой Москвой и объявил этот район длиной в 100 верст вдоль побережья и на 50 верст в глубину территорией Российской империи.

Замечу, что в экономическом отношении от этой колонии проку не было никакого, но зато там могла быть превосходная угольная станция и даже база Российского флота. Причем база универсальная – туда могли заходить как суда, идущие на Дальний Восток, так и русские крейсера, оперирующие в Индийском океане в случае войны с Англией.

В Париже с опозданием узнали о создании Новой Москвы и не мудрствуя лукаво отправили туда целую эскадру в составе крейсера «Примаге», канонерской лодки «Метеор» и авизо «Пингвин» под командованием адмирала Ольри. «С кораблей была спущена шлюпка, которой командовал какой-то господин», – позже рассказывал очевидец Леонид Николаев. Личность в штатском потребовала убрать русский флаг над строениями Новой Москвы. Ашинов пытался с ним объясниться, но француз отъехал. Через несколько минут после того, как шлюпка была поднята на борт крейсера, французские корабли открыли интенсивный огонь по русскому поселению.

Пушек у переселенцев не было, равно как и белого флага, поэтому на флагштоке вместо русского флага подняли чью-то рубашку. Бомбардировка прекратилась. Тем не менее много людей было ранено, а пять человек убиты. Среди убитых оказалось три женщины, одна из которых беременная. Среди раненых были и Ашинов с женой.

Русских переселенцев посадили на французские суда и с пересадками отправили на родину.

Ну а как же российское правительство реагировало на неспровоцированное убийство русских людей? Император Александр III написал резолюцию: «Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда, и мне кажется, что и духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность».

Я вполне допускаю, что в отряде Ашинова были какие-то «колоритные» типы. Но, пардон, кто Сибирь вместе с Ермаком осваивал? Да и в том же XIX веке что представляли собой французские и английские поселенцы, осваивавшие Африку и Австралию?

А может, Александр III испугался вооруженного конфликта с Францией? Так на дворе был не 1855 года, когда французы в Севастополе диктовали нам условия мира. А еще в 1895 г. германский канцлер Бисмарк предлагал России приобрести порт на Красном море.

Так что в Петербурге могли только цыкнуть, и на следующий день из Парижа последовали бы слезные извинения и обещания уплатить компенсации за материальный и моральный ущерб. Увы, увы... Наши

последние цари были... тем, чем они были.

По прибытии в Россию Ашинова под конвоем отправили в ссылку в Камышинский уезд Саратовской губернии. Поскольку он и жена оказались совсем без средств к существованию (все деньги были вложены в экспедицию), Александр III милостиво пожаловал Софье Ашиновой целых 100 рублей.

Но вернемся к истории Французского Сомали. В 1896 г. административный центр Французского Сомали был перенесен в Джибути. В 1898 г. началась и в 1917 г. завершилась постройка железной дороги протяженностью 797 км Джибути – Аддис-Абеба, определившей в дальнейшем чрезвычайно большое значение порта Джибути для внешней торговли Эфиопии.

7 января 1935 г. министр иностранных дел Франции Пьер Левадь и Бенито Муссолини подписали Римский пакт, согласно которому Франция отдала Италии в Сомали территорию в 800 кв. км с 20 км морского берега.

После поражения Франции по соглашению с Италией порт Джибути подлежал демилитаризации.

Однако англичане быстро разобрались с итальянскими войсками в Итальянском Сомали и Эфиопии. Последние итальянские части во главе с их главнокомандующим герцогом д'Аоста капитулировали 7 мая 1941 г.

К этому времени населения Французского Сомали составляло чуть более 40 тысяч человек. Из них: местные племена – около 24 тысяч человек, арабы – 5,6 тысячи человек, европейцы – 2 тысячи человек. Причем четверть населения страны (10,4 тысячи человек) проживала в Джибути. До войны из Французского Сомали экспортировали морскую соль (21,6 тысячи тонн в 1938 г.), а также кофе, изделия из кожи, сырье и т. д. При этом импорт почти в два раза превышал экспорт. Так, в том же 1938 г. импорт составлял 150 млн. франков, а экспорт – всего 85,3 млн. франков. Важную роль в экспорте играли продовольствие и нефтепродукты.

С осени 1940 г. побережье Французского Сомали было блокировано британским флотом. До апреля 1941 г. это имело хоть какое-то объяснение – товары могли попасть транзитом к итальянцам. Но после капитуляции герцога д'Аоста о чем могла идти речь? Французское Сомали было на суше со всех сторон окружено территориями, контролируемыми британскими войсками.

«С апреля 1941 года губернатор Джибути Пьер Нуайета, в прошлом – офицер военного флота, уже вел секретные переговоры с британским губернатором в Адене. Англичане не испытывали никакой необходимости в обладании территорией Джибути, за исключением, может быть, снабжения

оккупированной ими Эфиопии. Нуайета был бы рад предоставить в распоряжение англичан французско-эфиопскую железную дорогу, если небольшая доля снабжения, предназначенного для Эфиопии, досталась бы страдающему населению его владения.

Генерал Уэйвелл соглашался с такой постановкой вопроса. В одном из своих докладов он писал: "С точки зрения военной администрации, очевидной политикой, которую следует проводить, является заключение соглашения с властями Джибути в отношении использования порта и железной дороги в обмен на ослабление блокады побережья Французского Сомали"»^[57].

Но тут вмешался де Голль. Надо ли говорить, что Французское Сомали не имело никакого военного значения для англичан, я уж не говорю о ходе войны в целом. Дислоцированные там французские колониальные части также не имели серьезного боевого значения. Однако амбициозному генералу в 1941 – 1942 гг. нужно было любой ценой укрепить свое влияние как в глазах французов метрополии и колоний, так и в глазах англичан.

«Джибути являлось объектом максимальной важности для движения Свободной Франции, поскольку справедливо или несправедливо, но де Голль рассматривал захват этой территории как знак расположения англичан лично к нему и его движению. В своей программе распространения своего влияния на возможно большее количество французских владений, Свободная Франция еще с ноября 1940 года планировала операцию "Мари", задачей которой являлось обладание Французским Сомали. Один из батальонов "свободных французов" совершил путешествие через Африку. Двое других шли вокруг мыса Доброй Надежды в сопровождении сторожевиков "Саворьян де Бразза" и "Коммандан Дюбок". Они почти одновременно прибыли в Порт-Судан на Красном море, и генерал Уэйвелл соответствующим образом использовал их, но не против Джибути, а против реального врага – итальянцев. Затем эти же войска были использованы в Сирии. Очевидно, что все мысли о действиях против Джибути пришлось оставить, и вдруг англичане прервали переговоры о перемирии с Нуайета и возобновили блокаду Джибути, теперь с участием "Саворьян де Бразза" и "Коммандан Дюбок". К июню 1941 года население Джибути просто голодало»^[58].

К июню 1941 г. в Джибути начался сильный голод. Обращаться за помощью к метрополии не имело смысла. Помочь могли только власти Мадагаскара. Капитан 1-го ранга Поль Мартен, командующий французскими ВМС на Мадагаскаре, получил приказ из Виши возобновить

снабжение Джибути.

Помимо французских подводных лодок, базировавшихся в Диего-Суарес, на Мадагаскаре имелось всего полдюжины парусных судов местных жителей. Однако именно они могли проскочить незамеченными мимо блокирующих сил англичан, в то время как пароходы несомненно были бы захвачены. Парусные суда стали готовить к выходу в условиях строжайшей секретности.

«Первым в путь вышел "Хинд" водоизмещением 130 тонн. Его команда состояла из коренных жителей, а также двух младших офицеров и одного унтер-офицера – французов, замаскированных под аборигенов, с тюрбанами на голове и лицами, окрашенными экстрактом из грецких орехов. Командиром являлся мичман Поль Казалис де Фондус. Проскользнув через линию блокады незамеченным, "Хинд" выгрузил 70 тонн провианта в голодающем Джибути. По возвращении преодолеть блокаду ему помогла подводная лодка "Винжер", выпустившая две торпеды по находившемуся в дозоре сторожевику "Саворьян де Бразза". Последний попаданий не получил, но они прошли настолько близко, что сторожевой корабль быстро удалился с поля боя, громко радируя о обнаружении субмарины.

Второй местный мадагаскарский парусный кораблик "Нарам Паша" под командованием лейтенанта Жана Симоно также с успехом преодолел блокаду. Однако из остальных пяти это не удалось ни одному, причем одно из судов было захвачено высадившейся на него английской абордажной партией.

Единственные надежды обескровленного Джибути теперь связывались с подводными лодками с их весьма ограниченной грузоподъемностью. Затем внезапно в Диего-Суарес прибыл сторожевой корабль "Д'Ибервилль". Там его немедленно загрузили снабжением и отправили в Джибути. С его тремя 138-мм орудиями сторожевик мог посостязаться с английскими кораблями, которые попытались бы его остановить. "Стоять на месте, или мы откроем огонь!" – таков был ответ "Д'Ибервилля" на подобную попытку, и ему удалось доставить в Джибути 300 тонн груза за день до Рождества.

Затем в путь вышли две подводные лодки. А в феврале другой "Бугенвилль", переоборудованный банановоз, шедший в прикрытии подводной лодки "Эро", доставил в Джибути за один поход 1300 тонн снабжения.

Блокада Джибути провалилась, теперь в городе хватало продовольствия на несколько месяцев»^[59].

Помощь с Мадагаскара поступила вовремя. В мае 1942 г. англичане высадились на острове.

Чтобы больше не возвращаться к Французскому Сомали, скажу, что 29 декабря 1942 г. колония перешла под контроль де Голля.

В 1946 г. Французское Сомали получило статус заморской территории. По переписи 1946 г., там проживало 44,8 тысячи человек, а к 1975 г. численность населения возросла более чем вдвое (1974 г. Оценки специалистов ООН). При французском губернаторе имелся консультативный совет из пяти человек, назначаемых самим губернатором. К 1947 г. «подавляющее большинство населения неграмотно; имеется 3 начальные школы, в том числе 2 частные: 1 арабская и 1 принадлежащая католической церкви. В Джибути имелись профессионально-ремесленные курсы»^[60].

В результате референдума, проведенного в марте 1967 г. под контролем колониальных властей, страна была объявлена автономной территорией в рамках Французской республики. В июне 1967 г. она получила наименование Французская Территория Афаров и Исса.

Основные функции управления – вопросы внешних сношений, обороны, финансов и юстиции – остались в ведении французского верховного комиссара.

К 1974 г. административное управление осуществлялось Правительственным советом в составе 8 человек, избираемым палатой депутатов. Территория имела по одному представителю в Национальном собрании и Сенате Франции.

К 1962 г. грамотность населения оставалась на прежнем уровне. 96% населения было неграмотным. Система образования строилась по французскому образцу. В школу дети поступали в 6 лет. Начальная школа – 6-летняя, средняя школа – 7-летняя (4 + 3 года). В 1971 г. в начальных школах обучалось 7 тысяч учащихся, из них 1,4 тысячи в частных (миссионерских) школах, а в средних общеобразовательных и технических школах (в основном на 1-й ступени) обучалось около 1,9 тысячи человек.

8 мая 1977 г. в стране состоялся референдум, в ходе которого большинство населения высказалось за независимость страны. 27 июня 1977 г. была провозглашена независимость последней французской колонии в Африке. Новое государство получило название Республика Джибути. В стране действует конституция, одобренная на референдуме 4 сентября и вступившая в силу 15 сентября 1992 г.

Глава 4.

Индокитай в войне 1939 – 1945 гг.

Начало войны в Европе мало отразилось на жизни французских колоний. С сентября 1939 г. английские и французские корабли начали охоту за германскими торговыми судами, имевшими несчастье оказаться в водах Тихого океана. Союзники плевать хотели на все правовые и моральные нормы и постоянно захватывали нейтральные суда. Так, они захватили и привели во вьетнамские порты торговые суда «Владимир Маяковский» и «Селенга». Через несколько месяцев суда отпустили, разграбив грузы. Так, из трюмов парохода «Селенга» исчезло 800 тонн вольфрамовой руды, купленной в Маниле. Напомню, что Филиппины тогда были оккупированы американскими войсками, так что сделка была произведена с санкции США.

Разбой коснулся даже японских судов. Так, британский крейсер «Ливерпуль», сделав предупредительный выстрел, остановил японский пассажирский лайнер «Асама Мору», ходивший на линии Гонолулу – Нагасаки. Англичане провели на судне обыск и увели 50 германских пассажиров, причем не военнослужащих, а моряков торгового флота и коммерсантов. Забыли «просвещенные мореплаватели» хорошую русскую поговорку «Не буди лихо, пока оно тихо». Пока японское правительство заявило протест Лондону, а в Японии начали бойкот британских товаров. Пока...

Сразу же после поражения Франции в Европе японское правительство потребовало прекращения поставок оружия войскам Чан Кайши, которые велись из Индокитая по Юнаньской железной дороге.

20 июня 1940 г. французское правительство Петэна по настоянию Японии запретило поставку материалов для Чан Кайши через территорию Французского Индокитая. Для наблюдения за выполнением этого решения 2 июля был учрежден специальный орган (инспекция) во главе с генерал-майором Нисихара Иссаку, представлявшим военный и военно-морской отделы ставки. Эта инспекция постоянно функционировала в северной части Французского Индокитая.

Однако уступки французов не удовлетворили Токио. 1 августа 1940 г. японцы потребовали передать им пять аэродромов, находившихся в Северном Тонкине, а также права на размещение там 30 тысяч человек.

Вновь Франция обратилась к США за любой поддержкой, которую

Америка могла ей оказать. Однако госсекретарь США Сэмюэль Уэллес смог лишь ответить: «Госдепартамент США понимает затруднительность положения французского правительства... и полагает, что не имеет права упрекать Францию за предоставление военных баз Японии».

30 августа в ходе переговоров в Токио между министром иностранных дел Мацуока и французским послом Анри было достигнуто соглашение по созданию японских военных баз в Северном Вьетнаме.

23 сентября с территории Китая во Вьетнам вошла 5-я японская дивизия 23-й армии под командованием генерал-лейтенанта Куно Сэйити. А в порту Хайфон высадились три пехотных батальона из состава экспедиционной армии в Индокитае под командованием генерал-майора Нисимура Такума. Но уже 26 сентября военный отдел ставки отдал приказ перебросить 5-ю дивизию из Французского Индокитая в район Шанхая для подготовки к десантным операциям.

Первыми претензии на Французский Индокитай предъявили... тайцы. 24 июня 1932 г. тайская армия совершила переворот, в результате которого неограниченная монархия в Сиаме была заменена на конституционную.

В 1920 – 1940-х гг. происходил бурный рост экономики Сиама. В 1938 г. его правительство возглавлял генерал (а с 1941 г. фельдмаршал) Пибунсонграм. 24 июня 1939 г. Пибунсонграм переименовал Сиам в Таиланд.

В октябре 1940 г. Таиланд предъявил территориальные претензии к Лаосу и Камбодже, требуя вернуть земли, отнятые французами у тайского короля Рамы V.

К этому времени в Индокитае французские власти имели 50 тысяч солдат, среди которых 12 тысяч были этническими французами, а остальные – уроженцами Индокитая.

Эти силы были сведены в 41 пехотный батальон, два артиллерийских полка и инженерный батальон. Французы имели всего 21 устаревший танк «Рено» FT-14.

Французские ВВС в Индокитае насчитывали около сотни боевых самолетов, из которых в боевой готовности находилось около 60: 30 «Потез-25», 4 «Фармана-221», 6 «Потез-542», 9 «Морен-Сальнье» MS.406 и 8 гидросамолетов «Луар-130».

В 1939 г. в Ханое французы начали строительство авиационного и моторного заводов, которые должны были ежегодно выпускать 150 самолетов и 600 моторов. Однако данные о сдаче ими продукции автору найти не удалось.

Французские ВМС в Индокитае располагали легким крейсером

«Ламотт-Пико», построенным в 1926 г. (водоизмещение 7300 тонн, скорость 35 узлов, вооружение: 8 – 155-мм и 4 – 75-мм орудия; 2 гидросамолета и катапульты), а также шлюпом «Амираль Шарне» (2000 тонн, три 138-мм орудия) и двумя старыми сторожевыми кораблями (шлюпами) «Мари» и «Таюр» и еще несколькими десятками сторожевых катеров, траулеров и речных канонерских лодок.

Французы могли передислоцировать большие подводные лодки с Мадагаскара, но не рискнули из-за их технического состояния. Как-никак им пришлось бы пересечь Индийский океан.

Таиландская армия насчитывала около 60 тысяч человек. Артиллерийские части были вооружены орудиями систем Круппа и Бофорса. Бронетанковые части располагали 60 пулеметными танкетками «Карден Ллойд» и 30 «шеститонными» средними танками «Виккерс» английского производства, составлявшими костяк бронетанковых войск страны.

Авиация Таиланда имела 140 боевых и 120 учебных машин. Среди 140 боевых машин было 24 легких бомбардировщика «Мицубиси» Ki-30, 9 средних бомбардировщиков «Мицубиси» Ki-21, 29 истребителей преследования «Хоук» 75N, 6 средних бомбардировщиков «Мартин» В-10 и 70 легких бомбардировщиков V-935 (экспортный вариант американских 02U «Корсар»).

В таиландском флоте служили около 400 офицеров и 5 тысяч матросов и унтер-офицеров. Главной ударной силой флота были два небольших броненосца береговой обороны – «Аутия» и «Тонбури», построенные в 1937 г. в Японии. Вооружение броненосцев состояло из 4 – 203-мм, 4 – 80-мм, 4 – 40-мм, 6 – 20-мм орудий. Водоизмещение 2265 тонн. Два дизеля типа «Ман» позволяли развивать скорость 16,5 узлов. Бронирование весьма слабое: борт – 63 мм, палуба – 38 мм, башни – 102 мм.

Кроме того, в составе флота были две бронированные канонерские лодки британской постройки 1929 г. – «Сукходая» и «Ратанакосиндра», вооруженные двумя 152-мм орудиями в одиночных башнях и четырьмя 76-мм пушками, а также двумя 40-мм и двумя 20-мм зенитными пушками. Водоизмещение их составляло около 1000 тонн, скорость хода 12 узлов, бронирование: борт – 30 мм, палуба – 32 мм, башня – 63 мм.

Также в составе тайского флота имелись:

- один старый британский эсминец «Пра Руанг» постройки 1917 г., водоизмещением 730 тонн, вооруженный тремя 100-мм, одной 76-мм и двумя 20-мм пушками, а также четырьмя торпедными аппаратами;

- один малый миноносец водоизмещением 318 тонн, три малых

миноносца по 110 тонн, 8 торпедных катеров и 4 малые подводные лодки (370 тонн) японской постройки.

Ни Франция, ни Сиа́м официально так и не объявили войны, но вооруженные инциденты происходили непрерывно с ноября 1940 г. К концу декабря локальные стычки между французскими и тайскими войсками переросли в полномасштабные военные действия по всей индокитайско-тайландской границе. Французские войска отступали. Тогда для ослабления противника командующий военно-морскими силами Франции в Индокитае контр-адмирал Терро решил атаковать и по возможности уничтожить тайландский флот.

15 января 1941 г. французский отряд кораблей в составе крейсера «Ламотт-Пике» и четырех шлюпов «Дюнон-Дюрвилль», «Адмирал Шарне», «Марн» и «Таюр» под командованием капитана 1-го ранга Режи Беранже вышел из Пуало-Кондор в Сиа́мский залив на поиск сиа́мских кораблей.

16 января два французских гидросамолета «Луар-130» обнаружили основные силы тайландского флота. И Беранж решил атаковать соединение вражеских кораблей в районе архипелага Кочан.

На следующий день, 17 января, в 6 часов 14 минут «Луар-130» попытался атаковать тайландские броненосцы береговой обороны. Сиа́мские артиллеристы оказались начеку и отогнали огнем «Луар». Одновременно броненосцы с дистанции 9 км открыли огонь по приближающимся французским кораблям. Но это было ошибкой, так как до этого французские артиллеристы не могли обнаружить сиа́мские суда. Теперь же они в 6 часов 14 минут открыли огонь и в течение получаса пустили на дно небольшие миноносцы «Сонгкла», «Чонбури» и «Трат».

Наличие множества островов позволило французам, искусно маневрируя, избежать попаданий 203-мм орудий противника и даже сблизиться на дистанцию торпедной стрельбы. Так, одна из трех торпед, выпущенных французским крейсером, попала в броненосец «Аутия». Чтобы избежать затопления, его командир посадил броненосец на мель в устье реки Чатхабури.

Затем последовала артиллерийская дуэль «Ламотт-Пике» с «Тонбури» на дистанции 12 км. Крейсер выпустил еще три торпеды, но не попал, и поврежденный броненосец скрылся за островами.

На обратном пути в Сайгон французская эскадра была дважды атакована тайскими самолетами, но попаданий удалось избежать. Единственные повреждения, полученные французскими кораблями за весь бой, были вызваны действием дымных газов собственных орудий.

В начале января 1941 г. тайландские армии Бурапха и Исан перешли в наступление в Лаосе и Камбодже. Французы попытались оказать сопротивление, но количественно и качественно превосходящие силы тайцев буквально смели их передовые заслоны. Тайландские войска быстро заняли Лаос, но в Камбодже французское сопротивление оказалось более успешным.

Утром 16 января 1941 г. французы начали массированную контратаку на удерживаемые тайцами села Ян-Дан-Кум и Пхум-Преав, которая перешла в самое крупное сражение в этой войне. Однако вскоре французское наступление захлебнулось, и французы были вынуждены отойти.

24 января сиамские бомбардировщики совершили налет на французский аэродром в Ангкоре вблизи Сиенреапа. Последний боевой вылет тайландские ВВС совершили в 7 часов 10 минут 28 января на французскую авиабазу Сисопхон. С 10 часов утра 28 января начало действовать перемирие, достигнутое при японском посредничестве. 9 мая в Токио был подписан мирный договор, согласно которому Франция под японским давлением соглашалась на передачу спорных территорий Таиланду.

В ходе этой необъявленной войны Франция потеряла 720 человек убитыми, ранеными и пленными, а тайцы – 382 человека. Французы потеряли 22 самолета, а тайцы – от 8 до 13.

Тайские броненосцы береговой обороны «Аутия» и «Тонбури» были вскоре отремонтированы японцами и введены в строй тайландского флота.

11 июня 1941 г. Верховное японское командование издало приказ «О форсировании политики продвижения в южном направлении». Суть приказа заключалась в следующем:

«1. Учитывая современную общую обстановку, империя на основе установленного курса форсирует политику продвижения в южную часть Французского Индокитая, в частности, в кратчайший срок устанавливает между Японией и Французским Индокитаем отношения военного сотрудничества с целью обеспечить безопасность и оборону Французского Индокитая.

На основе установления отношений военного сотрудничества с Французским Индокитаем империя выдвигает следующие требования:

а) создание или использование авиационных баз, портовых сооружений в установленных районах Французского Индокитая, а также размещение необходимых войск в южной части Французского Индокитая;

б) обеспечение удобного размещения и надежного снабжения

императорских войск.

2. Для удовлетворения указанных требований империя приступает к дипломатическим переговорам.

3. Если правительство Франции или власти Французского Индокитая не согласятся на наши требования, для достижения своих намерений применим вооруженную силу.

4. В этих целях следует готовиться к отправке войск».

Для осуществления ввода японских войск приказом от 5 июля была создана 25-я армия, основу которой составили гвардейская дивизия и 21-я отдельная смешанная бригада. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Иида Сёдзиро. После ввода войск сформировали южный экспедиционный флот. 25-я армия проводила подготовку с таким расчетом, чтобы 4 июля выйти из порта Санья (остров Хайнань). Для подготовки требовалось 20 дней.

12 июля японский посол Сотомацу Като запросил правительство Виши относительно прав на использование восьми аэродромов Индокитая, порта в Сайгоне и очень удобной стоянки на рейде Камраня. Официальная версия гласила, что аэродромы и порты нужны Японии для помощи в обеспечении «совместной обороны» Индокитая. На деле же японский генштаб готовил базы для операций против Малайи и Голландской Ост-Индии.

Япония рассчитывала на посредничество со стороны Германии, но последняя отказалась под предлогом невозможности оказывать давление на правительство Виши. Адмирал Тоёда Тэйзиро, назначенный 18 июля министром иностранных дел, 19 июля направил послу Като телеграмму, в которой потребовал ответа правительства Виши к 24 часам 23 июля.

21 июля власти Французского Индокитая согласились с требованиями Японии. 29 июля состоялась официальная церемония подписания соглашения о совместной обороне между Японией и Французским Индокитаем.

А еще 25 июля японское правительство через посла Номура сообщило непосредственно президенту Рузвельту о намерении Японии разместить войска во Французском Индокитае. Указав причины вступления японских войск, правительство одновременно подчеркнуло желание Японии урегулировать отношения с США. Однако 26 июля США заявили о замораживании японских капиталов. С подобным заявлением выступили также Англия и Голландия.

Ну а теперь мы дошли до большого белого пятна в истории Вьетнама, да и всего Индокитая – как местное население встретило японцев. Этот вопрос упрямо замалчивают как французские, так и вьетнамские

источники. А встретили японцев в целом хорошо. Другой вопрос, что вскоре постоянные реквизиции, неизбежные в ходе длительной тяжелой войны, существенно подпортили имидж Страны восходящего солнца.

Тем не менее во Вьетнаме, особенно на севере, в Баксою, Намки и Дольонге происходили стычки партизан как с французскими, так и с японскими войсками. В мае 1941 г. левое движение Индокитая объединилось в «Лигу обороны за независимость Вьетнама», сокращенно Вьетминь. Важную роль в лиге играла Компартия Индокитая. Интересно, что в начале 1941 г. во Вьетнам из СССР через Китай прибыл Хо Ши Мин. Формально он вел национально-освободительное движение, но и имел контакты с японцами, о которых ни вьетнамские, ни советские источники не любят упоминать.

С конца 1941 г. Французский Индокитай был отрезан как от метрополии, так и от африканских колоний Франции. Последний контакт по морю между Индокитаем и Францией осуществил танкер «Нивоз», вышедший из Сайгона в ноябре 1941 г. с грузом нефти для Дакара. Он достиг Дакара только в августе 1942 г., пройдя всю южную часть Тихого океана и обогнув мыс Горн. С тех пор – никакой почты, никаких пополнений для вооруженных сил, никаких медикаментов, никаких промышленных товаров. Ничего, кроме коротких радиogramм, да и те были редкими и немногочисленными. Тем не менее колониальная администрация пыталась существовать за счет внутренних ресурсов.

В экономике Вьетнама важную роль играли морские коммуникации. Север страны не мог выращивать достаточного количества риса для питания собственного населения. А Сайгон – столица расположенной на юге Кохинхины – нуждался в угле для своих электростанций, добываемом в Тонкине. Было необходимо доставить на север рис, выращиваемый в Кохинхине, и привезти обратно уголь из Хонгая. Это можно было осуществить только морским путем, поскольку единственная трансиндокитайская железная дорога имела низкую пропускную способность.

Кстати, с 1943 г. 14-й авиакорпус США, базировавшийся в Китае, регулярно бомбардировал железные и шоссейные дороги во Вьетнаме, равно как и населенные пункты.

Колониальная администрация в Индокитае располагала торговыми судами общим водоизмещением 130 тысяч регистровых тонн. В мирное время этого было вполне достаточно для обеспечения всех каботажных перевозок Вьетнама. Однако в апреле 1942 г. японцы принудительно реквизируют 11 самых лучших судов. Помимо этого, американские

самолеты и подводные лодки вскоре начали операции у всего побережья Индокитая, топя все вьетнамские или японские суда.

Замечу, что еще в декабре 1941 г. командующий американским подводным флотом на Тихом океане адмирал Локвуд отдал приказ: «Sink them all» («Топи их всех»). И действительно, американские подводные лодки топили все суда, которые им встречались почти по всей акватории Тихого океана. Не только французские, но свыше 10 советских судов стали жертвами американских подводных лодок. Это когда немцы в Первой и Второй мировых войнах начинали топить торговые суда противника, они становились «пиратами» и «военными преступниками». Ну а янки всегда и везде оставались «белыми и пушистыми».

В 1942 – 1944 гг. американские подводные лодки и самолеты не менее 30 раз атаковывали французские военные суда у берегов Индокитая.

Французский адмирал Офан писал: «Эти атаки привели к потере 8 торговых и 5 военных судов^[61], не считая значительные повреждения и потери человеческих жизней на других судах, которые были атакованы, но остались на плаву»^[62].

Часто французские суда и береговые зенитные батареи были вынуждены в целях самообороны открывать огонь по американским самолетам. Так, французская канонерская лодка «Франсис Гарнье» сбила один американский бомбардировщик.

Бравым американским летчикам не откажешь ни в юморе, ни в находчивости. Так, их бомбардировщики сбросили несколько десятков

61 тонн бомб на вереницу бамбуковых плотов, шедших на буксире со скоростью два узла по заливу Алонг. А на следующий день американское радио объявило о потоплении там японского авианосца.

Колониальные власти приняли энергичные меры для восполнения потопленного американцами тоннажа. Так, на военно-морской верфи в Сайгоне началась массовая постройка больших деревянных джонок. Суденышки получили по несколько древних 47-мм или 65-мм пушек и по паре старых пулеметов, расчеты которых составили моряки с крейсера «Ламотт-Пико», разоруженного в начале 1942 г.

Однако перед окончанием войны ВМС в Индокитае оказались перед необходимостью организовывать автомобильные колонны в Хайфон для того, чтобы привозить обратно продовольствие и другие виды снабжения для собственных нужд. В последние месяцы японской оккупации, когда все судоходство практически прекратилось, население Тонкина оказалось на грани голода.

Если исключить действия американских дальних бомбардировщиков и подводных лодок, то сама война реально пришла в Индокитай только 3 января 1945 г., когда впервые за три года американская эскадра пришла в Южно-Китайское море. Это была одна из оперативных групп 58-го быстроходного авианосного соединения вице-адмирала Джона С. МакКейна. Проследовав сюда после высадки американцев на Лусоне, группа прочесала все побережье от залива Камрань до мыса Сен-Жак и Сайгона, топя все, что находилось на поверхности воды. Только в ходе этого единственного рейда 12 января японцы потеряли торговых и военных судов общим водоизмещением 127 тысяч тонн, включая один тяжелый крейсер, 9 эскортных кораблей и дюжину танкеров. Французский же флот потерял при этом три сухогруза и один патрульный корабль в районе Сайгона.

Неподалеку стоял у стенки разоруженный крейсер «Ламотт-Пике», служивший в то время в качестве учебного судна для обучения моряков из числа местных жителей. Накрашенные обозначения национальной принадлежности на нем были хорошо видны. Тем не менее американские самолеты подожгли и потопили его, а один из офицеров получил смертельное ранение. Единственным ответом, который смог дать командир «Ламотт-Пике», стали несколько пулеметных очередей, выпущенных его подчиненными тогда, когда они покидали свой корабль.

В 1941 – 1944 гг. французская колониальная администрация исправно поставляла японскому командованию стратегическое сырье, а также сельскохозяйственную продукцию. Точные данные поставок Японии в это время отсутствуют, но известно, что в 1936 – 1940 гг. из Вьетнама ежегодно вывозилось в среднем 1 млн. 300 тысяч тонн риса, а в 1938 г. экспорт каучука составил 58 тысяч тонн.

С 1941 по 1945 г. французы выплатили японскому военному командованию товарами и деньгами 723 млн. пиастров, что в семь раз превышало бюджет Индокитае 1939 г.

Японское командование и СМИ в Индокитае пропагандировали идеи создания «Великой Восточной Азии» под эгидой Страны восходящего солнца, «единства желтой расы», поощряли деятельность новых религиозных конфессий: каодай, хоахао, биньсюйеи. К началу 1945 г. число последователей этих религиозных течений во Вьетнаме превышало 600 тысяч человек.

Глава 5.

Франция пытается вернуть Индокитай

В 1943 г. глава французской колониальной администрации в Индокитае адмирал Жан Деку тайно вступил в контакт с де Голлем. А в 1944 г. Деку тайно признает власть правительства де Голля. Тем не менее де Голль устраивает провокации против Деку. С его согласия, активного или молчаливого, историкам еще следует разобраться, французский линкор «Ришелье» в середине марта 1944 г. вышел из Шотландии для присоединения в Тринкомали на Цейлоне к английской эскадре под командованием сэра Джеймса Сомервилла. Затем, вскоре после прибытия линкора в Индийский океан, он вошел в состав охранения английского авианосца «Илластриес» и американского «Саратога», производивших атаку японских позиций в порту Сабанг на северном оконечности Суматры. Операция рассматривалась в качестве диверсии, чтобы отвлечь внимание противника от высадок американцев в Холландии на Новой Гвинее, начавшихся в тот же день. В этой атаке французские боевые корабли впервые участвовали в боевых действиях на Тихом океане.

17 мая «Ришелье» участвовал в бомбардировке Сурабайи, а в июне – в аналогичной операции против Андаманских островов. В июле он вошел в состав эскадры, обстрелявшей японские сооружения на острове Пуло-Ве, отличившись тем, что стрельбой с малой дистанции заставил замолчать береговую батарею, огонь которой угрожал эсминцам завесы. Адмирал Сомервилл послал свои поздравления командиру линкора в связи с его «эффективной стрельбой».

После этого линкор «Ришелье» подвергся длительному переоборудованию в Касабланке и Гибралтаре, а затем вернулся на Тихий океан, где в течение нескольких месяцев принимал участие в заключительных операциях союзников в составе 3-й британской линейной эскадры под командованием вице-адмирала Гарольда Т.С. Уокера.

Рассматривали ли те, кто посылал «Ришелье» против японцев, возможность ответных акций Страны восходящего солнца против французских войск, да и французов в Индокитае? Естественно, да, но и Черчилля, и де Голля как раз бы устроила бойня в Индокитае.

Посмотрим на даты между уходом «Ришелье» из Шотландии и высадкой в Нормандии – всего 2,5 месяца. 6 июня 1944 г. в Нормандии ВМС Англии и США использовали шесть (!) линкоров для артиллерийской

поддержки вторжения. Почему бы в их число не включить «Ришелье» с его восемью 381-мм пушками, а взамен не отправить в Индийский океан другой английский или американский линкор?

Но японцы не поддались на провокацию. Однако, когда 21 августа 1944 г. маршал Петэн переехал на жительство в Германию, а через три дня союзные войска заняли Париж, японцы осознали всю серьезность проблемы.

Официально в отношениях между генерал-губернатором Индокитая и Японией ничего не изменилось. Со своей стороны генерал де Голль потребовал, чтобы Деку продолжал занимать свой пост. И в то же время он в частном порядке предложил генералу Эжену Мордану, получившему несколько месяцев ранее отставку с поста командующего французской армией в Индокитае, создать «движение сопротивления» в Индокитае.

Создание движения сопротивления на территориях, оккупированных странами оси, являлось стратегической политикой союзников. Подобные движения были созданы и поддерживались ими в Китае, Франции, Чехословакии и других странах. Теперь союзники стали сбрасывать на парашютах оружие и боеприпасы для борьбы с японцами в Индокитае, как раньше они делали это в Бирме. Некоторая часть этого оружия предназначалась для регулярных французских войск, которые давно уже не получали из Франции никакого снабжения. Но не все оружие попало в руки французской регулярной армии. Как показали дальнейшие события, оно было использовано не против японцев, а против французов.

С этой точки зрения организация и вооружение движения сопротивления в Индокитае оправдывалось лишь в том случае, если бы союзники намеревались вести на данной территории боевые действия против японцев и хотели бы подключить к своим операциям широкие круги населения.

Однако ни Англия, ни США не имели такого намерения. Союзникам не было никакой нужды во французских базах в Тонкине и Кохинхине, а главным направлением их наступления, исключая вспомогательные отвлекающие операции, являлись Филиппины. После того как Филиппины оказались захваченными, японцы в Индокитае оказались обойденными с фланга и тыла, как это произошло с Труком и другими удерживавшимися японцами островами Тихого океана. Высадку в Индокитае англо-американцы планировали провести лишь после капитуляции Японии.

В 19 часов 00 минут 9 марта 1945 г. японский посол в Сайгоне Сюничи Мацумото внезапно передал адмиралу Деку ультиматум. В нем содержалось требование дать письменные гарантии того, что он будет до

конца вместе с Японией защищать Индокитай от нападения западных союзников. Деку предлагалось немедленно «передать французские вооруженные силы, полицию, органы управления и все транспортные средства и средства связи под прямое управление японской военной администрации. Ультиматум содержал угрозу, что в случае отказа последствия могут быть очень серьезными, поскольку японцы собирались осуществить дальнейшие операции без всякой оглядки на судьбу находившихся в Индокитае 40 000 французов. Адмирал с возмущением отказался подписать оскорбительные условия»^[63].

Срок ультиматума истек через 2 часа, и немедленно по его истечении адмирал Деку был арестован вместе с командующим французскими ВМС в Индокитае адмиралом Беранже. Военные операции к тому времени уже разворачивались повсюду, а в 9 часов 30 минут японцы напали против всех военных объектов в Сайгоне.

В казарме «Франсис Гарнье», где располагалась штаб-квартира командования в Сайгоне, лейтенант Луи Ларук сопротивлялся в течение двух часов, имея в своем распоряжении всего 50 человек. Три моряка были убиты в воротах военно-морской верфи, пытаясь сдержать нападавших и выиграть время, необходимое для уничтожения наиболее важного оборудования. Большинство офицеров было захвачено в своих домах, когда они пытались достичь своих постов на базе, или же на реке. Только одна рота моряков под командованием капитан-лейтенанта Поля Морсо смогла уйти на канонерской лодке «Туран» в Таньюань на реке Днгха, где его люди присоединились к партизанам и сражались в течение трех месяцев перед тем, как попасть в руки японцев.

В военно-морской базе Камрань несколько десятков офицеров и матросов бежали в джунгли и несколько дней жили там, прежде чем попали в плен. Последний из них, лейтенант Эдмон Пистр, измученный малярией и ослабевший от голода, был вынужден сдаться 1 июня 1945 г., проведя в джунглях 83 дня.

Позже адмирал Офан будет оправдывать французских моряков: «Корабли ВМС в Индокитае имели немного шансов достичь дружественного порта. Практически ни один из них не имел достаточной для этого дальности плавания. Кроме того, многие из них находились в практически небоеспособном состоянии в течение ряда месяцев, стоя на якоре далеко от открытого моря. "Туран" оказался вынужденным затопиться после того, как высадил на берег в Таньюане роту лейтенанта Морсо. Патрульный корабль "Адмирал Руссо" был одновременно атакован с обоих бортов в гавани Сайгона.

За немногими исключениями, во время нападения японцев вся флотилия Индокитая находилась на якорях в дельте реки Меконг. Сторожевик "Адмирал Шарне" стоял в Митхо, так же как канонерские лодки "Митхо" и "Авланш", а также тральщик "Поль Бер". Сторожевой корабль "Марн" и патрульный корабль "Морил Лонг" находились в Кантхо. Гидрографическое судно "Лаперуз" стояло в Виньлоне вместе с плавучим складом "Камрань" и патрульным кораблем "Капитан Купон". Канлодка "Франсис Гарнье" находилась на якорной стоянке в Кратье в среднем течении Меконга, в 200 км выше Пномпеня и в 500 км от открытого моря.

В Тонкине канлодки "Коммандан Бурдэ" и "Вижилянт" находились в Хайфоне, а патрульные корабли "Фрезуль" и "Крэссак" – в заливе Алонг.

И это было все, что оставалось в составе ВМС Франции на Дальнем Востоке...

Армейские части держались едва ли лучше. Некоторым наиболее сильным отрядам удалось проложить путь через горы Лаоса, и в середине июля достичь границы Китая. Другие, менее удачливые, были уничтожены при самых зверских обстоятельствах. Из 12 000 регулярных французских войск, находившихся там на момент нападения 9 мая, армия Индокитая потеряла убитыми 2000 человек, из которых 250 офицеров и 500 младших офицеров.

Достаточно странно, что когда генерал Шенно и его "летающие тигры" были рады оказать помощь французской армии в Тонкине и были готовы сделать все возможное, из Вашингтона поступил приказ, запрещающий им сотрудничество. "Очевидно, – писал в своих воспоминаниях генерал Шенно, – что американская политика предполагала, что Французский Индокитай после войны не должен был быть возвращен Франции, а должен был стать подмандатной территорией. Правительство США являлось заинтересованным видеть Францию вышвырнутой из Индокитая, чтобы проблема послевоенного отделения от колонии могла решиться более легко"»^[64].

Ну а японцы формально передали власть в Индокитае местному населению, а точнее, императору Бао-Даю.

Бао-Дай был 13-м и последним императором из династии Нгуен. Его отец, император Кхай Динь, исполнял при французах роль свадебного генерала и прославился лишь сооружением огромной и очень красивой усыпальницы, строившейся 11 лет – с 1920 по 1931 г.

Замечу, что Кхай Динь умер в 1925 г. Его наследником стал 12-летний принц Фук Вань Тхюи. Принц получил образование во Франции, в лицее Кочдорсе, а затем в Парижском университете. Формально принц взошел на

престол в 1926 г., но продолжал образование во Франции, благо в Индокитае всем распоряжалась колониальная администрация.

В 1932 г. новый свадебный генерал прибыл во Вьетнам, где был официально коронован под именем Бао-Дай («Хранитель величия»).

Бао-Дай был католиком, тем не менее имел пять законных жен, в том числе француженку Монику Бодо. Но и это было прогрессом, так как его двоюродный дед Ты Дук (Ту Дук) имел 104 законные жены и множество наложниц.

И вот этому «хранителю» самураи и предложили стать главой «независимого» Вьетнама. Бао-Дай попробовал качать права и выторговывать свои условия, но ему пояснили, что иначе императором станет принц Кыонг Де, а с «хранителем» поступят как с негодным имуществом. Бао-Дай немедленно дал согласие и 10 мая 1945 г. стал императором Вьетнама.

В августе 1945 г. Красная армия начала наступление по всему трехтысячекилометровому фронту против японской Квантунской армии. Это послужило сигналом для коммунистов и других левых сил Вьетнама.

11 августа 1945 г. началось вооруженное восстание в провинции Хатинь. Чуть позже сформировался комитет восстания во главе с Во Нгуен Зиапом. Он приказал начать всеобщее выступление в ночь на 14 августа. А 28 августа Комитет национального освобождения был реорганизован во Временное революционное правительство, председателем которого и министром иностранных дел стал Хо Ши Мин, министром обороны – будущий генерал-полковник Тю Ван Тан, министром внутренних дел – будущий генерал армии и герой Дьенбьенфу Во Нгуен Зиап. Пять министерских портфелей были переданы политическим деятелям, не входившим во Вьетминь.

Любопытно, что за три дня до этого, 25 августа 1945 г., император Бао-Дай отрекся от престола, а 28 августа был назначен «верховным советником» Временного революционного правительства. Забегая вперед, скажу, что Бао-Дай в мае 1946 г. бежал из Ханоя в Гонконг.

2 сентября на площади Ба-Динь в Ханое на многотысячном митинге Хо Ши Мин зачитал Декларацию независимости. Он сказал: «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао-Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колониального рабства, сковывавшие его в течение почти столетия, и создал независимый Вьетнам... Отныне мы объявляем недействительными договоры, которые Франция подписала относительно Вьетнама, аннулируем все привилегии, присвоенные французами на нашей территории»^[65].

12 октября 1945 г. в результате вспыхнувшего в Лаосе восстания был низложен король, сотрудничавший с японцами. Народный комитет провозгласил независимость Лаоса.

Интересно, что вместе с повстанцами Вьетминя, где преобладали коммунисты, активное участие в августовской революции принимали боевики «братства зангхо»^[66], которое с некоторой натяжкой можно назвать религиозной сектой, промышлявшей рэккетом.

С начала 1920-х гг. «братство зангхо» обитало в труднодоступном болотистом районе Биньсюйен к югу от Сайгона. Промышляли «братья» в местах, где проходил дублирующий канал, связывающий Сайгон с китайским кварталом Телоном – крупным торговым центром. «Братишки» обложили данью китайских и вьетнамских купцов, возивших товары в Сайгон и обратно.

Со временем «братишки» поделили между собой Сайгон и окрестности на сферы влияния, и вскоре район Биньсюйен («бинь» – «спокойный», «сюйен» – «канал») стал совсем беспокойным. Теперь это был крупнейший гангстерский синдикат в Юго-Восточной Азии, а «биньсюйеном» стали называть все преступные организации. Так появились «отряды Бинь Сюйен», в сентябре 1945 г. переименованные в Армию Бинь Сюйен. Возглавляли эту преступную организацию Ба Зыонг, Мыой Чи и Бай Виена, последний из которых позже стал крупным политиком.

Впрочем, ничего удивительного в этом союзе нет. Вспомним, что в 1792 – 1793 гг. во Франции роялисты использовали банды шуанов, а в октябре – ноябре 1920 г. Красная армия вместе с отрядами Махно добивала Врангеля.

Ну а что делали в это время французы? Еще 24 марта 1945 г. Временное правительство Французской республики во главе с де Голлем объявило о своем намерении создать в Индокитае федерацию – так называемый Французский союз, и отправило во Вьетнам трех своих представителей для негласного управления колониальной администрацией. Однако двоих из них почти сразу, после неудачной выброски с парашютом, японцы захватили в плен.

Согласно решению Потсдамской конференции, север Вьетнама должен был получить независимость, а юг временно подчинялся оккупационным французским войскам.

Серьезной проблемой для западных союзников стало разоружение японских войск. Дело в том, что американцы и англичане летом 1945 г. планировали закончить войну с Японией в конце 1946 – начале 1947 г. Решительное наступление советских войск, разгромивших миллионную

Квантунскую армию, кардинально изменили ситуацию, и западные союзники оказались не готовы к принятию капитуляции японских войск на огромной территории от острова Хоккайдо до Голландской Индии.

К началу августа 1945 г. в Индокитае, то есть Вьетнаме и Лаосе, находилась 38-я японская армия и 11-й особый базовый отряд. Всего в составе сухопутных войск имелось 90 370 человек, а в ВМФ – 8914 человека, итого 99 284 человека. В Таиланде находился 18-й фронт – 106 тысяч солдат и 3 тысячи моряков.

Союзники боялись того, что японцы будут разоружены силами Вьетмина и других повстанческих движений. Поэтому было принято решение, что на севере японцев будут разоружать китайские войска, подчиненный Чан Кайши, а на юге – французские и британские.

16 августа французское правительство отправило во Вьетнам специальное войсковое соединение «Массю» и 9-ю дивизию колониальной пехоты. Эти войска возглавлял командующий экспедиционным корпусом генерал Леклерк. Он установил контакт с верховным комиссаром Французской республики в Индокитае адмиралом Тьерри д'Аржанлье и пообещал восстановить власть Франции во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

В 20-х числах августа на юге Вьетнама, в районе Намбо, высадился французский десант (1400 непальских гурхов и батальон французских парашютистов) под командованием посланника верховного комиссара Седилья. 23 августа десант вошел в Сайгон, где находилось 30 тысяч французских подданных. 29 августа Седилья заявил представителям революционного комитета Намбо, что Франция не признает независимости и единства Вьетнама. Представители же ответили, что «Вьетнам уже добился независимости и единства, а вьетнамский народ не признает никакой формы давления и насилия колониальной администрации».

В конце августа – начале сентября 1945 г. северные районы Индокитая до 16-й параллели заняла 200-тысячная армия чанкайшистского генерала Лу Ханя. В задачу этой армии входило разоружить и интернировать капитулировавшие японские войска. В административных центрах провинций Лаокай, Лангшон и Куангйен китайские войска и националистические группы «Вьеткать» и «Вьеткуок» уничтожили народные органы управления Вьетнама.

Ввод китайских войск в Северный Вьетнам сильно разозлил местное население. «По мнению вьетнамцев, контингент генерала Лу Ханя больше напоминал тучу человеческой саранчи. Голодные, обмотанные в тряпье, босые, болеющие цингой китайские солдаты прибыли не одни – они волокли в своих обозах жен и детей. Они сметали все на своем пути –

конфисковали коров, громили курятники, охотились на голубей. Прибыв в Ханой, они начали методичный грабеж. Закончив с рынками, китайцы вламывались в частные и государственные здания, выкручивали лампочки, снимали проводку, двери, выставляли стекла и рамы. Некоторые китайские солдаты принимали куски мыла за некий пищевой концентрат и пытались их есть».

Оккупировав Ханой, китайское командование немедленно конфисковало всю французскую собственность, установило монополию китайской торговли и узаконило ограбление, сделав обязательной к приему ничего не стоящую китайскую валюту.

Хо Ши Мин пытался ладить с китайцами. Говорят, он даже дал крупную взятку генералу Лу Ханю.

Что же касается разоруженных японских войск, то они, просидев несколько месяцев в лагерях для военнопленных, естественно, не в самых лучших условиях, были отправлены на родину. К ноябрю 1947 г. репатриация японцев была закончена. По сведениям японских историков, не менее 600 японских солдат и офицеров в 1945 – 1948 гг. служили инструкторами в частях Вьетмина.

Французы отправили к берегам Вьетнама чуть ли не все, что могло плавать из состава ВМФ. Так, 3 сентября 1945 г. в Сайгон прибыли первые части дивизии генерала Леклерка на британских транспортах. Транспорты сопровождали линкор «Ришелье» и лидер «Триумфан», только что прошедший модернизацию в США. «Ришелье» был слишком велик для того, чтобы подниматься по узкому и извилистому речному фарватеру. Но «Триумфан» проследовал до стоянки у набережной бульвара Шарне, где он, как первый военный корабль, возвратившийся после оккупации страны японцами, был с восторгом встречен местными французами.

Между 15 и 27 октября 1945 г. в Индокитай прибыли авианосец «Беарн», палубы которого были загружены самолетами, а также крейсера «Глуар» и «Сюффрен», легкий крейсер «Фантаск», эскортные миноносцы «Сомали» и «Сенегал», транспорт «Керси» и сторожевые корабли «Аннамит» и «Газель».

Именно французские моряки начали карательные операции в дельте реки Меконг и на реке Доннай. Вьетнамцы ожесточенно сопротивлялись агрессорам. Так, 18 ноября 1946 г. отряд французских моряков, плывших на джонках, был разгромлен, а 19 пленных публично казнены.

У берегов Северного Вьетнама французские патрульные суда занялись борьбой с пиратами. «3 сентября "Фрезуль" захватил при помощи абордажной партии пиратское судно, но на следующий день "Крассак" был

захвачен врасплох другими пиратами в Хангае, а его командир, лейтенант Анри Вилар, был казнен. Китайцы, однако, заставили пиратов освободить команду, а также американского офицера из Управления стратегических служб, находившегося на борту корабля в момент захвата.

Тем не менее с середины сентября, после прибытия на место "Сенегала", впоследствии смененного "Сомали", а затем "Альжерьен", позволило консолидировать французские позиции в заливе Алонг, несмотря на протесты местного китайского командующего»^[67].

В феврале 1946 г. после длительных переговоров правительство Чан Кайши согласилось признать «права» Франции во Вьетнаме в обмен на возвращение Китаю территории Гуанчжоувань и отмену прежних колониальных привилегии Франции в Китае. Французское правительство согласилось также предоставить китайским торговцам некоторые льготы в Северном Вьетнаме.

Правительство Хо Ши Мина неоднократно предлагало французскому правительству обсудить спорные вопросы. В результате 6 марта 1946 г. Франция и Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) подписали соглашение, смысл которого сводился к необходимости создать благоприятную обстановку для разрешения франко-вьетнамских проблем. По этому соглашению Франция признавала ДРВ как «свободное государство», входящее в состав Индокитайской федерации и Французского союза.

Несмотря на подписание соглашения, китайские войска не спешили покидать Северный Вьетнам. Поэтому для захвата Тонкина французы разработали операцию «Бантре» – самую крупную французскую десантную операцию в 1900 – 1945 гг. В ней участвовали соединения кораблей под общим командованием вице-адмирала Обуйно. В его состав вошли авианосец «Беарн», крейсера «Эмиль Бертэн», «Турвиль» и «Дюкен», лидеры «Триумфан» и «Фантаск», сторожевые корабли «Саворьян де Бразза», «Шеврей» и «Шазель», эскортные миноносцы «Альжерьен» и «Сенегала», вспомогательный крейсер «Барфлер» и шесть больших транспортов.

6 марта 1946 г. французская эскадра подошла к порту Хайфон. На небольшой дистанции китайская артиллерия открыла огонь. Лидер «Триумфан» был серьезно поврежден. Французы ответили, и через некоторое время китайцы выбросили белый флаг.

К вечеру 8 марта на берег было высажено 4 тысячи французских солдат, а в два последующих дня – еще более 8,5 тысячи. К началу лета 1946 г. все китайские (чанкайшистские) войска покинули территорию

Северного Вьетнама. А во многих районах юга шла партизанская война. Обе стороны готовились к полномасштабной войне.

9 октября 1945 г. верховный комиссар Франции в Индокитае адмирал д'Аржанлье, выступая перед офицерами французских войск в Индокитае, заявил: «Мы восстановим права Франции в Индокитае в их прежней форме... До конца года суверенитет Франции будет повсюду восстановлен»^[68].

Руководитель французской разведывательной службы в Северном Вьетнаме генерал А. Жакэн, присутствовавший на этом выступлении, вспоминал, что оптимизм адмирала д'Аржанлье был скептически встречен некоторыми участниками совещания. Отвечая одному из скептиков, командующий французскими войсками в Китае полковник Килишини весьма грубо дополнил: «Когда 2-я танковая дивизия высадится в Тонкине, все революционеры в собачьей шкуре исчезнут...» Подобная солдафонская прямота лучше всего характеризовала истинные намерения сторонников силового решения индокитайской проблемы.

18 марта 1947 г., выступая в Национальном собрании, депутат Пьер Кот огласил текст секретной инструкции, которую 10 апреля 1946 г. французское командование направило начальникам гарнизонов и командирам частей, дислоцированных на территории Вьетнама. По инструкции они были обязаны обеспечить организацию военного переворота на местах. Министр по делам заморской Франции М. Мутэ был вынужден признать подлинность этого документа.

В нарушение соглашения от 6 марта 1946 г. французы увеличили свою армию во Вьетнаме с 5 до 70 тысяч человек.

Между тем 8 октября 1946 г. Национальное собрание приняло конституцию ДРВ, 70 статей которой основывались на трех принципах: единство народа, гарантия демократической народной власти и установление власти народа.

23 ноября 1946 г. французская эскадра подвергла интенсивному артиллерийскому обстрелу жилые районы Хайфона. По различным источникам, погибло от 6 до 20 тысяч вьетнамцев, в подавляющем большинстве мирных жителей.

Отряды фронта Вьетминя оставили Хайфон и еще один важный стратегический пункт у китайской границы – город Лангштон.

В декабре 1946 г. произошли стычки в Ханое. 17 декабря французские войска заняли улицу в Шелковом ряду, убив при этом около 100 мирных вьетнамцев. На следующий день французы захватили здания министерств финансов и путей сообщения. В ответ на это бойцы фронта Вьетминь и

мирные жители соорудили на улицах города баррикады, вырыли окопы и ходы сообщения. 19 декабря французское командование предъявило вьетнамскому правительству ультиматум с требованием разобрать баррикады, разоружить отряды самообороны, передать французским войскам право охранять порядок в Ханое.

А вечером того же дня Хо Ши Мин обратился к вьетнамскому народу с воззванием:

«Соотечественники!

Желая сохранить мир, мы шли на уступки. Но чем больше мы уступали, тем более алчными становились французские колонизаторы, ибо они руководствовались одним стремлением – вновь захватить нашу страну.

Довольно! Мы пожертвуем всем, но не отдадим свободы нашей страны и не станем рабами.

Соотечественники! Поднимайтесь на борьбу!»

С декабря 1946 по март 1947 г. около 3 тысяч бойцов Вьетмина защищали Ханой от 6,5 тысячи французских солдат, которых поддерживали 42 пушки, 40 танков и бронев автомобили. В ходе боев за Ханой французы потеряли около 500 солдат и офицеров убитыми, 1500 – ранеными и 200 – пленными.

Тем не менее перевес в силе и, прежде всего, в военной технике давал о себе знать. В результате к лету 1947 г. французы взяли под контроль основные города Южного и Центрального Вьетнама, а также некоторые районы Северного Вьетнама, в том числе и район дороги Ханой – Хайфон, а также территорию вдоль китайской границы.

Осенью 1947 г. командование французскими войсками решило провести операцию «Леа». Главной задачей операции было уничтожение основных сил Вьетмина, а также захват и ликвидация правительства ДРВ в районе Вьетбака. В операции планировалось участие 14 тысяч человек при 800 бронемашинах и 40 самолетах, а также привлекалась флотилия речных судов. Основная часть войск сводилась в две маневренные группы, которые должны были охватить Вьетбак с запада и востока и замкнуть кольцо окружения в районе перевала Леа.

Действия бригады парашютистов (1200 человек) должны были стать ключевыми в операции – в захвате городов Вьетбака – Бакана, Тёмоя и Тёдона в 100 км к северу от Ханоя, где находились правительственные учреждения и штаб бойцов Вьетмина.

Операция «Леа» началась утром 7 октября с выброски парашютистов, которые уже к вечеру заняли все три города. Но отряды Вьетмина успели эвакуировать правительство и штаб. На пути движения французских войск

вьетнамцы организовали многочисленные засады, действовавшие по флангам и тылам наступающих и нанося им серьезные потери. Леа было замкнуто. При этом французы потеряли более 7 тысяч человек, 13 самолетов, 38 речных катеров и 255 военных машин.

Тем не менее французам не удалось захватить Хо Ши Мина и других руководителей Вьетмина. Вьетнамцы несли большие потери, но боевой дух их не был сломлен.

Французское же правительство решило добиться победы в Индокитае любой ценой. К весне 1948 г. численность их экспедиционного корпуса возросла до 115 тысяч человек. Используя свое превосходство в живой силе и технике, французы активизировали боевые действия, применяя в Северном Вьетнаме тактику «масляного пятна».

Суть ее заключалась в том, чтобы в захваченных населенных пунктах создавать укрепленные посты с гарнизонами от роты до батальона. Эти гарнизоны должны были проводить карательные рейды, тем самым обеспечивая постоянное удержание и расширение захваченных районов.

В Центральном и Южном Вьетнаме французы использовали тактику «паутины», то есть создавали густую сеть укрепленных постов, контролировавших стратегически важные пункты – переправы, перекрестки дорог, господствующие высоты и т. д.

Летом 1948 г. французские части захватили города Вьетчи и Шонтэй и другие районы, где создали многочисленные укрепленные пункты. Все это привело к распылению их сил и утрате стратегической инициативы. Недостаток своих вооруженных сил французское командование рассчитывало пополнить за счет марионеточных государств, созданных в областях Индокитая, населенных национальными меньшинствами (тхай, нунг), а также путем создания иррегулярных отрядов из вьетнамцев.

Важную роль в войне играл и французский ВМФ. Так, самолеты авианосцев «Диксмюд» и «Арроманш» регулярно наносили удары по позициям Вьетмина. Это бывшие английские авианосцы «Битер» и «Колоссус», переданные французам в 1945 – 1946 гг. Авианосцы в среднем через полгода уходили в метрополию, чтобы после кратковременного ремонта вернуться назад. При этом они использовались и как авиатранспорты. При этом их палубы были буквально забиты самолетами сухопутного базирования, ну а штатные морские самолеты находились в ангарах.

В 1948 г. французы вернули во Вьетнам бывшего императора Бао-Дая и сделали главой государства, но уже без императорского титула.

Однако исход войны был решен не во Вьетнаме, а в Южном Китае. 25

мая 1949 г. части НОА (Национально-освободительная армия Китая) взяли Шанхай. 1 октября того же года в Пекине Мао Цзэдун провозгласил создание КНР. На следующий день СССР объявил о признании КНР.

В декабре 1949 г. части НОА вышли на границу Вьетнама и Лаоса. Около 25 тысяч гоминдановцев бежали в Бирму, Вьетнам и Лаос. Причем во Вьетнаме и Лаосе они были интернированы французами, а позже отправлены на Тайвань.

Теперь «дядя Хо» получил возможность принимать военную помощь, имея общую границу с КНР. Замечу, что события, происходившие с января 1950 г. во Вьетнаме, до сих пор засекречены властями Республики Вьетнам и РФ. Так, окружен тайной визит Хо Ши Мина в СССР в феврале 1950 г. Хо под псевдонимом Дин был доставлен на советском пассажирском самолете в Москву, где 26 февраля 1950 г. встречался со Сталиным. По одной версии, «дядя Хо» вернулся в 1950 г. во Вьетнам, а в 1952 г. вновь летал в СССР. По другой версии, он вообще 1950 – 1952 гг. провел в СССР

30 января 1950 г. СССР и КНР официально признали правительство Хо Ши Мина, а через неделю, 7 февраля, США и Англия заявили о признании правительства Бао-Дая.

С конца 1940-х гг. США принимали участие в финансировании войны в Индокитае и отправляли туда военную технику. Так, летом 1950 г. французский авианосец «Диксмюд» прибыл в США, чтобы забрать истребители F6F «Хеллкэт» и пикировщики SB2C «Хеллдайвер». Затем авианосец пересек Тихий океан и 28 октября 1950 г. прибыл в Сайгон. Почти сразу палубная авиация «Диксмюда» приняла участие в боях.

В конце сентября 1951 г. к берегам Индокитая после ремонта возвращается французский авианосец «Арроманш», также перевооруженный американскими машинами. Самолеты «Арроманша» немедленно приступили к бомбардировкам Северного Вьетнама, выполняя ежемесячно в среднем 226 боевых вылетов.

В июне 1951 г. США передали Франции свой авианосец «Лэнгли» (вместе с палубными самолетами), переименованный французами в «Лафайет». Забавно, ведь генерал Лафайет воевал за освобождение британских колоний, а авианосец было решено направить на подавление вьетнамцев, боровшихся за национальную независимость. В 1953 г. янки передали французам однотипный авианосец, переименованный в «Буа Белло». 20 мая 1954 г. «Буа Белло» прибыл к берегам Индокитая, но уже к шапочному разбору.

Помощь США с каждым годом становилась все более существенной. Так, если в 1951 г. она составляла 137 млн. долларов, то в 1954 г. уже

достигла порядка 1 млрд. долларов. Без этих субсидий Франция не могла бы вести столь масштабные боевые действия в Индокитае. А американская помощь помимо задачи подавления национально-освободительного движения в Индокитае служила и орудием американского проникновения в этот район. Генерал Навар позже писал:

«Принимая американскую помощь, мы почти теряли Индокитай. Это была подлинная драма нашей политики»^[69].

К началу 1951 г. французам удалось довести численность своих войск во Вьетнаме до 185 тысяч человек. Кроме того, на юге была сформирована 165-тысячная армия правительства Бао-Дая. Однако французы не спешили отправлять ее на север. Основные причины – ненадежность личного состава и занятость в борьбе с повстанческими движениями на юге.

В январе – мае 1951 г. войска Вьетмина пытались прорвать линию обороны французов в районе дельты реки Хонгха у городов Виньейн, Хоггай, Уонгби и Намдинь. Однако из-за отсутствия авиации и слабости артиллерии (самыми мощными орудиями коммунистов были 75-мм горные пушки и 105-мм гаубицы) сделать это не удалось.

Осенью 1951 г. вьетнамское командование изменило направление главного удара. В сентябре началось наступление в стороне от укреплений линии де Латтара – в северо-западной части Северного Вьетнама, в районе границы Вьетнама с Лаосом. Части 312-й пехотной дивизии Народной вьетнамской армии попытались захватить город Нгиало, находящийся на дороге, связывающей северо-западные районы Вьетнама с Лаосом. Эта коммуникация приобрела важное стратегическое значение после того, как в конце марта 1951 г. на конференции представителей фронта Вьетминь, Нео Лао Итсала (Фронт освобождения Лаоса) и Некхум Кхмер Иссарак (Фронт освобождения Камбоджи) было принято решение о создании Объединенного фронта борьбы с колонизаторами, который объединял патриотические силы трех стран в борьбе против общего врага. Так, осенью 1951 г. планировалось начать вооруженную борьбу в провинциях Лаоса Луангпхабанг и Сиангкхуанг (Долина Кувшинов).

Но 312-й дивизии так и не удалось занять Нгиало. Французский гарнизон, имевший превосходство в артиллерии и поддерживаемый авиацией, сумел отбить наступление.

В тылу 312-й дивизии французы высадили три батальона парашютистов. В конце октября вьетнамцы были вынуждены прекратить наступление.

В ноябре 1951 г. французы решили провести контрнаступление и захватить город Хоабинь. В контрнаступлении принимали участие 3

батальона парашютистов, 15 пехотных батальонов, 7 артиллерийских дивизионов и 2 бронетанковых полка.

Упорные бои развернулись на берегу реки Да (Черной) в 75 км от Ханоя. Через пять дней после начала боевых действий вьетнамские части начали отход в горы. Французские войска заняли Хоабинь, оставили там гарнизон (9 пехотных батальонов, 3 артиллерийских дивизиона и роту танков), а на ближних подступах к городу создали систему оборонительных сооружений.

Однако вскоре вьетнамцы перехватили инициативу, и к середине декабря 1951 г. город Хоабинь оказался в кольце «коммунистических войск». Вьетнамцы замаскировали свои артиллерийские орудия в расщелинах скал на берегу реки Да и в упор расстреливали французские суда, доставлявшие продовольствие и боеприпасы в Хоабинь. С большими потерями проскакивали в город и автомашины, подвергавшиеся постоянным нападениям вьетнамцев. Для прикрытия автоколонн с припасами французское командование задействовало все свои резервы – 16 бронетанковых, пехотных и парашютно-десантных батальонов.

Снабжение по воздуху было затруднено как из-за обстрелов вьетнамской артиллерией аэродрома в Хоабине, так и из-за появления в частях ВНА малокалиберных (12,7 – 37-мм) зенитных автоматов: советских 12,7-мм ДШК, 37-мм 61К; германских 2-см и 3,7-см «Флак», а также японских автоматов.

Таким образом, снабжение французского гарнизона в Хоабине было практически парализовано. А 25 февраля 1952 г. французские войска были эвакуированы из Хоабина. В ходе боев за город французы потеряли 20 тысяч человек, в том числе 7 тысяч пленными.

В ходе осенне-зимнего наступления 1952 – 1953 гг. части Вьетнамской народной армии вместе с лаосскими партизанскими отрядами добились больших успехов у города Самныя в Верхнем Лаосе. Французский гарнизон там были перебит, а остатки его пленены. Вьетнамцам удалось освободить территорию в 40 тысяч кв. км с 300-тысячным населением. Теперь был открыт путь для наступления в Долину Кувшинов и к городу Луанпхабангу – важному стратегическому пункту в Верхнем Лаосе.

В мае 1953 г. в Индокитай прибыл новый колониальный генерал Анри Наварр – типичный штабист, получивший это назначение в результате кабинетных политических интриг. К этому времени французская армия во Вьетнаме достигла 250 тысяч человек. Сколько из них было этнических французов, никто посчитать не удосужился. По моей оценке, их было около половины. Остальные – негры из стран Экваториальной Африки, арабы,

немцы, включая эсэсовцев, которых охотно брали в Иностранный легион, и т. п.

В составе французских войск было 26 артиллерийских дивизионов, 528 самолетов и 360 морских и речных судов.

В конце марта 1953 г. французский премьер-министр Рене Майер обратился к президенту Эйзенхауэру с просьбой об оказании дополнительной военной помощи в объеме 400 – 500 млн. долларов. Президент США потребовал отчета о положении в Индокитае. В ответ Майер предложил направить во Вьетнам специальную американскую миссию, которая могла оценить ситуацию на месте.

И вот 14 июня 1953 г. американская миссия под руководством генерал-лейтенанта Джона Даниэла прибыла в Сайгон. Американцы оперативно ознакомились с амбициозными планами генерала Наварра и одобрили их. В своем отчете в Вашингтон Даниэл похвалялся, что внес коррективы во французский план, которые немедленно были утверждены Наварром.

17 июня 1953 г. французы успешно провели операцию «Ласточка» В ходе ее в Ланг-Соне (Шоне) на китайско-вьетнамской границе были выброшены три батальона парашютистов, включая 2-й батальон Иностранного региона. Они уничтожили склады с более чем 5 тысячами тонн снаряжения и горючего. Затем парашютисты быстро ушли к побережью, где их подобрали французские корабли.

В октябре 1953 г. французское командование разработало план операции «Кастор» по захвату долины Дьен Бьен Фу (Долина Глиняных Кувшинов). Долина длиной 23 км и шириной 8 км окружена высокими горами. Она расположена в 20 км от границы с Лаосом, и по ней проходили дороги, связывающие Северный Вьетнам с Лаосом. Кроме того, французов привлекал большой аэродром в долине, построенный еще японцами в ходе Второй мировой войны.

И вот 20 ноября 1953 г. парашютисты легко захватили этот аэродром, а затем в Дьен Бьен Фу начали прибывать войска уже посадочным способом.

Всего в Дьен Бьен Фу было доставлено два французских парашютных батальона, четыре парашютных батальона Иностранного легиона, четыре батальона североафриканцев, два батальона народности таи, десять отдельных пехотных рот, два дивизиона 105-мм и одна батарея 155-мм гаубиц, три батареи 120-мм минометов, одна танковая рота и один инженерный саперный батальон.

На аэродроме Дьен Бьен Фу базировалось девять винтомоторных истребителей и несколько разведывательных самолетов.

Вокруг города Дьенбьенфу французы построили восемь мощных

фортов – «Анна-Мария», «Беатриса», «Габриель», «Генриетта», «Доминик», «Изабелла», «Клодия» и «Юлиан», названных так в честь любовниц командующего де Кастро.

Однако французы переоценили свою способность снабжать по воздуху Дьенбьенфу, находящийся в 170 милях от главной французской авиабазы в Ханое. Напалмовые бомбы, которые изменили ход первых боев в Индокитае, не могли эффективно использоваться против позиций Вьетмина вокруг Дьенбьенфу, потому что дожди увлажнили лиственный камуфляж вражеских позиций. Начался сезон весенних дождей, и это вообще расстроило воздушные операции над всем районом.

Вьетнамское командование начало срочно перебрасывать свои силы. За три месяца через горы и джунгли были проложены дороги (тропы), по которым тысячи добровольцев-носильщиков в бамбуковых корзинах переносили провиант и боеприпасы. Бойцы же ВНА в разобранном виде на себе тащили артиллерийские орудия, в том числе 105-мм гаубицы и даже пусковые установки знаменитых советских ракет М-13 «Катюша».

Вьетнамские войска блокировал французов в долине Дьен Бьен Фу. Для борьбы с ними французы использовали 150 боевых самолетов, свыше 100 транспортных и даже два десятка вертолетов S-55 конструкции Сикорского.

Вьетнамцы эффективно защищались, как активно используя зенитные автоматы калибра 12,7 – 37 мм, так и пассивно, создав вокруг французских линий обороны широко разветвленную систему тоннелей, траншей, ходов сообщений и подземных укрытий.

Командование Народной армии сосредоточило под Дьенбьенфу к этому времени четыре пехотные дивизии, два дивизиона гаубиц, два дивизиона пушек, один дивизион минометов, один зенитно-артиллерийский полк и один инженерно-саперный полк. Ни авиации, ни танков у вьетнамцев не имелось. Общая численность войск ВНА составляла около 30 тысяч человек. Превосходство над французами в живой силе и артиллерии было двойным.

Первый этап уничтожения вражеской группировки начался 13 марта 1954 г. После 40-минутной артиллерийской подготовки, мощного огневого налета по переднему краю обороны противника пехота перешла в атаку. При этом огнем артиллерии было повреждено на аэродроме 16 самолетов. Авиация французов сделала несколько попыток уничтожить артиллерию Народной армии, но неожиданно для себя была встречена плотным огнем зенитной артиллерии и крупнокалиберных пулеметов, которые сбили 25 французских самолетов. Теперь авиация могла бомбить только с высот не

ниже 3 тысяч метров, что значительно снизило точность ее бомбовых ударов. Поскольку для орудий вьетнамцы подготовили специальные укрытия в склонах гор, эффективность ударов авиации оказалась весьма низкой.

30 марта начался второй этап операции, который преследовал целью захват важных стратегических объектов и опорных пунктов противника. Была изменена тактика боевых действий. Вместо одновременных атак крупными силами с разных направлений вьетнамцы стали применять «тактику малых потерь». Сущность ее заключалась в следующем. От ближайшего укрытия к опорному пункту противника – объекту атаки – отрывался скрытый ход сообщения. Когда до объекта атаки оставалось несколько десятков метров, начинали отрывать траншею, которую использовали в качестве исходной позиции при штурме опорного пункта. Этими ходами сообщений некоторые опорные пункты отсекались от основных позиций, что зачастую вынуждало противника оставлять опорные пункты и отходить без боя. После овладения ближайшим пунктом ход сообщения наращивали далее в глубину обороны противника, к следующему опорному пункту. Пользуясь такой тактикой на всем фронте наступления, войска Народной армии в течение апреля 1954 г. заняли поле местного аэродрома. Оборона французов была расчленена на две изолированные группировки.

Росли потери. Число убитых и раненых приблизилось к 5 тысячам. Эвакуация раненых была крайне затруднена, моральный дух французских солдат и офицеров заметно подорван. Иссякали запасы продовольствия и боеприпасов. Грузы, сбрасываемые с самолетов для осажденного гарнизона, зачастую падали в распоряжение вьетнамских войск. Генерал Наварр предложил разделить окруженные французские войска на три группы и пробиваться в Лаос, до границы с которым было каких-то 20 км, однако ничего не получилось. Спасать французов принялись американцы, начав переброску по воздуху вооружения и продовольствия со своих баз в Японии и на Филиппинах. Но и это ничуть не повлияло на общую расстановку сил.

В ночь на 1 мая 1954 г. начался третий, завершающий этап боевых действий. Французские войска терпели одно поражение за другим. В 17 часов 7 мая на командном пункте французского генерала де Кастри был водружен красный флаг Демократической Республики Вьетнам. Генерал вместе с уцелевшими солдатами и офицерами сдался в плен. После 55-дневных боев враг был разгромлен.

Французский экспедиционный корпус в боях у Дьенбьенфу потерял 21

пехотный и парашютный батальоны, 10 отдельных рот и подразделений поддержки; всего 16 200 человек, из них 3890 убитыми, 12 310 пленными. Вьетнамцы уничтожили 62 самолета, 74 автомашины, 20 артиллерийских орудий, то есть четвертую часть лучших частей экспедиционного корпуса, в том числе все парашютные батальоны и немецкие подразделения Иностранного легиона.

Следует заметить, что всех лиц вьетнамской национальности, одетых во французскую форму, части Вьетмина расстреливали на месте.

Пока шли бои за Дьенбьенфу, французское правительство отправляла одну за другой просьбы к США вмешаться в конфликт. Так, 4 апреля 1954 г. французское правительство попросило использовать в Северном Вьетнаме американские авианосцы. Спустя 20 дней премьер Жозеф Ланель просил уже непосредственного ввода сухопутных войск во Вьетнам.

Президент США Эйзенхауэр согласился на ввод американских войск, однако обусловил это участием в операции британских сил и желательно австралийцев и новозеландцев. Но 27 апреля 1954 г. премьер-министр Уинстон Черчилль категорически отказался посылать британские части во Вьетнам. Соответственно, отпал и вопрос о посылке американских сил.

Тем не менее 26 апреля американский авианосец «Сайпан» прибыл в Туран (ныне Дананг), и пилоты морской пехоты перебросили на берег 26 истребителей AU-1 «Корсар» (F4U-6), переданных французскому флоту.

С ухудшением положения в Индокитае американцы увеличили количество авианосцев на западе Тихого океана. В начале апреля к западу от Гавайев находились 8 американских авианосцев. В те дни Совет национальной безопасности обсуждал в Вашингтоне меморандум об интервенции в Индокитае – «на случай, если французы будут вынуждены уйти оттуда». В Пентагоне полным ходом шла секретная работа по выработке плана эскалации войны под кодовым названием «Стервятник», которое как нельзя лучше отражало хищническую суть самой операции. Согласно плану в течение одной ночи предполагалось подвергнуть испепеляющей бомбардировке весь район вокруг крепости Дьенбьенфу. В операции «Стервятник» предполагалось участие 60 «летающих крепостей» В-29, базировавшихся под Манилой. При каждом вылете в район, примыкающий к Дьенбьенфу, они должны были сбрасывать по 450 тонн бомб. В Тонкинский залив вошли авианосцы 7-го флота ВМС США, с палубы которых в любую минуту готовы были подняться в воздух 150 штурмовиков.

Мало того, американское командование запланировало использовать ядерное оружие под Дьенбьенфу. Использовать штатные носители ядерных

бомб – стратегические бомбардировщики В-29 и В-36 – американцы не решились, так как квадратичное вероятное отклонение (КВО) бомбы, сброшенной «летающей крепостью» с высоты около 10 км, составляет десятки, а то и сотни метров. Так что в случае применения ядерных боеприпасов по передней линии вьетнамцев можно было поразить и французов.

Поэтому ядерные удары (шесть ядерных бомб) к цели должны были доставить палубные бомбардировщики А1J-1 «Сэвендж», 6-я эскадрилья которых базировалась на авиабазе в Окинаве и могла быть быстро переброшена на любой тяжелый авианосец. Замечу, что «Сэвенджи» были специально созданы в качестве палубных бомбардировщиков – носителей ядерного оружия.

Однако по здравом размышлении Белый дом отказался применять ядерное оружие во Вьетнаме. Причин этому было много, и достаточно веских.

Так, применение ядерной бомбы по огромному городу, где подавляющее большинство строений деревянные, – это одно, а ядерный удар мощностью 20 – 30 килотонн по пехоте, укрытой в блиндажах и норах, – совсем другое дело. В этом случае будет уничтожена рота или две.

В Госдепартаменте понимали, что советская разведка осведомлена о планах вмешательства США во Вьетнам, и не исключено появление там сотен истребителей МиГ-15, как это было в Корее. Причем американцы не знали, что с 1952 г. в крупносерийном производстве в СССР находятся более совершенные машины – МиГ-17.

Ну и не в последнюю очередь в США опасались расширения конфликта и превращения его в мировую войну.

Вмешайся США с помощью обычного вооружения или сбросив шесть ядерных бомб, Дьенбьенфу все равно бы пал, зато коммунистическая пропаганда во всем мире получила бы возможность заклеить США как врага всего человечества.

Тем не менее разговоры о применении ядерного оружия дали битым французам всю проявить «остроумие на лестнице» – вот если бы у нас была бомба, то мы под Дьенбьенфу так бы накостыляли этим «желтым обезьянам»! Именно эта болтовня решила вопрос о ядерном оружии во Франции.

После заключения перемирия началось массовое переселение жителей Северного и Южного Вьетнама. Так, с севера на юг переселилось около миллиона жителей, а около 200 тысяч покинули юг и отправились на север. При этом часть переселенцев (беженцев) перевозилась морским путем.

Американцы привлекли для этого военные корабли и коммерческие суда – всего 113 вымпелов. С августа 1954 г. по май 1955 г. они перевезли 310 тысяч вьетнамцев с севера на юг.

В 1954 г. советские суда «Архангельск» и «Ставрополь» перевозили вьетнамцев в обратном направлении. Один только «Архангельск» с октября 1954 по февраль 1955 г. сделал 12 рейсов и перевез 30 307 человек и 1289 тонн груза.

Тогда продолжалось массовое бегство французов из обеих частей Вьетнама. К сожалению, материалы об этом «исходе» не афишируются ни французскими, ни вьетнамскими, ни отечественными историками.

Но вернемся к Вьетнамской войне. В Париже начали искать «козлов отпущения», и 9 июня 1954 г. правительство Ланьеля получило вотум недоверия и ушло в отставку. Новый премьер-министр Франции Пьер Мендес-Франс выступил с заявлением, в котором заявил, что добьется мира в Индокитае в течение месяца. 21 июля 1954 г. Женевское совещание успешно завершило работу. Были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже и намечены пути дальнейшего мирного развития этих стран, входивших во Французский Индокитай.

27 июля боевые действия во Вьетнаме прекратились. Была установлена временная демаркационная линия южнее 17-й параллели по реке Бенхай. Свыше 80% территории Вьетнама и более 18 (из 23) млн. человек были освобождены из-под власти колонизаторов. Воюющие стороны взяли обязательство отвести свои военные формирования от демаркационной линии в течение 30 дней. Предусматривалось проведение в июле 1956 г. всеобщих выборов для объединения вьетнамского народа. Женевские соглашения запрещали использование территории стран Индокитая в агрессивных целях, не разрешали ввод во Вьетнам иностранных войск и ввоз оружия.

На «грязную войну» во Вьетнаме французы и американцы затратили около 7 млрд. долларов. За время боевых действий французы и их марионетки потеряли в общей сложности 460 тысяч солдат и офицеров (потери экспедиционного корпуса составили более 172 тысяч человек, что в два раза превышало военные потери Франции во Второй мировой войне).

Потери вьетнамцев с 1945 по 1954 г. составили 2 млн. 500 тысяч человек. Из них боевые потери – 500 тысяч и потери мирного населения – более 2 млн. человек, из которых погибло от военных действий – 150 тысяч, казнено и убито – 600 тысяч, заключено в тюрьмы и лагеря – 1 млн. 300 тысяч, из них погибло – 250 тысяч человек.

Потери лаосцев составили 22 тысячи человек, в том числе 10 тысяч приходится на боевые потери и 12 тысяч – потери мирного населения.

Французы потеряли в Лаосе 2 тысячи человек, из которых только 450 человек были этническими французами.

Камбоджийцы потеряли 20 тысяч человек, в том числе: боевые потери – 5 тысяч человек, потери мирного населения – 15 тысяч человек.

Южный Вьетнам из колонии Франции превратился в протекторат США, хотя последний французский солдат покинул территорию Вьетнама 28 апреля 1956 г. Всеобщие выборы для объединения всей страны не состоялись ни в 1956 г., ни позже. Северному Вьетнаму пришлось решать проблемы иными средствами. Через 20 лет после жестокой войны северовьетнамцы при поддержке СССР и КНР выдавили янки из Южного Вьетнама и объединили свой народ в единое государство.

Глава 6.

Захват англичанами Мадагаскара

9 марта 1942 г. главнокомандующий Объединенным флотом Ямамото поставил перед командующим Южным экспедиционным флотом вице-адмиралом Кондо следующую задачу: внезапно напасть на англичан и уничтожить их силы на цейлонском направлении, а также обеспечить прикрытие с моря Бирманской операции. 14 марта вице-адмирал Кондо довел до офицеров своего флота это распоряжение.

Для осуществления намеченной операции Южный экспедиционный флот был разделен на силы поддержки, ударное авианосное соединение, отряд подводных лодок «Хэй» и Малайское соединение.

В состав ударного авианосного соединения вошли пять авианосцев (1-й воздушный флот), 3-я дивизия крейсеров и 1-я эскадра эскадренных миноносцев. 26 марта в 8 часов утра соединение вышло из залива Старинг, прошло пролив севернее острова Тимор и двинулось в Индийский океан. 5 апреля соединение прибыло в район южнее острова Цейлон.

В 9 часов утра 5 апреля в воздух поднялись 53 штурмовика, 38 бомбардировщиков и 36 истребителей. А в 10 часов 15 минут по Коломбо был нанесен первый удар, продолжавшийся в течение часа. В воздушном бою было сбито около 50 британских самолетов, а в порту потоплено 10 торговых судов. Еще один бомбовый удар был нанесен по аэродрому. В тот же день, 5 апреля, в 16 часов 55 минут в 280 милях юго-западнее Коломбо были потоплены два английских крейсера – «Дорсетшир» и «Корнуолл».

Затем командующий авианосным соединением вице-адмирал Нагумо приказал атаковать Тринкомали. Для этого 6 апреля авианосное соединение двинулось на юго-восток и 9 апреля вышло в район восточнее острова Цейлон. В тот же день с 10 часов 20 минут в течение часа наносился удар по Тринкомали. Было сбито около 40 английских самолетов, потоплены тяжелый крейсер, три торговых судна и нанесен бомбовый удар по военной гавани и аэродрому. В 13 часов 50 минут в 70 милях юго-восточнее Тринкомали был перехвачен и потоплен английский авианосец типа «Гермес».

Отряд подводных лодок «Хэй» в составе 2-й эскадры (6 вымпелов) с 1 по 10 апреля, патрулируя в водах западнее Цейлона и в направлении Бомбея, потопил девять английских торговых судов.

Именно так изложен ход Цейлонской операции в японской

официальной истории Второй мировой войны.

Однако Черчилль и К° намеренно исказили ее цели. Японцы-де собирались захватить Цейлон и Мадагаскар и установить свое господство в Индийском океане. Цель дезинформации – найти еще один повод для обоснования отказа начать войну на суше в Европе и тем помочь Красной армии. Естественно, лучшей помощью Советскому Союзу стало бы открытие второго фронта во Франции. Но можно было и устроить высадку британских войск в Северной и Центральной Норвегии. Кстати, англичане запланировали такую операцию под названием «Юпитер». Но на самом деле операция «Юпитер» тоже была дезинформацией, предназначенной для Гитлера и Сталина. На самом деле англичане и не думали высаживаться в Норвегии ни в 1941-м, ни даже весной 1945 г.

Наконец, можно было провести рутинную операцию – послать британские ВВС на Кольский полуостров, на Кавказ, а можно и под Ленинград. Русские не давали? Вранье! Англичанам на Кольском полуострове предоставлялись лучшие аэродромы – в 1941 г. для базирования истребителей, в 1942 г. – для торпедоносцев «Хэмпдэм», с 1944 г. – для тяжелых бомбардировщиков «Ланкастер». Но в 1941 – 1944 гг. англичане отправляли на Кольский полуостров лишь символические силы: 1 – 3 эскадрильи одновременно.

Ну а позже, в 1944 г., советское правительство разрешило базироваться в районе Миргорода крупным соединениям американских стратегических бомбардировщиков типа В-17 и В-24, а также их истребителям сопровождения.

Британские дальние истребители и бомбардировщики, посланные в достаточном количестве на Кавказ в начале 1942 г., могли помочь Красной армии не только удержать Севастополь, но и выдворить немцев из Крыма. Ну и соответственно, английские истребители и транспортные самолеты могли существенно изменить ситуацию с блокадой Ленинграда.

Но именно этого-то Черчилль и не хотел делать!

Помимо всего прочего, японская операция прикрытия наступления в Бирме стала поводом для захвата еще одной колонии Франции, то есть для реализации плана установления после войны мирового господства Англии и США.

В своих мемуарах Уинстон Черчилль в главе «Мадагаскар» писал: «Хотя Мадагаскар отделен от Цейлона простором Индийского океана, все время существовало опасение в отношении возможности внезапного нападения японцев или предательства со стороны правительства Виши. У нас было так много забот, и наши ресурсы были до такой степени

разряжены, что трудно было принять решение. 7 февраля 1942 года, когда я узнал о предстоящих переговорах между правительством США и Виши, которые могли бы привести к признанию того, что Виши сохраняет свой контроль над Мадагаскаром, я немедленно телеграфировал президенту Рузвельту:

"Я надеюсь, что не будет дано никаких гарантий в отношении того, что Мадагаскар и Реюньон не будут оккупированы. Японцы могут в один прекрасный день появиться на Мадагаскаре, а Виши окажет им не больше сопротивления, чем во Французском Индокитае. Создание японской воздушной подводной или крейсерской (а возможно, и подводной, и крейсерской) базы в Диего-Суаресе парализовало бы весь путь наших конвоев на Средний и Дальний Восток. Поэтому мы уже разработали план, чтобы самим укрепиться в Диего-Суаресе при помощи высадки войск, доставленных либо с Нила, либо из Южной Африки. В настоящее время, когда у нас так много забот, это мероприятие откладывается на неопределенное время, но я не хочу, чтобы наши руки были связаны. Конечно, мы (сообщим Вам, прежде чем будет принято решение о каких-либо действиях".

Я получил в ответ следующее заверение:

"Вы можете быть уверены в том, что не будет дано никаких гарантий в отношении того, что Мадагаскар или Реюньон не будут оккупированы"»^[70]. Да любой командир подводной лодки или эсминца мог бы на пальцах объяснить Черчиллю и Рузвельту, что японцам без оккупации Индии физически невозможно удерживать базу на Мадагаскаре. Что японцы, если бы действительно планировали вторжение на Мадагаскар, никогда бы не стали проводить рейд на Цейлон. Ну а если им нечего было бы делать, так хоть отбомбились бы по Мельбурну и другим портам юга Австралии, благо там достойных целей было не меньше, чем на Цейлоне.

На самом же деле и Черчилль, и Рузвельт прекрасно понимали, что рейд на Цейлон – это отвлекающая операция, но им нужен был повод^[71].

Любопытно, что еще 16 декабря 1941 г. генерал де Голль просил Черчилля напасть на Мадагаскар. Черчилль отказался. И вот 19 февраля 1942 г. неугомонный генерал опять досаждал премьеру проведением высадки на Мадагаскар. Мало того, де Голль «представил нашим начальникам штабов план экспедиционной высадки свободных французов при поддержке английских воздушных и военно-морских сил»^[72].

Ну прямо неймется генералу подавить своих соотечественников, тихо и мирно живших на Мадагаскаре, к которому ни японские корабли, ни

танки Роммеля не приближались ближе чем на 4000 км.

Вновь предоставляю слово британскому премьеру: «Помня о Дакаре, мы не хотели усложнять операцию, проводя ее с участием свободных французов. Было решено высадить лишь английские экспедиционные войска. 22 апреля все экспедиционные силы были собраны в Дурбане. Теперь в их состав входили линкор "Рэмиллис", взятый из флота адмирала Сомервелла, авианосец "Илластриес", 2 крейсера, 11 эсминцев, а также минные тральщики, корветы, около 15 десантных судов и транспортов с армейскими частями. Кроме того, авианосец "Индомитабл" должен был присоединиться позже вместо погибшего "Гермеса"»^[73].

Вторжение на Мадагаскар получило кодовое название «операция "Броненосец"». Силы вторжения под командованием генерал-майора Боба Стэрджеса включали 29-ю отдельную пехотную бригаду и «подразделение № 5» коммандос – первый эшелон десанта, 17-ю бригадную группу (бригада с усилением) – второй эшелон и 13-ю пехотную бригаду – третий эшелон (две последние из состава 5-й пехотной дивизии, направлявшейся в Индию, для них десант оказался «попутной» задачей). Всего набралось свыше 20 тысяч десантников.

К этому времени на Мадагаскаре дислоцировалось около 8 тысяч французских солдат, из которых не более 2 тысяч были этническими французами, а остальные – малагасийцы (мальгаши) и сенегальцы.

Порт Диего-Суарес прикрывали 8 береговых батарей, самые мощные из которых – на четыре 305-мм и четыре 240-мм орудия – были построены в конце XIX века.

На Мадагаскаре была размещена смешанная авиационная группа под командованием капитана Леонетти. Относительно современные самолеты состояли на вооружении только двух эскадрилей: 565-й истребительной (17 «Моран-Солнье» MS.406-C1) и 555-й разведывательной (около 10 двухмоторных «Потез 63 – 11»). Остальные самолеты были устаревшими бипланами «Потез 25ТОЕ» и Кокрон «Пеликан». Основной авиабазой была Ивато-Тананариве, но в 7 милях к югу от Диего-Суареса на аэродром Аррашар базировался отдельный авиаотряд.

Французские ВМС на Мадагаскаре состояли из:

- вспомогательного крейсера «Бугевиль», переоборудованного из торгового судна (водоизмещение составляло около 8 тысяч тонн, скорость хода 17 узлов; вооружение: 7 – 138/50-мм и 2 – 75-мм пушки);

- двух авизо (мореходных канонерских лодок) – «Д'Ибервилль» и «Д'Антраксто» (водоизмещение 2000 тонн, скорость 15,5 узлов; вооружение: 3 – 138-мм, 4 – 37-мм, 50-мм орудия и гидросамолет);

– четырех больших (водоизмещением 1379 тонн) подводных лодки – «Бевезье», «Ле Эро», «Монж» и «Ле Глорье», а также нескольких тральщиков и сторожевых катеров.

Я умышленно подробно остановился на составе ВМС Мадагаскара. Как видим, корабли, базировавшиеся там, мало подходили для обороны острова и даже главной базы. Зато «Бугевилль», авизо и подводные лодки могли устроить много неприятностей союзникам, действовавшим на британских коммуникациях в Индийском океане.

Однако Лондон был спокоен за свои коммуникации, понимая, что французы ни при каких обстоятельствах не начнут крейсерскую войну.

Как уже говорилось, французские колониальные силы оказались в сложной ситуации. Они не хотели воевать ни под каким соусом, но резонно опасались, что сдача их англичанам повлечет за собой вторжение немцев в Южную Францию и Северную Африку.

Ну а «просвещенные мореплаватели» были готовы играть без правил, игнорируя все международные военные конвенции, как это они делали в XIX веке.

В ночь на 4 мая 1942 г. британская эскадра подошла к главному порту Мадагаскара Диего-Суарес. К этому времени в базе находились только «Бугевилль», «Д'Антраксто» и подводная лодка «Бовезье». Французы не ожидали нападения и проявили полную беспечность. Отряд британских коммандос почти без сопротивления захватил передовую береговую батарею (4 – 138-мм пушки) «Виндзорский замок» и взял почти 300 пленных.

В 5 часов 10 минут самолеты с авианосцев «Инзотитебл» и «Илластриес» атаковали стоявшие в базе французские корабли и аэродром Аррашар. На земле было уничтожено пять MS.406 и два «Потез 63 – II».

Любопытно, что британские самолеты вместе с бомбами сбросили листовки с требованием безоговорочной капитуляции. Как видим, англичане были куда гуманнее немцев 22 июня 1941 г. или японцев в Пёрл-Харборе.

Капитан 1-го ранга Мартен и полковник Эдуар Клербу, руководившие обороной Диего-Суареса, ответили английскому адмиралу по радио: «Диего-Суарес будет защищаться до конца в соответствии с традициями французских армии, флота и авиации».

18 торпедоносцев «Суодфиш» атаковали французские корабли. Две торпеды попали в стоявший на якоре «Бугевилль», на котором возник сильный пожар. Остальные торпеды прошли мимо. Пытавшаяся дать ход в надводном положении подводная лодка «Бевезье» была сильно повреждена

глубинными бомбами.

Одновременно с авианалетом англичане приступили к высадке десанта. К 6 часам 20 минутам на берегу находилось уже более 2 тысяч пехотинцев и продолжалось продвижение транспортов на основную якорную стоянку. Тральщики очищали фарватеры, но около полудня корвет «Орикьюла» подорвался на mine и на следующий день затонул.

Обороняло Диего-Суарес «всего 4000 человек, из которых всего 800 европейцев, включая команды "Бугевилля" и "Бевезье", присоединившихся к обороне на суше после потери своих кораблей.

Атака продолжалась весь день 5 мая, и генерал Р.Дж. Стэрджес, командовавший британскими силами, опасался, что она может провалиться. После краткого посещения поля боя он поспешил к адмиралу Сифрету с тем, чтобы попросить его "удалить" "Д'Антраксто", огонь которого поливал место высадки, а также произвести диверсию в тылу защитников.

Под обстрелом английских эсминцев и бомбардировкой самолетов с "Индоминэбла" и "Д'Антраксто" оказался вынужденным выброситься на берег, но все еще продолжал вести огонь, а его команда покинула корабль только по истечении 36 часов жестокого обстрела»^[74].

Несколько слов стоит сказать и об остальных кораблях французского соединения на Мадагаскаре. «Ле Эро» конвоировала судно снабжения в Джибути, когда на подводной лодке был получен приказ капитана 1-го ранга Мартина вернуться обратно. «Ле Эро» вернулась в залив Курьер только для того, чтобы попасть под глубинные бомбы корвета «Джиниста», а затем – под бомбы самолетов с «Илластриеса». Подлодка пошла на дно около 5 часов утра 7 мая, унося с собой тела 24 членов экипажа.

«Монж» также была возвращена с задания по эскортированию судов. Достигнув поля боя 8 мая, лодка атаковала «Индомитабл» торпедами, но промахнулась и в свою очередь была потоплена эсминцами «Эктив» и «Пантер».

Единственными французскими кораблями, избежавшими уничтожения, стали «Д'Ибервилль» и «Ла Глорье». В соответствии с полученным от Французского адмиралтейства приказом они отошли к южной оконечности Мадагаскара, а затем проследовали в Дакар.

27 ноября 1942 г. «Д'Ибервилль» и «Ла Глорье» были затоплены в Тулоне.

К 11 часам утра 7 мая французские силы в районе Диего-Суареса капитулировали после обстрела 381-мм орудиями линкора «Рэмиллиеса».

За время боевых действий под Диего-Суаресом французы потеряли

167 человек убитыми и пропавшими без вести (среди них 119 моряков) и 343 ранеными. Потери англичан составляли 105 человек убитыми и 284 ранеными. Палубная авиация произвела 309 самолетовылетов, потеряв 4 самолета.

Однако взятие Диего-Суареса не означало захвата всего Мадагаскара. Только 10 сентября англичане захватили приморский город Мажунгу (Маюнгю). Столица Мадагаскара Антананариву (Тананариве) пала без боя 23 сентября 1942 г.

5 ноября генерал-губернатор острова принял почетные условия капитуляции. А в декабре 1942 г. управление Мадагаскаром было формально передано представителям де Голля. Хотя британские военные до конца войны играли серьезную роль в управлении островом. В 1943 – 1945 гг. в экономике Мадагаскара резко возросла роль британского и американского капитала.

Глава 7.

Начало войны за французские колонии и флот

Сразу после капитуляции Франции британское правительство принимает решение захватить или уничтожить весь французский флот и завладеть французскими колониями. Формально это решение нигде не было запротоколировано, во всяком случае, сведений о нем нет. Решения о нападении на конкретные корабли или колонии принимались отдельно. Однако, вне всякого сомнения, общий план не мог не существовать.

Официальное обоснование захвата кораблей и колоний – борьба с Германией и Японией. Да, действительно, в отдельных случаях нападения на французов давали англичанам и американцам некоторые преимущества. Но в целом война за колонии была заведомо неэффективной операцией Второй мировой войны, если считать ее целью разгром Германии и Японии. Судьба войны решалась не в Сирии, Алжире, Сенегале или на Мадагаскаре, а на Восточном фронте. Представим себе на секунду, как изменился бы ход боевых действий, если бы британские силы, задействованные для захвата французских колоний, отправились бы в Россию на помощь Красной армии, например на Кольский полуостров или в Крым.

Но стоит ли представлять Черчилля и британских адмиралов никудышными политиками и стратегами? Ведь если рассматривать действия англичан, а позже американцев в плане установления после войны мирового господства, то их нельзя не признать правильными и эффективными.

Как уже говорилось, мирные соглашения 1940 г. предусматривали уход французских кораблей в порты, где они базировались в мирное время и частичное разоружение их там. Поскольку наиболее сильные эскадры французского флота всегда базировались на Средиземном море, то они находились бы в портах, отстоявших в крайнем случае на сотни километров от демаркационной линии, разделявшей оккупированную и неоккупированную части Франции. Значительная же часть французских судов оставалась в колониях.

Совсем по-другому мыслили на Даунинг-стрит, 10. Там уже много веков считали, что править на морях должна одна страна и только она имеет право держать мощный флот, а все иные флоты (французский, русский и даже датский) подлежат уничтожению. Лучшее подтверждение

сказанному – Тулон 1793 г., Копенгаген 1801 г. и 1807 г., Севастополь 1854 г. и 1919 г.

Англии было крайне выгодно, чтобы Франция оказалась к концу войны без линкоров^[75] и колоний.

Британский кабинет министров принимает решение захватить французский флот и французские колонии. К концу июня французские корабли распределили следующим образом.

В Портсмуте и Плимуте (Англия) находились старые линкоры «Париж» и «Курбэ», 2 лидера, 8 эсминцев, 7 подводных лодок, 13 сторожевых кораблей и около 200 малых судов и катеров.

Три тяжелых и один легкий крейсер находились в английской военно-морской базе (ВМБ) в Александрии.

Два новых, еще не введенных в строй линкора «Жан Бар» и «Ришелье» ушли во французские колонии Касабланку и Дакар.

Наиболее сильная эскадра находилась в ВМБ Мерс-эль-Кебир, рядом с алжирским портом Оран. Там стояли линейные крейсера «Дюнкерк» и «Страсбург», старые линкоры «Бретань» и «Прованс», авиатранспорт и 6 эсминцев. Кроме того, в Ороне стояли еще 7 эсминцев и 4 подводные лодки.

Шесть крейсеров типа «Марсейлез» находились в порту Алжир в 370 км от Орона.

Четыре крейсера типа «Альжери» – в порту Тулон на юге Франции.

Таким образом, ни один более-менее крупный французский корабль не оказался под контролем немцев.

Захват французских кораблей в английских портах был нехитрым делом. Тем не менее англичане готовились к нему серьезно.

Участились совместные пирушки французских и английских офицеров. На французские корабли были назначены английские офицеры связи, которые на самом деле являлись начальниками абордажных партий.

Захват всех кораблей был произведен по одинаковой схеме. 3 августа перед рассветом у сходней каждого французского корабля появился британский офицер. «Срочное послание для командира, – объявил визитер. – Приказано отдать лично в руки». «Хорошо», – отвечал ничего не подозревавший часовой и шел будить командира.

Этого и ждали англичане. Группы вооруженных английских солдат прятались поблизости – за зданиями и складами, за кучами угля или брезентом, закрывающим шлюпки. В считанные секунды они проскочили сходни и оказались на борту французского корабля, где заняли каждый проход и спуск внутрь корабля. Одновременно английский офицер с

пистолетом в руке следовал вплотную за часовым прямо в каюту командира, который спросонья никак не мог понять, что происходит. Десяток вооруженных людей окружали его и под дулами автоматов вручали меморандум от адмирала Джеймса или адмирала сэра Данбер-Нэсмита, в котором указывалось, что он должен сдать свой корабль англичанам.

В Портсмуте захват кораблей прошел гладко, если не считать рукоприкладства англичан. В Плимуте же офицеры эсминца «Мистраль» открыли кингстоны. Тогда англичане заперли в кубриках большую часть экипажа эсминца, и командир его был вынужден отдать приказ закрыть кингстоны.

На борту же самой крупной в мире подводной лодки «Сюркуф» началась перестрелка. Увидев направленный на себя пистолет, артиллерийский офицер лодки не растерялся и застрелил двух англичан, включая начальника абордажной партии командера Д.У. Спрэга. Английский матрос ударил штыком молоденького врача «Сюркуфа», но тот, умирая, успел всадить в матроса всю обойму.

Свыше 10 тысяч французов были отправлены в концлагеря, причем офицеры были отделены от матросов. Личное имущество моряков – часы, фотоаппараты, медали, деньги и т. д. – растащили англичанами. Несколько месяцев французы прожили в Англии в палатках. Крайне тяжелые условия были специально созданы, чтобы моряки быстрее поддавались на посулы эмиссаров генерала де Голля.

Для нападения на французские корабли, базировавшиеся в Мерс-эль-Кебуре, англичане сформировали эскадру адмирала М. Соммервилла. В ее составе входили линейный крейсер «Худ», линкоры «Резолюции» и «Вэлиант», авианосец «Арк Роял», крейсера «Аретуза» и «Энтерпрайз» и одиннадцать эсминцев. Кроме того, англичане послали подводные лодки «Пандора» к Мерс-эль-Кебиру и «Протеус» к Орану.

К этому времени в Мерс-эль-Кебуре находилась эскадра адмирала Жансуля, состоявшая из линкоров «Дюнкерк», «Страсбург», «Прованс» и «Бретань», шести лидеров, гидроавианосца «Коммандан Тест» и дюжины вспомогательных судов.

Морская авиация была представлена шестью самолетами «Луар-130» и тремя летающими лодками «Бизерта», а также четырьмя «Луар-130» на борту линкоров «Дюнкерк» и «Страсбур».

Противовоздушная оборона Орана и Мерс-эль-Кебира возлагалась на 42 истребителя «Моран-406» и «Хок-75» на аэродромах Ла-Сенья и Сен-Дени-Дю-Сиг.

Кроме того, у французов имелось около полусотни бомбардировщиков

DB-7 и LeO-451, однако после того, как несколько машин было угнано своими экипажами в Гибралтар, местный авиационный начальник полковник Ружевэн приказал привести остальные бомбардировщики в небоеспособное состояние.

Помимо этого у французов имелись еще и береговые батареи, оснащенные устаревшими орудиями: батарея Канастель – три 240-мм орудия; форт Сантон – три 194-мм орудия; батарея Гамбетта – четыре 120-мм орудия и батарея Эспаньоль – два 75-мм орудия.

Если бы Англия, как положено, объявила войну Франции хотя бы 1 июля 1940 г., то эскадру Соммервилла ждал бы неминуемый разгром. Но это была не война, а внезапное вероломное нападение. Французские моряки считали, что война для них закончена, а корабли, согласно условиям перемирия, начали разоружаться. Все линкоры были причалены кормой к волнолому, а носом – к берегу, что являлось обычным способом швартовки в мирное время. Таким образом, «Бретань» и «Прованс» могли вести огонь лишь половиной своей артиллерии главного калибра. «Дюнкерк» и «Страсбург» вообще не могли стрелять. Котлы кораблей были холодными. Воздушная разведка подступов к базе не велась. Да и вообще, летчики ВВС принципиально не желали воевать.

Адмирал Соммервилл предъявил французскому адмиралу Жансолю ультиматум передать все корабли под британский контроль или затопить их.

Сдача кораблей Англии серьезно подорвала бы позиции Франции на будущих мирных переговорах. Не надо смотреть на события 1940 г. сквозь призму победы 1945 г. Летом 1940 г. Гитлер, Петэн, Муссолини и многие другие были уверены, что заключение мира (по крайней мере, в Западной Европе) – дело нескольких недель. Еще более важным было то, что немцы могли счесть передачу кораблей Англии нарушением условий капитуляции и оккупировать Южную Францию.

Во время переговоров британские самолеты-корректировщики низко кружили над французскими кораблями, передавая информацию на ПУС британских линкоров, а тем временем офицеры линкора «Страсбург» готовились к торжественной встрече английских коллег и проведению большого банкета.

Внезапно в 16 часов 56 минут англичане открыли огонь. Французы не могли прицельно отвечать. В результате на британских линкорах потери составили два человека ранеными, да и то это было следствием попаданий снарядов береговых пушек. Линкор «Прованс» получил несколько попаданий 381-мм снарядов, возник сильный пожар, и корабль лег на грунт

на глубине около 10 м. Тяжелые повреждение получил и «Дюнкерк», который тоже должен был вынужден сесть на мель. «Бретань» тоже получил попадания до того, как отвалил от причала. Линкор начал погружаться кормой. Над ним поднялся густой столб дыма. В 17 часов 7 минут он уже был охвачен огнем с носа до кормы, а спустя две минуты внезапно опрокинулся и затонул, унося с собой жизни 977 моряков.

Несколько истребителей типа «Моран» MS.406 и «Кертисс Хок-75» наконец-то поднялись в воздух, но по неясным причинам не вели огонь по британским торпедоносцам.

Линейный крейсер «Страсбург» с пятью эсминцами прорвался в открытое море и направился к главной базе ВМС на южном берегу Франции – Тулону. У мыса Канастель к ним присоединилось еще шесть эсминцев, вышедших из Орана. В 17 часов 10 минут «Страсбург» и сопровождавшие его эсминцы буквально натолкнулись на английский авианосец «Арк Роял», шедший встречным курсом. Однако командир «Страсбурга» капитан 1-го ранга Луи Коллине упустил редкий шанс несколькими залпами 330-мм орудий потопить беззащитный авианосец.

Он приказал не открывать огонь, а идти своим курсом. Командир же «Арк Рояла» не оценил галантности (или глупости) француза и поднял в воздух шесть «Суордфишей» из 818-й эскадрильи. В 17 часов 45 минут «Суордфиши» начали бомбить «Страсбург». Но ни одна из 227-кг бомб не попала в корабль, зато зенитным огнем было сбито два английский самолета.

В 19 часов 43 минуты еще шесть «Суордфишей» атаковали «Страсбург». На сей раз англичане применили торпеды. Из-за плотного зенитного огня «Суордфишам» пришлось сбросить торпеды более чем за километр от линейного крейсера, что позволило ему своевременно уклониться. Ближайшая торпеда прошла на дистанции 25 м за кормой «Страсбурга».

4 июля в 20 часов 10 минут «Страсбург» в сопровождении эсминцев благополучно пошел в Тулон. Вскоре в Тулон пришли и шесть французских крейсеров из Алжира.

Во время этого перехода сторожевой корабль «Рига де Женуйи» 4 июля в 14 часов 15 минут был торпедирован английской подводной лодкой «Пандора» и затонул.

Французов постоянно подводили то чрезмерная галантность, то чрезмерное хвастовство. После атаки Мерс-эль-Кебира прессе было заявлено, что «повреждения "Дюнкерка" незначительные и будут вскоре устранены». Англичане расстроились и решили добить «Дюнкерк».

6 июля 1940 г. торпедоносцы «Суордфиш» с авианосца «Арк Роял» трижды атаковали «Дюнкерк» и другие корабли. После налета французам пришлось рыть еще 150 могил.

Нападения же англичан на французские корабли продолжались. 7 июля английская эскадра в составе авианосца «Гермес», крейсеров «Дорсетшир» и «Австралия» и шлюпа «Милфорд» подошла к французскому порту Дакар. В ночь с 7 на 8 июля в порт проник выкрашенный в черный цвет диверсионный катер. Катер сбросил 6 глубинных бомб под кормой французского линкора «Ришелье», чтобы вывести из строя его рули и винты. Однако из-за малой глубины взрыватели не сработали. Через три часа линкор атаковали шесть «Суордфишей» с авианосца «Гермес». Удача улыбнулась лишь одному «Суордфишу» – его торпеда с магнитным взрывателем прошла под днищем линкора и взорвалась у гребных винтов правого борта. В корпусе возникла пробоина площадью около 40 кв. м, корабль принял 1500 тонн воды. В целом повреждения были незначительными, но из-за отсутствия должной ремонтной базы в Дакаре на приведение «Ришелье» в состояние готовности к выходу в море потребовался целый год.

Как ни странно, за Мерс-эль-Кебир и прочие британские колониальные авантюры пришлось заплатить... русским. После 3 июля 1940 г. десятки, если не сотни тысяч французов решились воевать на стороне немцев. 14 июля 1941 г. правительство Виши предложило Гитлеру вступить в войну и послать на Восточный фронт несколько дивизий. Однако фюрер категорически отказался. Воевать разрешили ограниченному числу французов и только в частях СС – в дивизии «Шарлемань» («Карл Великий») и других частях. Всего в плену в лагере под Тамбовом оказалось 23 136 французов.

После войны информация о Мерс-эль-Кебire и других сражениях англо-французской войны появилась лишь в узкоспециальных военно-морских изданиях. Для широкой прессы, театра и кино тема оказалась запретной. Единственное исключение представлял телефильм режиссера Пьера Кардинала «Мерс-эль-Кебир», снятый в 1979 г. В Тулоне повесили мемориальную доску, а в Мерс-эль-Кебire благоустроили кладбище. Но, увы, туда не ездят ни президенты, ни премьеры. На фото 2007 г. видно, что на кладбище царит полное запустение. Кресты повалены, надгробия разбиты.

Кстати, это не единственный забытый мемориал Второй мировой. Вот, к примеру, в 110 км от Смоленска в поселке Ленино в 1968 г. был открыт огромный мемориал, посвященный первому сражению Войска Польского с

фашистами. Там похоронены 502 польских солдата и 1711 красноармейцев.

С 1990 г. поляки практически забыли этот мемориал. Дошло до того, что командующий Войском Польским генерал Зигмунт Берлинг и другие офицеры объявлены... изменниками. Он «изменил чести польского мундира, вступив в чужую армию без согласия на то правительства в изгнании».

На вопрос об ажиотаже вокруг Катыни и забытом Ленино важный польский чиновник ответил русскому журналисту: «Тут – шляхта. Там – быдло».

Так что на слово «Катынь» русским людям пора начать автоматически отвечать: «Мерс-эль-Кебир».

В июле 1940 г. Черчилль решил поддержать усилия де Голля овладеть французской Экваториальной Африкой, то есть Конго, Убанги-Шари, Чадом, Габоном и Камеруном. Эти территории образовывали единое пространство, в четыре раза превышающее по площади Францию. Они находились в изоляции от метрополии, и все их политические решения всецело зависели от воли верховной администрации. В глазах англичан Чад имел дополнительное значение, поскольку обладал аэродромом в Форт-Лами – незаменимым перевалочным пунктом для самолетов, перегоняемых на Средний Восток с Золотого Берега и британской Нигерии.

13 августа 1940 г. два представителя генерала де Голля – капитан Филипп де Отеклек (будущий генерал Леклерк) и Ренэ Превэн – внезапно появились в Лагосе перед губернатором британской колонии Нигерия и через него установили контакт с негром Феликсом Эбуэ, губернатором французского Чада.

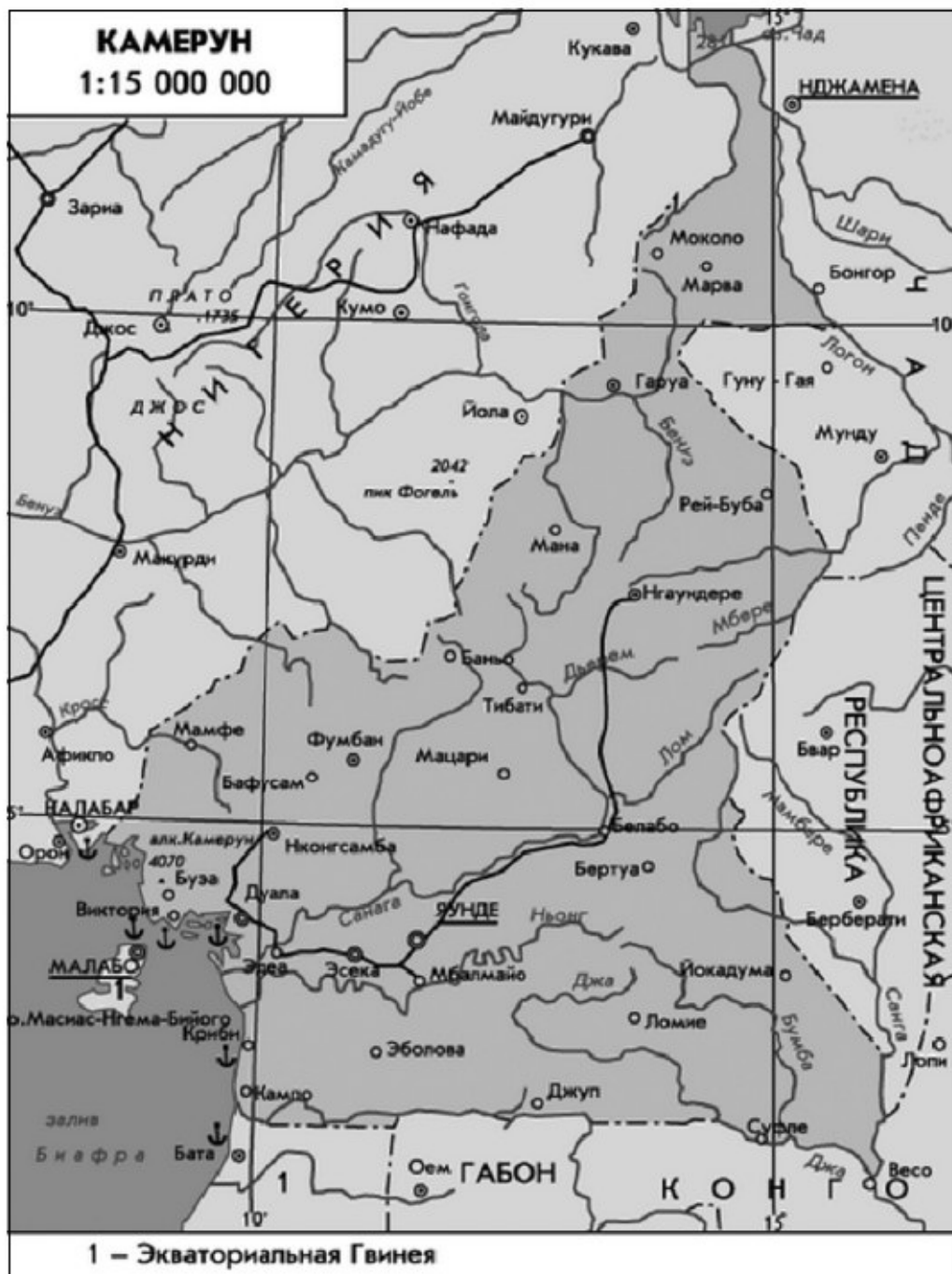
Эбуэ и французские промышленники серьезно зависели от импорта, и в случае британской блокады Чад был обречен на голод и восстания местного населения. Поэтому сделка с англичанами и «Свободной Францией» была заключена быстро и без проблем.

Леклерк прибыл в Дуала с двумя десятками сторонников «Свободной Франции» и 27 августа взял под свой контроль этот важный порт и всю территорию Камеруна. На следующий день Браззавиль был захвачен генералом Ренэ де Лармина, а спустя три дня та же участь постигла Пуэнт-Нуар. Таким образом, все Французское Конго попало под власть «Свободной Франции».

Убанги-Шари также не оказало никакого сопротивления, и теперь генерал де Голль мог объявить по радио, что четыре важные территории – Конго, Чад, Убанги-Шари и Камерун – присоединились к движению «Свободной Франции», для чего не потребовалось пролить ни капли крови.

Однако в Габон неожиданно прибыла лояльная правительству Виши подводная лодка «Сиди-Феррух», что удержало колонию в состоянии лояльности французскому правительству.

Когда в Дакар пришли новости из Экваториальной Африки, тамошние власти немедленно отправили подводную лодку «Понселэ» с отделением сенегальских стрелков на борту в Либревиль – морской порт и административный центр Габона. А правительство в Виши решило послать в Дакар мощную эскадру в составе трех крейсеров и четырех лидеров, в задачу которой входило восстановить порядок в Гвинейском заливе. 9 сентября эскадра под командованием адмирала Бурража вышла из Тулона.

Французский Камерун

А тем временем англичане готовили новое нападение на Дакар. На сей раз они ради пропагандистских целей, а также используя чужое пушечное мясо, решили использовать силы «Свободной Франции». 5 августа премьер-министр представил на рассмотрение военного кабинета план Дакарской экспедиции, разработанный генералом де Голлем, генерал-

майором Спирсом и майором Десмондом Муртоном. Преимущество этого плана заключалось в том, что он первоначально не предусматривал использования английских сухопутных сил.

К атаке Дакара были привлечены британские линкоры «Бархэм» и «Резолюшн», авианосец «Арк Роял», крейсера «Девоншир», «Фиджи» и «Кумберленд», десять эсминцев и несколько малых кораблей.

В состав сухопутных войск входили штаб бригады и четыре батальона английской морской пехоты, а также одна отдельная рота, два батальона французских войск и танковая рота. Итого 4200 британских солдат и 2700 солдат «Свободной Франции».

Замечу, что сторонники де Голля шумно обсуждали будущий успех этой операции и сделали ее достоянием всех разведок мира.

К 20 сентября все силы сосредоточились в Фритауне. Оттуда корабли вышли тремя группами между 19 и 21 сентября и совершили переход на север без особых происшествий.

Между тем французская эскадра адмирала Бурража прошла 11 сентября через Гибралтар и 14 сентября прибыла в Дакар.

Утром 23 сентября над Дакаром появились торпедоносцы «Суордфиш» с авианосца «Арк Роял», сбросившие листовки «Свободной Франции». Зенитная артиллерия линкора «Ришелье» открыла по ним огонь. Одновременно на аэродром Уакам с того же авианосца перелетели два одномоторных спортивных самолета «Люсиоль» с семью летчиками и десантниками во главе с подполковником Мармье, который должен был уговорить летный состав аэродрома перейти на сторону де Голля. Начальник аэродрома, не ожидая подвоха, вышел их встречать, но был арестован. Однако вскоре и сами десантники оказались под арестом.

Около 8 часов утра авизо «Саворнян де Бразза» попытался высадить в порту десант «Свободной Франции». Однако после предупредительного выстрела «Ришелье» авизо отошел и скрылся в тумане. Замечу, что на «Бразза» находился сам генерал де Голль.

Позже еще два авизо «Свободной Франции» попытались войти в дакарский порт, но после первых же выстрелов ретировались.

В тот же день в 10 часов 20 минут генерал де Голль отправил по радио ультиматум: «Власти Дакара отказались вести переговоры с посланными мной офицерами. "Ришелье" и батарея Горе обстреляли "Бразза", "Дюбок" и "Домине". Французские корабли и сопровождающие меня войска должны войти в Дакар, а если они встретят противодействие, то значительные союзнические силы, которые следуют за мной, предпримут соответствующие действия».

А английский адмирал Каннингхэм в 10 часов 40 минут от себя добавил: «Адмиралу в Дакаре от британского адмирала. Корабли не должны покидать гавань, в противном случае, к моему большому сожалению, я вынужден буду применить силу для их возвращения».

В ответ 240-мм башенная батарея на мысе Манюэль открыла огонь по подходившим английским кораблям.

Де Голль предложил англичанам альтернативный путь атаки Дакара – обойти его с флангов, высадив десант в заливе Рюфиск в тылу города. В 17 часов 00 минут «Саворньян де Бразза», «Коммандан Дюбок» и «Коммандан Домине» предприняли попытку высадить там войска, но были отогнаны огнем двух старых 95-мм пушек, установленных на батарее у основания маяка, а также пулеметным огнем взвода сенегальских стрелков, расположившегося на берегу. После обмена несколькими выстрелами от высадки десанта пришлось отказаться.

Серьезным ударом для защитников Дакара стала гибель лидера «Одасье». Он получил залп 8-дюймовых снарядов с британского крейсера «Австралия», едва различимого в тумане. Мостик был разрушен, корабль охватило пламя, и он выбросился на берег на мелководье, где горел до следующего дня. На лидере погибли 80 человек.

24 сентября в час ночи британский командующий предъявил Дакару ультиматум: «Ваше поведение заставляет нас поверить в то, что Дакар в тот или иной момент будет передан нашим давнишним врагам... Оккупация Дакара врагами станет причиной сопротивления его населения. Вам не будет позволено предать французское и туземное население, не желающее попасть в рабство, которое им сулят Германия и Италия. Если в 06:00 вы не передадите свои вооруженные силы в распоряжение генерала де Голля, мощные силы, находящиеся в нашем распоряжении, вступят в действие... Никакие компромиссы невозможны».

Оценим британское остроумие – от Дакара до ближайшего немецкого или итальянского солдата 2500 км по безводным пескам Сахары, ну а в Атлантике безраздельно господствовал британский флот.

Генерал-губернатор Буассон в 4 часа 24 минуты 24 сентября ответил: «Дакар мне доверила Франция. Я буду защищать Дакар до конца».

В 7 часов утра подводная лодка «Ажакс» попыталась атаковать британские корабли, но была сильно повреждена глубинными бомбами. Лодка всплыла на поверхность, и ее экипаж был спасен британским эсминцем «Форчэн», а позже интернирован в Гибралтаре. Подводная лодка «Ажакс» затонула.

Палубные самолеты «Суордфиш» и «Скуа» пытались атаковать

«Ришелье». Линкор не пострадал, а три самолета были сбиты зенитчиками и один – французским истребителем. За день французские самолеты произвели 81 вылет, не потеряв ни одной машины.

Английские линкоры с дистанции 80 – 90 кабельтовых с 9 часов 40 минут до 10 часов 00 минут выпустили сто 381-мм снарядов, а с 13 часов 00 минут до 14 часов 00 минут – еще 160 снарядов. Ни один французский военный корабль не пострадал. Зато получили попадания стоявшие на якорях торговые суда. Так, был вторично поврежден «Портос». Загорелось датское судно «Такома», груженное бочками с маслом.

В 15 часов 20 минут начался новый налет самолетов «Арк Рояла». Зенитная артиллерия за несколько минут сбила еще два самолета. В ходе атаки одна торпеда прошла между крейсерами «Жорж Лейг» и «Монкальм».

24 сентября в Дакаре жертвами британских снарядов стали мирные граждане: 84 человек было убито и 197 ранено.

25 сентября – третий день битвы за Дакар – начался с уничтожения в 6 часов 50 минут французскими истребителями британского разведчика.

В 7 часов утра вновь началась артиллерийская дуэль между линкорами на дистанции 105 кабельтовых. Вскоре в бой вступили и 240-мм пушки береговой батареи Горе.

Подводная лодка «Бевезье» в 8 милях от мыса Манюэль и с дистанции 13 кабельтовых выпустила по линкору «Резолюшн» четыре торпеды. Попала лишь одна, но и этого оказалось довольно, чтобы «Резолюшн» ушел на несколько месяцев на ремонт в США.

381-мм снаряд с «Ришелье» попал в линкор «Бархам», после чего в 10 часов утра «просвещенные мореплаватели» откланялись и ушли на восток.

С губернатором Пьером Буассоном де Голль расправился после войны. Он был заключен в тюрьму, где просидел в течение двух лет и скончался во время судебного процесса.

Тем не менее и после поражения в Дакаре силы «Свободной Франции» не оставили попыток захвата африканских колоний. После разведки боем на реке Огоуе первые самолеты из состава ВВС «Свободной Франции» появились над Либревиллем и атаковали «Бугенвилль» на стоянке в гавани. Капитан 2-го ранга Тьерри д'Аржанлье командовал силами «Свободной Франции», а операцией в целом руководил полковник Леклерк. Англичане подтвердили свое участие тесной блокадой всего побережья Габона.

7 ноября полковник Леклерк начал высадку бригады войск «Свободной Франции» с транспортов «Форт-Лами», «Касаманс» и «Невада» на побережье залива Монда к северу от Либревилля. Командир

авизо «Бугенвилль» капитан 2-го ранга Роббер Морэн приказал подводной лодке «Понселэ» атаковать силы вторжения. Однако во второй половине следующего дня «Понселэ» была замечена английским патрульным судном «Милфорд» и после отчаянных попыток уклониться от атаки принуждена подняться на поверхность в поврежденном состоянии. Командир «Понселэ» капитан-лейтенант Бертан де Соссэн, убедившись, что все его люди благополучно покинули лодку, и не желая, чтобы она попала в руки противника, вернулся в центральный пост, открыл кингстоны и пошел на дно вместе с ней.

Утро следующего дня, 9 ноября, стало свидетелем того, как два однотипных французских авизо (водоизмещением 2000 тонн, 15,5 узлов, вооружение: три 138-мм орудия и четыре 37-мм автомата), и несущих один и тот же национальный флаг, вели друг по другу огонь до тех пор, пока один из них не скрылся под водой.

«Бугенвилль» шел по реке, когда к нему приблизился «Саворньян де Бразза». Ави́зо «Свободной Франции» не открывал огня первым. Более того, артиллерийская дуэль могла бы вообще не состояться, если бы в дело не вступили самолеты «Свободной Франции», начавшие бомбардировку «Бугенвилля». Последний же открыл огонь по любому противнику в зоне видимости.

Однако добрая треть его экипажа находилась на берегу, посланная для усиления войск, отражавших атаку десанта, поэтому стрельба «Бугенвилля» оказалась медленной и неточной. По истечении 20 минут сражения «Бугенвилль» получил безнадежные повреждения и был охвачен пожаром.

Соппротивление на суше перед лицом численно превосходящих сил «Свободной Франции» являлось бессмысленным. «Свободные французы» вошли в Либревиль утром 10 ноября, а спустя четыре дня овладели Порт-Жантием. На этом завоевания Французской Экваториальной Африки завершилось.

Уже в 1941 г. страны Французской Экваториальной Африки были включены в систему англо-американского военного хозяйства. Заказы союзников стимулировали расширение плантаций и более интенсивное использование ресурсов, в первую очередь леса и ископаемых.

Данные товарооборота Французской Экваториальной Африки (в млн. франков)

Год	1938	1944	1945
Импорт	295,8	757,4	878,2
Экспорт	264,4	764,6	668,3

В годы войны резко уменьшилась торговля с Францией. Если в 1938 г. доля метрополии в импорте составляла 35,5% и в экспорте 69,6%, то в 1945 г. соответственно лишь 4,4% и 36,2%

В годы Второй мировой войны (1939 – 1945) через Африканский континент были проложены воздушные трассы, шоссейные дороги, автострасы, благодаря которым в значительной мере были преодолены замкнутость и изолированность этого континента. По территории Экваториальной Африки прошли две стратегические автострасы:

- северная магистраль из Дуала в Яунде: Игаундере – Форт-Лами – Абетр-Хартум;

- южная магистраль: Дуала – Яунда – Банги-Джуба (Южный Судан) – Хартум или Момбаза на Индийском океане.

Эта сеть дорог позволила в годы войны снабжать военной техникой и боевым снаряжением не только африканские, но и другие фронты.

Глава 8.

Вторжение американцев в Марокко

13 сентября 1940 г. на границе Ливии и Египта начались боевые действия между итальянскими и британскими войсками. В конце 1940 г. британские силы начали теснить итальянцев. Кроме того, у последних возникли серьезные проблемы со снабжением войск в Ливии из-за активных действий британского флота. Дуче обратился к французам за помощью.

В начале 1941 г. первые немецкие части высадились в Триполи. Командовать германским корпусом в Африке Гитлер поручил пятидесятилетнему генерал-лейтенанту Эрвину Роммелю. Первоначально в подчинении у Роммеля было всего две германские дивизии – 15-я танковая и 5-я легкая пехотная.

20 июня 1941 г. итало-германские войска заняли Тобрук, захватив при этом более 30 тысяч пленных. Преследуя отступавших англичан, они вторглись на территорию Египта. 28 июня итало-германская группировка овладела городом Мерса-Матрух и в первых числах июля достигла рубежа к югу от Эль-Аламейна.

Дальнейшее наступление германских и итальянских сил выдохлось из-за отсутствия пополнений и нехватки топлива.

23 октября 1942 г. английские войска перешли в наступление юго-западнее Эль-Аламейна. В составе 8-й английской армии имелось одиннадцать дивизий и четыре отдельные бригады, из них три бронедивизии и две бронебригады. Всего около 1100 танков.

Не имея достаточного количества танков и топлива, Роммель решил отвести свои войска на запад. Отход начался 4 ноября 1942 г. При этом отходившие войска забрали все запасы пресной воды и все автомашины у итальянцев, действовавших на южном участке фронта. Из-за этого четыре итальянские дивизии были вынуждены тут же капитулировать перед англичанами.

Англичане двигались за отступавшими немцами и 13 ноября вошли в Тобрук, 20 ноября вступили в Бенгази, а 27 ноября достигли рубежа к югу от Эль-Агейла, перед которым они не раз останавливались при проведении предыдущих наступлений.

Между тем 8 ноября 1942 г. американские и английские войска начали высадку во Французской Северной Африке.

Планом операции предусматривалось произвести высадку союзный войск на широком фронте одновременно в Марокко и Алжире. После чего англо-американцы должны были выйти в тыл итало-немецких частей, находившихся в Египте и Ливии, уничтожить их во взаимодействии с 8-й английской армией и захватить всю Северную Африку.

Взглянем на карту. От Касабланки (Марокко), где высадились американцы, до ближайшего германского или итальянского солдата на 8 ноября 1942 г. было свыше 1800 км! Это выглядело бы комедией абсурда, если забыть, что в это время под Сталинградом армия Паулюса рвалась за Волгу, а германские альпийские стрелки были в двух-трех десятках километров от Сухуми и Батуми. А тут brave союзники отправляются на очередное сафари – после мадагаскарского в Марокко.

И тут Вашингтон и Лондон действовали по точно продуманному плану, в котором текущие военные задачи удачно сочетались с послевоенными политическими целями. Эти планы предусматривали, овладев Марокко, Алжиром, Тунисом и Ливией, создать условия для проникновения туда американского и английского капиталов и установления если не политического, то, по крайней мере, экономического господства в Северной Африке. Попутная задача – разгром в Ливии итало-германских сил.

Одновременно с вторжением в Марокко и Алжир правительства Англии и США активизировали свои переговоры с широким спектром итальянских структур – от Ватикана до сицилийской мафии в США. Цель заговора – свержение Бенито Муссолини и приход к власти в Италии проамериканского правительства. В этом случае решались сразу две задачи – выход Италии из войны и занятие англоамериканскими войсками плацдарма на Апеннинском полуострове, с которого можно было бы начать вторжение в Центральную Европу – Югославию, Венгрию, Польшу, Румынию и Болгарию.

По мнению Черчилля и Рузвельта, туда западные союзники должны были прийти раньше Красной армии. В дальнейшем планировалось восстановить там «санитарный кордон», созданный Версальским договором. Ну а то, что сей план не был реализован, заслуга вермахта и в первую очередь парашютистов и летчиков люфтваффе, стойко сопротивлявшихся в Северной Африке и Италии при многократном превосходстве сил союзников. Ну и, само собой разумеется, главную роль сыграло стремительное наступление Красной армии по всему фронту от Балтики до Черного моря.

Официальный американский военный историк Самуэль Морисон

писал по сему поводу: «В декабре 1941 г. Черчилль и Рузвельт в процессе переговоров в Вашингтоне решили, что в 1942 году против Германии должна быть предпринята крупная военная операция. Это была первая совместная операция США и Англии. Вопросами – где, когда и как она должна осуществляться – занимался Объединенный комитет начальников штабов... Его первое заседание состоялось в Вашингтоне 23 января 1942 года, на нем были рассмотрены различные объекты для десантной операции на занятом противником побережье от Норвегии до Биаррица, а в Африке – от Туниса до Дакара. Президент Рузвельт не только предполагал, но и настаивал на одновременной высадке в Марокко и Алжире»^[76].

С точки зрения военной стратегии высадку американских войск было куда целесообразнее устроить в Тунисе, где, кстати, не было ни одного германского или итальянского солдата, рядом с Ливией, а не в 1800 км – в Касабланке. Однако в Вашингтоне и Лондоне предпочли тянуть время и подождать, чем кончится «Сталинградская мясорубка». А, с другой стороны, на каком основании после разгрома сил Роммеля в Африке можно ввести войска в Марокко?

Вторжение американцев в Африку получило название «операция "Торч"», то есть «Факел». Для маскировки подготовки этой операции была разработана операция прикрытия «Юпитер». Согласно ей союзники должны были начать большую десантную операцию в Северной Норвегии.

15 сентября 1942 г. Черчилль на заседании комитета начальников штабов заявил: «В конечном счете может случиться так, что операция "Юпитер", несмотря на риск и большие затраты на ее проведение, окажется не только необходимой, но и наиболее дешевой»^[77].

Согласно плану «Юпитер», в Норвегии планировали высадить две пехотные дивизии, части усиления, в том числе танковые и артиллерийские, спецназ и т. д. Всего не менее 25 тысяч человек.

Черчилль рассчитывал обмануть Гитлера и... Сталина. Однако Сталин демонстративно отказался обсуждать с британским представителем план взаимодействия в ходе операции «Юпитер».

Что же получается? Сталин сорвал открытие второго фронта на Севере? Вовсе нет, просто Иосиф Виссарионович был очень умным и вдобавок хорошо информированным политиком. Он прекрасно знал, что Черчилль бессовестно врет.

Ловить на лжи британского премьера в ходе жестоких боев за Сталинград было явно нецелесообразно. Но и участвовать в британском блефе советский вождь не пожелал.

Итак, Сталин заранее знал о подготовке к операции «Торч», а Гитлер купился по полной программе.

Еще 25 декабря 1941 г. командование вермахта предупредило командующего германскими войсками в Норвегии генерала от инфантерии Николауса фон Фалькенхорста о том, что Великобритания и США планируют крупную десантную операцию в Норвегию. От генерала потребовали определить место возможного крупномасштабного вторжения.

В конце декабря 1941 г. Гитлер сказал генералу Кейтелю и адмиралу Редеру: «Если британцы возьмутся за дело, то они атакуют Северную Норвегию в нескольких местах. Нанесут совместный удар силами армии и флота, попытаются вытеснить нас оттуда, если удастся, взять Нарвик, а затем оказывать оттуда давление на Швецию и Францию».

Фюрер потребовал, чтобы все германские линкоры были направлены в Норвегию, и предложил, чтобы «Шарнхорст», «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Принц Ойген», запертые в Бресте, для этой цели прорвались через Ла-Манш.

После британского вторжения на Мадагаскар Французское адмиралтейство все время боялось повторного удара против Дакара и хорошо усилило эту базу в Западной Африке. Продажная американская пресса изображала Дакар как ремонтную базу немецких подводных лодок. Однако сообщения американского консула Вессона не оставляли никаких сомнений на этот счет – в Дакаре не было ни одного немца. Но американская пресса не прекращала своей компании, договорившись даже до «французского нацистского флота».

Вторжение в Северную Африку осуществляли в основном американские войска, а англичане были представлены чисто символически. Президент США требовал от Черчилля, чтобы силы «Свободной Франции» не участвовали в операции «Торч».

В результате генерал де Голль пребывал в приятном неведении до полудня 7 ноября 1942 г., когда он был срочно вызван к Черчиллю на Даунинг-стрит, 10. Там премьер просветил обиженного генерала о начале операции «Торч».

Вторжение американцев должно было быть проведено одновременно в Марокко и Алжире. Общее количество десантных войск, высаживавшихся в первые дни операции, достигло семи дивизий. Среди них – американских четыре пехотные и две бронетанковые и одна английская пехотная дивизия, всего около 110 тысяч человек. Кроме того, в операции участвовало несколько воздушно-десантных батальонов, предназначавшихся для захвата аэродромов и важных пунктов в глубине вражеской территории. В

составе военно-морского флота, обеспечивавшего переброску войск, имелось до 650 боевых кораблей и крупных транспортных судов. Главнокомандующим всеми экспедиционными силами был назначен генерал армии США Эйзенхауэр.

Часть конвоев шла из портов Великобритании, другая часть – непосредственно из США. Авиационное обеспечение операции производилось почти исключительно силами авиации, базировавшейся на Гибралтар.

В Марокко американцы высадились в портах Медия (Махдия) в 120 км северо-восточнее Касабланки, в Федале (пригород Касабланки) и в Сафи в 250 км юго-западнее Касабланки. Выбор этих портов не был случайным. Все три порта были связаны между собой железной дорогой, и рядом с каждым имелся по меньшей мере один аэродром.

К этому времени во Французское Марокко прибыли немногим более 8,5 тысячи человек, а французские войска состояли из шести дивизий, разбросанных по всей стране.

Высадку в Сафи проводила американская Южная ударная группировка в составе линкора «Нью-Йорк», крейсера «Филадельфия», эскортного авианосца «Сэнти», десяти эсминцев, подводной лодки «Барб», пяти транспортов, минного заградителя и шести других судов.

Боевых кораблей в Сафи не было. Береговая оборона включала в себя три батареи: 4 – 130-мм пушек, снятых с эсминца «Райоз», и двух батарей по 4 – 75-мм пушки. Кроме того, южнее Сафи находилась армейская гаубичная четырехорудийная 155-мм батарея. Гарнизон Сафи состоял из двух рот 2-го Иностранного легиона и двух рот марокканской пехоты.

Вторжение началось в ночь на 8 ноября 1942 г. Линкор и крейсер обстреляли город 356- и 152-мм снарядами с дистанции 14,6 – 16,5 км. Батарея «Райоз» с 4 часов 38 минут до 8 часов утра вела с ними артиллерийскую дуэль. Следует отметить, что как в Сафи, так и в Касабланке и Алжире французская военная техника оставалась на уровне начала 1940 г., да еще с поправкой на то, что в колонии обычно отправляли старье. Никаких РЛС ни на кораблях, ни на береговых батареях у французов не было. А янки вели огонь, используя самолеты-корректировщики и РЛС орудийной наводки.

В 8 часов утра 356-мм снаряд с «Нью-Йорка», ударившись у края скалы перед постом управления огнем, рикошетом попал в наблюдательную щель. На посту все были убиты, а оборудование разрушено.

Кстати, это был единственный удачный выстрел американской

эскадры. Все 75-, 130- и 155-мм орудия французы сами вывели из строя перед уходом.

Самолеты «Уайлдкэт» с авианосца «Сэнти» действовали на редкость бестолково. С 8 по 10 ноября из 31 самолета авианосца были потеряны 21. Причем все потери были... эксплуатационными.

Потери англичан были бы куда большими, если бы американская разведка не сговорила с генералом Мартеном, командовавшим французской авиацией в этом районе. В итоге французская авиация фактически бездействовала.

Однако 8 ноября самолет с авианосца «Сэнти» сбросил две бомбы на аэродром Марракеш. Обе бомбы не взорвались. Но Мартен был вынужден выслать эскадрилью бомбардировщиков для атаки американских транспортов. В ходе бомбардировки были убиты 3 американца и 12 ранены, сожжено 4 автомобиля. Один из французских бомбардировщиков сбит зенитной артиллерией кораблей.

10 ноября французская подводная лодка «Медуза», вышедшая из Касабланки 8 ноября, безуспешно выпустила торпеду по авианосцу «Сэнти» в 60 милях от берега. В тот же день бортовой самолет с крейсера «Филадельфия» повредил лодку, и «Медуза» выбросилась на берег.

Утром 11 ноября французы получили приказ адмирал Дарлана о прекращении сопротивления и французской капитуляции. В ходе боев за Сафи американцы потеряли около 20 человек убитыми и 100 ранеными, а французы – 27 человек убитыми и 44 ранеными.

Для атаки Касабланки американцы сформировали два соединения: Центральную ударную группу для десантирования в порту Дедала и группу прикрытия для атаки непосредственно порта Касабланка. В состав Центральной ударной группы входили: авианосцы «Рейнджер» и «Суони», три тяжелых крейсера, 15 эсминцев, две подводные лодки, 12 транспортов и 10 других судов. Группа поддержки состояли из современного линкора «Массачусетс» водоизмещением 35 тысяч тонн, крейсеров «Уичита» и «Тускалуза», четырех эсминцев и танкера.

Американское командование решило действовать наступательно и «подкупательно». Вспомним военный совет в Оренбурге, описанный Пушкиным в «Капитанской дочке». Там мудрый советник рекомендовал действовать против Пугачева «подкупательно».

Главными действующими лицами американской интриги были советник американского посольства Роберт Мэрфи и американский «наблюдатель» в Танжере подполковник морской пехоты Уильям Эдди. Они вступили в сговор с пятью французскими генералами. А 23 октября

1942 г. в 75 милях к западу от города Алжир с британской подводной лодки высадился американский генерал-майор Марк Кларк.

Командир дивизии в Алжире генерал Шарль Мае доложил американцам о состоянии вооруженных сил Франции в Алжире. Позже Кларк писал: «Французы подготовили объемную кипу информации в письменном виде, которая впоследствии оказалась точной во всех отношениях. Они предоставили нам сведения о местах дислокации и боевой мощи армейских соединений и сил флота, рассказали, где хранятся запасы снабжения, в том числе боеприпасов и бензина, сообщили детали о аэродромах, на которых ожидалось наиболее сильное сопротивление, а также информацию о наиболее удобных местах для высадки воздушного десанта»^[78].

К утру 8 ноября 1942 г. в Касабланке находился недостроенный линкор «Жан Бар», который не имел хода, а стрелять могла только одна четырехорудийная 381-мм башня. Там же находилась 2-я легкая эскадра контр-адмирала Жерве де Лафона, состоявшая из крейсера «Примогэ», лидеров «Альбатрос» и «Милан», эсминцев «Брестуа», «Булоннэ», «Фрондер», «Альсьон», «Фуге», «Симун», «Тампет», 8 авизо, 11 тральщиков и 11 подводных лодок, из которых 5 прибыли из Дакара. Порт защищали артиллерийские батареи на плато Укаша и в Эль-Ханк, вооруженные четырьмя старыми 194-мм и четырьмя 138-мм пушками.

Как уже говорилось, ни французские корабли, ни береговые батареи не имели РЛС орудийной наводки, которыми располагали американцы.

Французскими ВМС в Марокко командовал вице-адмирал Мише-лье, отвечавший также за непосредственную оборону Касабланки. Как глава обороны города, он руководил не только морскими и воздушными силами, но и дислоцированной там дивизией, возглавляемой генералом Бетуаром, находившемся в связи с «группой пяти». Имеются в виду генералы, вступившие в контакт с американской разведкой.

В порту Касабланка не замечалось никаких предвестников вторжения, за исключением нескольких загадочных листовок, появлявшихся то здесь, то там. В 7 часов утра 8 ноября пять французских подводных лодок вышли на заранее определенные позиции для патрулирования, самолеты приготовились к разведывательным полетам, но 2-й эскадре легких сил понадобилось еще полтора часа, чтобы подготовиться к выходу.

В этот момент самолеты с американских авианосцев нанесли первый удар с моря. В 7 часов 50 минут произошел первый бой над Касабланкой, когда французские истребители поднялись в воздух и встретились с истребителями с американского авианосца «Рейнджер». В короткой стычке

7 французских и 5 американских машин были сбиты.

Сам город еще спал в утреннем тумане, когда в 8 часов утра французские зенитные батареи открыли огонь по воздушной цели, принятой за вражеский торпедоносец, которая на деле оказалась американским самолетом-корректировщиком артиллерийского огня.

Любопытно, что в 14 часов 15 минут американский командующий адмирал Гиффен обратился к личному составу с речью, которой позавидовал бы и доктор Геббельс: «Если обстановка вынудит нас стрелять по французам, которые одно время были нашими союзниками, делайте это с твердым убеждением в том, что вы стреляете не по французскому народу, а в людей, отдавших предпочтение рабскому гитлеровскому режиму перед свободой... В добрый путь с Богом!»^[79]

Итак, Бог должен был благословить нападение на нейтральную территорию, отстоявшую на 2 тысячи километров от театра военных действий.

В 7 часов 1 минуту 8 ноября американские корабли открыли огонь с дистанции 18,3 км. «И почти одновременно дали о себе знать орудия линкора "Жан Бар" и батареи Эль-Ханк.

Орудия береговой обороны первым залпом накрыли линкор "Массачусетс", а пять или шесть снарядов, выпущенных с линкора "Жан Бар", упали за целью в 600 ярдов от нее»^[80].

Линкор «Массачусетс» и тяжелый крейсер «Тускалуза» отошли на дистанцию 26,5 км и оттуда вели интенсивный обстрел «Жан Бара».

Американцы надеялись быть в полной безопасности, поскольку на французском линкоре не только что радиолокационных дальномеров не было, но и штатных оптических и он пользовался двумя временными оптическими дальномерами.

В 7 часов 6 минут крейсер «Уичита» открыл огонь по батарее на мысе Эль-Ханк с дистанции 20 км, пользуясь при этом данными со своего разведывательного самолета.

Линкор «Массачусетс» дал девять залпов из своих 16-дюймовых орудий, стрелявших шести- и девятиорудийными залпами. При этом удалось добиться пяти попаданий.

Первый снаряд разорвался в пустом артиллерийском погребе. Вторым, разорвавшийся ниже кормового поста управления, который был совершенно разрушен, проделал большое отверстие ниже ватерлинии. Третий и четвертый снаряды не разорвались. Пятый снаряд около 7 часов 20 минут ударился о носовую башню, стрелявшую в этот момент по

«Массачусетсу», и рикошетом отскочил в верхнюю часть барбета. Силой удара снаряда о барбет была повреждена орудийная башня, из-за чего вся главная артиллерия вышла из строя на 48 часов. Таким образом, в течение всего 16 минут был ликвидирован один из важнейших оборонительных рубежей Касабланки, орудия которого на предельном угле возвышения накрывали район стоянки транспортов у Федалы.

В течение всей этой истории над линкором «Массачусетс» пролетали со свистом и падали в воду у самого борта тяжелые артиллерийские снаряды. Пренебрегая укрытием бронированной боевой рубки, адмирал Гиффен и кэптен Уайтинг руководили боем с верхнего мостика. В 7 часов 27 минут с дистанции 24,7 км крейсер «Тускалуза» открыл сосредоточенный огонь по месту стоянки подводных лодок в Касабланке. Затем он переместил огонь на береговую батарею в Табль-д'Окаша, а район стоянки подводных лодок был взят под обстрел крейсера «Уичита», который тем временем выпустил 25 снарядов из девяти орудий по батарее Эль-Ханк и временно заставил ее замолчать.

Под огнем американцев в Касабланке погибли три подводные лодки – «Психея», «Ореадна» и «Сиди-Фаррух». В торговой гавани затонули 10 сухогрузов и пассажирских судов, а их экипажи потеряли 40 человек убитыми и 60 ранеными. Лидер и два эсминца, проходившие капитальный ремонт, получили серьезные повреждения.

«Когда спустились сумерки, порт представлял собой грустное зрелище – кладбище затопленных кораблей. "Примоге" горел во внешней гавани. Из оставшихся боевых судов, лопасти винтов которых могли совершить хотя бы несколько оборотов, адмирал Эрве де Лафон, раненный и потерявший оба своих флагманских корабля, "Милан" и "Примоге", попытался составить еще одну боевую группу. Спасшиеся моряки, лишившиеся своих судов, обслуживали теперь пушки на берегу»^[81].

Французские подводные лодки безуспешно пытались атаковать противника. 11 ноября три самолета с авианосца «Суони» потопили подводную лодку «Сиди-Фаррух», поврежденная «Медуза» выбросилась на берег у мыса Блан. Подводная лодка «Конкеран» проходила ремонт и в момент атаки находилась в сухом доке. На борту лодки не было даже полевого бинокля! Но ее все же удалось спустить на воду, и без торпед и даже без перископа «Конкеран» попыталась достичь Дакара. Однако лодка 13 ноября у Вила-Сиснерос была потоплена гидросамолетами «Каталина», перелетавшими из Батерста в Марокко.

Экипаж поврежденной подводной лодки «Тоннан» затопил ее 15 ноября и пересел на борт рыболовецкого судна. Подводная лодка «Орфей»

«вернулась в Касабланку после завершения сражения. "Антиопа" и "Амазоне" достигли Дакара и присоединились к находящимся там кораблям французских ВМС.

Гибелью "Тоннан" завершилась трагедия Французской Северной Африки. Потери были тяжелыми. Только французский флот потерял убитыми 462 человека; потери армии убитыми составили 326, а ВВС – 15 человек. Общее число раненых превысило 1000 человек»^[82].

Несколько слов стоит сказать о высадке американцев в порту Федала (ныне Мохаммедия) в 30 км от Касабланки, то есть вне радиуса действия орудий «Жан Бара». Высадку десанта поддерживали огнем крейсер «Бруклин» и четыре эсминца. Федалу прикрывали три береговые батареи: батарея Пон-Блондэн (Шерш): четыре 138-мм пушки; батарея западнее мыса Федала: три 100-мм пушки; и батарея из двух 75-мм пушек на восточном берегу этого мыса.

Метким выстрелом 138-мм снаряда был поражен эсминец «Мерфи» – выведена из строя турбина и убито 3 человека. Эсминец ремонтировался до июля 1943 г.

Вскоре к американским кораблям присоединился крейсер «Огаста», который выпустил семьдесят два 203-мм снаряда.

Из сухопутных войск в Федале имелось 200 сенегальских стрелков, которые попросту разбежались.

К 17 часам 8 ноября на берег высадилось 7750 человек офицеров, унтер-офицеров и рядовых, что составляло почти 40% от 19 870 человек, находившихся на двенадцати транспортах и трех грузовых судах Центральной группы. Ни американские, ни французские источники не сообщают об общем числе погибших. Однако, судя по всему, только эксплуатационные потери американцев составили несколько десятков человек.

Третий десант американцы высадили в Мехдин и Порт-Лютетей. Силы десанта состояли из 9 тысяч солдат 9-й американской дивизии. Французских военных кораблей там не было, а береговые батареи состояла из шести 138-мм орудий и двух 75-мм полевых пушек. Сухопутные силы французов состояли из двух пехотных батальонов.

Самое забавное, что две слабые французские береговые батареи два дня вели дуэль с американским линкором «Техас», крейсером «Саванна» и эсминцами. Американский писатель Морисон писал: «Так продолжалось два дня. Таким образом, мы предстали перед лицом абсурдного положения, когда шесть 5,5-дюймовых орудий береговой обороны в течение 48 часов противостояли комбинированному огню орудий линкора, крейсера и

нескольких эсминцев»[\[83\]](#).

Из 161 американского десантного судна 70 были повреждены или уничтожены (16 безвозвратно). По американским данным, в ходе десанта в Федале американская армия потеряла убитыми 85 человек, а флот – 11 человек убитыми и 27 ранеными.

Глава 9.

Вторжение американцев в Алжир и Тунис

Узнав о вторжении американцев в Северную Африку, глава французского правительства маршал Петэн обратился к ним по радио: «С горечью и сожалением я узнаю о том, что сегодня ночью ваши войска совершили агрессию... Я ознакомился с вашим сообщением. Вы ссылаетесь на предлоги, которые ничем не подтверждаются. Вы приписываете вашим врагам намерения, которые никогда не воплотились в действия. Франция и ее часть под угрозой. Мы подверглись нападению, и мы будем защищаться. Таков приказ, который я отдам»^[84].

Самое забавное, что США напали на французские войска в Марокко и Алжире не только без объявления войны, но даже не разорвав дипломатических отношений с правительством Виши.

Высадку в Оране должны были произвести одна танковая и две пехотные американские дивизии (всего 18 500 человек), а в Алжире – 78-я британская и 34-я американская дивизии. Всего 20 тысяч человек с частями усиления.

В ночь на 8 ноября 1942 г. к порту Алжир подошла англо-американская армада из 93 боевых кораблей и транспортных судов. Только силы прикрытия состояли из линкора «Дюк оф Йорк», линейного крейсера «Ринауна», четырех авианосных крейсеров и 21 эсминца.

Высадка в Алжире производилась в трех пунктах. Американская 168-я полковая боевая группа высадилась в заливе Сиди-Фаррух. Английские 11-я и 36-я бригады выгрузились к северо-востоку от Кастильоне. Американская 39-я полковая боевая группа вышла на берег на пляжах к востоку от мыса Матифу. Всего в высадке участвовали 23 тысячи английских и 10 тысяч американских солдат и офицеров.

Состоявший в сговоре с американцами французский генерал Мае отдал приказ войскам не препятствовать высадке англо-американцев. В итоге высадка в Сиди-Феррухе прошла без единого выстрела. Мае спас янки от разгрома. В процессе высадки американцы потеряли в волнах прибоя 98 высадочных катеров из 104.

Однако французские моряки не были проинформированы о приказе Мае, и батарея Дюпле (три 194-мм орудия) под командованием унтер-офицера Жозефа Ларвора открыла огонь по союзникам. Используя 30

человек из 45 своих подчиненных для обслуживания одного из орудий, Ларвор отправил остальных для защиты укреплений. Несмотря на многократные атаки с воздуха, оборона батареи продолжалась до середины второй половины дня.

На Лазаретной батарее, находившейся к востоку от мыса Матифу, наблюдалась похожая картина. Этой батареей командовал лейтенант Жан Бегели. На батарее имелось четыре 194-мм орудия, которые обслуживали всего 36 человек. Но Бегели, несмотря на бомбардировку с моря и с воздуха, отклонил все предложения капитулировать и продержался до вечера.

Наиболее серьезные стычки произошли в гавани. Английские эсминцы «Малкольм» и «Броук» получили задание таранить боновое заграждение и высадить небольшое подразделение американских рейнджеров на причал. Шедший впереди «Малкольм» в 3 часа 30 минут получил серьезные повреждения от снарядов стоявших на северной части мола пушек и под их огнем был вынужден отойти.

В предрассветной мгле «Броук» подошел к южному молу под прикрытием огня всех своих орудий. На скорости 26 узлов он проломил боновое заграждение и приблизился к набережной, на которой находилась батарея. Однако отделение французских моряков развернуло старую казематную батарею к морю и выбило ударной волной часть старой стены, загоравшей эсминец от их пушек. Затем французские орудия открыли по эминцу такой ураганный огонь, что тот был вынужден прекратить выполнять задание. И на следующее утро «Броук» затонул у побережья. Двести американцев из состава десантного отряда были окружены и разоружены в различных частях города, куда они просочились.

Две французские подводные лодки – «Кайман» под командованием капитан-лейтенанта Поля Мерца и «Марсуан» под командованием лейтенанта Эмиля Мина – вышли в море, чтобы атаковать суда флота вторжения, но были замечены с эсминца «Броук», откуда немедленно передали сигнал по радио. Преследуемые и забрасываемые глубинными бомбами в течение всего дня, а также попавшие под бомбардировку с воздуха, подлодки были не в состоянии атаковать транспорты. «Кайман» была серьезно повреждена, но обеим лодкам удалось дойти до Тулона.

В это же время около полуночи несколько сотен французских военных, связанных с «группой пяти», перерезали телефонные провода. Они окружили резиденции военных руководителей и заняли несколько общественных зданий. На некоторое время в их руки попали генерал Жуэн, адмирал Дарлан и даже генеральный консул Мэрфи. Но заговорщики не

знали, что с ними делать дальше, и потому их отпустили.

10 ноября в 11 часов 20 минут командующий всеми французскими силами в Африке адмирал Дарлан отдал приказ всем вооруженным силам Франции в Северной Африке прекратить огонь, после чего немедленно проинформировал маршала Петэна о своем решении.

Но мы забежали вперед, и надо вернуться к высадке американцев в Ороне – порту в 370 км западнее города Алжира. Против Орона союзники двинули армаду из 70 боевых кораблей и 32 транспортов. Группа прикрытия состояла из линкора «Родней», авианосца «Фьюриус», эскортных авианосцев «Битэкс» и «Дишекс», крейсера «Дели», 13 эсминцев, 8 тральщиков, 6 корветов и т. д.

К этому времени в Ороне находилось несколько французских кораблей: лидер «Элервье»; эсминцы «Трамонтан», «Тифон» и «Торнадо»; подводные лодки, находившиеся в строю, «Актеон», «Френель» и «Аргонот»; разоруженные подводные лодки в сухом доке «Ариан», «Диана», «Серее», «Паллас» и «Данае»; сторожевик-тральщик «Сюрприз»; 15 патрульных судов, тральщики и буксиры.

Приближавшиеся силы вторжения были обнаружены заранее. 8 ноября в час ночи эскорт небольшого французского конвоя обнаружил себя прямо в центре большой группы неизвестных судов, находившихся уже недалеко от порта, и немедленно дал сигнал тревоги. Спустя час оборонявшие Андалузский пляж войска доложили о том, что там началась высадка, вскоре после чего войска в Арзеве вступили в первую стычку с атакующими.

По получении этих сообщений адмирал Риу приказал своим кораблям немедленно развести пары, разведать места предполагаемой высадки и при необходимости атаковать противника.

В результате в 3 часа утра, когда английские сторожевики «Уолни» и «Хартланд» в сопровождении катеров прибыли в темноте для форсирования входа в гавань, дежурный патрульный корабль и батареи на молу тут же открыли по ним огонь.

Под огнем батарей и отваливших от причала кораблей авантюра, предпринятая «Уолни» и «Хартландом», превратилась в настоящую бойню. Поливаемый огнем всех калибров, от орудий до пулеметов, с дистанции прямого выстрела, «Уолни» пошел ко дну после попадания свыше 50 снарядов в тот момент, когда он пытался взять на абордаж «Элервье», обрушивший на сторожевик шквал огня с дистанции 30 м. Следующий за ним в кильватере «Хартланд» постигла та же участь.

Из 600 человек, входивших в состав британских экипажей, и

американских рейнджеров спаслись только 200.

Одним из французских кораблей, получивших приказ выйти в море, был сторожевик «Сюрприз» (водоизмещением 600 тонн) под командованием капитан-лейтенанта Жака Лавиня. На начало войны корабль находился в постройке и еще не имел большей части вооружения. Вся его артиллерия состояла из единственного 100-мм орудия.

Вот как описывает последующие события французский адмирал Офан: «Сделав попытку разведать в соответствии с полученным приказом, что же происходит на Андалузском пляже, он в рассветной мгле попал в гущу английских эсминцев и немедленно пошел в атаку. Соотношение сил являлось безнадежным. Буквально разнесенный на части мощным огнем с английского эсминца "Бриллиант", сторожевик быстро пошел ко дну, унося с собой 51 матроса и 4 офицера, включая командира.

Три эсминца получили приказ обследовать залив Арзев. Задержавшись в сражении с "Уолни" и "Хартландом", они наконец один за другим покинули гавань и атаковали силы вторжения "с отвагой, достойной лучшего применения", как впоследствии писал в своем отчете коммодор Трубридж.

Еще до наступления рассвета "Трамонтан" под командованием капитана 2-го ранга Ариана де Фероди храбро сцепился с английским крейсером "Аврора". Первый же залп с крейсера смел мостик "Трамонтана" и вывел из строя половину его артиллерии. Осевший в воду, с палубами, усеянными ранеными и убитыми, среди которых оказался и командир, смертельно поврежденный эсmineц выбросился на берег недалеко от порта, у скал мыса Эпой.

"Торнадо" под командованием капитана 2-го ранга Раймона Парэ постигла та же судьба после того, как он выпустил залп из 6 торпед в безуспешной попытке сразиться с соединением крейсеров. Только "Тифон" под командованием капитан-лейтенанта Жоржа Абриаля смог возвратиться в порт с наполовину опустевшими погребами боезапаса и снесенной за борт трубой.

Из находившихся в гавани 4 подводных лодок только трем удалось покинуть ее, чтобы атаковать находившиеся у побережья транспорты вторжения. Из этих трех две не вернулись назад. "Аргонот" под командованием лейтенанта Анри Верона и "Актеон" под командованием капитан-лейтенанта Жана Клавье пошли на дно под снарядами и глубинными бомбами с английских эсминцев "Уэсткотт" и "Акейтес" соответственно. "Френель" под командованием лейтенанта Жоржа Сальо также был замечен и подвергся атакам глубинными бомбами со стороны

противника на всем пути до испанских территориальных вод. Затем, поскольку командир лодки не получил никаких дополнительных приказов, он по своей инициативе проследовал в Тулон. Субмарина прибыла туда 13 ноября и спустя всего 15 суток затопилась вместе с остальным французским флотом в Тулоне, чтобы избежать попадания в руки немцев, захвативших порт»^[85].

В то время как на море происходили описываемые события, авиабазы в Арзеве, Ла-Сенья и Лартиже были одна за другой захвачены войсками вторжения. Береговая батарея в Сантоне (три 104-мм орудия) была выведена из строя в сражении с английской эскадрой, включавшей линкор «Родней».

Единственной угрозой для американцев теперь оставались войска в глубине сухопутной обороны, в частности моторизованная бригада полковника Жана Тузе дю Вижье. Решительной контратакой под огнем своей артиллерии бригада отбила аэродром в Тафарауа, где уже базировалось большинство американских самолетов. И если бы не перемирие, подписанное адмиралом Дараланом, американцам пришлось бы еще очень постараться, чтобы захватить департамент Оран.

А тем временем лидер «Эпервье» под командованием капитана 2-го ранга Жозефа Лорана, за которым следовал эсминец «Тифон», попытался проскочить сквозь заслон из британских крейсеров и эсминцев, преградивших выход из порта. Во время прорыва от попадания снарядов на «Эпервье» возник пожар, и лидер был вынужден выброситься на берег под прикрытие береговых батарей на мысе Эпой, что бы спасти свой экипаж. Но тем не менее 12 человек экипажа были убиты, 9 пропали без вести и 31 получил ранения.

«Тифону» также не удалось прорваться сквозь английский заслон, и он вернулся в Оран.

К вечеру адмирал Риу получил ложное сообщение, что силы вторжения уже проникли в город. Выполняя данные ему инструкции, адмирал тут же приказал затопить все находившиеся в порту корабли и суда. Четыре разоруженные подводные лодки, даже не имевшие команд, 7 патрульных судов и тральщиков и 13 торговых судов были затоплены на фарватерах или у причалов. Понимая, что уйти не удастся, экипаж «Тифона» взорвал свой корабль прямо на фарватере.

Порт Оран был сдан на следующий день, 9 ноября, около 11 часов утра. Но бои в глубине материка продолжались до тех пор, пока не был получен общий приказ из Алжира о прекращении огня, что также произошло около 11 часов утра.

В ходе боев в Оране французские ВВС потеряли 10 человек убитыми и 13 ранеными, армия – 94 человека убитыми и 146 ранеными. Флот, принявший на себя основной удар, потерял 134 человека убитыми и 146 ранеными, плюс погибшие на подводных лодках «Аргонот» и «Актеон» – всего 347 человек.

Общие потери американцев автору неизвестны, но при высадке в Оране 1-я пехотная дивизия потеряла 23 офицера и 343 рядовых.

Ночью 8 ноября, в момент, когда сведения о высадке союзников в Африке достигли германской комиссии по перемирию, находившейся в Висбадене, эта комиссия указала французской делегации, что «в течение часа французское правительство должно дать свое разрешение на использование авиабаз в Тунисе державами оси». Лаваль оказался перед лицом ультиматума, который он не мог отвергнуть. В последующие двое суток 100 самолетов стран оси приземлились на авиабазе Эль-Ауина вблизи Туниса. В течение нескольких дней немцы заняли как Тунис, так и всю южную часть Франции. Французы затопили большую часть своего флота в Тулоне перед самым прибытием туда немцев.

Между тем англо-американцы, не встречая сопротивления, к концу ноября заняли Марокко и Алжир, вступили на территорию Туниса и подошли к городам Бизерте и Тунису.

Германское командование, решив удерживать Французскую Северную Африку, чтобы сковать там англо-американские войска на как можно длительное время, сразу же после начала высадки союзников начало перебрасывать силы и средства из Западной Европы в Тунис. Переброска войск производилась как по морю, так и по воздуху. К началу декабря в Тунисе уже находилось около пяти германских дивизий, объединенных в 5-ю танковую армию под командованием генерала Арнима. Эти войска не только остановили союзников, но и рядом контратак вынудили их отступить от Туниса и Бизерты на запад.

Так, с 29 ноября по 2 декабря в районе Деспенна части 5-го парашютно-стрелкового полка вели бои с солдатами 2-го батальона британского парашютного полка, в результате чего отрезанные от своих англичане потеряли убитыми 260 человек. В декабре при поддержке бронетехники германские парашютисты нанесли крупное поражение союзным танкистам в районе Тебурбы и Эль-Батана, захватив в плен около тысячи солдат и офицеров.

15 февраля 1943 г. две германские танковые дивизии атаковали сопротивлявшиеся войска в Южном Тунисе и продвинулись на север на расстояние 150 км. Американцы перебросили в место прорыва

значительные сухопутные силы, поддержанные сотнями американских самолетов. К 25 февраля американцам удалось остановить наступление германских частей.

Во второй половине марта 1943 г. англо-американцы начали наступление с целью разгрома итало-германских сил в Южном Тунисе. В это время итало-германское командование в Южном Тунисе, возглавляемое Роммелем, располагало 14 дивизиями и двумя бригадами, в том числе тремя танковыми дивизиями и тремя мотострелковыми. Все части имели большой некомплект в людях и вооружении и испытывали значительные трудности со снабжением. В дивизиях насчитывало не более чем по 5 тысяч человек.

Англо-американцы, сведенные в 18-ю группу армий под командованием генерала Александера, имели не менее 20 дивизий и четырех отдельных бригад, в том числе бронетанковых – шесть дивизий и три бригады. Укомплектованность этих соединений была полной. Англо-американцы имели двойное превосходство над противником по пехоте, тройное – по артиллерии, четырехкратное – по танкам и подавляющее – по самолетам.

С юга удар по противнику, оборонявшемуся на линии Марет, наносили войска 8-й английской армии. Американцы наступали из района севернее Макиасси на восток, чтобы создать угрозу правому флангу и тылу итало-германских войск в Южном Тунисе. Прорыв линии Марет 8-й английской армией начался 21 марта 1943 г. Одновременно с фронтальными атаками часть сил армии совершила глубокий обход войск противника с юго-запада и создала угрозу их тылу. Это вынудило генерала Роммеля начать отвод своих войск с линии Марет на север. Ведя арьергардные бои, итало-германские войска к середине апреля 1943 г. организованно отошли в северном направлении на рубеж Энфидавилль – Джебибина. Теперь в их руках оставалась лишь небольшая территория в Северо-Восточном Тунисе.

20 апреля англо-американские войска начали общее наступление с целью полного очищения Северной Африки. При этом 8-я английская армия наносила удар с юга в северном направлении, американские и французские войска наступали с запада на восток. В течение двух недель наступавшие не добились никаких существенных результатов. Только после сосредоточения крупной группировки на узком участке фронта в районе Меджез-эль-Баб им удалось 6 – 7 мая прорвать оборону итало-германских войск, выйти к побережью и занять город Тунис. В это же время войска 2-го американского корпуса заняли Бизерту. Итало-германские войска, не имея транспортных средств для эвакуации, 13 мая

полностью капитулировали. Общее число сдавшихся союзникам итало-германских войск достигло 250 тысяч человек. Примерно половину из них составляли итальянцы.

Война во французских колониях в Африке завершилась. 3 июня 1943 г. в городе Алжире был учрежден Французский комитет национального освобождения (ФКНО) под председательством генералов де Голля и Жиро.

Именно в Алжире советская разведка установила связи с генералом де Голлем.

Англия и США не торопились официально признавать ФКНО, а Советский Союз, наоборот, желал как можно быстрее признать комитет. 19 июня Молотов отправил письмо английскому послу в СССР Арчибальду Керру, в котором говорилось: «Считаю нужным заявить, что советское правительство не находит целесообразным откладывать признание Комитета, так как такое откладывание отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»^[86].

В результате решительных действий советского правительства союзники признали ФКНО, о чем и было объявлено 27 августа 1943 г.

Советский посол Богомолов хотел немедленно ехать в Алжир, но англичане воспрепятствовали этому. Тогда Москва решила использовать для связи с де Голлем так называемую комиссию по репатриации, имевшую ставку в Алжире. Советский Союз был членом этой комиссии. В августе 1943 г. из Тегерана в Алжир вылетел советский разведчик И.И. Агаянц как представитель комиссии по репатриации.

Под фамилией Авалов он вошел в контакт с де Голлем и поддерживал с ним постоянную связь вплоть до приезда в Алжир в начале октября 1943 г. Богомолова. Де Голль вновь заговорил с Аваловым о своем желании посетить СССР.

Однако Москва опять не ответила. И лишь 27 ноября 1944 г. советский самолет с де Голлем на борту взлетел с тегеранского аэродрома и взял курс на Баку. В ходе своего визита в Москву де Голль трижды встретился со Сталиным и подписал союзный советско-французский договор.

В беседе со Сталиным 8 декабря де Голль заявил, что французы стремятся обеспечить свою безопасность на трех «этажах»: первый составляет франко-советский союз, второй – англо-советский договор и будущий англо-французский договор, «третий этаж безопасности» строился на коллективной безопасности. По мнению французской стороны, этаж коллективной безопасности позволял, в частности, включить в данную систему США.

Заканчивая рассказ о событиях в Северной Африке в 1939 – 1944 гг.,

стоит упомянуть о начале строительства Транссахарской железной дороги, которая должна была соединить порт Оран с бассейном реки Нигер. Дорога должна была обеспечить переброску немецких войск в Дакар и вывоз риса и хлопка из Французской Северной Африки во Францию, Германию и Италию, минуя британскую морскую блокаду. Замечу, что первый проект строительства Транссахарской железной дороги был разработан во Франции в конце XIX века. Захват американцами Алжира прервал работы. После войны вновь было разработано несколько проектов достройки магистрали, но, увы, ее нет и поныне.

Раздел III

Гибель империи

Глава 1.

Как «три мушкетера» испугались Р-5М

Планы строительства канала, соединяющего Средиземное и Красное моря, вынашивались еще египетскими фараонами. В XIX веке проектированием канала всерьез занялись французские и итальянские инженеры. Бывший французский вице-консул в Александрии Лессепс создал «Всеобщую компанию Суэцкого морского канала», юридически считавшуюся египетским предприятием. Египетское правительство приобрело 44% всех акций (из 96 517 акций хедив Египта Мухаммед Сайд купил 64 тысячи). 53% были размещены во Франции, 3% – в других странах. Россия через частных лиц скупила 24 тысячи акций, занимая третье место (после Франции и Австрии) по участию в прибылях от судоходства по каналу. По условиям концессии акционерам причиталось 75% прибылей, Египту – 15%, основателям компании – 10%.

Компания приступила к финансированию строительства канала. 25 апреля 1859 г. со стороны Средиземного моря началось строительство канала. Канал был закончен не за 6 лет, как планировалось, а за 10 лет. Первоначально длина его составляла 160 км, ширина по зеркалу воды – 60 – 110 м, по дну – 22 м, глубина фарватера – 8 м.

Чтобы прорыть его, потребовалось переместить 75 миллионов кубометров земли! Работы велись египетскими феллахами, набираемыми в принудительном порядке. Дневная норма каждого составлял два кубометра земли, которую в рогожных мешках или корзинах вытаскивали из русла будущего канала.

В ходе строительства из рабочего поселка возник новый город Порт-Саид.

В 1870 г. через канал прошло 486 судов с 436 тысячами тонн грузов, в 1893 г. – 3,3 тысячи судов с 7,7 млн. тонн грузов, в 1913 г. – 5,1 тысячи судов с 20 млн. тонн грузов.

Канал был торжественно открыт 17 ноября 1869 г. С 1872 г. канал стал приносить акционерам чистый доход. Общая сумма доходов в 1895 г. составила 80,7 млн. франков, а чистого дохода – 55,7 млн. франков. Появилась возможность выплачивать крупные дивиденды. Так, в 1891 г. владелец акций в 500 франков получал прибыль 112 франков 14 сантимов. В дальнейшем акции «Всеобщей компании Суэцкого морского канала» стали предметом азартной биржевой спекуляции. Они котируются на

бирже все выше и выше. В 1914 г. за акцию в 250 франков фактически платили 5 тысяч франков, в 1936 г. – 25 тысяч франков, а после Второй мировой войны их стоимость повысилась до 80 тысяч франков и даже до 100 тысяч.

С открытием в 1869 г. Суэцкого канала перед Англией встала задача освоить новый путь в Индию и на Дальний Восток, пролежавший теперь через Средиземное море, Суэц и Красное море. Владея Гибралтаром и Аденом, Англия контролировала выходы в эти моря, а британская военноморская база на Мальте была сильной позицией вблизи наиболее узкого и наиболее поддающегося блокаде района Средиземного моря, но сам Суэцкий канал оставался неподконтрольным Англии. В финансовом отношении его контролировали французские компании, а политически, находясь на территории Египта, он был в руках правительства хедива (египетского монарха) и его сюзерена – турецкого султана, хотя власть последнего являлась скорее номинальной.

В случае войны канал мог быть занят сухопутными войсками враждебных Англии держав. Да и самый крайний вариант развития событий – объявление Египтом в случае войны о нейтралитете канала и введение запрета на проход через него боевых кораблей всех стран – крайне беспокоил «Владычицу морей».

По мнению королевы Виктории и премьера Дизраэли, Суэцкий канал мог быть только британским, и лорды Адмиралтейства должны были решать, чьи суда пропускать по каналу, а чьи нет.

Для начала Дизраэли обеспечил Англии экономическое господство над каналом. Всего акций «Компании Суэцкого канала» имелось 400 тысяч. Египетский хедив Измаил, испытывая острую нужду в деньгах, решил продать принадлежавшие ему 176 тысяч акций. Дизраэли, узнав об этом, не стал тратить время на проведение кредитов через парламент и 25 ноября 1875 г. с помощью банкирского дома Ротшильда приобрел у Измаила его акции, что обеспечило британскому правительству экономический контроль над каналом.

Но продажа акций не спасла финансы Египта, и 8 апреля 1876 г. египетское правительство объявило о своей финансовой несостоятельности. Но Дизраэли просчитался, он планировал загнать хедива в кабалу к Англии, а тот начал вести переговоры с французскими банкирами и уже в мае достиг с ними соглашения о консолидации египетского долга. Ценой этого должно было стать установление международного финансового контроля, обеспечивающего платежи по займам, а органом этого контроля становилась организация кредиторов

«Касса египетского государственного долга».

Сделка эта была крайне невыгодна английскому правительству, ведь оно стремилось целиком подчинить Египет своему влиянию, а теперь в Египте водворился международный, а фактически французский контроль.

В ноябре 1876 г., помимо опеки «Кассы египетского долга», англо-французский кондоминиум назначил хедиву еще двух финансовых контролеров. Один из них был англичанином, зато другой – французом. Первый контролировал доходы, а второй – расходы египетской казны.

В начале 1882 г. в Египте произошел государственный переворот. Хедив Тевфик был фактически низложен, а власть принял полковник Ахмет Орабы, сын простого феллаха. Арабы выдвинул лозунг: «Египет для египтян». Он быстро избавился от англо-французского контроля над финансами страны, чем завоевал доверие народа.

В Константинополе по инициативе Франции была создана конференция послов великих держав, где французы попытались ограничить притязания Англии на Египет. Средством для этого стало принятое всеми державами обязательство «не искать в Египте каких-либо территориальных приобретений или исключительных выгод»^[87]. Англия была вынуждена принять это обязательство, вскоре ею нарушенное.

Ввод турецких войск в Египет и усиление там власти султана менее всего устраивали Англию, и премьер-министр Гладстон решил действовать немедленно, не ожидая турок. В мае 1882 г. в Александрию была направлена британская эскадра адмирала Сеймура. Французы решили, что они тоже «не лыком шиты», и отправили туда свою эскадру.

Теперь нужен был повод для нападения. Англичане заметили, что якобы египтяне ремонтируют свои береговые батареи, то есть их вооруженные силы ведут рутинную работу положенную по уставу. Вот вам и повод для нападения. Как не вспомнить дедушку Крылова и его басню «Волк и Ягненок».

Адмирал Сеймур направил египтянам ультиматум с требованием прекратить усиление береговой обороны Александрии, угрожая в противном случае бомбардировкой города. Египетские власти заявили в ответ, что никаких новых укреплений не возводится. Как показали дальнейшие события, египтяне, по сути, были абсолютно правы. Может, где-то что-то на батареях и приводилось в порядок, но в целом там царил бардак.

Еще до бомбардировки Александрии на Кипре были сосредоточены сухопутные части под командованием Гарнета Уолсней, предназначенные для оккупации Египта. Узнав о бомбардировке, Уолсней в инициативном

порядке^[88] отдал приказ высадить десант в Александрии. 6 и 7 (17 и 18) июля 1882 г. в Александрии было высажено 2 тысячи британских войск, а через несколько дней их число достигло 5 тысяч. Египетские войска отошли на 24 км от города и заняли оборону у городка Кафр-эль-Довар.

16 (27) июля британский парламент ассигновал на вторжение в Египет сумму, эквивалентную 23 млн. золотых рублей. Для приличия Англия предложила и другим государствам участвовать в оккупации Египта, но парламенты Франции и Италии не дали ни гроша.

В августе 1882 г. на Средиземное побережье у Александрии и на берег Красного моря в Суэце были высажены британские сухопутные части общей численностью 22 тысячи человек. К концу сентября египетские войска были разбиты, и весь Египет оказался под властью англичан.

Британский кабинет лицемерно заявил, что Англия, мол, не имеет намерения удерживать Египет и английские войска уйдут оттуда тотчас же, как только внутреннее состояние страны позволит им отказаться от своей якобы тягостной миссии. Забегая вперед, скажу, что в 1922 г. французский журналист Джульетт Адам не поленился и посчитал, что за пятьдесят лет британское правительство дало 66 официальных сообщений о выводе британских войск из Египта^[89].

С началом Первой мировой войны Англия объявила Египет своим протекторатом. 28 февраля 1922 г. правительство Англии под давлением национальных движений Египта объявило об отмене протектората и провозглашении в Египте конституционной монархии во главе с королем Фуадом. Замечу, что полный его титул – король Египта и Судана. После смерти Фуада в 1936 г. ему наследовал сын Фарук.

Тем не менее британские войска оставались на территории Египта. Ими, в частности, контролировалась зона Суэцкого канала.

В ходе революции 1952 г. Фарук был свергнут, и ему наследовал сын Ахмед Фуад II. Но он процарствовал меньше года, и 18 июня 1953 г. Египет был провозглашен республикой.

В 1954 г. в Египте к власти приходит полковник Гамаль А[^]дель Насер. Он решает в течение 15 – 20 лет провести индустриализацию страны и освоить целый ряд пустынных районов. Стержнем этих планов стало строительство огромной гидроэлектростанции в Асуане на реке Нил.

Но для постройки плотины в Асуане требовались огромные средства. И вот Насер обратился к Международному банку реконструкций и развития (МБРР) с просьбой о займе 1,3 млрд. долларов, по тем временам огромной суммы. Банк тогда, как и теперь, контролировался США. И тут банкиры

предложили Насеру кабальные условия. Президент Египта внимательно выслушал директора МБРР Юджина Блэка, а затем сказал: «Быть может, нам предоставит кредит другая великая держава. И без унижительных оговорок».

Насер знал, что говорит. Он еще 19 октября 1954 г. добился соглашения с Англией о выводе в течение 20 лет всех британских войск из зоны Суэцкого канала. А 26 июля 1956 г. Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала. Теперь доходы от канала должны идти на строительство Асуанской плотины.

Небольшая справка. В 1955 г. через канал было провезено 108 млн. тонн грузов, в том числе свыше 67 млн. тонн нефти. До 1956 г. канал принадлежал «Компании Суэцкого канала» (около 52% французские и 44% английские акционеры). Из 35 млн. ежегодной финансовой прибыли на долю Египта приходился всего 1 млн.^[90]

На следующий день после подписания декрета о национализации канала британский комитет начальников штабов получил указание подготовить план захвата зоны канала. В Лондон прилетел французский министр иностранных дел Кристиан Пино. Одновременно французское правительство обратилось к Израилю с просьбой предоставить разведывательные сведения о египетской армии. Помимо всех других претензий к Насеру в Париже полагали, что в случае прекращения египетской помощи алжирским повстанцам война там прекратится через две недели.

22 октября 1956 г. во французском городе Севре состоялась секретная встреча, в которой участвовали: с израильской стороны – премьер-министр Бен-Гурион, начальник генштаба Моше Даян и генеральный директор министерства обороны Шимон Перес. С французской стороны присутствовали – министр обороны Морис Бур-жес-Монури, министр иностранных дел Кристиан Пино и начальник генштаба Морис Шаль. С британской стороны присутствовали – секретарь по иностранным делам Селвин Ллойд и его помощник сэр Патрик Дин.

Переговоры длились 48 часов и закончились подписанием секретного протокола. Согласно разработанному плану Израиль должен был атаковать Египет, а Англия и Франция вслед за этим должны были вторгнуться в зону Суэцкого канала, объясняя свои действия «защитой канала и необходимостью разделить враждующие стороны». Предполагалось, что по окончании войны Израиль аннексирует весь Синай или, по крайней мере, его восточную треть по линии Эль-Ариш – Шарм-аль-Шейх. Израиль при этом обязался не нападать на Иорданию, а Великобритания не оказывать

помощь Иордании, если она атакует Израиль.

По настоянию израильской делегации, опасавшейся невыполнения обязательств со стороны своих союзников, договор был составлен в письменном виде, подписан и передан каждой из сторон.

На переговорах Бен-Гурион первоначально предложил план по крупному переделу границ на Ближнем Востоке. Иордания, согласно этому плану, должна была быть расформирована, при этом ее часть к востоку от реки Иордан должна быть аннексирована Ираком, а часть к западу от реки Иордан переходила бы к Израилю. Южная часть Ливана вплоть до реки Литани должна была, согласно этому плану, перейти к Израилю, а Ливан должен был отказаться от некоторых своих владений с преобладающим мусульманским населением и превратиться в республику с христианским большинством, союзную Израилю. Однако французы и англичане такой план не одобрили и убедили Бен-Гуриона сосредоточиться на Египте.

Следует отметить, что еще в 1955 г. Англия и Франция отказались поставлять оружие Египту. Естественно, что Насер обратился к СССР. Поначалу Хрущев не желал ввязываться в ближневосточные дела, и египтянам предложили обратиться за оружием в Чехословакию. Дело в том, что у ЧСР хватало и советского оружия, а с другой стороны, ее заводы сами производили первоклассные образцы вооружения как по советским образцам, так и собственных проектов.

27 ноября 1955 г. Насер официально объявил о начале поставок в Египет чехословацкого оружия. Через Чехословакию ему было поставлено 230 танков Т-34 – 85, 100 самоходок Су-100, 500 буксируемых орудий, 200 самолетов, из которых 128 были реактивными (в основном МиГ-15 и Ил-28). Любопытно, что египетские летчики обучались в Польше.

Поставленное вооружение было достаточно современным, но просьбы Насера о поставке более мощных систем (танков ИС-3, Т-54, истребителей МиГ-19 и т. д.) советская сторона отклонила.

К началу боевых действий египетская армия находилась в стадии переоснащения, личный состав не освоил новой техники и т. д. Так, в боевой готовности находилось только 48 реактивных самолетов.

29 октября 1956 г. израильские войска начали операцию «Кадеш» нападения на Египет. Египетское командование было застигнуто врасплох. В день нападения начальник генерального штаба Египта Абдель Хаким Амер и многие старшие египетские офицеры находились на переговорах в Иордании и Сирии. В ночь на 28 октября израильский истребитель сбил самолет с египетской военной делегацией на борту, летевший из Сирии в Египет. В результате погибло 18 офицеров египетского генштаба, но

Абдель Хаким Амера в этом самолете не было, он вернулся в Египет на другом самолете позже.

Следуя Севрскому соглашению с Израилем, Англия и Франция наложили вето на предложенную США резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую Израиль прекратить агрессию против Египта. Англия и Франция выдвинули собственное требование, призывающее обе стороны конфликта отвести войска на 30 км от Суэцкого канала. Египет отказался выполнять его, и обе страны начали против него военные действия.

К 5 ноября 9 израильских бригад оккупировали весь Синайский полуостров. Две египетские пехотные дивизии, отдельная пехотная бригада, бронетанковая бригада и пограничники беспорядочно отступали, бросив практически без боя около 400 единиц техники – автомашин, бронетехники и артиллерийских орудий, в том числе 40 танков Т-34, 60 бронетранспортеров, несколько десятков тяжелых самоходных орудий Су-100.

И вот теперь началась операция «Мушкетер», предусматривавшая уничтожение военного потенциала Египта и захват зоны Суэцкого канала.

В составе англо-французских сил, участвовавших в операции, было 7 авианосцев, 3 крейсера, 13 эсминцев, 14 сторожевых кораблей, 6 подводных лодок, 11 десантных кораблей, 8 тральщиков, 60 транспортов, а также другие корабли и суда. ВВС союзников располагали 751 самолетом, из которых палубных – свыше 290.

Британские десантные силы включали в себя пехотную и бронетанковую дивизии, три пехотные и парашютную бригады, два отдельных танковых полка, две армейские артиллерийские группы, отдельный полк бронеавтомобилей, шесть отдельных артиллерийских полков и три отдельных пехотных батальона. Общая численность британских войск составляла около 45 тысяч человек.

Французские силы состояли из механизированной и воздушно-десантной дивизий, отдельной парашютной бригады и отдельного танкового полка. Численность французских войск превышала 20 тысяч человек.

Для высадки вертолетного десанта была создана специальная группа в составе двух авианосцев – «Тесеус» и «Оушен» – с 22 вертолетами на борту. К высадке готовился 45-й батальон коммандос численностью около 600 человек. 4 октября эти силы провели учения.

31 октября англо-французская авиация начала бомбардировки военных и промышленных объектов Египта, применив для этого 300 английских и 240 французских самолетов. Первые удары наносились по аэродромам

Альмаза, Абу-Суэйр, Инхас и Кабрит.

В результате первых авиаударов англо-французской авиации удалось уничтожить более 100 египетских самолетов. Превосходство союзных летчиков-профессионалов над египтянами было полное. Неприятности у союзников происходили лишь при встрече с самолетами, пилотируемыми советскими инструкторами. Так, еще 30 октября истребитель МиГ-15 сбил британский разведчик «Канберра». Через два дня десять британских истребителей «Хантер» атаковали над окраиной Каира три бомбардировщика Ил-28. Заработали носовые и кормовые 23-мм пушки Нудельмана-Рихтера, и два «охотника» разлетелись на куски.

К 1 ноября в бой вступила специально переброшенная СССР группа истребителей МиГ-17, которым 2 и 3 ноября удалось сбить несколько английских самолетов.

Тем не менее к 3 ноября англо-французской авиации удалось завоевать господство в воздухе. Потеряв большое количество самолетов, главным образом на земле, египтяне приняли решение рассредоточить оставшиеся боевые машины.

6 ноября англо-французские силы высадили морской и вертолетный десанты в Порт-Саиде. 7 ноября союзники захватили Порт-Саид и продвинулись вдоль Суэцкого канала на 35 км. Авиация с аэродромов Кипра, Мальты и с авианосцев прикрывала высадку морского десанта, блокировала аэродромы противника, наносила удары по скоплениям живой силы и техники. С 8 по 20 ноября в Порт-Саиде высадились войска союзников второго эшелона – до 25 тысяч человек, 76 танков, 100 бронемашин и более 50 орудий крупного калибра. Общая численность десанта превысила 40 тысяч человек.

Оказавшись в безвыходном положении, Насер направил президенту США Дуайту Эйзенхауэру, председателю Совета Министров СССР Николаю Булганину, премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру и президенту Индонезии Сукарно послания с призывом о помощи. Первым двум – как руководителям великих держав, способным воздействовать на агрессора, двум другим – как лидерам движения неприсоединения.

США на срочном собравшемся в тот же день заседании Совета Безопасности призвали всех его членов, в том числе Англию и Францию, воздержаться от применения силы. Одновременно Израилю предлагалось отвести войска в пределы национальных границ.

И тут янки, желавшие под личиной миротворцев взять под контроль канал, попали в ловушку. Утром 5 ноября министр иностранных дел Д. Шепилов направил телеграмму председателю Совета Безопасности, в

которой говорилось, что если в течение 12 часов не будут прекращены боевые действия и в трехдневный срок не будут выведены войска агрессора с египетской территории, то все члены ООН, и «прежде всего СССР и США», окажут Египту военную поддержку. Советский Союз, подчеркивалось в телеграмме, готов уже сегодня предоставить «жертве агрессии» помощь путем «посылки военно-морских и военно-воздушных сил, воинских частей, добровольцев, инструкторов, военной техники»^[91] и т. д.

Вечером того же дня по личному указанию Хрущева были отправлены специальные послания главам правительств Англии, Франции и Израиля, в которых говорилось, что война с Египтом «может перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну», в которой может быть использована «ракетная техника». СССР не исключал возможности «применением силы сокрушить агрессора и восстановить мир на Востоке». Поздней ночью в МИД были вызваны послы стран-агрессоров, где им в довольно суровом тоне было изложено «первое и последнее предупреждение».

Советское предупреждение вызвало шок. Позже Сергей Хрущев писал: «...в Лондоне и Париже послание произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ги Молле подняли с постели. Прочитав официальный текст, а главное – сопровождавший его комментарий с конкретными подсчетами, сколько ядерных зарядов потребуется для уничтожения Франции, премьер-министр бросился к телефону звонить в Лондон. В британской столице царила такая же нервная обстановка.

Всю ночь продолжались консультации, и так и сяк прикидывали, насколько реальна угроза вмешательства Советского Союза, применения им атомного оружия? После заявления Вашингтона о своем невмешательстве они остались одни»^[92].

Была ли угроза Хрущева применить ядерные ракеты блефом? И да и нет. С одной стороны, Хрущев не желал доводить дело до применения ядерного оружия. С другой стороны, в 1956 г. на боевом дежурстве находилось 24 ракетных комплекса Р-5М (8К51) с ядерными боевыми частями, способные с территории ГДР поразить любой объект во Франции и Англии. Замечу, что в ходе учебного пуска 2 февраля 1956 г. ракета Р-5М пролетела 1200 км и поразила цель в районе Аральского моря боеголовкой мощностью 80 килотонн. Это был первый в истории пуск ракеты с ядерной боевой частью.

Кроме того, в СССР имелись ракеты более раннего типа Р-5 с той же

дальностью, но с головной частью с боевыми радиоактивными веществами («Генератор-5»). Ядерный удар по любому объекту в Западной Европе могли нанести и бомбардировщики дальней авиации Ту-4 и Ту-16, то есть средства для обращения Франции и Англии в радиоактивную пустыню у Хрущева были.

И уже на следующий день Никита Сергеевич получил послания из Англии и Франции, в которых премьер-министры А. Иден и Ги Моле сообщали о прекращении огня в ночь с 6 на 7 ноября 1956 г. А 8 ноября аналогичное послание пришло и от израильского премьера Бен-Гуриона.

Союзники попытались оставить свои войска на египетской территории на неопределенный срок. По сему поводу появилось заявление ТАСС, в котором говорилось: если агрессоры не выведут свои войска с захваченных территорий, то компетентные органы Советского Союза не станут препятствовать выезду в Египет «добровольцев», желающих помочь дружественному народу в борьбе против колонизаторов. Понятно, что речь шла о регулярных войсках.

В результате 23 ноября началась и уже через месяц полностью завершилась эвакуация англо-французских войск из Египта, а последний израильский солдат покинул Синай 7 марта 1957 г.

31 января 1957 г. Египет разорвал последнее соглашение с Англией о сотрудничестве в эксплуатации Суэцкого канала. Сам канал был расчищен от мин и затопленных судов с помощью советских специалистов, и 29 марта 1957 г. по нему вновь пошли корабли.

Война 1956 г. кардинально изменила ситуацию в мире. Резко усилился кризис колониальной системы и столь же резко увеличилась роль стран третьего мира. Советское правительство взяло курс на тотальную поддержку национально-освободительных движений на всех континентах. Ну а французское правительство укрепились в решительности любой ценой обзавестись собственным ядерным оружием, как тактическим, так и стратегическим. В последнем случае предусматривалось с территории Франции поражать «цели до Урала».

Глава 2.

Как Тунис и Марокко добились независимости

В июне 1942 г. тунисским беем стал Мухаммад VII аль-Моксеф. Уже в августе 1942 г. он предоставил французскому генеральному резиденту программу реформ, в основе которой лежало требование допустить тунисцев-мусульман на все государственные посты. Резидент отказался проводить эти реформы. В октябре 1942 г. между ним и беем произошел полный разрыв.

Как уже говорилось, восточная часть Туниса, включая столицу, была занята частями Роммеля, а в его западную часть вторглись американцы. Мухаммад VII, находившийся на оккупированной немцами территории, заявил, что будет соблюдать полный нейтралитет. Он категорически отказался объявлять войну союзникам и не пожелал провозглашать независимость Туниса.

В декабре 1942 г. Мухаммад VII сформировал правительство национального единства во главе с Мухаммедом Шеником. Оно не имело ни реальной власти, ни возможности управлять страной, но сам факт его создания вызвал у тунисцев взрыв.

7 мая 1943 г. англо-американские войска заняли город Тунис. Немедленно французские военные – сторонники де Голля арестовали Мухаммада VII, а 13 мая его заставили отречься и депортировали в Алжир. 15 мая на престол был посажен 63-летний Мухаммад VIII ал-Амин, до сих пор никак себя не проявивший.

Будучи французским протекторатом, Тунис представлял собой нищую страну. До 1940 г. страна не имела пассивного баланса внешней торговли. Так, в 1938 г. импорт составлял 1560 млн. франков, а экспорт – 1353 млн. франков. Экспорт сравнялся с импортом лишь в годы войны за счет торговли с Ливией и другими государствами.

В Тунисе в 1939 – 1940 гг. на тысячу коренных жителей-мусульман приходилось учащихся начальных школ всего 19 человек. А из общего числа учащихся – 45 тысяч человек – девочек было всего 7 тысяч. На тысячу жителей в среднем приходилось только 3 девочки в школах начального обучения. В то же время в те же годы в школах для французских детей обучалось в среднем 214 человек на тысячу французов, проживавших в Тунисе. Существовавшие для коренного населения начальные школы находились в основном в руках мусульманского

духовенства. Среднее светское образование для туземцев было практически недоступно. Для подготовки кадров администраторов из туземного населения имелось два колледжа.

В марте 1947 г. в Тунисе проходила всеобщая забастовка, заставившая французское правительство произвести некоторые изменения в системе управления Тунисом. Бейское правительство получило право решать все административные вопросы, которые до этого были в исключительном ведении генерального резидента.

В 1950-х гг. пассивный баланс во внешней торговле усилился так, в 1951 г. импорт составлял 63 819 млн. франков, а экспорт – 37 536 млн. франков.

В 1952 г. в Тунисе прошли первые в истории выборы в органы местного самоуправления. 28 августа 1955 г. французское правительство было вынуждено предоставить Тунису внутреннюю автономию. Внешняя политика, оборона и общественная безопасность оставались в ведении правительства Франции.

20 марта 1956 г. был подписан франко-тунисский протокол об отмене французского протектората, существовавшего с 1881 г. Бей Мухаммад VIII провозгласил независимость Туниса, а себя – королем. Тем не менее в стране по-прежнему оставались французские войска.

В январе 1957 г. в Тунисе было введено новое законодательство, запрещавшее, в частности, браки с малолетними и многоженство.

20 мая 1957 г. Франция прекратила финансовую помощь Тунису, а в ответ премьер-министр Хабиб Бургиба денонсировал заключенные в 1955 г. таможенные и валютные соглашения с Францией.

Ну а под шумок Бургиба заменил Королевскую гвардию, охранявшую дворец, на верные ему части. Ну а далее 15 июля 1957 г. был произведен государственный переворот. Мухаммад VIII был арестован. 25 июля Конституционная ассамблея Туниса провозгласила республику, первым президентом которой был избран Бургиба. Мухаммад VIII не отрекся от престола и был отправлен в охраняемую резиденцию в Манубе, но после смерти жены получил разрешение вернуться в столицу Тунис, где и скончался 30 сентября 1962 г.

После получения Тунисом независимости на его территории осталась французская военно-морская база в Бизерте. База занимала важное стратегическое положение, от нее до Сицилии всего 137 км. Муссолини назвал ее пистолетом, направленном в сердце Италии.

27 февраля 1961 г. президент Туниса Бургиба встретился в Рамбуйе с президентом Франции Шарлем де Голлем и предупредил его не допустить

использования базы в Алжирской войне. В свою очередь президент Франции указал на стратегическую важность базы в Бизерте, контролирующей пролив между Сицилией и Африкой, важнейший морской путь между Гибралтаром и Суэцким каналом, для обороны Франции. Вместе с Брестом, Тулоном и Мерс-эль-Кебиром Бизерта представляла собой «часть цепочки баз, необходимых для защиты Франции и ее ядерного запаса».

4 мая 1961 г. французский адмирал Морис Амман объявил тунисскому правительству о начале работ по расширению взлетно-посадочной полосы в Бизерте, заходившей на полтора метра на территорию Туниса. Работы по расширению полосы фактически начались уже 15 апреля – в одностороннем порядке и без объявления. Бургиба произвел следующие ответные шаги: 13 июня национальная гвардия заставила тунисских рабочих, занятых на строительстве ВВП, прекратить работу, 15 июня под напором национальной гвардии прекратили работу и заменившие их французские военные, и, наконец, 24 июня адмирал Амман отдал приказ о прекращении строительства. Затем Бургиба приказал построить 40-километровую бетонную стену по периметру базы, что вызвало резкое недовольство Франции и способствовало нагнетанию напряженности. 6 июля в Бизерте прошла многотысячная демонстрация с требованием эвакуации базы, что еще более усилило напряженность: Тунис хотел оказать давление на Францию, но де Голль считал такой метод давления неприемлемым.

С 7 по 13 июля по всему Тунису проходили ежедневные демонстрации, и более 6 тысяч членов молодежной организации правящей партии «Нео-Дестур» записались в добровольцы и отправились в Бизерту. По периметру базы были вырыты километры окопов.

К этому времени в Бизерте находилось 700 французских военных. На двух аэродромах базы базировалось несколько легких самолетов.

Бургиба потребовал немедленного вывода французских войск с тунисской территории и демаркацию южной границы страны, в особенности вблизи нефтяных месторождений Эджеле, откуда начинался нефтепровод для доставки алжирской нефти в Тунис.

Одновременно в полночь 13 июля тунисская армия была приведена в состояние повышенной боевой тревоги. 17 июля Бургиба озвучил свои требования, выступая перед Национальной ассамблеей, заявив, что Тунис потребовал от Франции сократить период деколонизации, но де Голль отказался выполнить эти требования.

Бургиба объявил о блокаде французской базы в Бизерте: 19 июля три

тунисских батальона, поддержанные артиллерией, заняли позиции, сделав невозможным передвижение французских военных транспортных средств, тем самым 30 военных и 22 французских гражданских лица оказались интернированными в Сусе. Помимо этого Бургиба приказал туниским войскам войти в Алжир через южную границу и занять зону между Бир-Роман и Гарет-эль-Хамель, где граница не была демаркирована согласно договору 19 мая 1910 г. между Францией и Османской империей.

В ответ Франция направил к берегам Туниса корабельное соединение, включавшее авианосец «Арроманш» с «Аквилонами». 19 июля французы начали перебрасывать по воздуху в Карубу десантников 2-го парашютного полка морской пехоты. Первую волну доставили транспортные самолеты «Норатлас». Они приземлились около 4 часов дня и сразу же попали под пулеметный огонь. Около 5 часов дня над Карубой появились шесть самолетов «Корсар» и четыре «Мистраля». Их пилотам разрешалось открывать огонь по арабам без дополнительного приказа. Однако подавить все огневые средства противника так и не удалось, и, когда позже прибыли транспортные самолеты второй волны, они тут же попали под интенсивный огонь противника.

На рассвете 20 июля тунисцы возобновили обстрел. В 4 часа утра первые мины упали на территорию Сиди-Ахмеда. Они угодили в ангары и на самолетные стоянки, уничтожив транспортные самолеты «Норатлас». Но вскоре прилетел палубный самолет «Аквилон» и заставил замолчать минометную батарею. Затем появились «Корсары» и «Мистрали», уничтожившие на подходе к Бизерте автоколонну с артиллерией. После 5 часов утра пара «Корсаров» помогла отразить атаку на арсенал Сиди-Абдаллах. Французы начали перехватывать инициативу. Используя поддержку авиации, парашютисты перешли в наступление.

С алжирских баз к французам прибывали подкрепления. Так, прилетели два «Скайрейдера» и в интересах защитников базы совершили два вылета. К вечеру прибыли вертолеты – боевой «Пират» и транспортный Н-34, но они вскоре были выведены из строя огнем артиллерии противника. Моряки собрали 14 «Корсаров» из 12-й и 17-й флотилий во временную авиагруппу. За 20 июля она совершила 40 вылетов, в которых израсходовала 9325 снарядов, 154 неуправляемые авиационные ракеты и сорок 227-кг бомб. Транспортные самолеты в тот день перебросили парашютистов из 3-го парашютного полка морской пехоты. Таким образом, к вечеру французы уже существенно улучшили свое положение, сняв угрозу обоим аэродромам. Блокированным оставался лишь военный порт.

В ночь на 21 июля пара истребителей «Аквилон» из 11-й флотилии

вылетела на «свободную охоту» вдоль дороги Тунис – Бизерта. Подсветку светящими авиабомбами (САБ) осуществлял «Норатлас». Но вылет этот закончился для французов неудачей. Ни одного грузовика так и не было обнаружено, к тому же погиб капитан-лейтенант Магэ, врезавшийся на своем самолете в землю при полете на малой высоте.

С рассветом 21 июля французские самолеты продолжили атаковать вражеские позиции. После полудня поступил приказ прекратить вылеты на непосредственную поддержку войск, поскольку бои шли уже на улицах Бизерты и возникла угроза нанесения ударов по своим.

22 июля французы окончательно выбили тунисцев из города. Эта авантюра обошлась тунисцам в 1300 человеческих жизней. Французы же потеряли всего 21 человека.

Тунисцы были наголову разбиты. Мало того, возникла возможность ввода французских войск в Южный Тунис через Ливию. В августе 1961 г. король Ливии Идрис дал согласие на пропуск французских войск через Триполитанию. Бургиба был вынужден дать задний ход, и к сентябрю конфликт в районе Бизерты был прекращен.

После предоставления независимости Алжиру значение для Франции базы в Бизерте резко упало. Париж даже не возражал против обсуждения «бизертского вопроса» в ООН весной 1962 г. Там ни одна из западных стран не поддержала Францию. В итоге подавляющим большинством голосов на сессии ООН была принята резолюция о годичном переходном периоде, по истечении которого все французские войска и военные объекты должны быть эвакуированы из Бизерты. К осени 1963 г. французские войска покинули Бизерту, а тунисские власти демонтировали «бизертскую стену».

А теперь перейдем к истории Марокко. Там в 1927 г. стал султаном восемнадцатилетний Мухаммад V из династии Филалидов, правившей с 1631 г. Формально султан являлся абсолютным монархом, носителем светской и духовной власти. Опять же формально султан был правителем французского и испанского Марокко, а также международной зоны в Танжере. Дело в том, что в 1923 г. порт Танжер и его окрестности общей площадью 373 кв. км были объявлены международной зоной, управляемой Францией, Испанией и Англией, а в 1928 г. к ним присоединилась еще и Италия. В Танжере проживало около 40 тысяч человек. Из них – около 9 тысяч европейцев, в основном испанцев.

На самом же деле власть султана если и имела хоть какое-то значение, то только во Французском Марокко. Жил султан в своем дворце в Рабате. Султанское правительство возглавлялось великим визирем и состояло из

визирей юстиции, благотворительных учреждений, народного образования, а также председателей верховного суда и религиозного суда.

Фактически же власть принадлежала французскому верховному комиссару, ведавшему также и иностранными делами Марокко. При комиссаре состоял совет с консультативными функциями из двух секций – французской и туземной. Публикация законов являлась прерогативой французского верховного комиссара.

Французские власти умышленно тормозили развитие народного образования среди коренного населения. Так, в 1939 г. в Марокко для европейских детей имелось 18 детских садов, 175 начальных публичных школ, в среднем на тысячу французов приходилось около 138 учащихся начальной школы. Сеть же школ для мусульманских детей была настолько ничтожна, что на тысячу марокканцев-мусульман приходилось всего трое (!) учащихся начальной школы. А число учащихся-девочек вообще было мизерным – в 1937/38 г. на 5,9 млн. мусульманского населения приходилось всего около 4 тысяч девочек, учащихся в начальных школах.

Высадившиеся во Французском Марокко в ноябре 1942 г. американцы начали заигрывать с местными феодалами. Дело дошло до того, что в 1943 г. во время конференции в Касабланке султан Мухаммад V встретился с президентом Рузвельтом, который заявил ему, что «эра колониальной эксплуатации заканчивается», и выразил намерения вести переговоры с султаном как с равноправным партнером. Однако до окончания боевых действия в Африке Госдепартамент США забыл о своих авансах султану.

Зато 22 декабря 1950 г. США и Франция заключили соглашение, по которому во Французском Марокко были созданы пять американских военных баз и размещено несколько эскадрилий стратегической авиации.

В январе 1951 г. генеральный резидент Франции в Марокко генерал Жюен потребовал от султана осудить деятелей движения за независимость Марокко и подписать петицию о лояльности французским властям протектората. Султан отказался это сделать. К столице начали стягиваться отряды берберских всадников. А в конце февраля состоялся судебный процесс над руководителями Марокканской компартии А. Ятой и М. Фархатом. Еще через несколько дней французские власти арестовали пятерых руководителей националистической партии «Истикляль» («Независимость»). Были запрещены собрания и введена жесткая цензура.

6 марта 1951 г. газета «Правда» утверждала: «По имеющимся сведениям, французские самолеты бомбардировали два марокканских города с целью подавить волнения, вызванные расправами французских колониальных властей над сторонниками движения за национальную

независимость страны. Из различных районов Французского Марокко также сообщается о кровавых столкновениях между французскими колониальными войсками и населением. Войска при поддержке танков полностью оккупировали Рабат. Султан Марокко, который находится под домашним арестом, под нажимом французского генерального резидента Журдэна удалил сторонников партии "Истикляль" из состава кабинета и центральных органов управления».

К этому времени французские войска окружили султанский дворец, а Мухаммад V оказался под домашним арестом. 19 августа 1953 г. французские власти произвели дворцовый переворот. Султан был отстранен от власти и выслан из страны на Корсику, а оттуда на Мадагаскар.

Новым султаном французы провозгласили Сиди Мухаммада Бен Арафу – двоюродного дядю Мухаммада V.

В августе 1955 г, во вторую годовщину переворота, в Рабате вспыхнуло восстание и начались баррикадные бои. Вскоре волнения охватили всю страну. Причем племена берберов, поддерживавшие Сиди Мухаммада, в этих боях заняли сторону националистов. Французская администрация была вынуждена вступить в переговоры с лидерами патриотических партий. В результате были найдены компромиссные решения. Французы согласились низложить своего ставленника – султана Сиди Мухаммада и допустить создание представительного марокканского правительства. 30 сентября Сиди Мухаммад отрекся от престола и уехал в Танжер.

А 18 ноября того же года в Марокко вернулся Мухаммад V. Марокканцы устроили ему торжественную встречу. Султан заявил, что его цель – создание конституционной монархии, демократичной и независимой. В своей тронной речи Мухаммад V объявил об окончании режима опеки и о формировании правительства, обязанное создать демократические институты в рамках конституционной монархии, руководить общественными делами и вести переговоры о новых взаимоотношениях между Францией и Марокко.

В феврале 1956 г. Мухаммад V поехал в Париж, где начались переговоры о предоставлении Марокко независимости. В марте того же год был аннулирован договор 1912 г. о французском протекторате, что означало фактическое признание независимости Марокко.

7 апреля 1956 г. в Мадриде было подписано испано-марокканское соглашение о признании Испанией независимости Марокко и отмене протектората над северными районами страны, за исключением районов

Сеута, Мелилья, Ифни, островов Алусемас, Чафаринас, Велесде-ла-Гомера.

Испанское руководство заявило, что Средиземноморское побережье Марокко – залог независимости и безопасности Испании и поэтому Сеута и Мелилья должны навечно остаться испанскими владениями.

11 июня 1956 г. король Мухаммад издал декрет о формировании марокканской национальной армии, командование которой он предусмотрительно доверил своему сыну Хасану.

С 8 по 29 октября 1956 г. в марокканском городе Федале состоялась международная конференция, посвященная судьбе международной зоны Танжера. В ней приняли участие 9 стран (США, Великобритания, Франция, Испания, Бельгия, Нидерланды, Португалия, Италия, Марокко).

9 октября Министерство иностранных дел СССР сделало заявление: «Правительство СССР выражает надежду, что конференция, созванная в г. Федала, не будет чинить препятствий скорейшему и действительному объединению Танжера с Марокко».

В итоге конференция приняла решение об отмене международного режима в Танжер и воссоединении его с независимым Марокко. Ну а 12 ноября Марокко было принято в Организацию Объединенных Наций.

Глава 3.

Предпосылки Алжирской войны

События в Алжире сыграли огромную роль в истории Франции и, что самое любопытное, будут приносить бедствия Французской республике и в ближайшие десятилетия. Поэтому история конфликта в Алжире имеет крайне важное значение в XXI веке для всего мира.

Начну с того, что Алжир не был обычной колонией. Он находится рядом с Францией, в 700 км от Марселя и в 500 км от берегов Корсики, то есть из Марселя до Алжира можно было добраться всего за сутки так же, как из Москвы до Симферополя скорым поездом. Главным же было другое – часть Алжира стала частью Франции в буквальном смысле.

Давайте сравним Алжир хотя бы с Мадагаскаром. Там на 1946 г. проживало около 4 млн. человек, из которых европейцев было 39,6 тысячи, то есть менее 1% всего населения. Из них французов – 26,4 тысячи. Тут, заранее подготовившись, можно было эвакуировать 26,4 тысячи французов буквально за один день. А их адаптация, даже в случае полной компенсации всего утерянного имущества, должна была пройти незаметно для экономики Франции.

А вот результаты переписи в Алжире, проведенной в 1946 г. Всего населения 8,93 млн. человек. Из них 86% арабов (то есть говорящего по-арабски смешанного арабо-берберского населения побережья) и берберских племен глубинных районов (кабилы, туареги и др.). Европейцев всего 1 млн. 5 тысяч человек (13,4%), в том числе французов – 11,6%, других европейцев (главным образом испанцев и итальянцев) – 1,8% общего населения^[93].

Ну а на конце 1960-х гг. число европейцев в Алжире возросло до 1,5 млн. человек. Соответственно, возросло и число арабов. Мало того, европейцы в основном проживали компактно. Были целые поселения европейцев, а в крупных городах их число доходило до половины. Добавлю, что около 20% арабов и берберов превратились в так называемых франкомусульман, то есть туземцев, полностью офранцузенных в языковом и культурном отношении, отличавшихся от черноногих лишь мусульманским вероисповеданием. А с начала XX века многие арабы стали уезжать во Францию в поисках более высокого заработка или по служебным обязанностям, и к 1960 г. в собственно Франции проживали 370

тысяч алжирских арабов. Как уже говорилось, черноногими арабы, а затем и сами французы называли европейское население Алжира.

Административно территория Алжира делилась на три департамента: Алжир, Оран и Константина (так называемые «заморские департаменты» Франции, которые формально считались частью метрополии) – и четыре территории.

20 сентября 1947 г. французское Национальное собрание приняло новый статут Алжира, дававший территории некоторые элементы «самоуправления». Тем не менее законы метрополии, касавшиеся широкого круга вопросов: правового статута французских граждан, государственного и административного устройства Алжира, реализации внешних договоров и др., имели обязательную силу в Алжире без какого-либо подтверждения их местной Представительной ассамблеей.

Высшая административная власть в Алжире принадлежала генерал-губернатору, назначаемому французским правительством и ответственному перед ним. Генерал-губернатор представлял Францию во всем Алжире. Он издавал регламенты и распоряжения, санкционировал решения Представительной ассамблеи и мог возвращать их на повторное рассмотрение ассамблеи. В случае расхождения мнений спорный вопрос передавался на окончательное решение французского парламента. Представительная ассамблея лишь в согласии с генерал-губернатором могла решать наиболее важные вопросы. Генерал-губернатор единолично и в сопровождении нужных ему чиновников был вправе присутствовать на заседаниях ассамблеи и выступать на них. Генерал-губернатор выносил постановления о ничтожности решений ассамблеи, если они выходили за пределы компетенции ассамблеи. Генерал-губернатор пользовался правом инициативы и мог требовать квалифицированного большинства голосов ассамблеи по любому вопросу.

При генерал-губернаторе имелся правительственный совет, наблюдавший за исполнением решений ассамблеи. Этот совет состоял из шести членов: двух – по назначению генерал-губернатора и четверых – от ассамблеи, в том числе ее президента и вице-президента.

Ассамблея избиралась в составе 120 человек по 60 от двух курий: 1) в основном из европейцев и 2) из туземцев, хотя первые составляли всего лишь 10% всего населения. Избирательное право Алжира регулировалось французскими законами. Выборы в ассамблею производились по одноименным спискам в два тура (минимальный возраст депутата – 23 года) и контролировались Государственным советом метрополии. Срок полномочий депутатов – 6 лет, половина состава избиралась через три года.

В ряде случаев ассамблея могла быть распущена досрочно по решению Совета министров метрополии. Компетенция ассамблеи была весьма ограничена.

Проект бюджета Алжира разрабатывался генерал-губернатором под контролем метрополии. Ассамблея избирала бюро, финансовую и ряд других комиссий. В случае досрочного роспуска, до созыва новой ассамблеи, созывалась комиссия из 18 генеральных советников по 6 от каждого из трех департаментов Алжира.

Поражение Франции во Второй мировой войне, а также оккупация Алжира американскими войсками привели к резкому росту националистических настроений в Алжире. Сразу замечу, что ни в Северной Африке, ни в других французских колониях янки не были сторонниками национально-освободительных движений, но всегда стремились вытеснить из колонии французов, чтобы занять их место. Причем американцы, за исключением островов Тихого океана, не пытались создавать классические колонии по образцу XIX века, а действовали через местные марионеточные режимы.

Самое любопытное, что средний класс франкомусульман был в подавляющем большинстве настроен националистически. Повсюду шли разговоры, почему французы получают больше нас. Мы сами будем управлять Алжиром. К франкомусульманам очень подходит песенка Бертольта Брехта: «Шагают бараны в ряд. Бьют барабаны. Кожу для них дают сами бараны». С равным успехом она подходит к национальной интеллигенции мусульман и к левой интеллигенции самой Франции. Как раз большая часть франкомусульман стала жертвой французских карателей и фанатичных мусульман. А с получением Алжиром независимости десятки тысяч франкомусульман стали паковать чемоданы – «Спасите нас, проклятые колонизаторы!»

Первым звеном в Алжирской драме стали события 8 мая 1945 г., когда большая часть Европы ликовала по поводу окончания войны.

В этот день алжирские националисты устроили массовую демонстрацию в городе Сетифе, провинциальном центре в 250 км восточнее города Алжира. Французские полицейские открыли огонь. В ходе стрельбы был убит знаменосец Бузид Саль. Тогда националисты устроили погром в городе. Было убито 102 европейца и еврея. В ответ французская армия провела карательную экспедицию, в ходе которой было убито несколько тысяч арабов.

После расправы над националистами в Алжире на несколько лет воцарилось спокойствие, что дало французскому правительству и

черноногим основание считать, что с помощью репрессий они смогут подавить национально-освободительное движение.

На самом деле националисты затаились и интенсивно готовились к войне.

В 1947 г. сформировалась «секретная организация» (ОС), вооруженное крыло партии Движения за торжество демократических свобод. Ее первые акции были неудачными. В 1953 г. ОС объединилась с вооруженными группами Демократического союза Алжирского манифеста. Эти силы подчинялись зарубежному центру, который в течение всей войны находился в Египте и Тунисе.

Любопытно, что в 1947 – 1955 гг. Алжирская коммунистическая партия «недооценивала возможность завоевания алжирским народом независимости без предварительной победы французского рабочего класса»^[94]. В принципе, это соответствовало теории Маркса, согласно которой пролетарская революция должна начаться в наиболее экономически развитых странах, а лишь после победы пролетариата развитых стран возможен успех национально-освободительного движения.

Таким образом, руководство сопротивления в Алжире с самого начала было в руках ультранационалистов и религиозных фанатиков.

Глава 4.

Ход Алжирской войны

Началом войны в Алжире считается 1 ноября 1954 г. В этот день был создан Фронт национального освобождения (ФНО), целью которого было достижение независимости страны вооруженным путем. В тот же день, 1 ноября, около 350 боевиков ФНО совершили нападения на местные отделения жандармерии, здания администрации, армейские казармы и даже места проведения фестиваля, посвященного Дню Всех Святых. При атаке казарм в Батне погибло двое часовых, которые согласно приказу в мирное время заступали в караул с разряженным оружием и без боеприпасов. Всего 1 ноября погибло до 20 французских солдат и несколько гражданских лиц.

Программа ФНО была изложена в его воззвании:

«Наша цель – достижение национальной независимости путем:

1) учреждения алжирского правительства, обладающего демократическим и социальным суверенитетом в рамках принципов ислама;

2) уважения всех основных свобод, независимо от расы и вероисповедания.

Внутренние цели:

1) Проведение мер по политическому очищению, а именно – возвращению революционного национального движения на правильный путь и уничтожению остатков коррупции, которая является причиной его настоящего упадка.

2) Мобилизация и организация всех здоровых сил алжирского народа на уничтожение колониального режима.

Внешние цели:

1) Интернационализация алжирской проблемы.

2) Осуществление единства Северной Африки в ее естественных границах, т. е. в пределах арабизма и ислама.

3) Подтверждение в рамках устава ООН нашей признательности ко всем нациям, которые поддерживают наше освободительное движение».

Начись подобное восстание в Алжире в 1881 – 1914 гг., вся Франция поднялась бы против мятежников. Совсем иная ситуация сложилась в метрополии во второй половине 1950-х гг.. В стране с 1945 г. были крайне сильны коммунисты и левые социалисты, а также пацифистские движения всех мастей.

Так, 21 октября 1945 г. коммунисты на всеобщих выборах вышли на первое место, собрав 5 004 121 голос (26,1% общего числа) и получили 158 мандатов. 2 июня 1946 г., несмотря на противодействие всех остальных партий, количество голосов, поданных за коммунистов, возросло до 5 203 046 (26%), а 10 ноября 1946 г. на выборах в Национальное собрание они получили только во Франции (без колоний) 5 475 955 голосов (28,2%), вместе с колониями – 5 746 288 голосов.

Вспомним очень интересный, но крайне пацифистский фильм «Фанфан Тюльпан». Военные поражения Франции в Индийском, а затем в Суэцком конфликте сильно укрепили позиции пацифистов.

Левые во Франции верили в то, что в Алжире ФНО борется не только за независимость Алжира, но и за свободу, равенство и братство и даже за социализм. Соответственно, победа ФНО, по мнению левых, должна была ослабить французское правительство и привести левых к власти.

Кроме того, среди французов метрополии широкое распространение получили взгляды минористов – сторонников «маленькой европейской Франции», своеобразных «уменьшителей», заявлявших, что Франции лучше самой избавиться от колоний, чтобы не кормить быстрорастущее цветное население. Поэтому «уменьшители» также рьяно выступали против войны в Алжире.

На самом же деле националисты и исламисты думали и действовали куда похлеще националистов. Так, свою программу в отношении европейского населения Алжира они четко сформулировали в лозунге: «Гроб или чемодан!» То есть всем европейцам предложили выбор между смертью или изгнанием из Алжира. Ни о каких правах черноногих даже не помышляли.

В конце 1954 г. в городе Бон повстанцы расстреляли автобус с французскими школьниками. В начале 1955 г. мятежники практически поголовно вырезали все население шахтерского поселка близ Филиппвиля (ныне Скикда). Всего было убито 123 человека, в том числе 71 европеец. Предположим, что подобное сделали бы немцы во Франции или Польше в 1944 г. Господи, да какой бы там мемориал возвели, да какие толпы туристов водили бы туда! А о Филиппвиле французские либералы не хотели и слышать ни тогда, ни сейчас. И у нас и в 1960-х гг. советская пресса помалкивала, и сейчас, в XXI веке, ни в серьезные газеты, ни на центральное телевидение материалы о Филиппвиле редакция никогда не пропустит.

К 1955 г. в Алжире находилось около 50 тысяч слабо вооруженных французских частей. Так, ВВС в Алжире состояли из 36 устаревших

американских винтомоторных истребителей F-47D «Тандерболт».

В 1956 г. обрели независимость Тунис и Марокко. Немедленно там обосновались вооруженные группировки ФНО, совершавшие налеты на территорию Алжира. Эти подразделения ФНО официально назывались «Армией Границы». Особую опасность для французов представляли отряды ФНО в Тунисе.

Чтобы обезопасить Алжир от проникновения повстанцев, колониальные власти начали строительство защитных линий вдоль границы Марокко и Туниса. Наиболее совершенной была линия Мориса на границе с Тунисом, окончательно введенная в строй в сентябре 1957 г. В рекордные сроки военные инженеры возвели заграждения из колючей проволоки высотой в 2,5 м. По проволоке пустили ток напряжением 5000 вольт. Если на каком-то участке заграждения происходило падение уровня напряжения, то на командный пост немедленно поступал сигнал. Этот участок сразу же обстреливался из 105-мм гаубиц.

На 45 миль в глубину установили минные поля. В случае появления крупных сил повстанцев против них могли быть брошены мобильные подразделения пехоты и парашютистов. Прикрытие линии Мориса с воздуха осуществляли штурмовики Т-6 и ночные бомбардировщики В-26N, оснащенные РЛС.

«Фортификационные сооружения защищало 80 000 французских военнослужащих. На прикрытие укрепленной линии были выделены 26, 60, 151,152 и 153-й пехотные полки. Им противостояло около 10 000 бойцов Фронта, уже готовых к прорыву на алжирскую территорию. И это было далеко не все, что повстанцы могли противопоставить колониальным войскам. Поданным французской разведки, ежемесячно в тренировочных лагерях на территории Туниса готовилось до 1000 бойцов»^[95].

Для перехвата судов, везущих оружие в Алжир, была организована блокада его побережья, осуществляемая как малыми кораблями, так и патрульной авиацией. Так, 14 октября 1955 г. патрульная летающая лодка «Каталина» обнаружила у берегов Алжира судно «Атос» и навела на него сторожевые катера. На борту «Атоса» французские жандармы обнаружили большое количество оружия и боеприпасов.

Теоретически французы могли здорово надавить на Тунис, вплоть до установления жесткой морской блокады. Однако пойти на это французское правительство не рискнуло.

К лету 1956 г. численность французских регулярных войск в Алжире возросла до 400 тысяч человек. Еще около 100 тысяч находилось в жандармских подразделениях, многие из которых были моторизованными,

а также 100 тысяч человек состояло в военизированных формированиях французов-поселенцев. Французская армия получила дополнительно большое количество минометов, поскольку в горно-лесистой местности применение артиллерии было малоэффективно. Около 6,8 тысячи армейских автомашин были бронированы.

Существенно усилились и ВВС. Первыми реактивными самолетами в Алжирской войне стали двухмоторные бомбардировщики «Вотур» фирмы «Сюд Авиасьон». Две эскадрильи, оснащенные «Вотурами», во второй половине 1950-х гг. дислоцировались в Оране.

В октябре 1958 г. на авиабазе Тебесса была сформирована первая ночная истребительная эскадрилья ECN 1/71, вооруженная поначалу восемью универсальными самолетами MD-315R Flamant («Фламинго»), оснащенными радаром. В ноябре 1959 г. их усилили восемью «Метеорами». С января 1961 г. на смену «Фламинго» начали поступать ночные истребители В-26N с локаторами Al Mk X.

К июлю 1961 г. летчики из ECN 1/71 выполнили 41 перехват, из которых 12 завершились принуждением самолетов к посадке. Причем несколько из них оказалось французскими или принадлежавшими нейтральным странам. Почти все успехи были достигнуты на «Фламинго».

20 сентября 1960 г. два самолета «Мистраль» перехватили нарушителя, залетевшего в воздушную зону Константина. Это был советский самолет Ил-4. Самолет вынудили сесть на аэродром Буфарик, на борту его оказался президент Гвинеи Секу Туре. Какой леший занес его на территорию Алжира, до сих пор неизвестно.

Ну а 9 февраля 1961 г. эскадрилья ЕС 1/7 чуть было не изменила ход мировой истории. Наземные РЛС обнаружили над морем вблизи города Алжира идущий на высоте 8,2 км в сторону берега самолет. Немедленно на перехват была поднята пара реактивных истребителей «Мистраль» (вариант английского «Вампира»). «Цель» оказалась советским лайнером Ил-18. По приказу с наземного командного пункта летчик связался с экипажем на международной частоте и предложил совершить посадку на аэродроме в Мэсон-Бланш. Но Ил-18 молчал. Тогда лейтенант Лаплас зашел с левого борта и в течение 8 минут выполнял общепринятые маневры, которыми пытался показать советским летчикам, что от них требуется. Реакции никакой. Тогда пара французских истребителей выполнила несколько виражей в сторону, куда следовало повернуть советскому самолету, но тот продолжал идти прежним курсом. С командного пункта поступил новый приказ: указать требуемое направление

трассирующими очередями. Лаплас тут же выполнил его, после чего Ил-18 резко отвернул в противоположном, северном направлении. Лаплас собрался повторить стрельбу, но поступил приказ немедленно прекратить перехват и срочно возвращаться на базу.

Лишь на земле летчики узнали, что на борту Ил-18 находился председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, летевший из Москвы в Гвинею. Самое любопытно, что и Москва, и Париж замяли дело. Судя по всему, не правы были обе стороны.

А ведь одна пулеметная очередь по фюзеляжу Ил-18 могла если не кардинально изменить курс истории, то, во всяком случае, изрядно его скорректировать.

Специфику действий французской авиации в Алжире рассмотрим на нескольких примерах.

«Настоящее сражение разыгралось 23 мая 1957 года возле Агунненда, к югу от дороги Блида – Эль-Арба. Накануне ночью позиции на высоте 1298 заняли 700 десантников, которыми командовал знаменитый полковник М. Бижар. В 10:30 находившаяся на левом фланге 3-я рота капитана Лламби вступила в бой с большим отрядом повстанцев, который превосходил ее по численности в 3 раза. Для Бижара стало очевидным, что рассредоточенные на значительном расстоянии подразделения десантников не успеют помочь Лламби, и полковник немедленно вызвал по радио подкрепление. Не прошло и получаса, как с авиабазы Медеа на вертолетах прибыла резервная рота, высадившаяся рядом с местом боя. Около полудня в дело вступили 1-я и 2-я рота Бижара. Вертолеты Н-19 из эскадрильи ЕНМ 2/57 продолжали доставлять резервы, а Bell-47G занимались эвакуацией раненых.

Теперь перевес в силах был у французов, которые перешли в контратаку. Однако муджахиды стойко удерживали часть долины. Тогда к штурмовке их позиций приступили "Тексаны". Затем начали наступать две роты спецназа, доставленные "летающими бананами". До наступления ночи повстанцев удалось окружить, но под покровом темноты они сумели прорваться. Арабы потеряли 96 человек убитыми и 12 пленными. Французы, по официальным данным, – 8 человек убитыми и 29 ранеными.

13 – 15 июня в масштабной операции приняли участие В-26. 19 машин из группы GB 1/91 нанесли ряд ударов по позициям АНО в районе населенного пункта Мехария. Были сброшены 154 ФАБ, израсходованы 30 400 патронов к 12,7-мм пулеметам»^[96].

А вот 25 мая 1958 г. «вооруженный отряд ФНО атаковал пост Ремада. Ничего лучшего для оказания помощи не нашлось, как противолодочные

TBM Avenger из дислоцированной в Карубе флотилии 4F. Пара капитан-лейтенанта Отюиля появилась над целью в 5:30. Укрывшегося в складках местности противника помогал выискивать "Пайпер" сержанта Казо. Более двух часов "Эвенджеры" кружили над Ремадой, уничтожая бойцов ФНО, их пулеметные точки и минометные позиции. От ответного огня несколько самолетов получили пулевые пробоины. В 7:15 на усиление прибыла пара В-26. Примерно через полчаса "Эвенджеры" покинули поле боя, а около 9:00 из 4F пришли еще две такие машины. Когда моряки израсходовали боеприпасы, они приступили к психическим атакам, проходя буквально по головам неприятельских бойцов. К полудню наземные силы при поддержке авиации окончательно разгромили нападавших.

3 июня на базу Мэсон-Бланш прибыла флотилия 11F с двадцатью четырьмя всепогодными истребителями-перехватчиками Aquilon (палубный реактивный истребитель, копия британского "Венома". – А.Ш.). Квалификация летчиков позволяла выполнять задания и в ночное время. Поначалу предполагалось использовать их для борьбы с воздушным снабжением отрядов АНО, но с 11 июня их бросили против наземных объектов...

Во второй половине 1958 г. французы провели ряд значительных операций с участием авиации. Вот типичный пример. 1 июля до ночи длился бой с крупным отрядом АНО в районе Джебель-Ахмар. Французы бросили против алжирцев порядка 30 самолетов – от "Пайперов" до "Инвейдеров". Применялся нападм. С "Норатласов" был выброшен парашютный десант. Арабы яростно отстреливались и смогли повредить 16 самолетов, включая восемь Т-6, один из которых разбился. В итоге отряд АНО смог уйти, потеряв 23 человека.

В тот период безвозвратные потери французской авиации возросли. Только со 2 июля по 8 августа пулеметчики АНО сбили два "Пайпера" и один "Мистраль", экипажи которых погибли. В начале 1959 г. французская разведка зафиксировала усиление ПВО противника. В тунисских лагерях АНО появились 12,7-мм пулеметы и 20-мм автоматические пушки»^[97].

Любопытно, что в конце войны стали использовать сверхзвуковые истребители-бомбардировщики американского производства «Супер Сейбр» F-100D, базировавшиеся на авиабазе Реймс во Франции.

Наиболее же удачным был перехват, совершенный еще 22 октября 1956 г. С 20 по 21 октября 1956 г. в Тунисе состоялась встреча марокканского султана (короля) Мухаммада V с лидерами ФНО Беном Беллой, Хидером, Айтом Ахмедом и Будиафом. Король прибыл в Тунис на

самолете Douglas DC-3 авиакомпании AirMaroc. Домой, в Марокко, лидеры повстанцев должны были возвращаться этим же самолетом.

Естественно, французская разведка была в курсе событий. Самое удивительное, что перехват состоялся без применения истребителей. В ходе полета командир экипажа командант Жильер получил по радио приказ приземлиться в Алжире. Самолет принадлежал Марокко, но он имел французский номер и был зарегистрирован во Франции. Жильер был бывшим офицером ВВС Франции и не привык пререкаться с начальством. Хотя, возможно, он просто знал об истинной цели этой посадки. В итоге самолет совершил посадку на одном из военных аэродромов в Алжире. Все лидеры повстанческого движения были арестованы без всякого сопротивления.

С 1956 г. в боевых операциях стали применяться вертолеты американского производства. Поначалу они использовались в разведывательных целях, для высадки десанта, эвакуации раненых и т. д. Но в начале 1959 г. на вертолете Н-21 конструкции Пясецкого впервые установили трофейную германскую 2-см пушку MG 151/20. Машина получила официальное наименование «Banane saopne» (пушечный «Банан»), а летчики дали ей имя собственное – «Кулеврина». Вскоре пушкой вооружили еще один Н-21.

Первое боевое применение «Бананов» произошло 29 июня 1959 г., когда вооруженные вертолеты прибыли на помощь морским командос поста Эль-Риша, которых ночью атаковал крупный отряд ФНО.

Вооружение вертолетов 7,5-мм пулеметами оказалось малоэффективным. Поэтому на вертолете Н-19 снаружи подвесили 20-мм пушку и две пусковые неуправляемые авиационные ракеты (НАР). В грузовой кабине установили целую батарею из 20-мм пушки, двух 12,7-мм и одного 7,5-мм пулеметов. После такого усиления вооружения скорость и маневренность вертолета заметно снизились.

На легких вертолетах французского производства Alouette II установили пусковые для 37-мм НАР и 2 – 4 противотанковые управляемые ракеты SS-10, которые позднее заменили на AS-11 с дальностью пуска до 3000 м. Оба снаряда имели не кумулятивные, а осколочно-фугасные боевые части.

Первое применение ПТУР с вертолета состоялось в середине 1959 г., когда несколько ракет выпустили по пещере, в которой укрылись повстанцы.

Вертолет Н-34 «Пират» (Pirate) получил одну пушку MG 151/20, установленную в дверях по правому борту, и два 12,7-мм пулемета,

размещенные в окнах по обоим бортам. Во время атаки Н-34 становился над целью в правый вираж и левый пулемет почти никогда не использовался, поэтому вскоре его стали снимать. «Пираты» часто действовали совместно с «Алуэтами», реже – с легкими самолетами, занимавшимися разведкой и целеуказанием.

Первое боевое применение «Пиратов» состоялось 8 января 1960 г., когда один вертолет поддержал высадку коммандос из 1-го парашютного полка в одном из районов Большой Кабилии. Операция прошла в целом успешно, но все же один транспортный Н-34 с десантниками на борту был потерян. До конца войны «Пираты» приняли участие в 164 операциях, по результатам которых на их счет отнесли до 30% потерь противника.

Замечу, что только две вертолетные эскадры ВВС налетали в Алжире более 400 тысяч часов, перевезли 1 млн. 200 тысяч бойцов, 40 тысяч раненых и больных.

Война показала, что вертолеты весьма уязвимы от огня легкого стрелкового оружия. Так, для сбития одного Н-34 требовалось около 50 попаданий пуль винтовочного калибра, а 14,5-мм пулемет уничтожал его на дистанции до 800 м в 3 секунды.

Большую роль в Алжирской войне играли ВДВ и спецназ. Приведу типичный пример действия спецназа.

Французская разведка получила информацию, что к югу от дороги Блида – Эль-Арба должна состояться встреча нескольких крупных полевых командиров. Операцию поручили провести полковнику Бигарду.

В ночь на 23 мая парашютисты Бигарда оставили свою базу в Сиди-Фаррух и в 1 час 30 минут выдвинулись к месту будущего сражения, к высоте 1298. Совершив четырехчасовой марш, 700 десантников, наконец, прибыли в заданный район. Минометный взвод сразу занял господствующую позицию на высоте, в то время как 1, 2 и 3-я роты перекрыли все возможные пути подхода противника в радиусе 10 км. На случай непредвиденного развития событий в резерве находились 4-я рота и рота поддержки. Подполковник Бигард связался по рации с авиабазой в Медеа, где в боевой готовности находились вертолеты и штурмовики Т-6. Ночь прошла спокойно. С раннего утра также не поступало сообщений о присутствии противника.

Наконец, в 10 час 30 минут командир 3-й роты капитан Ламби сообщил, что к северному флангу занимаемой его ротой позиции, с востока, со стороны Вади-Бульбан, приближается большая группа повстанцев. Доложив об изменении ситуации, капитан подпустил противника на минимальное расстояние и в 10 часов 45 минут открыл

огонь. Парашютисты вступили в бой, однако их сил было явно недостаточно. Им противостоял полевой командир ФНО Си Азеддин с 300 бойцами. В распоряжении Ламби оказалось лишь около 100 парашютистов. Оценив ситуацию, Бигард вызвал вертолеты. «Вентиляторы» срочно взяли на борт роту поддержки. Уже в 10 часов 55 минут они начали десантирование подкрепления рядом с местом боя. К 11 часам 30 минутам рота вступила в бой.

В это же время 1-я и 2-я роты оставили занимаемые позиции и форсированным маршем отправились на помощь десантникам Ламби. Туда же вертолетами были доставлены 4-я рота и разведывательный взвод. Оказавшиеся под огнем бойцы ФНО заняли оборону и удерживали часть долины, в которой их застал бой. К участию в операции французское командование привлекло вертолетную эскадрилью ЕН.2/57, оснащенную Bell 47G и Н-19. Оба типа вертолетов использовались для переброски в район боевых действий дополнительных сил.

Однако исход сражения решили две роты парашютистов, доставленные к месту боя вертолетами Н-21С. После того как Т-6 нанесли по противнику ракетно-бомбовый удар, парашютисты атаковали уцелевших повстанцев.

Развернувшееся на площади около 30 кв. км сражение продолжалось более 48 часов. Кроме двух рот ФНО, парашютистам противостояли бойцы из состава повстанческого «Коммандо 41». В конце концов, при поддержке штурмовиков и вертолетов, а также благодаря хорошей подготовке десантников повстанцев удалось потеснить, а затем и вовсе заставить отступить с занимаемых позиций. Однако отступление не превратилось в бегство. Бойцы Фронта собрали с позиций все оружие и сумели вынести из боя раненых. Их потери составили 96 человек убитыми. 12 повстанцев были захвачены в плен. Французские потери, по официальным данным, составили 8 человек убитыми и 29 ранеными^[98].

Глава 5.

Ядерные испытания и психологическая война

Несмотря на войну в Алжире, правительство Франции вложило огромные средства в строительство ядерного полигона в Сахаре в районе Хаммади.

Еще 18 октября 1945 г. правительство Французской республики, возглавляемое генералом де Голлем, создало Комиссариат по атомной энергии (CEA – Commissariat à l’Energie Atomique) и возложило на него решение задач использования атомной энергии в области науки и промышленности.

В то же время группа полковника Ш. Айерса, занимавшаяся вопросами защиты от оружия массового поражения, подготовила доклад на имя начальника штаба сухопутных войск генерала Бланка с обоснованием необходимости скорейшего создания Францией собственного атомного оружия. Они считали, что за пять лет можно спроектировать и произвести атомную бомбу, на что потребуется 80 млрд. франков. Доклад был обсужден в высших военных кругах. Вскоре по требованию министра обороны группа Айерса составила программу разработки ядерного оружия под кодовым названием «План K103».

К концу 1956 г. во Франции были сформированы все необходимые органы и структуры для проведения в жизнь этой программы. За решение проблемы ядерного оружия взялись гражданский Комиссариат по атомной энергии (CEA) и Министерство обороны. На первый (департамент новой техники, с 1958 г. – отделение военных программ) возлагались научная сторона, производство и испытания, а на военных – обеспечение испытаний, охрана и т. п. Была принята государственная программа на 1957 – 1961 гг., предусматривавшая финансирование всех работ.

В 1956 – 1957 гг. активно велись поиски места для строительства полигона для подземных испытаний ядерного оружия – в Альпах, Пиренеях и на Корсике. В горах из-за сильно раздробленной породы и риска загрязнения подземных вод строить полигон не стали, а на Корсике решили не связываться с националистами.

Кроме того, военные требовали обязательного проведения хотя бы части испытаний в атмосфере. Для этого из колониальных территорий лучше всего подходили пустыня Сахара и острова архипелага Туамоту Французской Полинезии. Однако закончить строительство полигона в

Полинезии не представлялось возможным ранее середины 1960-х гг., а сроки работ поджимали.

В 1957 г. в Алжире было выбрано место строительства полигона для атомных испытаний. В оазисе Регган (территория Алжира), в 700 км южнее Колом-Бежара, за три года вырос целый городок на 10 тысяч жителей и научно-исследовательский комплекс. Строительство обошлось в 100 млрд. франков. 11 апреля 1958 г. премьер-министр Ф. Гайяр отдает распоряжение об обеспечении проведения первой серии испытаний, которые должны были состояться в первом квартале 1960 г.

3 ноября 1959 г. де Голль в своей речи, произнесенной в Центре высших военных исследований, сказал, что главная цель ядерной программы Франции заключается в создании национальных «ударных сил» на основе ядерного оружия, которое могло быть задействовано в любой точке земного шара.

13 февраля 1960 г. французы произвели операцию «Голубой туманчик», взорвав свою первую атомную бомбу. По оценкам специалистов, ее мощность составила 60 – 70 килотонн.

Затем в атмосфере были взорваны «Белый туманчик» и «Красный туманчик».

Наконец, 25 апреля 1961 г. было произведено испытание «Зеленого туманчика». На мой взгляд, это был самый таинственный и драматический эпизод ядерной гонки. По одной версии, по тревоге из Западной Германии в район Реггана было переброшено свыше 300 французских солдат. Их якобы использовали в качестве подопытных кроликов при атомном взрыве.

Да, действительно, подобные мероприятия проводились в 50-х гг. XX века в США, а затем в СССР. Но настораживают два факта. Во-первых, почему пехотинцы были лишь в полевой форме? Почему им не выдали положенные накидки и противогазы? Во-вторых, зачем нужно было брать солдат, служивших в Западной Германии? Это были этнические французы из хороших семей. Части, дислоцированные в ФРГ, имели обширные связи с родней во Франции и т. д.

Не проще было бы послать туда солдат из Иностранного легиона, а еще лучше «харки», то есть алжирские части, воевавшие на стороне французов. Преимущества более чем очевидны как в отношении поддержания режима секретности, так и в случае болезней и смертей среди облученных – из этого контингента шуметь бы никто не стал.

Но вот другой источник сообщает, что 25 апреля 1961 г. четвертое ядерное устройство было подорвано с неполным циклом деления. Это было сделано для предотвращения его захвата повстанцами генерала М. Шале,

бывшего главнокомандующим французскими войсками в Алжире, поднявшего 22 апреля восстание против французских властей.

Если же соединить обе массовые информации, то легко предположить, что 300 пехотинцев были вызваны из ФРГ не в качестве подопытных кроликов, а для обороны ядерного изделия от мятежников. Судя по всему, эти «300 спартанцев» оказались ненадежной защитой, и «туманчик» пришлось подорвать.

До сих пор вся информация о ядерном взрыве 25 апреля 1961 г. держится французским правительством в строжайшей тайне.

Пока в Реггане происходили воздушные испытания ядерного оружия, в южной части Алжира, на гранитном плато Хогтар (в 560 км от города Регган), был построен второй полигон для проведения подземных ядерных испытаний.

Согласно секретным статьям Эвианского соглашения, подписанного 19 марта 1962 г., Франция получила от алжирской стороны в пользование на пять лет «сооружения Ин-Эккера, Реггана и целый комплекс Колон-Бешар-Хаммагир».

Между 7 ноября 1961 г. и 19 февраля 1966 г. Франция произвела 13 взрывов под землей в гранитном месторождении горы Таурирт-Тан-Афелла (район комплекса Ин-Эккер), расположенной на западной границе горной цепи Хогтар. Четыре из тринадцати подземных испытаний, проведенных в штольнях несколько сотен метров глубиной, горизонтально закрепленных в горе, не были «изолированными». То есть либо в горе образовалась трещина, либо изоляция тоннелей не выдержала силы взрыва, что привело к утечке радиоактивных газов и расплавленных обломков породы.

Испытание 1 мая 1962 г. под кодовым названием «Берилл» было проведено в штольне Е2, закрепленной в горе Таурирт-Тан-Афелла. Реальная мощность бомбы до сих пор держится в секрете, но, по расчетам, она составляла от 10 до 30 килотонн. Но похоже, что мощность бомбы была намного выше из-за ошибки в расчете. Меры по обеспечению герметичности в момент взрыва оказались неэффективными: радиоактивное облако рассеялось в воздухе, и загрязненные расплавленные горные породы выбросило из штольни наружу. Возникла всеобщая паника, и порядка 2 тысяч очевидцев катастрофы разбежались, среди них были два французских министра Пьер Мессмер и Гастон Палевски.

Всего Франция провела 17 ядерных испытаний в Сахаре, четыре надземных и 13 подземных. Помимо этого, она осуществила 40 «дополнительных» экспериментов. Руководство французскими

испытаниями называет эти эксперименты «холодными испытаниями», поскольку они не включали ядерную цепную реакцию. Затем проведение ядерных испытаний было перенесено в Полинезию.

В ходе Алжирской войны французская армия получила страшный удар в спину от так называемых французских «интеллектуалов». Причем название «интеллектуал» требует серьезной коррекции. В подавляющем большинстве ими были безграмотные люди, мало что смыслившие в военном деле и истории. Представим на секунду, что известного кинорежиссера или философа спросили, как надо делать операцию на сердце или просто попросили починить радиоприемник 1950-х гг. Ответ очевиден. Но какое право имеют эти персонажи обсуждать военную стратегию, не изучив историю войны, тактико-технические характеристики военной техники, основы тактики и т. д.?

Зачем они это делают, нам объяснил еще Александр Сергеевич: «Обшикать Федру...» То есть попросту сделать себе пиар на крови сотен тысяч людей, на трагедии всей страны. Мало того, у многих были лишь «шкурные интересы». Многие «интеллектуалы» и их шумные кампании финансировались бизнесменами, коммерческие интересы которых противоречили дальнейшему продолжению Алжирской войны.

Так, студенчество в основном помалкивало об Алжире, – пока... не была объявлена отмена от призыва во французскую армию. И вот тогда начало расти и шириться антивоенное движение в университетах и коллежах.

Действия любой армии, если ее рассматривать независимо от поведения противника, можно представить как варварские, бесчеловечные и т. д. Действительно, убийства и пытки пленных, а также гражданских лиц, заподозренных в терроризме, не соответствуют нормам международного права. Но при сравнении действий французской армии с бандформированиями ФНО она действовала как армия цивилизованной страны, пусть по правилам XIX века. А эти правила, как известно, допускали большой объем репрессий против бандформирований.

Тем не менее французское правительство потерпело поражение на пропагандистском фронте в ходе всей Алжирской войны. Характерный пример – некая Джемила Бухиред. Она родилась в 1935 г. в богатой семье чиновника-араба. Получила высшее образование и стала террористкой. В апреле 1957 г. она была схвачена французами за закладкой бомбы в жилом квартале. Суд приговорил террористку к смертной казни. Но тут левые во Франции и советская пропаганда устроили истерику в «мировом масштабе». Так, в СССР в течение многих недель ей посвящали свои

статьи все СМИ, включая журнал «Пионер» и газету «Пионерская правда».

Во Франции адвокатом Джемилы Бухиред стал Жан Вержес. Он родился в 1925 г. в Таиланде, отец – французский дипломат, мать – вьетнамка. Окончил юридический факультет Сорбонны. Там подружился с кхмерским студентом по имени Пол Пот. Вскоре кхмера выгнали из Сорбонны за неуспеваемость, но дружба Вержеса и Пол Пота растянулась на долгие годы.

Вержес вступил в Компартию Франции, а затем отправился работать в Прагу в прокоммунистическом Международном союзе студентов. Вернувшись из Праги, Вержес немедленно занялся делом Джемилы Бухиред. Вся левая пресса Франции бросилась защищать террористку, и ей заменили смертную казнь на пожизненное заключение. Еще бы: в ее защиту выступил и Жан-Поль Сартр.

В 1962 г. Джемила Бухиред была освобождена. Она немедленно вышла замуж за Вержеса и вместе с ним в Алжире издавала журнал «Свободная Африка». Ну а Вержес то исчезал неизвестно куда, то появлялся в качестве защитника террористов.

Вот такие персонажи были заводилами антиколониального движения во Франции. А миллионы французов и особенно француженок верили им и сочувствовали «демократам и борцам за социальную справедливость в Алжире».

Глава 6.

Военно-политические аспекты получения независимости Алжиром

В сентябре 1958 г. ФНО сформировал в Египте временное правительство Алжира во главе с Фархатом Аббасом. 19 сентября 1958 г. Фархад Аббас в Каире торжественно провозгласил независимость Алжирской республики.

Несколько слов стоит сказать о характерной эволюции взглядов Аббаса. Как и почти все националисты, он был из интеллигентов-разночинцев – родился в 1899 г. в семье богатого крестьянина и стал фармацевтом в городе Сетифе.

В 1931 г. он писал: «Алжир – французская земля. Мы – французы с личным статусом мусульман... Если бы я обнаружил "алжирскую нацию", я был бы националистом, – отмечал он в 1936 г. – Однако я не буду умирать за "алжирское отечество", так как такового не существует. Я его не нашел. Я вопрошал историю, живых и мертвых, я посещал могилы, но никто мне о нем не говорил».

Подобную эволюцию от реформизма к терроризму прошло и большинство других националистов от Алжира до Грузии.

Ну а затем Фархад Аббас стал лидером движения, члены которого отрезали носы алжирцам только за то, что те курили французские сигареты.

Но вернемся к делам ФНО. За первые три года существования эмигрантского алжирского правительства его признали 30 социалистических и развивающихся стран. Так, СССР признал сие правительство де-факто 7 сентября 1960 г. Осенью того же года Аббас посетил Москву и встретился с Н.С. Хрущевым. В марте 1962 г. советское правительство де-юре признало Республику Алжир.

С 1959 г. алжирские летчики тренировались в Египте на советских истребителях МиГ-17, но посылать их в Алжир Хрущев не решился, ограничившись психологическим давлением на Париж.

Ну а во Франции 13 мая 1958 г. премьер-министром был назначен Пьер Пфлимлен, который планировал начать переговоры с ФНО. Назначение Пфлимлена совпало с публичной казнью повстанцами пленных французских солдат. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения как черноногих, так и ряда французских генералов. Проходившая

в тот же день в Алжире демонстрация в память об убитых солдатах переросла в беспорядки. Был сформирован так называемый Комитет общественной безопасности, во главе которого стал генерал Рауль Салан. Лозунгами путчистов были: «Алжир – французам» и «Армия и власть». Комитет потребовал принять новую конституцию Франции и сделать премьер-министром Шарля де Голля. Мятежные генералы планировали в случае неудовлетворения их требований высадить парашютный десант в Париже.

Напомню, что генерал де Голль 20 января 1946 г. подал в отставку с поста главы Временного правительства и более не состоял на государственной службе. Тем не менее бешеное честолюбие не позволяло отставному генералу почивать на лаврах и тихо писать мемуары. 14 апреля 1947 г. де Голль становится во главе партии «Объединение французского народа» (РПФ). Партия была создана им самим. У главы РПФ было громкое имя, он говорил красивые слова, не было лишь идей, способных увлечь французов.

Тем не менее на выборах в Национальное собрание Франции РПФ получила 21,7% голосов. Однако самой влиятельной партией оставались коммунисты, завоевавшие 5,5 млн. голосов – 26,5%. Далее влияние РПФ начало резко падать, а затем партия вообще распускается.

Любимый конек отставного генерала – величие Франции. Так, в августе 1956 г. де Голль отправился в большую поездку. Он посетил Антильские острова и другие французские владения на Тихом океане. Повсюду ему устраивались торжественные встречи. И снова де Голль заговорил о своей вере в будущее: «Франция вновь обретет свое величие, без которого она не может быть Францией».

А что говорил генерал об Алжирской войне? Пока помалкивал. «В отличие от остальных политиков, яростно отстаивавших свои планы решения алжирской проблемы, генерал де Голль публично не говорил о ней ни слова. Его многочисленные посетители просили его изложить стране свою точку зрения, но генерал решительно отказывался, заявляя, что "для этого еще не наступило время". Ему доказывали, что все благонамеренные люди Франции, то есть вся французская буржуазия, хотят знать его мнение. "Благонамеренные, – отвечал с презрением де Голль, – это подлецы. Они хотят, чтобы я говорил. Но что я могу сказать этим ограниченным буржуа, которые никогда ничего не понимали и которых перевешали бы в 1944 году, если бы не было де Голля?"»^[99].

К де Голлю очень подходила французская пословица: «За неимением лучшего спят с женой». Еще 30 ноября 1956 г. он сказал Жану Турну: «Если

только эти глупцы не будут продолжать вести свою идиотскую политику, у меня мало шансов прийти к власти»^[100].

Помимо всего прочего, французам импонировали антиамериканские взгляды де Голля. Как мы помним, США отказались поддержать Францию и Англию в ходе Суэцкого кризиса.

А в ноябре 1957 г. возник конфликт по поводу поставок оружия Тунису из США и Англии. Французские ультра яростно вопили, что это оружие попадает в Алжир, что Тунис, бывшая колония Франции, переходит под американский контроль. Французский МИД безуспешно пытался заблокировать эти поставки. США в Алжире играли в свою игру, полностью игнорируя интересы своего союзника по НАТО.

И вот в 6 часов вечера 15 мая 1958 г. информационные агентства и радио передало следующее заявление де Голля:

«Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение союзных народов, волнения в действующей армии, раскол внутри нации, утерю независимости. Вот уже 12 лет, как Франция старается разрешить проблемы, непосильные для режима партий, и идет к катастрофе. Некогда в тяжелый для нее час страна доверилась мне, с тем чтобы я повел ее к спасению. Сегодня, когда стране предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов принять на себя все полномочия Республики».

За 159 лет до этого Наполеон приказал написать текст новой конституции коротко и неясно. Аналогично было и с заявлением де Голля. 15 мая он ухитрился не сказать о самой главной проблеме Франции – Алжире, даже не упомянул этого слова. Он не осуждал Салана и его компанию, но и не поддержал их. История повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз – как фарс. Шарлю не дано было быть Наполеоном.

1 июня 1958 г. было образовано правительство во главе с де Голлем. Первый же шаг нового премьера удивил французов. Большинство членов правительства де Голля были из тех самых «глупцов», над которыми недавно издевался генерал. Так, вице-премьерами, то есть заместителями де Голля, стали Ги Молле и Пьер Пфлимлен. Министерство финансов возглавил Антуан Пинэ.

Старых сподвижников оставалось лишь трое: министр юстиции Мишель Дербэ, министр по делам фронтовиков Эдмон Мишле и министр информации Андрэ Мальеро. Сторонников же активных действий в Алжире в правительстве вообще не было.

Чтобы задобрить генералов, уже 4 июня де Голль прилетел в Алжир. «Толпы встречают его по всему пути следования от аэродрома. На Форуме

перед огромным скоплением людей генерал поднимает руки и ждет, пока смолкнет, наконец, овация. Тогда он бросает первую фразу: "Я вас понял!" Снова шум и крики. И он произносит речь, где много слов о братстве, великодушии Франции, но нет того, чего ждут от него стоящие рядом лидеры мятежа Салан, Сустьель и другие, что одно только и может быть признаком "понимания": "французский Алжир" и "интеграция"»^[101].

Следующая акция де Голля – введение новой конституции Франции, которая узаконивала «режим личной власти». К середине августа проект был готов. Во имя принципа «разделения властей» резко ограничивались права парламента и в меньшей степени правительства. Зато огромными полномочиями наделялся президент. По статье 16 новой конституции президент мог, если он сочтет необходимым, взять на себя совершенно неограниченную власть.

Параллельно де Голль старается ослабить партию так называемых ультра в Алжире. Так, в ноябре 1958 г. он отозвал из Алжира генерала Салана, дав ему чисто декоративную должность генерального инспектора национальной обороны. Нескольких других генералов, участников майского мятежа, также отозвали в метрополию.

Де Голль составляет и новую собственную партию – «Союз в защиту новой республики» (ЮНР).

28 сентября 1958 г. в ходе референдума французы одобрили проект новой конституции. А 23 – 30 ноября состоялись выборы в Национальное собрание, на которых ЮНР получила 212 мандатов, а все остальные партии – 251 мандат.

21 декабря де Голль был избран президентом Франции, получив 75,5% голосов избирателей. 8 января 1959 г. де Голль официально занял свой пост и водворился в Елисейском дворце.

С определением своей позиции по алжирской проблеме новый президент тянет до последнего. Лишь 16 сентября 1959 г. де Голль выступил с речью, в которой торжественно признал право алжирского населения на самоопределение. Сами алжирцы должны принять решение о своей судьбе. Перед ними открыты три пути, первый из которых – это отделение и полная независимость, означавшие разрыв с Францией. Если Алжир выберет этот путь, то, по мнению де Голля, страну ожидают хаос, нищета и, в конце концов, «воинственная коммунистическая диктатура». Франция же любыми способами сохранит за собой сахарскую нефть и обеспечит перегруппировку населения, пожелавшего остаться французским. Это была явная угроза раздела страны.

Второй путь – полное офранцузивание, то есть распространение на

жителей Алжира всех прав и обязанностей французов. Де Голль давал понять, что этот путь он считает нереальным.

Третий путь – ассоциация – представлялся президенту самым желанным и выглядел так: «Правительство алжирцев, управляемое алжирцами, опирающимися на помощь Франции, в тесном союзе с нею в области экономики, образования, обороны, внешней политики».

Однако позже де Голль объясняет, что голосование о судьбе Алжира произойдет через четыре года после прекращения боевых действий. По сему поводу глава французских коммунистов Морис Торез в своей статье в газете «Юманите» от 27 октября 1959 г. писал: «В политике наших властей произошло, во всяком случае на словах, важное изменение. Констатируя в целом провал умиротворения, генерал де Голль признал право алжирского народа на самоопределение... Главное заключается в его согласии с тем, что Алжир – это не Франция, поскольку алжирский народ может и должен сам определить собственное будущее».

Тем не менее выступление президента не удовлетворило лидеров ФНО – они хотели немедленных политических переговоров с последующей передачей им всей полноты власти. Бурные возмущения вызвало выступление де Голля и в другом лагере – среди военных и черноногих в Алжире.

Позиция де Голля устроила лишь французских обывателей, хотевших верить «во все хорошее», по принципу забеременевшей гимназистки – «авось само рассосется». В итоге 15 октября 1959 г. Национальное собрание Франции 441 голосом против 23 одобрило политический курс президента в алжирском вопросе.

Уже в конце 1959 г. в Швейцарии и Италии начались тайные переговоры представителей де Голля и ФНО.

В начале 1960 г де Голль вызвал из Алжира.в Париж генерала Массю и снял его с должности. В ответ сторонники продолжения войны в Алжире начали строить баррикады в Париже.

29 января 1960 г. президент де Голль, нарядившись по такому случаю в военную форму, выступил по французскому телевидению. Он вновь подтвердил принцип самоопределения Алжира. Генерал осудил мятежников, этих «лжецов и заговорщиков». Он обратился к армии с напоминанием о ее долге и запретил любому солдату «даже пассивно» объединяться с заговорщиками под страхом сурового наказания.

Левые и в первую очередь коммунисты создают по всей Франции тысячи «антифашистских комитетов». По стране проходит общенациональная забастовка, в которой приняли участие до 11 млн.

человек.

В итоге мятежи в Париже и Алжире были подавлены. Де Голль и левые предали 1200 тысяч французов, живших многие десятилетия в Алжире.

К этому времени генералу исполнилось 70 лет. Он с большим трудом исполнял свои обязанности. Тем не менее де Голль пытался сохранить имидж «спасителя Франции» образца 1940 г. Над его внешностью трудились косметологи. Он принципиально не желал публично носить очки, хотя видел очень плохо. Доходило до анекдотов. Так, принимая премьер-министра Республики Конго аббата Юльбера Юлу, одетого в сутану, генерал обратился к нему: «Мадам...»

В феврале 1961 г. в курортном городке Эвиан начались официальные переговоры между правительством Французской республики и представителями ФНО Алжира. Алжирцы вели себя нагло, понимая, что престарелый де Голль загнал сам себя в угол и ему волей-неволей придется предоставить Алжиру независимость. А в Эвиане шел лишь торг об условиях передачи власти ФНО. Так, деятели ФНО требовали, чтобы свыше 300 тысяч алжирцев-мусульман, проживавших во Франции, получили французское гражданство. А при сохранении французского гражданства (и всех прав французского гражданина) арабы должны обладать особым правовым статусом, быть подсудными только мусульманским судам, учиться в своих арабских школах, содержать которые должно было министерство просвещения Франции, жить согласно законам шариата и получать особую компенсацию за свои страдания под французской властью.

А вот у черноногих, то есть французов, живших в Алжире, не было никаких прав, точнее, было одно право: «Гроб или чемодан!»

Де Голль попытался напугать алжирцев проектом отделения от Алжира нефтеносного района. 13 июня 1960 г. переговоры были прерваны. Во второй половине 1960 г. они несколько раз возобновлялись и тоже прерывались.

8 января 1961 г. в ходе всенародного референдума 75% избирателей одобрили политику де Голля в алжирском вопросе. Это ли не лучшее доказательство тупости французских лавочников и «интеллектуалов»? Дело не в том, что программа де Голля была плоха или, наоборот, хороша, а в том, что на 8 января 1961 г. у де Голля не было НИКАКОЙ программы, если не считать противоречивых демагогических выступлений. А как можно назвать обывателей, голосующих неизвестно за что и за генерала, самого не знающего, куда идти?

Первый звонок арабы устроили французам осенью 1961 г. Еще в 1957 – 1961 гг. французская полиция обезвредила более 60 арабских групп общей численностью около тысячи человек, пытавшихся начать в Париже террористическую деятельность. Арабы планировали провести теракты в метро, аэропортах, взорвать телецентр в момент трансляции речи президента республики и даже заразить городской водопровод бактериями, но их планы удалось сорвать.

Чтобы предотвратить массовые беспорядки арабов, парижский префект Папон объявил 5 октября комендантский час для всех «французских мусульман из Алжира». В ответ ФНО опубликовал воззвание: «Алжирцы должны бойкотировать комендантский час. Для этого, начиная с субботы 14 октября 1961 года, они должны выйти из домов массами, с женами и детьми. Им следует гулять по главным улицам Парижа».

Функционеры ФНО прекрасно понимали, что разъяренные гибелью их товарищей парижские полицейские не потерпят нарушений комендантского часа, и хладнокровно рассчитали, что определенное количество арабов непременно должны были погибнуть в этой демонстрации, дабы «кровь мучеников осватила все требования ФНО».

«Демонстрация была назначена на 17 октября 1961 г. Более 40 тысяч арабов, многие с оружием в руках, несли лозунги: "Франция – это Алжир", "Бей франков", "Эйфелева башня станет минаретом", "Прекрасная Франция, когда ты сдохнешь?" и "Парижские шлюхи – где ваш хиджаб?".

"Мирная" демонстрация быстро вылилась в погром. Арабы сначала только били витрины и поджигали автомобили, а затем ранили нескольких полицейских и прохожих. Огромная толпа арабов двинулась на остров Ситэ, где расположен знаменитый собор Нотр-Дам, а также Дворец правосудия, желая поджечь эти ненавистные символы французской религии и правовой системы.

Но полицейские были готовы к действиям. "Если арабы хотят войны, пусть они ее получают", – заявил Папон. На старинном мосту Сен-Мишель, ведущем на остров Ситэ, началось настоящее сражение. Демонстрантов били дубинками до потери сознания и сбрасывали с мостов в Сену. Туда же кидали убитых и раненых.

Масса обратившихся в бегство арабов была затоптана насмерть. Во дворе главного управления парижской полиции арестованных арабов избивали до смерти. В итоге 40-тысячную вооруженную демонстрацию арабов за два часа разогнали 500 полицейских, причем разогнанные были настолько ошеломлены, что побросали на месте более 2 тысяч стволов, не

успев толком их использовать.

По официальным данным, погибло 40 человек, но реально речь идет о нескольких сотнях. Точное количество до сих пор не установлено. Это объясняется тем, что убитых арабов вообще не считали. Многие утонули в Сене, и их трупы не были найдены. К тому же среди арабских демонстрантов многие проживали во Франции нелегально, и установить личность многих мертвецов не было возможности»^[102].

Тем не менее подавляющее большинство французов так и не поняли, что это цветочки, а арабские ягодки их ожидают спустя 40 лет.

В итоге 18 марта 1962 г. в Эвиане были подписаны соглашения между французским правительством и руководством ФНО. Фактически это была полная капитуляция де Голля.

Соглашения предусматривали: прекращение военных действий на территории Алжира, проведение референдума в Алжире по вопросу о его самоопределении и, в случае выбора независимости, осуществление будущим алжирским государством полного суверенитета во внутренней и внешней политике.

Также Эвианские соглашения предусматривали, что собственность французов, проживающих в Алжире, не может быть отчуждена без «справедливого» возмещения. В обмен Франция обязалась предоставлять Алжиру экономическую, финансовую, техническую помощь и помощь в области культуры на основе двусторонних соглашений (были подписаны в дальнейшем в развитие Эвианских соглашений). За французскими компаниями сохранялись права на добычу и вывоз нефти. Специальная декларация по военным вопросам содержала обязательство Франции в течение трех лет завершить эвакуацию своих войск из Алжира (войска были эвакуированы к июлю 1964 г.). К 1 июля 1967 г. Франция эвакуировала свои военные базы, кроме базы Мерс-эль-Кебир (эвакуирована в феврале 1968 г.).

На апрельском референдуме 1961 г. 91% французов высказался в поддержку соглашений. Секретная вооруженная организация (ОАС) прекратила безнадежную борьбу лишь 17 июня. 1 июля алжирцы на референдуме почти единогласно поддержали независимость своей страны, которая была официально провозглашена 5 июля 1961 г.

Сразу после провозглашения независимости в Алжире началась бойня. Бойцы ФНО и просто уголовные элементы грабили и убивали этнических французов, а также всех алжирцев, которые соприкасались с французами.

Замечу, что к 1 июля 1962 г. во французской армии и в различных вспомогательных формированиях («харки» – 50 тысяч человек, сельское

ополчение магазин – 20 тысяч человек) насчитывалось 263 тысяч мусульман. Из них свыше 130 тысяч человек были убиты в первые недели после провозглашения независимости.

Под защитой французской армии подавляющее большинство европейских жителей и евреев были вынуждены бежать во Францию и другие европейские государства. Причем речь идет не о мигрантах, приехавших на чужие хлеба, а коренных жителей Алжира. Так, большинство французов и их предки родились в Алжире, а евреи жили там как минимум 1000 лет.

В итоге в Алжире осталось около 15 тысяч черноногих.

Таким образом, с помощью этнических чисток в Алжире был реализован хорошо известный принцип: «Один народ, одна партия, один фюрер». Единственный народ – это, понятно, арабы. Одна партия – это Фронт национального освобождения. Остальные партии, включая коммунистическую, были немедленно запрещены после обретения независимости. Ну а фюрером стал «отец алжирского народа», он же Герой Советского Союза Ахмед Бен Белла.

Фюрер родился в 1915 г. в мусульманской семье, но его родным языком был французский. Спасибо «колонизаторам», в их тюрьмах он постепенно выучил арабский язык.

В сентябре 1963 г Бен Белла становится одновременно президентом и премьером. А в октябре того же года развязывает войну против Марокко. (Надо было раньше местному королю думать, кому помогать.) Но дальнейшая история Алжира – это тема уже другой книги.

Мы же попробуем проанализировать возможности альтернативной развязки конфликта в Алжире. Могли ли французы победить в Алжирской войне? Нет, однозначно! Они попытались согнать арабское население в специальные охраняемые зоны. Но этим лишь подорвали экономику Алжира и озлобили арабов. Ну а агентура ФНО срочно вербовал рекрутов в этих зонах.

В Тунис и Марокко бежали свыше 150 тысяч алжирцев, из которых ФНО добровольно-принудительно вербовал себе солдат. Оружие арабам поставляли все, кому не лень, – от СССР и КНР до «банды Тито».

В такой ситуации ФНО мог вести войну в Алжире с переменным успехом еще 100 лет и более.

Более эффективным, по мнению автора, мог стать раздел Алжира по этническому принципу, то есть попросту надо было создать свое государство для 1,2 млн. черноногих. К ним могли присоединиться еще сотни тысяч переселенцев из Франции и других стран Европы. Особенно в

случае соответствующей экономической поддержки французского правительства. Для создания Французского Алжира можно было выбрать самые плодородные районы страны и укрепить их. Оборону Французского Алжира должны были вести как французская армия, так и местное ополчение. Вспомним укрепления израильские кибуцы и русские казачьи войска.

В 1960-х гг. французы обзавелись собственным тактическим и стратегическим оружием, включая баллистические ракеты S-2 и бомбардировщики «Мираж-IV», способные с французской территории достать до Москвы и Горького. Так что учинить полномасштабное нападение на Французский Алжир никто, включая СССР и КНР, не рискнул бы.

Увы, всему помешали французские либералы, тупость французских лавочников и старческий маразм славного генерала, лично не выигравшего ни одного сражения.

Глава 7.

Развал колониальной империи

Почти в каждой из десятков стран, освобожденных от колониальной зависимости, на главных площадях стоят памятники «полевым командирам» – участникам борьбы с колонизаторами. Однако если бы туземные власти имели совесть, то везде установили бы по три памятника – Ленину, Сталину и гроссадмиралу Денницу. Ведь именно благодаря их деяниям произошел распад системы колониализма.

Советские историки, говоря о колониальных империях Англии и Франции в XIX и в первой половине XX века, утверждали, что они держатся исключительно на штыках оккупационных сил. В чем-то это справедливо. Действительно, когда в какой-то колонии начиналось восстание, то флот колонизаторов перебрасывал большой контингент войск из других частей империи, и восстание подавлялось. Но, на мой взгляд, главным был психологический фактор. Как дикие племена Африки, так и отстававшие в своем техническом развитии азиатские народы с многотысячелетней историей видели в колонизаторах что-то типа богов. Огромные корабли, пушки, дальнобойные и скорострельные винтовки, а позже – радио, телеграф, автомобили, танки и т. д.

Чиновники и миссионеры внушали туземцам, что Франция (Англия, Голландия) – самая мощная держава мира и ее боятся все народы. И действительно, последняя англо-французская война закончилась в 1815 г., и власти колонизаторов извне ничего не угрожало. Замечу, что царская Россия ни разу не вмешалась в дела колоний Англии и Франции, хотя оные державы постоянно лезли в самые мелкие пограничные конфликты России и даже в ее внутренние дела на Кавказе, в Привисленском крае и Средней Азии. Благодаря этому Англия и Франция могли удерживать огромные империи, «над которыми никогда не заходило солнце», с помощью небольших гарнизонов, в которых большинство нижних чинов были туземцами.

Но вот Октябрьская революция провозгласила освобождение всех поработенных народов. Реальная помощь СССР до 1941 г. националистам в колониях была ничтожна, но Октябрьская революция буквально разбудила тысячи мыслящих людей в Африке и Азии от аристократов до крестьян и рабочих.

В годы Второй мировой войны германские подводные лодки,

которыми командовал адмирал Карл Денниц, серьезно нарушили морские коммуникации между метрополиями и колониями. Это привело к «автономизации» колоний как в экономическом и политическом, так и в военном отношении. Колонии переходили на самообеспечение промышленными товарами, Лондону и Парижу было не до управления заморскими территориями, и, наконец, сильно возрос процент туземцев в колониальных войсках.

К тому же в ходе войны значительная часть французских колоний была занята иностранными войсками. Англичане заняли Сирию и Мадагаскар, англо-американцы – Марокко, Алжир и Тунис, японцы – Юго-Восточную Азию.

В конце войны французские политики от консерваторов до левых социалистов были крайне озабочены сохранением колониальной системы. «Франция может считаться великой державой только в рамках ее 107-миллионного сообщества», – утверждалось в резолюции Временной консультативной ассамблеи от 13 февраля 1945 г.

9 сентября 1944 г. в Париже было создано Временное правительство во главе с генералом де Голлем. Одной из своих приоритетных задач правительство считало возрождение Французской империи.

«Горькой правдой является тот факт, – говорил генерал де Голль 2 марта 1945 г., – что мы не извлекаем всего возможного из обширных ресурсов метрополии и империи. Наша Северная Африка способна ускорить сельскохозяйственный прогресс благодаря ирригации, тракторам, удобрениям и общей индустриализации, открывающей широкие перспективы. Наша Западная и Экваториальная Африка, наш Индокитай и Мадагаскар, наши Антилы и Гвиана, по освоению которых уже проведена большая работа, но где еще многое нужно сделать, призывают Францию к новым усилиям».

Действия германских и англо-американских войск привели к резкому падению торгово-экономических связей метрополии с колониями, что наглядно показывают данные о доле Франции во внешней торговле ее владений в 1939 и 1945 гг.:

В стоимостном выражении

Импорт: 1939 г. – 62%; 1945 г. – 20%

Экспорт: 1939 г. – 64%; 1945 г. – 51%

В физическом объеме

Импорт: 1939 г. – 36,6%; 1945 г. – 0,6%

Экспорт: 1939 г. – 35,7%; 1945 г. – 21,1%

Лишь к 1950 г. Франции удалось достичь довоенных показателей в тех

владениях, которые оставались под ее юрисдикцией.

13 октября 1946 г. граждане Франции в ходе референдума, проведенного как в метрополии, так и в заморских владениях Франции, одобрили проект новой конституции, учредившей Четвертую республику и провозгласившей Французский союз.

Конституция 1946 г., разработанная при активном участии левых, демократических сил, в целом стала важным шагом вперед в политической эволюции республиканской Франции.

Замечу, что в заморских владениях Франции, где право голоса имели только французские граждане, большинство участвовавших в референдуме отклонили проект конституции. Так, в Марокко против конституции проголосовали 70% голосовавших, а в Тунисе – 73%. Что же касается коренного населения заморских владений, то его мнение организаторы референдума вообще не спрашивали.

Конституция Четвертой республики прокламировала, что «Франция образует с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей, без дискриминации как расовой, так и религиозной».

Согласно конституции Франция представляла собой союз в составе республики, охватывавшей метрополию, заморских департаментов и территорий и присоединившихся государств. Главой Французского союза являлся президент, высшими представительными органами – Верховный совет Французского союза и Ассамблея Французского союза. Президентом Французского союза, наделенным широкими исполнительными и распорядительными функциями, являлся президент Французской республики. Верховный совет Французского союза, состоявший из представителей французского правительства и представителей, которых каждое из присоединившихся государств могло назначить при президенте Французского союза, был призван консультировать французское правительство в вопросах политики, касающейся своего союза.

Те же функции отправляла Ассамблея Французского союза. Половина ее состава – 120 депутатов – избирались обеими палатами французского парламента, а вторая половина – также 120 депутатов – состояла из лиц, избранных представительными органами заморских департаментов и территорий и присоединившихся государств.

В связи с тем, что глава администрации на каждой территории или группе территорий Французского союза назначался исключительно главой Французского союза, то есть французским президентом, и был ответствен лишь перед французским правительством, иллюзорный характер преобразований, осуществленных во французской колониальной империи,

становился особенно очевидным. Однако эти преобразования отражали рост национально-освободительного движения в колониальном мире и неспособность господствующих классов метрополии по-старому управлять своими колониями.

Конституционные преобразования, не меняя существа империалистической колониальной политики, были призваны прикрыть бесправие колониальных народов, расширить возможности маневров империалистов метрополии и ослабить напор угнетенных народов на расшатанный, прогнивший строй империалистической Франции. Наконец, конституционные преобразования во французской колониальной империи, не меняя существа политики колониализма, были призваны несколько расширить социальную базу французского империализма.

Общая картина Французского союза (без метрополии) к началу 1947 г. выглядела следующим образом.

Заморские департаменты: генерал-губернаторство Алжир (департаменты Алжир, Оран и Константина); Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон.

Заморские территории: Французская Западная Африка – Сенегал, Мавритания, Гвинея, Судан (ныне Мали), Нигер, Берег Слоновой Кости, Дагомея (ныне Бенин), Верхняя Вольта; Французская Экваториальная Африка – Габон, Среднее Конго, Убанги-Шари (ныне Центрально-Африканская Республика), Чад; Мадагаскар и прилегающие острова, Французское Сомали, французские владения в Индии со статусом «свободных городов», Новая Каледония и прилегающие острова, владения в Океании, острова Сен-Пьер и Микелон.

Подопечные территории: Того и Камерун; франко-британский кондоминиум Новые Гебриды.

«Присоединившиеся государства»: султанат Марокко и бейство Тунис; Индокитайская федерация – Республика Вьетнам (Ханой), Кохинхина (Сайгон), королевства Камбоджа и Лаос.

Рост национализма в колониях заставил правительство Франции допустить ограниченное участие представителей заморских территорий в центральных органах власти Четвертой республики. В 1957 г. заморские территории были представлены в Национальном собрании 38 депутатами (из 627), в Совете республики (сенат) – 39 советниками (из 320), в Экономическом совете^[103] – 13 членами (из 148). Немногим лояльно настроенным представителям коренного населения заморских владений предоставлялись даже министерские портфели во французском правительстве.

Допустив участие представителей заморских владений в центральных руководящих органах власти метрополии, французские правящие круги установили такую норму представительства, которая, с одной стороны, создавала впечатление демократизма, а с другой – делала это представительство неопасным для интересов метрополии.

Французский союз просуществовал 12 лет – ровно столько же, сколько и родившаяся одновременно с ним Четвертая республика.

Как уже говорилось, вторично придя к власти, генерал де Голль реформировал органы власти и создал так называемую Пятую республику. Помимо всего прочего он решил заменить изживший себя Французский союз так называемым Французским сообществом.

Согласно конституции 1958 года заморские и присоединившиеся территории Французского союза объявлялись соответственно заморскими и присоединившимися территориями Французского сообщества. При этом конституция предоставляла территориям, одобравшим конституцию, право «либо сохранить свой прежний статус, либо стать заморским департаментом, либо – государством – членом сообщества». Члены сообщества «пользуются автономией; они самоуправляются и демократически и свободно ведут свои собственные дела», – говорилось в статье 11 новой конституции.

Предоставление заморским территориям права на государственность было, естественно, вынужденной, но объективно прогрессивной мерой. И все же государства – члены сообщества лишались основных суверенных прав, а их автономия в рамках сообщества была существенно урезана.

Используя юридическую формулу о «компетенции сообщества», метрополия сохранила за собой исключительные прерогативы в области обороны, внешней политики, а также экономики и финансов. «В компетенцию сообщества, – гласила статья 78 конституции, – входят внешняя политика, оборона, денежная система, совместная экономическая и финансовая политика, а также политика по использованию стратегического сырья. В компетенцию сообщества входит также, при отсутствии особых соглашений, контроль над органами правосудия, высшим образованием, общей организацией внешних и совместных перевозок и связи».

Франция оставляла за собой все руководящие посты в структуре сообщества. Президент Французской республики одновременно являлся президентом сообщества, а основные министры – иностранных дел, обороны, внутренних дел, экономики и финансов руководили соответствующими направлениями деятельности сообщества. Верховная

законодательная власть формально принадлежала сенату сообщества, где Франция была представлена 186 сенаторами, а африканские государства – лишь 98 сенаторами. Но даже при таком очевидном преобладании метрополии prerogatives сената были скорее номинальными, чем реальными. Вся фактическая власть находилась в руках президента сообщества, то есть президента Франции.

Новая конституция и создание Французского сообщества должны были получить одобрение не только метрополии, но и государств – членов сообщества. Чтобы обеспечить нужные результаты на референдуме, де Голль в конце августа 1958 г. отправился в пропагандистскую поездку по странам Африки, в ходе которой была развернута широкая кампания в пользу новой конституции, сочетавшаяся с активными мерами давления на избирателей африканских владений Франции.

Результат не заставил себя ждать, и 28 сентября 1958 г. 9,9 млн. африканских избирателей одобрили проект конституции и Французского сообщества. Против высказались лишь 630 тысяч человек. Так идея де Голля получила поддержку большинства стран Французской Западной и Экваториальной Африки.

Отличилась лишь Гвинея, где 97% избирателей высказались против участие своей страны во Французском сообществе и предпочли путь независимого развития. Так, еще в августе 1958 г., во время посещения де Голлем Гвинеи, лидер национально-освободительного движения в этой стране Секу Туре публично заявил, что гвинейский народ предпочитает «бедность в свободе богатству в рабстве».

В октябре – декабре 1958 г. территориальные собрания 12 бывших французских владений в Африке объявили о превращении этих владений в государства – члены Французского сообщества: Исламская Республика Мавритания, Республика Сенегал, Республика Берег Слоновой Кости, Республика Дагомея, Республика Судан (Мали), Республика Верхняя Вольты, Республика Нигер, Габонская Республика, Республика Чад, Центрально-Африканская Республика (бывш. Убанги-Шари), Республика Конго и Малагасийская республика. Каждая из республик приняла свою конституцию, исходившую из основных положений конституции Французской республики и Французского сообщества.

Об освобождении от колониальной зависимости североафриканских колоний – Туниса, Алжира и Марокко – рассказано в предыдущих главах. Поэтому мы сразу перейдем к странам Французской Западной Африки.

Французская Западная Африка объединяла 7 административных территорий: Сенегал, Мавританию, Французскую Гвинею, Французский

Судан, Нигерию, Берег Слоновой Кости, Дагомею. Она находилась под общим управлением назначаемого французским правительством генерал-губернатора, административного совета при нем, состоявшего из высших гражданских и военных чиновников (в том числе губернаторов территорий и президента Федеральной ассамблеи), а также выборной Федеральной ассамблеи из представителей европейского и туземного населения. Вся полнота власти была сосредоточена в руках генерал-губернатора и административного совета. Ассамблея осуществляла лишь консультативные функции. Члены административного совета, за исключением губернатора, образовывали постоянную комиссию, собиравшуюся ежемесячно.

Согласно декрету от 23 декабря 1944 г. в Дакаре был учрежден совет по административным спорам, единый для Западной Африки и Того.

Рассказ о получении независимости стран Французской Западной Африки мы начнем с Мавритании.

Мавританская территория расположена на берегу Атлантического океана южнее Марокко. Население составляли около 30% берберов, 30% негров и 40% смешанного берберо-негритянского населения.

Поддавляющее большинство исповедовало ислам. В 1946 г. Мавритания получила статус заморской территории Франции. А 28 ноября 1958 г. образовалась Исламская республика Мавритания – автономное государство со столицей в городе Нуакшоте, входящее в состав Французского союза. 28 ноября Мавритания получила полную независимость от Франции. В Мавритании была введена однопартийная система.

До июня 1980 г. в Мавритании официально существовало рабство, но де-факто рабство существует и поныне (2012 г.). Рабы составляли около 20% населения страны. Следует заметить, что марокканцы были против предоставления независимости Мавритании, считая ее территорию частью Марокко.

Еще в 1890 г. французское правительство свои владения в верхнем и нижнем течении рек Нигер и Сенегал объединило в территорию Французский Судан со столицей в городе Каесе. В 1902 г. Французский Судан был разделен на колонии Сенегал и Нигер, а в 1920 г. Французский Судан вновь был восстановлен.

28 сентября 1958 г. Французский Судан получил специальный статут государства – члена Французского сообщества, под названием Суданская Республика. Ну а 4 сентября 1959 г. эта республика объединилась с Сенегалом, в результате чего образовалась Федерация Мали. Однако вскоре из федерации выходят Верхняя Вольта и Дагомея.

20 июня 1960 г. Федерация Мали заявила о своей независимости от Франции. 20 августа того же года Федерация распалась вследствие выхода из нее Сенегала.

22 сентября 1960 г. в Бамако была провозглашена Республика Мали. Высшим органом законодательной власти стало избираемое на 5 лет Национальное собрание. Ведущей политической партией становится основанный в 1946 г. Суданский союз, возглавляемый Модибо Кейтой.

Несколько слов стоит сказать о президенте Мали. Модибо Кейта родился в мусульманской аристократической семье, ведшей свой род от средневековых правителей Мали.

21 – 31 мая 1962 г. Модибо Кейта совершил визит в СССР и встречался с Хрущевым. В том же году официальной идеологией партии Суданский союз был провозглашен марксизм-ленинизм, но в исламском варианте. Система в Мали была однопартийной. В ноябре 1968 г. произошел военный переворот, и к власти пришел... Мусса Траоре. Ну а Модибо Кейту отправили в концлагерь, где тот и умер при таинственных обстоятельствах в 1977 г.

В стране появилась новая единственная партия – «Демократический союз Малийского народа».

Восточным соседом Мали стала Республика Нигер. Более 80% ее территории расположено в пустыне Сахара, а остальное – в полупустыне Сахель. Независимость Республики Нигер была провозглашена 3 августа 1960 г. Государственным языком был оставлен французский, а столицей – город Ниамей. Любопытны религиозные конфессии Нигера: мусульмане-сунниты – около 80%, язычники – 11% и христиане – 1%.

Парламент страны выбрал президентом Амани Диори. Он же, согласно конституции, стал главой правительства. Диори проводил политику сотрудничества с Францией. На территории Нигера остались французские военные базы. С СССР дипломатические отношения были установлены лишь в 1972 г. Тем не менее никакой демократией в Нигере и не пахло. Единственной разрешенной в стране партией была Нигерийская прогрессивная партия, а остальные, естественно, вне закона.

В 1974 г. военные во главе с лейтенантом Сейни Кунче свергли Диори. Бывший диктатор оказался под арестом.

А теперь перейдем к самой восточной из центральноафриканских колоний Франции – Республике Чад, получившей независимость 11 августа 1960 г.

В Чаде после получения независимости дела пошли по тому же сценарию. Президентом и премьером Чада стал Франсуа Томбалбай из

племени сэра, глава Прогрессивной партии. Столицей государства стал город Нджамена. Официальных языков два – французский и арабский.

В 1963 г. в Чаде был принят закон о введении однопартийной системы. Какая осталась партия, вы, думаю, уже догадались. Все немногочисленные промышленные предприятия Томбалбай сделал государственной собственностью. Была введена государственная плановая экономика. С середины 1960-х гг. в Чаде возникло партизанское движение, ставившее себе целью свержение Томбалбая. Для борьбы с партизанами Томбалбай попросил ввести Париж части Французского легиона. Финал закономерен. 3 апреля 1975 г. в Нджамене произошел государственный переворот, в ходе которого Томбалбай был убит, а к власти пришел генерал Феликс Маллуму.

Южнее Чада расположена Центрально-Африканская Республика (ЦАР). 13 августа 1960 г. ЦАР получила независимость от Франции. Первым президентом республики 14 августа 1960 г. стал глава переходного правительства 30-летний Давид Дако, бывший учитель. Дако как истинный демократ устроил однопартийную систему в ЦАР. Единственной партией стало Движение социальной революции Черной Африки (МЕКАН). Государственными языками ЦАР стали французский и санго. Численность населения – около 4 млн. человек. Около половины населения – католики, 35% – язычники и 15% – мусульмане.

1 января 1966 г. двоюродный брат президента начальник генерального штаба (!) вооруженных сил ЦАР полковник Жан Бокасса устроил военный переворот и упек брата Дако под домашний арест. В радиообращении к народу Бокасса заявил: «Близок час справедливости! Буржуазия уничтожена! Началась новая эра равенства среди всех!»

В тот же день Бокасса объявил себя президентом ЦАР и вождем МЕКАН. В оную партию добровольно-принудительно было записано все взрослое мужское население страны. А еще через три дня бравый полковник отменил конституцию. В марте 1972 г. Бокасса назначил себя пожизненным президентом.

Бокасса провел в ЦАР целую серию реформ. Так, он отменил обязанность давать выкуп за невесту и обязательное обрезание у девочек. Все работоспособные граждане в возрасте от 18 до 55 лет при его правлении должны были доказывать, что они трудятся и зарабатывают себе на жизнь честным путем. В противном случае им грозила тюрьма. То же самое наказание следовало за попрошайничество.

Всего через год после прихода к власти Бокассо производство хлопка – главного предмета экспорта ЦАР – возросло в два раза. Существенно была расширена сеть шоссейных дорог, построено несколько аэродромов и

речных вокзалов.

Первоначально Бокассо ориентировался на Францию и до 1979 г. был лучшим другом всех французских президентов, начиная с Шарля де Голля. Французским лидерам и дипломатам Бокассо дарил щедрые подарки, в том числе алмазы, устраивал пышные сафари в ЦАР.

Тем не менее в 1970 г. он прилетал в Москву и целовался с Брежневым. Любопытно, информировал ли КГБ нашего генсека о том, что Бокассо... людоед в буквальном смысле этого слова?! Кстати, каннибализм в Центральной Африке в XX, да и в XXI веке весьма распространен. Так что, скорее всего, Бокассо пристрастился к человечине еще с детства.

Ну а в 1977 г. Бокассо решил короноваться, и не как-нибудь на африканский манер, а в точном соответствии с протоколом коронации Наполеона I. Удовольствие обошлось небогатой стране в 20 млн. долларов (по тогдашним ценам это не мало!). Корону для императора изготовил парижский ювелир Клод Бертран. В числе драгоценностей короны был и бриллиант в 58 каратов! По воздуху из Франции было доставлено 7 тонн цветов, 25 тысяч бутылок бургундского, 40 тысяч бутылок шампанского и т. д. Это и многое другое поставлялось с санкции правительства Франции.

В ходе императорской коронации республиканский Париж направил «для обеспечения церемонии» в ЦАР батальон гвардии и «одолжил» новоявленному императору 17 самолетов, а также командировал в «империю» знаменитый флотский оркестр из 120 человек.

Проблемой для Бокассо оказался выбор на роль Жозефины одной из 17 жен. Но он и с этим справился – императрицей стала Катрин Денгиаде из племени мбани.

Но вот император начал самовольничать – дружить с лидером ливийской революции Муаммаром Каддафи, принял ислам и т. п. Тогда президент Франции Жискара д'Эстен отправил, в Банги – столицу Центрально-Африканской империи – своего личного представителя, который должен был уговорить Бокассо отречься от власти. Но император гордо заявил: «Никто не будет указывать мне, что я должен делать! Я могу обратиться к русским, они мне помогут».

Дело приняло серьезный оборот – ведь империя имела не только важное стратегическое значение в сердце Африки, но и была местом добычи урановой руды, которая использовалась в амбициозных планах создания Парижем собственных ядерных сил.

Французы дождались, когда Бокассо в очередной раз отправится в Ливию, и в ночь на 21 сентября 1979 г. французские военно-транспортные самолеты внезапно приземлились в аэропорту Банги. Всего в операции

«Барракуда» приняло участие около 700 парашютистов и спецназовцев, переброшенных из Габона. Императорская армия сопротивления не оказала, и переворот произошел бескровно. В президентское кресло десантники посадили прежнего президента Давида Дако. Замечу, что он к тому времени был освобожден из-под домашнего ареста и даже назначен советником при императоре.

По поводу операции «Барракуда» известный французский дипломат Жак Фаннер сказал: «Это последняя колониальная экспедиция Франции». Увы, он ошибся. Французские вооруженные силы бузили еще десятки раз, вмешиваясь в дела независимых государств третьего мира.

Ну а Дако сумел уже в 1980 г. снизить добычу хлопка в ЦАР на 12%. Он сохранил в стране однопартийную систему, но пообещал, что вскоре в ЦАР все-таки будет демократия, и даже назвал срок – через 120 (сто двадцать!) лет.

2 сентября 1981 г. в ЦАР произошел новый переворот. По традиции его устроил начальник генерального штаба полковник Андре Колингба, бывший охранник Бокасса.

Как уже говорилось, 20 августа 1960 г. Сенегал вышел из Федерации Мали и стал независимым государством. Столицей Сенегала стал Дакар. Официальный язык – французский. Конфессиональный состав: мусульмане – 95%, католики – 4%, язычники – 1%. Небольшой процент христиан объясняется тем, что после получения независимости подавляющее большинство белого населения было убито или изгнано из страны.

Первые 20 лет независимого существования Сенегалом правил президент Леопольд Сенгор. В стране до 1976 г. была однопартийная система. Правящую партию Прогрессивный союз Сенегала (ПСС) возглавлял сам Сенгор. Целью ПСС стало строительство социализма с «африканским лицом». ПСС даже вошла в Социалистический интернационал. В партию вступило свыше 800 тысяч человек, то есть почти каждый десятый мужчина страны. Грамотных мужчин к 2000 г. было около 50%, а женщин – 25%. По уровню доходов населения Сенегал занимает 195-е место в мире.

17 августа 1960 г. была провозглашена независимость Габона. Название новой республики произошло от португальского названия реки Мба. Столицей Габона стал город Либревиль, а официальным языком – французский. Большинство населения – христиане (54,8% католики и 19% протестанты), мусульман суннитского толка – около 1% и 24% язычников.

Первым президентом Габона стал Леон Мба, лидер основанного в 1946 г. Демократического блока Габона.

18 февраля 1964 г. в Габоне произошел военный переворот. Однако через два дня в Либревиль прибыли две роты французских десантников, которые без особых усилий восстановили власть Леона Мба.

15 августа 1960 г. была провозглашена независимость республики Конго со столицей Браззавиль. Официальный язык – французский. Конфессии: христиан – около половины, мусульман – 2%, язычников – 48%.

Любопытно, что Москва объявила о признании Республики Конго за сутки до провозглашения независимости. Президентом нового государства стал аббат Фульбер Юлу, лидер партии «Демократический союз защиты африканских интересов». Юлу верно служил интересам метрополии и не обижался, когда подслеповатый де Голль, видя сутану, обращался к нему: «Мадам». Надо ли говорить, что Юлу ввел в стране однопартийную систему.

15 августа 1963 г. в результате массовых беспорядков режим Юлу был свергнут. К власти пришло правительство во главе с Альфонсом Массамба-Деба. Он организовал новую партию – Национальное революционное движение (НДР). Все остальные партии были запрещены. НДР взяла курс на строительство социализма советского образца. Имущество иностранных компаний было национализировано, введен пятилетний план.

В августе 1968 г. военные во главе с капитаном Марианом Нгуа-би свергли президента Масамба-Деба. Бравый капитан стал президентом страны, председателем Госсовета, министром обороны и министром госбезопасности. Нгуаби решил продолжить «строительство социализма». По его указанию была создана правящая Конголезская партия труда (КПТ). Естественно, что она была единственной партией страны. Как заявил Нгуаби: «Партия во всей своей деятельности намерена твердо следовать принципу соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма с практикой конголезской революции и бороться против любых проявлений догматизма и ревизионизма».

В марте 1977 г. Нгуаби был убит. Власть захватил генерал Жоаким Йомби-Опанго. В марте 1979 г. произошел новый переворот, и президентом стал полковник Дени Сассв-Нгессо.

1 августа 1960 г. была провозглашена независимость Дагомейской республики со столицей городом Порто-Ново. К этому времени численность населения республики составляла 2,2 млн. человек. Официальный язык государства – французский. 75% населения были язычниками, свыше 13% – христианами, около 12% – мусульманами. Первым президентом Дагомеи стал Юбер Мага, глава основанной в 1960 г.

Дагомейской партии единства. Понятно, что иные партии в стране были запрещены.

В 1962 г. Дагомея установила дипломатические отношения с СССР.

28 октября 1963 г. военные под руководством начальника штаба Дагомейской армии полковника К. Согло захватили власть.

19 января 1964 г. состоялись парламентские выборы, на которых большинство получила новая партия – Демократическая партия Дагомеи, а ее лидер С. Апити стал президентом страны. В ноябре 1965 г. армия вновь устроила переворот. С декабря 1965 по декабрь 1967 г. у власти был генерал Согло, а затем в ходе очередного переворота – подполковник Алле. В 1975 г. Республика Дагомея была переименована в Бенин.

7 августа 1960 г. была провозглашена независимость Республики Берег Слоновой Кости. Столицей нового государства стал город Ямусукро.

Население страны составляло около 16 млн. человек. Из них менее 14 тысяч французов. Конфессиональный состав: мусульмане – 39%, христиане – 33%, язычники и атеисты – 28%.

Первым президентом республики стал Уфуэ-Буаньи, лидер правящей и, разумеется, единственной партии страны – Демократической партии.

С 1986 г. в России название этого государства стали переводить не как Берег Слоновой Кости, а Республика Кот-д'Ивуар.

В отличие от других африканских стран, в республике до 1999 г. наблюдалась относительная политическая стабильность. Зато затем началась серия военных переворотов. Причем в 2011 г. в гражданский конфликт вмешались французские войска в ходе операции «Ликорн». В операции приняли участие свыше 4 тысяч французских военных под командованием генерала Анри Понсе. Французские боевые вертолеты наносили удары по позициям войск, верных президенту Лорану Гбагбо, разрушили его дворец и здание телецентра. Сам Гбагбо был захвачен французским спецназом, а позже доставлен в Гаагу в Международный суд по обвинению в «совершении преступлений против человечества».

А теперь перейдем к западной соседке Берега Слоновой Кости – Республике Гвинея. К концу 1950-х гг. ее население составляло около 4 млн. человек. На 2010 г. – 10,3 млн. человек. 85% населения были мусульманами суннитского толка, 8% – христианами и 7% – язычниками. Столица государства – город Конакри. Важнейшее полезное ископаемое Гвинеи – бокситы, по запасам которых страна занимает первое место в мире. Ведется также добыча золота, алмазов и редких металлов.

На референдуме 28 сентября 1958 г. 95% населения высказались за выход Гвинеи из Французского сообщества и за немедленное

предоставление ей независимости. 2 октября состоялось провозглашение Французской Гвинеи независимым государством, которое получило название Гвинейская Республика. Президентом страны стал Секу Туре, являвшийся генеральным секретарем Демократической партии Гвинеи (ДПГ). Правящая партия мобилизовала население Гвинеи на укрепление политической и завоевание экономической независимости, на развитие страны по некапиталистическому пути.

В январе – марте 1961 г. была проведена национализация французских монополий, осуществлявших снабжение Гвинеи водой и электроэнергией, а также компаний по добыче золота и алмазов.

В стране была разрешена только одна Демократическая партия Гвинеи. На XI съезде в 1978 г. партия была переименована в Партию Государства Гвинея (ПГГ). Основными целями ПГГ, согласно Уставу партии, принятому на XI съезде ДПГ в ноябре 1978 г., провозглашались «освобождение и полная эмансипация африканских народов и утверждение их национальной самобытности», «полное и окончательное уничтожение колониализма, неоколониализма, империализма, а также всех других форм эксплуатации», «создание социалистического общества в условиях социальной справедливости, демократического прогресса и мира». Устав запрещал избирать в руководящие органы партии лиц, занимающихся частной предпринимательской и торговой деятельностью^[104].

Еще 1 марта 1960 г. Гвинея вышла из зоны франка и ввела собственную валюту.

В ноябре 1959 г. президент Секу Туре впервые приехал в СССР. В 1959 г. по межправительственному соглашению СССР на льготных условиях предоставил Гвинее кредит в 31,5 млн. рублей. Франция отозвала из страны всех чиновников и специалистов, а Советский Союз послал своих специалистов. С 1960 г. в руководство экономикой были внесены плановые начала. В январе и феврале 1960 г. советское руководство выделило средства на обучение гвинейских военных специалистов. В 1960 г. Секу Туре вторично побывал в СССР. В ноябре 1960 г. было принято Постановление Совета Министров СССР о помощи в реконструкции аэродрома Конакри с тем, чтобы он мог принимать все типы тяжелых самолетов, включая Ту-114 и Ту-95. С 1961 г. в советских военно-учебных заведениях начали готовить кадры для ВМС Гвинейской Республики.

Следует заметить, что гвинейский вождь, сотрудничая с СССР, потихоньку развивал политические и экономические связи с США и рядом стран НАТО. Так, в 1962 г. Секу Туре посетил США, в результате чего Гвинея получила в 1962 г. американскую помощь в размере 16 млн.

долларов. Ну а Франция в 1963 г. заключила с правительством Гвинеи несколько соглашений: о культурном и техническом сотрудничестве, торговле и т. д.

Под нажимом США Секу Туре в конце 1962 г. в ходе Кубинского кризиса запретил советским самолетам использовать аэродромы Конакри для дозаправки советских самолетов, летевших на Кубу.

Несмотря на подобную позицию гвинейского руководства, техническое сотрудничество с СССР продолжалось. В мае 1963 г. в Гвинее побывала советская делегация, разговор шел о новых поставках военной техники. В сентябре 1963 г. Н.С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС возмущался настойчивыми требованиями президента Гвинеи Секу Туре экипировать полностью гвинейскую армию за счет СССР. Вспоминая начало активной помощи Гвинее, Хрущев говорил: «Тогда это была первая африканская республика, которая получила независимость, и мы повернулись к ней с таким радушием. Он (Туре) несколько не оценил этого и по-хамски ведет себя. Мы не будем ему мстить за это, но давайте и не выделять из группы других африканских стран. Сейчас же, если узнает Нкрума, скажет: "Дайте и мне то же, что вы даете Гвинее". Не надо этого делать, товарищи».

Тем не менее 10 сентября 1963 г. правительство приняло постановление «О дополнительных безвозмездных поставках в 1963 – 1964 гг. вооружения и военной техники в Гвинейскую Республику».

В 1965 г. в Гвинее был раскрыт заговор, направленный на свержение президента Секу Туре. Заговор был инспирирован правительством Франции при содействии властей Кот-д'Ивуара (Берега Слоновой Кости). Гвинея разорвала дипломатические отношения с Францией. На территории Кот-д'Ивуара при финансовой поддержке Парижа был сформирован «Фронт национального освобождения Гвинеи», ставивший своей целью свержение режима Секу Туре. Фронт тайно финансировался французским правительством, а ряд его руководителей находились во Франции.

4 января 1967 г. советским правительством было принято постановление «О безвозмездной поставке в 1967 – 1968 годах вооружения, военно-технического имущества, средств связи и имущества общегражданского назначения по просьбе Правительства Гвинейской Республики».

В то время СССР помогал Гвинее и в развитии ее промыслового флота. В мае 1966 г. в Конакри пришли первые четыре рыболовных сейнера из десяти, которые Советский Союз обещал поставить Гвинее, чтобы оказать содействие в налаживании рыболовного промысла. Кроме СССР помощь

Гвинее в этой области оказывали Польша и ФРГ.

Для защиты советских рыболовных судов в Центральной Атлантике было проведено первое разворачивание советских боевых кораблей у африканских берегов. В ходе его 15 – 20 февраля 1969 г. Конакри с первым официальным визитом посетил отряд советских кораблей под командованием капитана 1-го ранга В.В. Платонова в составе больших ракетных кораблей «Бойкий», «Неуловимый», подводной лодки проекта 641 Б-26 «Ярославский комсомолец» и танкера.

С 1961 г. на территории Гвинеи располагалась штаб-квартира Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), члены которой вели вооруженную борьбу с португальскими колонизаторами в соседней Португальской Гвинее (Гвинея-Бисау).

Поскольку с территории Гвинеи повстанцы периодически совершали рейды в португальскую колонию, португальские власти решили нанести контрудар по Конакри. В ночь с 21 на 22 ноября 1970 г. около 200 вооруженных гвинейцев – противников Секу Туре, одетых в униформу, похожую на униформу армии Гвинеи, и находящихся под командованием португальских офицеров, а также 220 военнослужащих португальской армии высадились на берег около Конакри с четырех кораблей. Они уничтожили пять катеров снабжения ПАИГК, а также сожгли летнюю резиденцию Секу Туре. Сам Секу Туре в это время находился в президентском дворце. Нападавшие также захватили два военных поста, взяли под контроль главную электростанцию Конакри, захватили штаб-квартиру ПАИГК, сам же лидер повстанцев находился в это время в Европе. Кроме того, было освобождено 26 португальских пленных, удерживавшихся ПАИГК.

В целом же акция португальцев не достигла своей цели. В ходе боестолкновений они потеряли около 50 человек убитыми, еще 100 человек попали в плен, а остальные были эвакуированы на кораблях в Гвинею-Бисау.

Советский Союз, Китай, страны Варшавского договора и большинство неприсоединившихся стран активно поддерживали правительство Секу Туре. 8 декабря 1970 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 290, осуждавшую Португалию за вторжение в Гвинею и призывавшую Португалию уважать принципы суверенитета и самоопределения народов, проживающих на ее территории, а прочие государства оказать моральную поддержку Гвинее. Резолюция была принята 11 голосами «за» при четырех воздержавшихся (Великобритания, Испания, США, Франция).

В самой Гвинее Секу Туре устроил большую «чистку» в армии и

госаппарате. Многие десятки людей были повешены (29 по приговору суда, остальные – во внесудебном порядке).

В конце концов, Секу Туре был вынужден обратиться к правительству СССР с просьбой обеспечить постоянное присутствие наших военных кораблей в порту Конакри. В начале 1971 г. соответствующее соглашение было подписано.

Одним из первых весной 1971 г. из Средиземного моря в Гвинею пришел большой противолодочный корабль проекта 61 «Образцовый». Затем в Гвинею зашла плавмастерская «ПМ-40», которая выполняла межфлотский переход из Польши, где она была построена, на Тихоокеанский флот.

В сентябре 1971 г. в Конакри пришел целый отряд советских кораблей в составе эсминца проекта 56А «Находчивый» и танкера Черноморского флота, большого десантного корабля проекта 1171 «Донецкий шахтер» с батальоном морской пехоты (350 человек) на борту, с боевой техникой (20 танков Т-54 и 18 БТР-60П), и судно обеспечения Балтийского флота. В начале 1972 г. отряд вышел в море и недалеко от порта встретил отряд кораблей, следующий им на смену. Это были корабли Северного флота в составе большого противолодочного корабля «Вице-адмирал Дрозд», эсминца «Скромный», подводной лодки и танкера.

С 5 марта по 6 мая 1972 г. в Конакри находился эсминец «Бывалый». Там же был отряд морских десантников 61-го Киркенесского Краснознаменного отдельного полка морской пехоты Северного флота на БДК «Крымский комсомолец», выполнявший боевую службу у берегов Гвинеи и Сенегала, с заходом в порты Конакри и Дакар (23 – 27 мая 1972 г.).

Как вспоминал командир взвода роты плавающих танков лейтенант Анатолий Судников, ему в случае условного сигнала надлежало пройти танками по улицам Конакри и занять оборону у советского посольства. Сделать этого не довелось, но техника и люди к выполнению этой задачи были готовы. «Поскольку иметь топографические карты было запрещено, приходилось изучать обстановку на местности, – продолжает рассказ Анатолий Павлович. – В выходные и праздничные дни надевали парадную форму, брали "значки с Лениным" (без этих подарков местная детвора не давала и шагу ступить) и выходили якобы гулять по городу. Как бы между прочим говорили, например: "Вася, если ты на танке этот поворот пропустишь, получишь в борт попадание снарядом. Запоминай!"»^[105]

В феврале 1972 г. была достигнута договоренность с гвинейским руководством о кратковременном (до 5 – 6 суток) пребывании самолетов

Ту-95РЦ на аэродроме Конакри (для отдыха летного состава и осмотра техники) с периодичностью два раза в месяц.

Дальние самолеты Ту-95РЦ, базируясь на аэродромах Кубы и Гвинеи, вели разведку всей северной и центральной части Атлантического океана. В случае начала боевых действий эти машины наводили на морские цели крылатые ракеты П-35 с надводным стартом и П-6 с подводных лодок.

К 1974 г. в Гвинее находилось приблизительно 110 советских военных советников. По американским данным, с 1960 г. было поставлено вооружений на 48 млн. долларов.

В ноябре – декабре 1972 г. СССР передал повстанцам ПАИГК в Конакри три сторожевых катера проекта 199, построенные в Ленинграде на базе корпусов торпедных катеров проекта 183. Эти корабли водоизмещением 67 тонн с четырьмя дизелями М-50-ф имели скорость хода до 35 узлов и были вооружены двумя спаренными 25-мм артиллерийскими установками 2М-3М. Экипажи каждого катера состояли из 22 человек.

Подготовкой к передаче катеров и обучением экипажей занимались советские военные советники. Однако уровень знаний экипажей катеров, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Зато португальской разведке удалось завербовать большую часть этих экипажей. В заговоре приняли участие и противники лидера ПАИГК Амилькара Кабрала в руководстве партии.

20 января 1973 г. в Конакри Амилькар Кабрал возвращался с приема в польском посольстве. Около 11 часов ночи он спокойно вместе с супругой Анной Марией вышел из машины, и тут его поджидали заговорщики. В ходе схватки Амилькар Кабрал был убит. Заговорщикам удалось захватить его жену и нескольких руководителей ПАИГК. Пленных заговорщики доставили на катера проекта 199 и попытались с ними уйти в португальскую колонию Гвинею-Бисау.

Узнав о происшедшем, президент Секу Туре немедленно обратился за помощью к советскому послу А.П. Ратонову. Посол сразу же отправил военных советников – генерала Ф.В. Чичерина и капитана 1-го ранга В.М. Жучкова на эсминец проекта 56-ПЛО «Бывалый». Других советских кораблей в тот момент на рейде Конакри не было.

Командир эсминца Ю.Г. Ильиных немедленно запросил Москву: «Что делать?» Увы, Москва молчала. Тогда Ильиных на свой страх и риск, взяв на борт отряд гвинейских солдат, после полуночи вышел в море. Вскоре РЛС «Дон» эсминца «Бывалый» обнаружила две неподвижные цели. Ими оказались два угнанных катера проекта 199, поскольку заговорщики не знали, куда плыть, и ждали рассвета.

Под угрозой применения оружия оба катера сдались советскому эсминцу. На них были высажены гвинейские солдаты.

В 15 часов 21 января «Бывалый» вернулся на рейд Конакри и передал катера и их команды гвинейским властям. К этому времени гвинейскими судами был найден третий катер, который также потерял ориентировку и в темноте налетел на отмель в береговых камышах.

Замечу, что до возвращения эсминца в Конакри командование советского флота «помалкивало в тряпочку». А затем поступил приказ снять с должности командира эсминца Ильиных. Через несколько часов приказ был отменен. А 22 января командующий Северным флотом адмирал Г.М. Егоров прислал телеграмму, в которой капитану 2-го ранга Ю.Г. Ильиных была объявлена благодарность «за смелые и решительные действия на боевой службе».

После этого инцидента отряд советских кораблей с усиленным батальоном морской пехоты на борту десантных кораблей постоянно дежурил в Конакри или недалеко от берегов Гвинеи. Помимо поддержки режима Секу Туре отряд занимался охраной наших рыболовецких судов у берегов Северной и Центральной Африки.

Однако параллельно Секу Туре продолжал налаживать отношения с Западом. Так, в 1975 г. Гвинея восстановила дипломатические отношения с Францией. Понемногу Гвинее помогала и КНР. Например, китайцы за свой счет построили в Конакри грандиозный «Дворец дружбы». В свою очередь, король Саудовской Аравии построил в Конакри мечеть, вторую по величине после Мекки.

В 1980 г. по предложению Секу Туре было отменено постоянное базирование советских военных кораблей в Конакри. Однако кратковременные заходы наших кораблей продолжались.

В ходе Фолклендской войны 1982 г. советские Ту-95РЦ, базируясь в Гвинее, вели наблюдение за британскими кораблями, но с достаточно большого расстояния, вне предела действия их зенитных ракет.

26 марта 1984 г. тяжелобольной Секу Туре скончался в госпитале в США.

Через неделю в Гвинее произошел военный переворот во главе с полковником Лансана Конте. Оный полковник учился в СССР, но взял откровенный курс на сближение с Западом. Он потребовал ликвидировать советскую авиабазу в Конакри и выслать советских военных советников. Однако заходы советских военных кораблей продолжались, хотя и стали реже, а в конце 1990 г. вообще прекратились.

Президент Лансана Конте правил Гвинеей до самой своей смерти 22

декабря 2008 г. После этого в стране вновь начались военные перевороты.

В заключение стоит сказать несколько слов об островной колонии Франции – Коморах.

В 1975 г. была провозглашена независимость Коморских островов, расположенных между Мадагаскаром и африканским побережьем. В 1843 г. остров Майотта, а с 1886 г. острова Гранд-Комор, Анжуан и Мохели попали под протекторат Франции. В 1909 г. архипелаг получил статус колонии. Коморы получили автономный статус. Острова управлялись назначенным Парижем верховным администратором, при котором имелся Личный совет и Совет по тяжбным делам.

Декретом от 22 октября 1946 г. на Коморах был создан Генеральный совет. Административно архипелаг делился на четыре подразделения по количеству островов, и каждый остров в свою очередь делился на кантоны.

Промышленность на островах отсутствовала, сельское хозяйство было развито слабо. К 1970 г. 300-тысячное население островов существовало в основном за счет субсидий метрополии. Так, если собственный бюджет Комор составлял в 1974 г. 1,6 млрд. франков, то помощь метрополии в том же году оценивалась в 7,2 млрд. франков.

22 декабря 1974 г. население Коморских островов проголосовало за предоставление независимости архипелагу. Лишь на острове Майотта 63,82% жителей (8783 человека) проголосовали за сохранение режима французского управления. В пользу независимости высказались 36,18% населения (5110 человек).

6 июля 1975 г. глава коморского правительства Ахмед Абдаллах в одностороннем порядке провозгласил независимость Коморского государства. В ответ население потребовало от Парижа «защиты».

Французское правительство не признало новое государство. Игнорируя мнение коморского правительства, Франция организовала на Майотте новый референдум, после которого 8 февраля 1976 г., невзирая на протесты ряда африканских стран и негативную позицию Совета Безопасности ООН, объявила Майотту «территориальной единицей Французской республики».

3 августа 1975 г. на Коморском архипелаге произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришел Али Суалих, провозгласивший курс так называемого «национального социализма», то есть национализацию крупных земельных владений и собственности высланных из страны французских колонистов, введение планирования в экономике, отмена действия законов шариата и ограничение влияния мусульманского духовенства, роспуск политических

партий. Антиисламская деятельность нового правительства привела к дестабилизации обстановки в стране.

Проживавший в Париже Ахмед Абдулла при содействии французского правительства нанял 50 боевиков во главе с Бобом Денаром (настоящее имя Жильбер Боржо). Наемники устроили переворот. Президент Али Суалих был убит, к власти вновь пришел Ахмед Абдулла, сделавший Боба Денара своим советником.

Согласно конституции 1978 года страна была переименована в Федеральную Исламскую Республику Коморские Острова (ФИРКО), парламент – в Федеральную ассамблею, а ислам объявлен государственной религией. В 1979 г. была введена однопартийная система, и единственной партией стал правящий «Коморский союз за прогресс» («Уджима»). Авторитарность режима Абдаллаха, получившего на выборах в 1984 г. 99% голосов, и подавление любых оппозиционных взглядов привели в ноябре 1989 г. к перевороту, в ходе которого он был убит.

Президентские выборы 1990 г. прошли в условиях многопартийности – были созданы 14 легальных партий. 55,3% голосов получил Сайд Мохамед Джохар, который и был избран президентом.

Однако из-за постоянной конфронтации партий в сентябре 1995 г. произошел новый переворот, произведенный иностранными наемниками во главе с Бобом Денаром. Но на островах высадились французские командос, и Боб Денар ненадолго оказался во французской тюрьме.

Следующий военный переворот произошел 30 апреля 1999 г. В результате к власти пришел полковник Азали Ассумани. В 2001 г. правительственные войска предотвратили попытки военных переворотов на островах Анжуан и Мохели.

Глава 8.

«Месть колоний»

К концу XX века огромная французская колониальная империя распалась, а ее осколки превратились в так называемые заморские территории Франции. В основном это острова. Исключение составляла лишь Гвиана, находящаяся на северо-востоке Южной Америки.

Осколки французской колониальной империи были по всему миру: в Индийском океане – Реюньон, Майотта, Антарктические территории, в Атлантическом океане – Сен-Пьер и Микелон, Гвиана, Гваделупа, Мартиника, в Тихом океане – Уоллис и Футуна, Новая Каледония, Французская Полинезия.

Координацию деятельности Французской республики в отношении заморских владений осуществляет Министерство по заморским территориям. Оно назначает верховных комиссаров в заморские территории и территориальные коллективы, вырабатывает и координирует политику Франции в отношении заморских территорий. По своему политическому устройству заморские департаменты аналогичны департаментам метрополии Франции, заморские территории и особые территориальные коллективы управляются назначаемыми префектами или верховными комиссарами. Степень участия префекта (верховного комиссара) в делах владения может быть разной: префект может быть как фактическим губернатором, имеющим в качестве законодательной власти лишь консультативный совет (Уоллис и Футуна), так и лицом, ответственным исключительно за оборону, внешнюю политику и внутреннюю безопасность (Французская Полинезия).

Некоторые из заморских владений пользуются довольно широкой автономией во внутренних вопросах: Новая Каледония имеет особый статус, согласно которому в 2014 г. будет решаться вопрос о ее государственной независимости. Широкой внутренней автономией пользуются Французская Полинезия и Майотта. Почти во всех заморских владениях действуют отделения французских политических партий, во многих есть и местные, нередко играющие значительную, а то и ключевую роль в местном политическом процессе. Во всех заморских владениях соблюдаются конституция Франции, все нормы прав человека и гражданского общества.

Как уже говорилось, Французская Гвиана является единственным

материковым заморским владением Республики Франция. Гвиана была открыта испанцами в 1499 г. В 1635 г. французский купец Понсе де Бретињи основал там колонию Кайенна. Однако колония была уничтожена туземцами. Прибывшая в 1652 г. из Франции новая экспедиция также была истреблена индейцами. В 1654 г. французское поселение в Гвиане захватили голландцы, но созданная в 1664 г. Кольбером Вест-Индская компания добилась вскоре их изгнания. В 1667 г. Гвиана подверглась нападению англичан.

Гвиана

В XVIII веке Гвиана вновь стала французской. В 1794 г., на основе изданного французским революционным правительством закона об упразднении рабства, во Французской Гвиане было освобождено около 12 тысяч негров. Но с приходом к власти Бонапарта рабство было восстановлено. В 1809 г. Гвиана была захвачена англичанами и португальцами. Согласно Парижскому договору 1814 г. она была

возвращена Франции, но оккупация ее португальцами продолжалась до 1817 г. Изданный в 1848 г. декрет об отмене рабства, а также обнаружение в 1853 г. в Гвиане золота нанесли тяжелый удар плантационному хозяйству, которое пришло в упадок.

Наполеон III создал при губернаторе Французской Гвианы Совещательный тайный совет из назначавшихся губернатором лиц. В 1870 г. при губернаторе была создана совещательная палата земледелия, торговли и промышленности, избиравшаяся наиболее зажиточными кругами. В 1878 г. в Гвиане был учрежден Генеральный совет, которому было вверено местное самоуправление. В 1870 г. Гвиана была разделена на общины, получившие в 1898 г. право выбирать свои муниципальные советы.

Законом от 19 марта 1946 г. Французская Гвиана получила статут французских департаментов, вступивший в силу с 1 января 1947 г. Как и департаменты метрополии, Французская Гвиана находится в ведении французского министерства внутренних дел. Декретом от 8 июня 1947 г. префекту Гвианы были присвоены военные и полицейские функции, которыми по положению пользовались губернаторы колоний.

В 1969 г. французское правительство выбрало Гвиану в качестве места для строительства космодрома. Главным аргументом стала близость к экватору, что позволяло выводить на околоземную орбиту большую нагрузку при той же тяги двигателей ракетносителя.

Космодром расположился на побережье Атлантического океана длиной 60 км и шириной 20 км, между городами Куру и Синнамари, в 50 км от столицы территории Кайенны. По имени близлежащего городка космодром получил название Куру. Первый успешный запуск носителя ракет французского производства «Ариан-1» состоялся 24 декабря 1979 г. За ней последовали модификации этой ракеты – «Ариан-2» (20 декабря 1987 г.), «Ариан-3» (4 августа 1984 г.), «Ариан-4» (15 июня 1988 г.) и «Ариан-5» (30 октября 1997 г.). Замечу, что «Ариан-5» уже можно отнести не к легким, а к тяжелым ракетносителям. Он способен вывести на низкую орбиту нагрузку в 21 тонну, а на стационарную орбиту – до 10 тонн.

Ну а 11 октября 2011 г. российская ракета «Союз» вывела с полигона Куру на орбиту два спутника европейской навигационной системы «Галилео».

На 2009 г. населения Французской Гвианы составляет 222 тысячи человек. Официальный язык – французский. До 70% населения – негры и мулаты (креолы, переселенцы из Гаити), 12% европейцев, в основном

французов, 3% индейцев, 15% выходцев из стран Азии. Конфессиональный состав: 48% католики, 15% протестанты, 4,5% мусульмане.

Пару слов стоит сказать и о некоторых островных «заморских» владениях. Архипелаг Сен-Пьер и Микелон – единственное заморское владение, население которого практически полностью составляют французы. Это владение представляет собой несколько небольших островов с населением в 6,6 тысячи человек, находящихся в 25 км от канадского побережья острова Ньюфаундленд. Эти острова с XVII века заселялись рыбаками, в основном из западных провинций Франции: этническими басками, бретонцами и французами. Баскское влияние на островах было настолько существенно, что баскский язык здесь употреблялся вплоть до начала XX века. На островах об этом еще помнят, но в настоящее время все население говорит на французском.

Рыболовство по-прежнему занимает важное место в экономике островов, но все большее значение приобретает туризм, причем не просто туризм. «Территория сознательно позиционируется как "Франция в Северной Америки", а гражданам США и Канады туда разрешен безвизовый въезд на короткий срок. Если учесть наличие недалеко франкоязычной канадской провинции Квебек, с которой налажены тесные культурные связи, то это вполне похоже на попытку создания некоего культурного "маяка" для франкоговорящих квебекцев. На островах непропорционально для территории со столь малым населением развиты историко-краеведческие исследования, поддерживаются местные традиции. В острова вкладывается значительная финансовая помощь из Франции, активно поддерживается развитие туризма, особенно из США и Канады»^[106].

Остров Майотта – один из островов Коморского архипелага у побережья Восточной Африки. Как уже говорилось, раньше все Коморские острова были французской колонией, затем заморским департаментом Франции, однако на референдуме 1974 г. подавляющее большинство населения островов – 94,6% – высказалось за государственную независимость. А население Майотты предпочло остаться в составе Франции, проголосовав 64% голосов против независимости. С тех пор Майотта стала заморской территорией Франции.

«Франция, хотя и не препятствовала международному признанию Коморских островов, все же противодействовала всем попыткам оспорить ее суверенитет над Майоттой. В результате, хотя на Майотте практически нет европейского населения (общее население Майотты составляет 135 тыс. жителей), здесь, в отличие от соседних Коморских островов,

соблюдаются права и свободы человека, действует современный демократический государственный механизм. Особенно поразителен контраст в этой области с Коморскими островами – одной из беднейших стран мира, где передача власти осуществляется посредством государственных переворотов. Такое контрастное соседство уже приводило к движениям на некоторых островах Коморского архипелага за возвращение в состав Франции. Нередко подобные настроения приводили к массовым беспорядкам. Сейчас Майотта имеет переходный статус, чтобы в будущем стать полноправным заморским департаментом»^[107].

Заморские территории Франции сейчас нельзя назвать колониями ни в политическом, ни в экономическом отношении. Ведь колонии должны эксплуатироваться метрополией. А сейчас, несмотря на кризис, Франция переводит в свои заморские регионы в виде дотаций многие миллиарды евро (так, в 2010 г. – 17,2 млрд. евро). Около 40% жителей далеких островов живут на пособия. Эту цифру стоит сравнить с 10-процентной безработицей в самой Франции. Ежегодно тысячи из них переезжают на постоянное место жительства в метрополию, где зачастую пополняют ряды безработных обитателей парижских и иных пригородов.

Таким образом, из колониальной державы Франция превратилась в подобие царской России, СССР или нынешней «демократической» РФ, когда окраины висят на шее центральных районов.

Почему же Париж не дает независимость «заморским департаментам»? Ну, само собой, по инерции, из-за остатков идеологии «имперского величия». Ну а с другой стороны, на заморских островах – космические и ядерные полигоны, которые практически невозможно разместить на территории метрополии.

В заморских территориях Франция имеет десятки аэродромов, способных принимать тяжелые реактивные самолеты, десятки хорошо оборудованных портов или хотя бы стоянок кораблей, где они могут заправляться топливом, водой и продуктами. Таким образом, заморские островные территории имеют огромное военно-стратегическое значение для Франции и НАТО.

Французская авиация, ВДВ и ВМФ, действуя с заморских баз, в состоянии в любой момент нанести удар практически по любой стране мира.

Наконец, 200-мильная экономическая зона вокруг заморских владений Франции, включая огромные территории, где могут находиться огромные сокровища земных недр.

Пока Франция была огромной колониальной империей, в метрополию

прибывали десятки тысяч жителей колоний. И это было вполне объяснимо. Но вот колонии получили независимость, и по логике нормального человека африканцы, арабы, азиаты должны были отправиться по домам строить «светлое будущее», избавившись от «гнета французского империализма». Однако произошло обратное – сотни тысяч жителей колоний потянулись в метрополию.

Поначалу миграция устраивала значительную часть французов. Промышленники и средний класс были довольны притоком дешевой рабочей силы, что существенно увеличивало конкурентоспособность французской промышленности на мировых рынках. Социалистические и коммунистические политики радовались, надеясь на увеличение собственного электората. Ну а значительная часть французов относилась к миграции равнодушно. Ведь Франция уже полтора столетия считалась страной массовой иммиграции. Итальянцы, испанцы, восточноевропейцы волна за волной селились здесь и успешно превращались во французов.

Вспомним, что к 1 сентября 1939 г. во Франции работали около полумиллиона польских гастарбайтеров. Ну а в 20-х гг. XX века во Франции осело около 800 тысяч русских эмигрантов так называемой «первой волны».

Пример этих эмигрантов в значительной мере дезориентировал французское общество. Дело в том, что первое поколение эмигрантов, то есть те, кто взрослым прибыл из России, принципиально не хотели натурализовываться. Доходило до того, что человек, попав в 20 лет в Париж, мог вполне терпимо прожить еще 40 – 60 лет там, так и не научившись французскому языку. Он работал у русских предпринимателей, читал русские газеты и книги, ходил в русские рестораны и даже лечился исключительно у русских врачей. Замечу, что французские власти под давлением профсоюза врачей, не желавших конкуренции, отказались признавать медицинские дипломы, выданные в царской России. Но, с другой стороны, власти смотрели сквозь пальцы на частную практику русских врачей среди эмигрантов.

Но второе поколение русской эмиграции, то есть люди, родившиеся во Франции, автоматически становилось французами, лишь в некоторых случаях сохранившими свои «русские корни».

Я сам в 1970 – 1980-х гг. не боялся общаться и даже пить водку с коньяком с детьми русских эмигрантов, приезжавшими в СССР. Они говорили с мало уловимым акцентом. Однако использовали иные слова, иные выражения, имели совсем иной менталитет, нежели советские граждане.

Ну а внуки эмигрантов «первой волны» уже практически ничем не отличаются от коренных французов и в подавляющем большинстве не знают русского языка.

Таким образом, русская эмиграция стала блестящим примером, подтверждающим справедливость теории «плавильного котла». Кстати, «плавильный котел», будь то Франция или Россия, в XVIII – XIX веках исправно действовал и с африканскими, и с азиатскими мигрантами. Классический пример – потомки Ибрагима Ганнибала («арапа Петра Великого»), дворянские роды, происходившие от татарских мурз – Кутузовы, Юсуповы, Сабуровы, Годуновы и десятки других.

Увы, прибывшие во Францию миллионы арабов не оставили и камня на камне от теории «плавильного котла». Они принципиально не желали натурализовываться. Сколько арабов сейчас во Франции, никто не знает. Это – государственная тайна Республики! Попытка вести статистику по национальному составу проживающих во Франции людей или по их производственной деятельности квалифицируется как уголовное преступление. Нет-нет, я вовсе не шучу! С 1990 г. во Франции действует закон Фабиуса – Гессо. (Гессо – депутат, коммунист, а Лоран Фабиус – еврей, премьер-министр.) Закон предусматривает уголовное наказание за сбор любой статистики по национальному вопросу.

Но мы отвлеклись от темы. Если мигранты, приехавшие во Францию, в основном не желают ассимилироваться, то хотя бы работают. А вот их дети и внуки не желают ни ассимилироваться, ни работать.

Как писал известный французский историк Фернан Бродель: «...дети иммигрантов-мусульман оказались в положении отверженных и сами отвергают ассимиляцию, которая часто удавалась их отцам». Замечу, что во втором поколении ассимиляция иммигрантов-мусульман идет труднее, чем в первом. Этот феномен сам Бродель объяснял близостью арабских стран, высокой рождаемостью в них и активностью ислама не столько как религии, а как культуры и образа жизни^[108].

Сейчас многие жители Северной Африки приезжают не для того, чтобы работать. Они приезжают, чтобы воспользоваться своими правами. К примеру, есть закон о воссоединении семей, если приезжает один человек в страну, он имеет право привезти с собой пять жен, у каждой по несколько детей, и в итоге такой француз может получать пособий до 60 тысяч евро в месяц^[109].

Скандалную известность приобрело расследование по делу Льеса Хеббаджи, прославившегося на всю страну благодаря количеству жен,

детей и объему полученных социальных пособий. 35-летний выходец из Алжира стал обладателем французского паспорта 10 лет назад, заключив официальный брак с жительницей города Нант. Оказалось, однако, что помимо законной супруги у Хеббаджи есть еще три гражданских жены, живущие неподалеку, и в общей сложности – тринадцать детей. На сегодняшний день ситуация несколько изменилась: у многодетного отца родился четырнадцатый ребенок.

Как заявил журналистам Ксавьер Ронсан, прокурор города Нант, только за последние три года размер полученных Хеббаджи пособий составил 175 тысяч евро. Кроме того, по словам прокурора, в период с 2006 по 2007 г. две гражданских жены Хеббаджи проживали в Дубае, продолжая при этом получать пособия во Франции. Все четыре женщины располагали счетами в банках, но не имели к ним доступа: счетами по доверенностям управлял отец их детей.

История, а вместе с ней и масштабы мошенничества получили огласку, когда законная супруга Хеббаджи, 31-летняя француженка, отказалась заплатить штраф в 22 евро за вождение автомобиля в никабе – традиционной мусульманской одежде, скрывающей лицо^[110].

По данным Национальной комиссии по правам человека на 2010 год, во Франции от 16 до 20 тысяч семей живут в полигамных семьях, что составляет примерно 180 тысяч человек.

Любопытно, что еще в 1993 г. марокканский король Хасан II предупреждал французских политиков о грядущей катастрофе иммиграционной политики Парижа, но тогда его не слышали. Более того, представители левого лагеря осудили его величество, обвинив его в том, что он подыгрывает националисту Ле Пену.

Хасан II еще тогда предостерегал Париж от попыток «интегрировать мусульман во французское общество». Он сказал: «Я бы не хотел, чтобы вы даже пытались это делать – они никогда не будут интегрированы. Они (мусульмане) просто не смогут. Это возможно между европейцами – у них одна и та же ткань. Движение населения в европейской истории было в направлении восток – запад. В религии, во всем... Но здесь речь идет о другом континенте. Вам нечего с ним делать. Они будут плохими французами. По крайней мере, что касается моих марокканцев... они никогда не будут стопроцентными французами. Я вас уверяю»^[111]. Арабы в ходе пятничной молитвы перекрывают улицы в центре Парижа, поскольку им хочется молиться именно на главных улицах столицы. Мусульмане требуют запретить во Франции потребление свинины. А когда в ответ

группа французов – любителей свиных сосисок объявила о создании группы «Солидарность», парижские власти обвинили их в... расизме!

Первая мечеть во Франции появилась в 1920 г. К 2010 г. там уже свыше 1 млн. 500 тысяч мечетей!

Полиция не только не защищает коренных жителей от банд арабской молодежи, но и сама боится их. Так, только в ходе бунтов в 2005 г. хулиганы сожгли 1295 автомобилей. Полиция арестовала 312 человек. Приговоры суда были, мягко выражаясь, смешными – 2 – 3 месяца тюрьмы, да и то в основном условно. Доказать вину погромщиков очень трудно, тем более что многие из них действовали в масках. Вот характерный пример действий французской фемиды в 2005 г. В городке Бобиньи перед судом предстал 51 погромщик. Но за время, пока шел процесс, перед знанием суда неизвестные подожгли 10 автомобилей, принадлежавших судебным чиновникам.

Следует заметить, что арабы во Франции получают солидную экономическую, политическую и информационную поддержку богатых арабских стран, в первую очередь Саудовской Аравии. Так, с 2007 по 2011 г. саудиты ассигновали 600 млрд. долларов на поддержку исламских движений в Западной Европе и Америке. В частности, на саудовские деньги было построено свыше 1500 мечетей, 202 исламских колледжа, 210 исламских культурных центров и т. д.

Сейчас Франция, как и ряд других западных стран, начинает пожинать плоды «мультикультуризма» и других либеральных идей. Весь этот комплекс идей, постепенно вводившихся в западное общество с середины 1960-х гг., имеет своей основной целью сделать население легко управляемым и лишить его воли к сопротивлению, превратив в послушных животных. Попытки тоталитарных режимов делать это с помощью массовых казней и системы концлагерей оказались не столь успешны.

Сейчас западные либералы избрали другой метод, цель которого – парализовать волю мужчин и мужественных женщин, сделав их людьми второго сорта. Как справедливо заметил известный публицист Александр Никонов: «Всю теорию политкорректности можно сжать до понятия, что белый человек мужского пола – причина всех бед на планете. И он не только является источником всего зла, но и должен постоянно чувствовать за собой эту вину, стыдясь своего происхождения и пола»^[112].

Сейчас «мировое правительство» больше всего боится обывателей, которые в XVII – XVIII веках строили капитализм во Франции. Повысил король налоги на несколько су, и вот лавочник Планше лезет в подвал и достает аркебузу. А на следующий день Париж в баррикадах. Да

здравствует Фронда!

Сильным мира сего нужен морально кастрированный мужчина, которого СМИ учат беспрекословно отдавать кошелек грабителю, и не дай бог оказать грабителю сопротивление и покалечить его! Мужчину стращают тюрьмой, если он даст плюху оскорбившему его арабу, собственной жене или ребенку. Такой зомбированный персонаж – не хозяин своей страны, а покорный раб.

Помимо своей главной цели «либеральные доктрины» помогают сильным мира получить большие коммерческие выгоды. Общеизвестно, что женщины и подростки под воздействием эффективной рекламы покупают во много раз больше ненужных дорогостоящих вещей, чем взрослые мужчины – тряпок, косметики, электронных мобильных «планшетов» и т. д.

Французское общество сейчас не в состоянии противостоять арабской агрессии, и в дальнейшем исламизация Франции будет возрастать в геометрической прогрессии. И по моим оценкам, кризис наступит где-то через 10 – 20 лет. Не надо быть провидцем, чтобы понять, что при нынешних французских законах и правах волну исламизации не остановить. А булавоочные уколы, которыми хвалилось правительство Саркози, типа запрещения носить хиджабы в учебных заведениях только усиливают агрессию арабов.

Роль, которую сыграла Французская колониальная империя в истории человечества, трудно переоценить. Это касается культурной, научно-технической и политической составляющих. Другой вопрос, что Французская империя создавалась «железом и кровью», вне рамок международного права и «либеральных ценностей». Но, увы, именно так были созданы все империи. Причиной ее гибели стал резкий рост национализма в странах Азии и Африки с 20-х гг. XX века. Ну а субъективным фактором стало навязывание Европе Версальских соглашений, с помощью которых Париж надеялся контролировать Германию и Россию. По мнению автора, в 1920-х и даже 1930-х гг. у Франции была возможность мирно демонтировать Версальскую систему и создать новую, в которой наряду с Францией и Англией достойное место заняли бы Германия и СССР.

Париж предпочел войну и проиграл ее, а после 1945 г. сохранение Французской империи стало невозможным.

Список использованной литературы

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М.: Издательство иностранной литературы, 1959

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 год. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960

Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2011

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911 – 1915

Всемирная история. Даты и события. Эпоха перехода от капитализма к коммунизму / Под ред. В.Г. Васина. М.: Международные отношения, 1968

Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. Военно-исторический очерк/ Под ред. С.П. Платонова. М.: Воениздат, 1958

Галльский Д. Великие авантюры. История создания Суэцкого и Панамского каналов. М.: Прогресс, 1986

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991

Доливо-Добровольский Б.И. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924

Зарубежные страны. Справочник. Африка / Под ред. И. Колосова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969

Извольский А.Л. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989

История Африки в XIX – начале XX в./ Под ред. А.С Орлова. М.: Наука, 1967

История дипломатии/ Под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963

История Средних веков / Под ред. К.А. Косминского и С.Д. Сказкина.

М.: Государственное издательство политической литературы, 1952

История стран Азии и Африки в Средние века / Под ред. Л.В. Симоновской и Ф.М. Ацамба. М.: Издательство Московского университета, 1968

Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. М.: Наука, 1973

Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии / Под ред. Е.М. Жукова. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949

Локальные войны. История и современность / Под ред. И.Е. Шаврова. М.: Воениздат, 1981

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973

Молчанов И.М. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1975

Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. Операции в водах Северной Африки. Октябрь 1942 – июль 1943. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб.: АОЗТ «СБА», 1994

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1869 – 1895). М., 1956

Норвич Дж. Средиземное море. История Средиземноморья. М.: АСТ; Астрель, 2011

Ольденберг С.С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург, 1999

Паршев А.П., Степаков В.Н. Когда началась и когда закончилась Вторая мировая. М.: Яуза; Эксмо, 2007

Политические партии. Справочник / Под ред. В.В. Загладина, Г.А. Киселева. М.: Политиздат, 1981

Поповкина Р.А. Французские монополии в Индокитае: накануне Второй мировой войны. М., 1960

Роскилл Ч. Флот и война. М.: Воениздат, 1967

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000

Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959

<http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

<http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a172.htm>

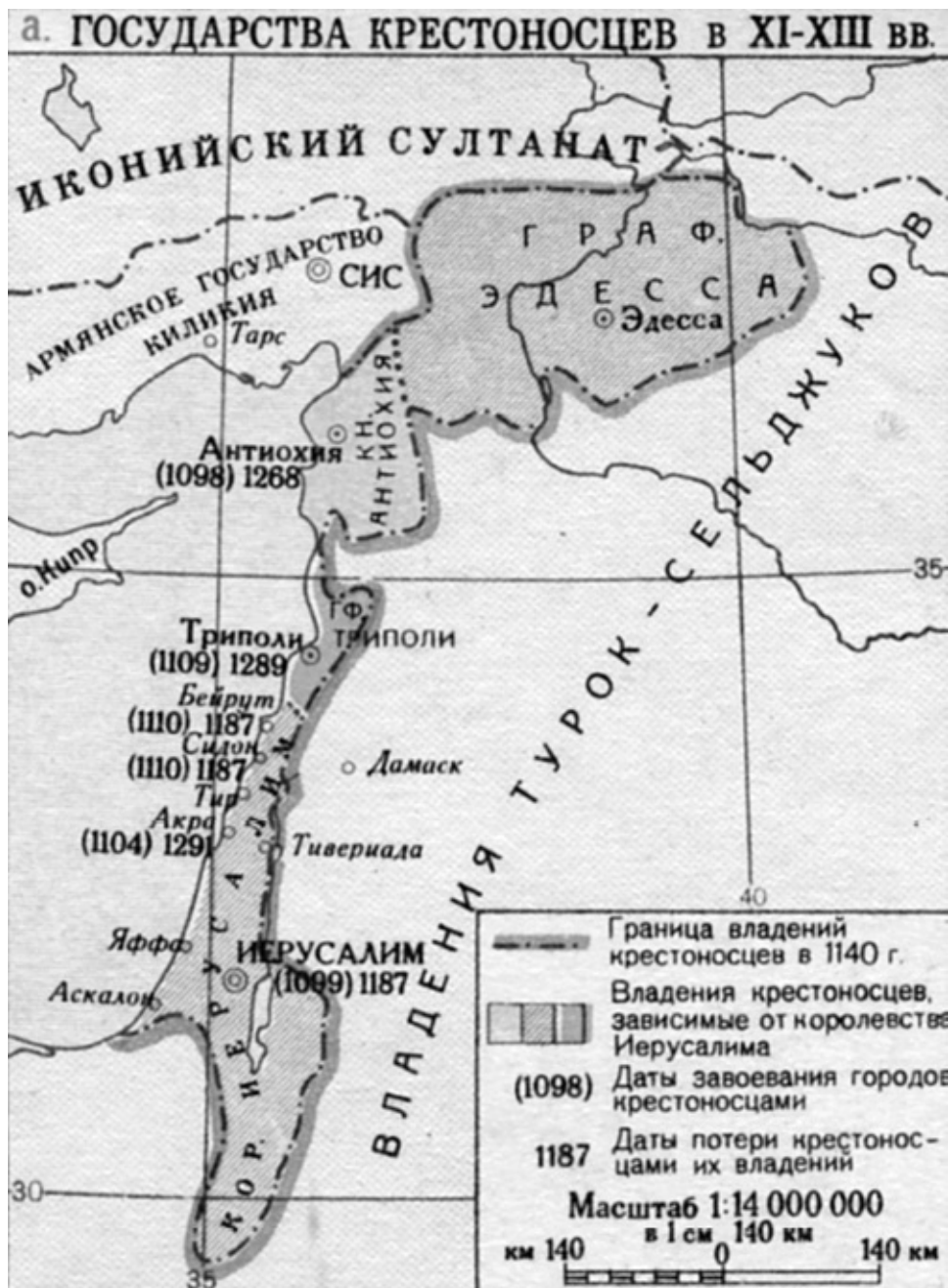
http://expert.ru/expert/2005/43/43ex-tema-p_38610/

[http://www.pravda.ru/world/europe/1 ...-arabsfranks-O/](http://www.pravda.ru/world/europe/1...-arabsfranks-O/)

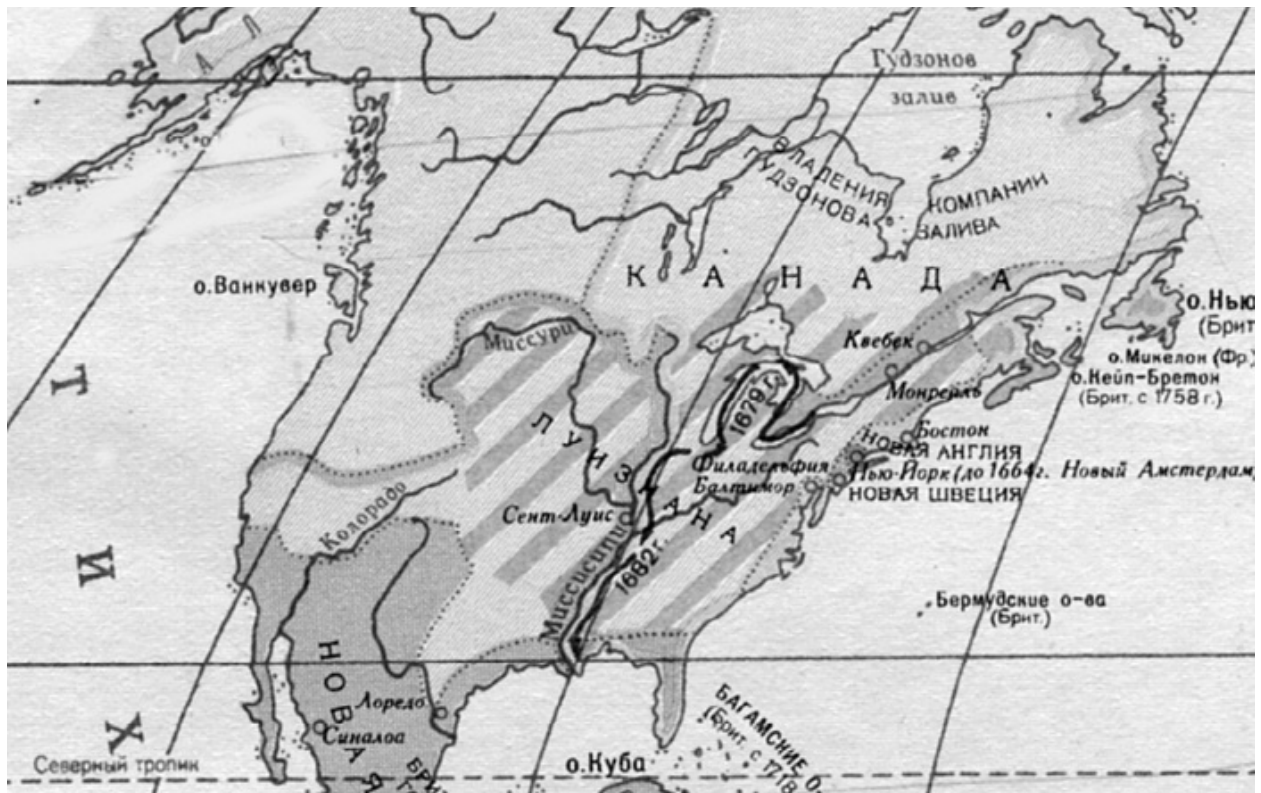
Иллюстрации

Людовик IX в Седьмом крестовом походе. Миниатюра из Больших французских хроник

Государства крестоносцев в XI – XIII вв.

Французские владения в Новом Свете в XVII – XVIII вв.

Французские анклавы в Индии в XVII в.

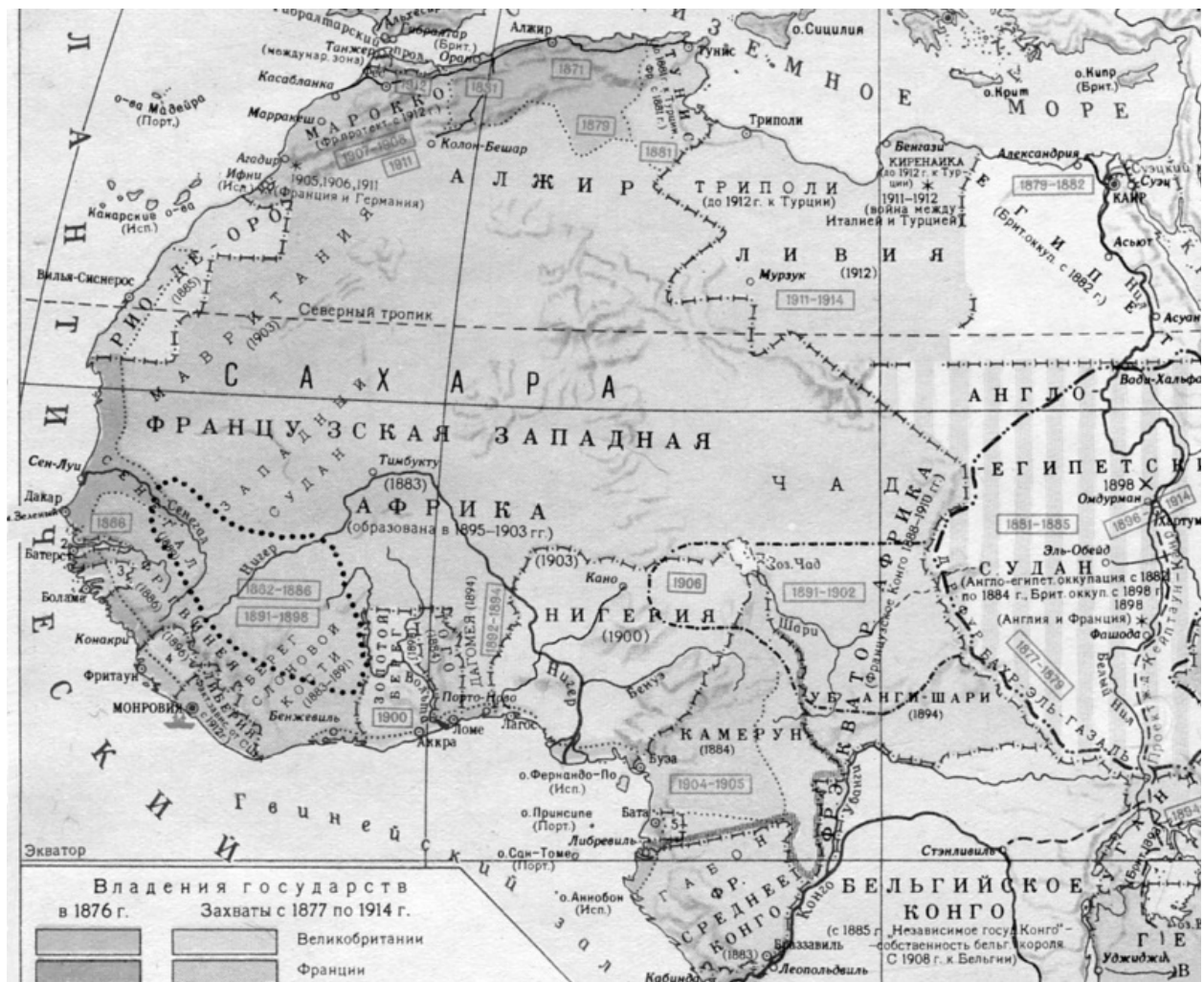

Битва у пирамид. Художник А.-Ж. Гро. 1810 г.

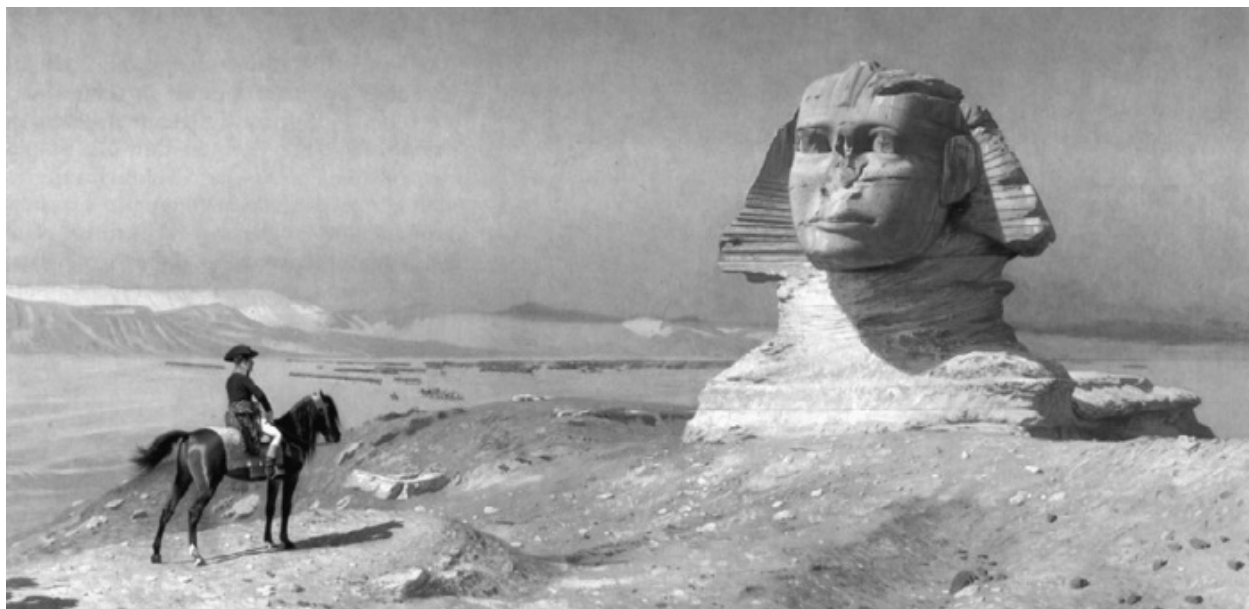

Колониальные захваты и экономическая экспансия Франции в

конце XIX – начале XX в.

Французские колонии в Африке в конце XIX – начале XX в.

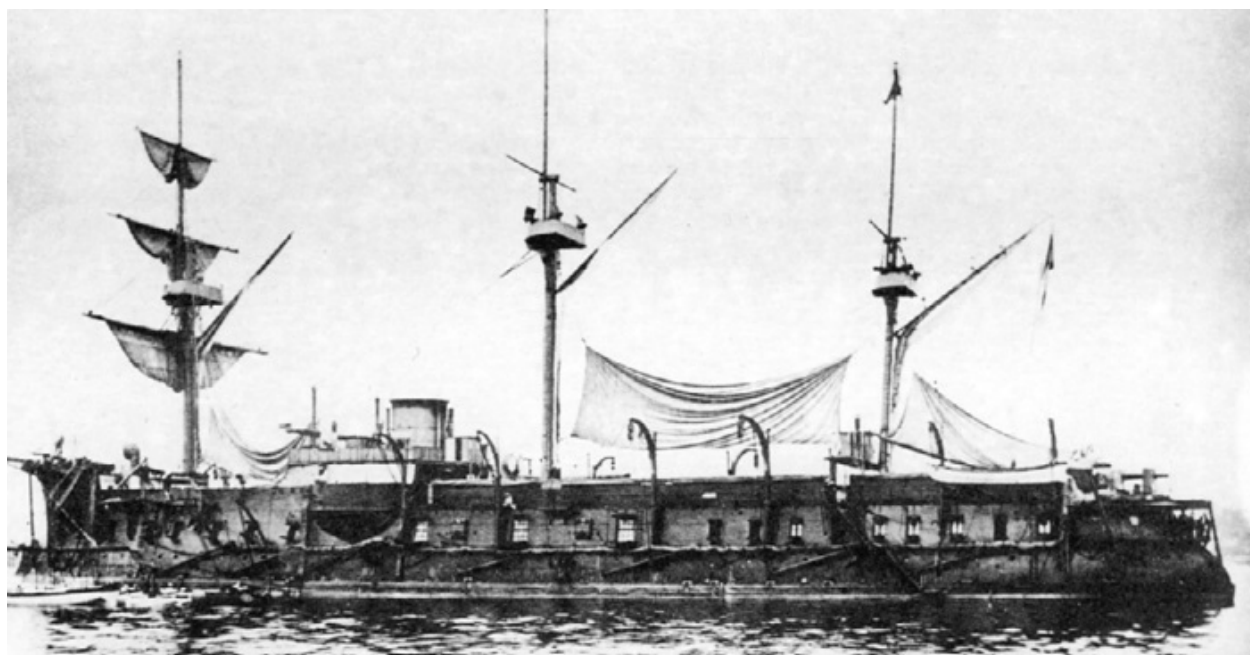
Бонапарт перед сфинксом. Жан-Леон Жером. 1867 – 1868 гг.

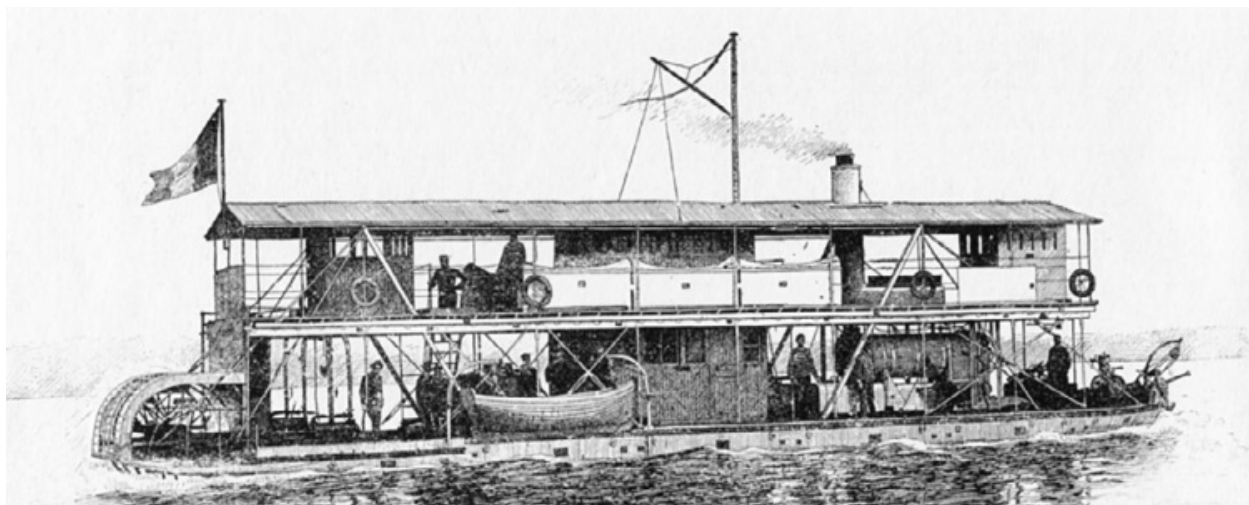
Франция несет прогресс в колонии. пытки туземцев током от гальванической батареи. 1873 г.

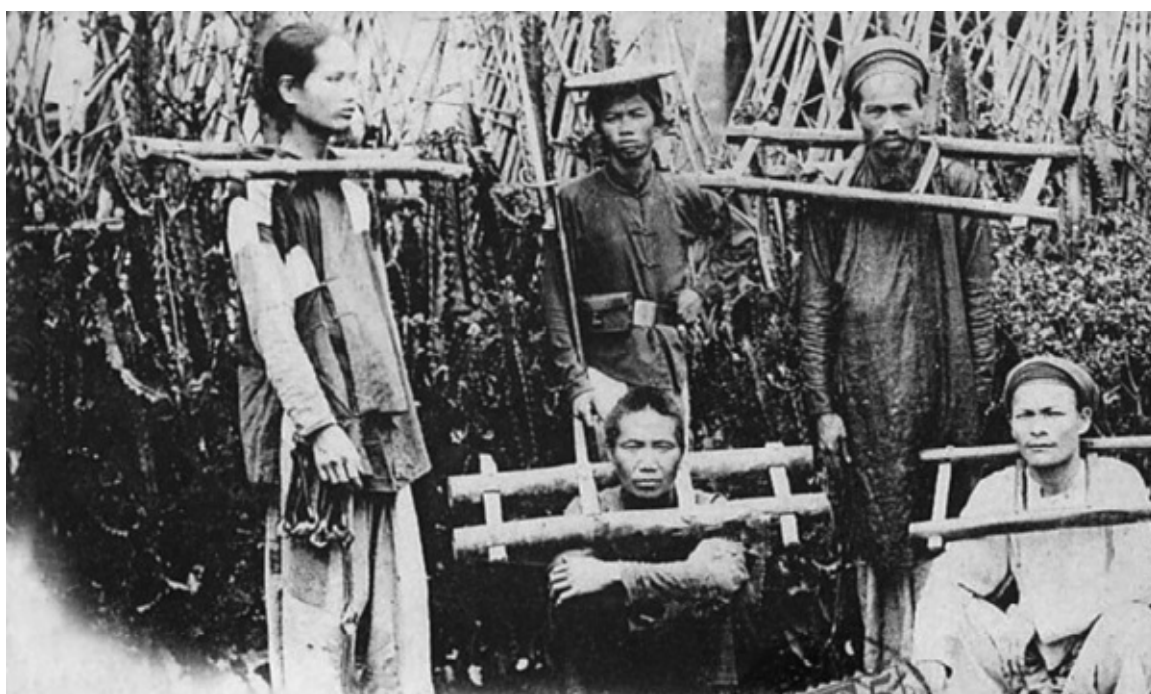
Борьба за Марокко. Карикатура начала XX в.

Французский броненосец «Триден», бомбардировавший тунисский город Сфакс. 1881 г.

Французская речная канонерка «Le Precieuse», участвовавшая в боевых действиях в 1883 – 1885 гг. у побережья и на реках Мадагаскара. Вооружение: четыре 37-мм револьверные пушки

«Пираты» (повстанцы), захваченные французами. Ба-Динь. 1887 г.

*Фотографическое воспоминание о добрых временах колоний в
Тонкине. 1908 г.*

Тонкинские стрелки

Военнослужащий легкой пехоты во французских колониальных войсках – зуав. Алжир. 1888 г.

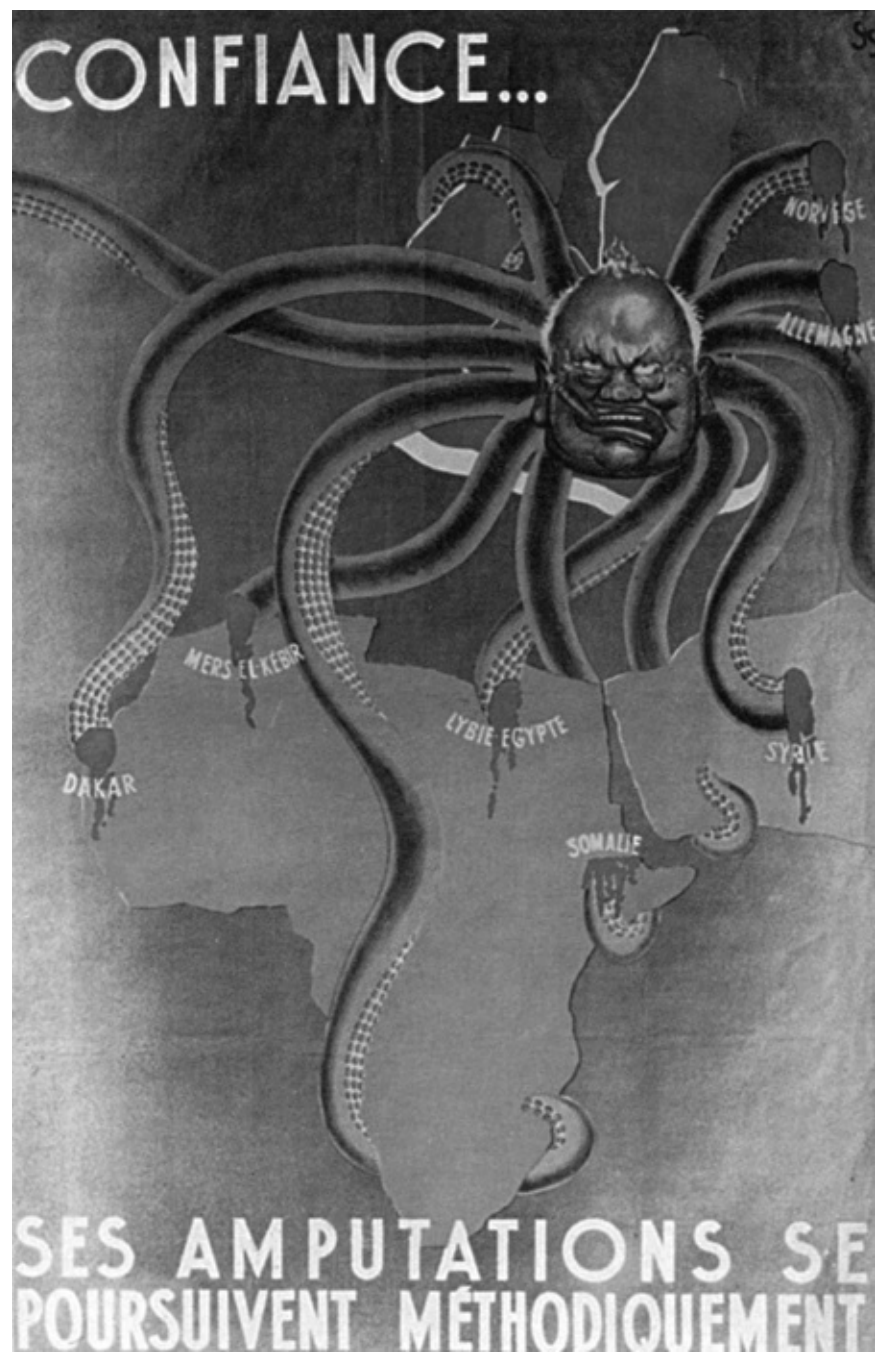
«День армии Африки и колониальных войск». Французский плакат времен Первой мировой войны

Зуавы в Первой мировой войне

Английский плакат для Западной Африки. Автор Дж. Олу Райт – местный художник

*«Отсечения его щупальцев продолжаются систематически».
Карикатура, иллюстрирующая британскую агрессию против
французских колоний в 1940 – 1942 гг.*

Войска Роммеля в Африке

Шарль де Голль и его обращение к французам. Июнь 1940 г.

*240-мм французская береговая батарея на о. Гори (Дакар).
Современный вид*

*Мемориальное кладбище в Мерс-эль-Кебире. 2007 г. Могилы
заброшены, кресты повалены*

Линкор «Ришилье»

Линкор «Жан Бар»

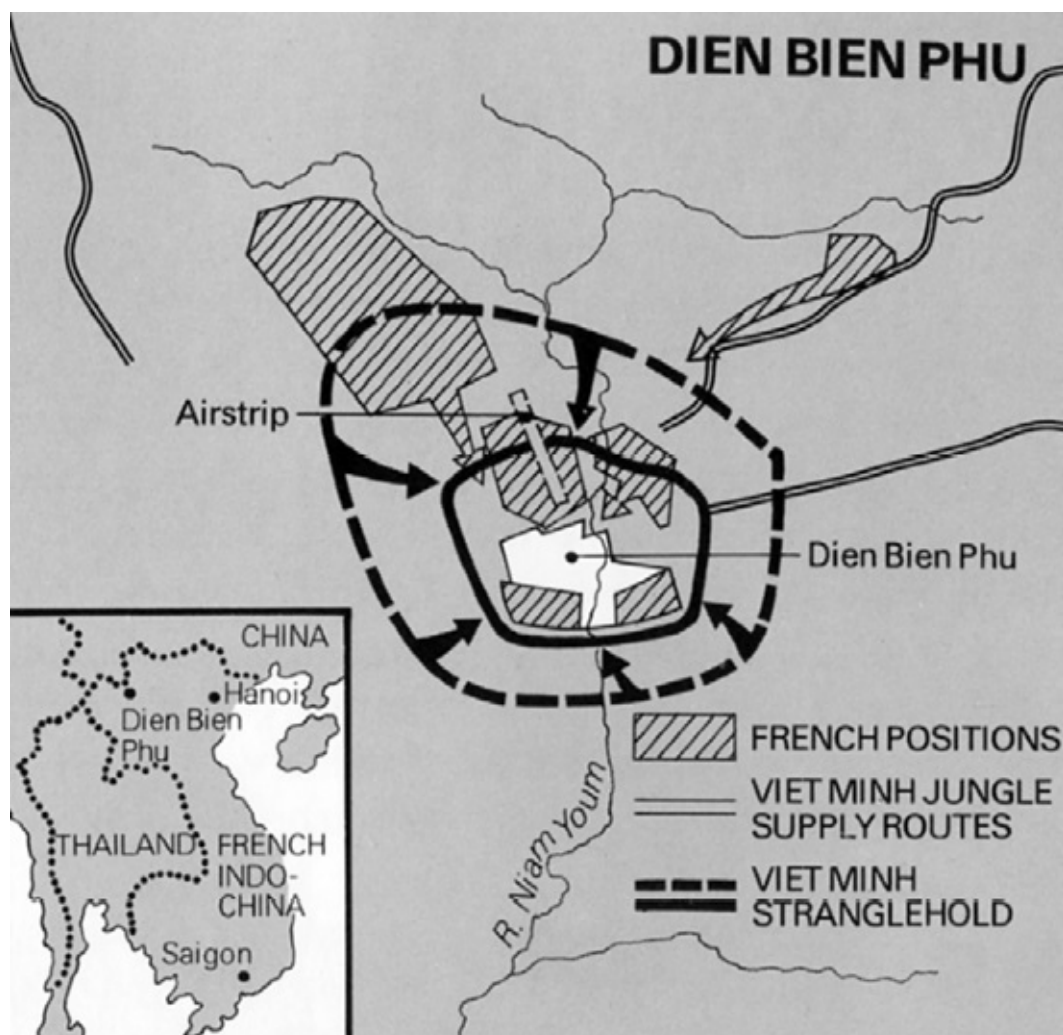
Бои за Тунис. 1943 г.

Мухаммад VIII аль-Ами – последний бей Туниса с 15 мая 1943 г. до 20 марта 1956 г., затем был единственным королем независимого Туниса до 25 июля 1957 г.

Авианосец «Лафайет». 1951 г.

Осада вьетнамцами французского укрепленного района Дьен-Бьен-Фу в марте – мае 1954 г.

Солдаты французской армии в Дьен-Бьен-Фу. 1954 г.

Баррикады на улицах Алжира. 1960 г.

Демонстрация арабов. Фото М. Рибуда

Вертолеты Н-19 в Алжире

Воздушная война в Алжире. Вооруженный T-28 у французов получил обозначение T-28S Fennec

Французские бронев автомобили «Панар» AML-245 (вверху) и «Панар» AML-245С (внизу) были специально сконструированы для колониальных войн, захвачены в ходе боевых действий в Африке, доставлены в НИИ БТ и закончили свою жизнь в Музее бронетанкового вооружения и техники в Кубинке. Фото А. Широкограда

Жан-Бедель Бокасса – президент Центрально-Африканской Республики, а затем император Бокасса I и... людоед

Ахмед Вен Белла – первый президент Алжира, «отец алжирской

нации»

Французские ядерные полигоны в Алжире

Испытание «Ликорн» на территории Французской Полинезии

Захват мятежных катеров Гвинеи с помощью советского эсминца «Бывалый». Январь 1973 г.

Массовые беспорядки во Франции в 2005 г.

notes

Примечания

Норвич Дж. Срединное море. История Средиземноморья. М.: АСТ: Астрель, 2011.С. 158.

Материалы сайта
Клермонский_церковный_собор

http://stormtower.ru/wiki/1095_год.

Норвич Дж. Указ. соч. С. 162.

Монофизитство (евтихианство) – христологическая доктрина в христианстве, возникшая в V веке и постулирующая наличие только одной Божественной природы (естества) в Иисусе Христе и отвергающая Его совершенное человечество. То есть, вопреки православному учению, монофизитство исповедует, что Христос – Бог, но не человек.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. С. 287.

Норвич Дж. Указ. соч. С. 207.

История Средних веков / Под ред. К.А. Косминского и С.Д. Сказкина.
М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 307.

Жюль Верн. История великих путешествий. В 3-х книгах. Кн. I. Открытие земли. Материалы сайта http://www.loveread.ec/read_book.php?id=6502&p=1

Современные некомпетентные писатели именуют их «линейными кораблями». В XVIII – XIX веках писали «корабль», «фрегат», «бриг» и т. д.

Материалы сайта http://www.vseslova.com/koler/page/kanada__nachalo_pravleniya_velikobritanii.4743/

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 203.

Charies-Roux Fr. Les origines de l'Ezpedition d'Egipte. Paris, 1910. P. 336.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб.: АОЗТ «СБА», 1994. С. 340.

Цит. по: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. С. 207.

Наполеон. Указ. соч. С. 343.

Наполеон. Указ. соч. С. 353 – 354.

Чарбоджи – почетный титул (буквально «великий»), право на который имели только потомки Мухаммеда.

Наполеон. Указ. соч. С. 373.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911 – 1915. Т. IX. С. 289.

Наполеон. Указ. соч. С. 530.

Цит. по: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. С. 252.

Наполеон. Указ. соч. С. 366 – 368.

Там же. С. 411.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия на Средиземном море» (М., 2008).

Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. М.: Наука, 1973.

Набоб – титул правителей некоторых провинций в Восточной Индии.

Хатти-хумаюн 1856 г. – султанский рескрипт о реформах, продиктованных западными державами, официально уравнивал христиан с мусульманами.

Танзимат – политика реформ, начатая в Турции хатти-хумаюном 1856 г.

История Африки в XIX – начале XX в./ Под ред. А.С. Орлова. М.: Наука, 1967. С. 39.

Entent (фр.) – согласие.

История дипломатии/ Под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина, и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. II. С. 569.

Там же. С. 573.

Ольденберг С.С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939.

Там же. С. 291.

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991. С. 269.

Извольский А.Л. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. С. 43.

Цит. по: История дипломатии/ Под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В. А. Зорина, и др. Т. II. С. 707.

Цит. по: Шталь А.В. Малые войны 1920—1930-х годов. М.: АСТ; Terra Fantastica.2003. с.421.

Франция и ее владения / Под ред. Ф.Н. Петрова. М.: ОГИЗ, 1948. С. 571.

История Африки в XIX – начале XX в./ Под ред. А.С. Орлова. М.: Наука, 1967. С. 312.

История Африки в XIX – начале XX в. С. 314.

История Африки в XIX – начале XX в. С. 318.

Зебу – длиннорогая горбатая корова.

Материалы сайта http://madagascar-russia.narod2.ru/subbotin_v_a_frantsuzskaya_kolonialnaya_ekspansiya_v_kontse_xix_v/

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1869 – 1895). М., 1956. С. 299.

Поповкина Р.А. Французские монополии в Индокитае: накануне Второй мировой войны. М., 1960. С. 13,16.

Доливо-Добровольский Б.И. Тихоокеанская проблема. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. С. 108 – 110.

Там же. С. 110.

Там же. С. 110 – 111.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» («пограничный, питающий»). В Западной Европе самостоятельные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

Цит. по: Степанов В. Кавказский вариант//Авиамастер. № 1/2003. С. 32.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург, 1999. С. 98 – 99.

Офан П., Мордаль Дж. Указ. соч. С. 107.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 475.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 188.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 479.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 193.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 193 – 194.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 194.

Франция и ее владения / Под ред. Ф.Н. Петрова. М.: ОГИЗ, 1948. С. 555.

В число погибших судов входят: лайнер «Хай-Динь» (бывший «Ламартин»), потопленный в заливе Алонг 22 ноября 1942 г.; сухогруз «Кантон», уничтоженный у берегов Аннама 30 ноября 1942 г. миной, поставленной американской подводной лодкой «Тотог»; «Генерал-губернатор Паскье», взорвавшийся на mine около Хайфона 7 мая 1943 г.; сухогруз «Генерал-губернатор Ван Волленховен», торпедированный у побережья Аннама американской подводной лодкой «Боуфин» 25 ноября 1943 г.; сопровождавший его патрульный корабль «Берилл» также погиб в ту же ночь со всей командой; сухогруз «Франсис Гарнье», подорвавшийся на mine 20 января 1944 г.; транспорты «Кайлин» и «Пинсан», потопленные самолетами 15 января 1944 г.; гидрографическое судно «Астроляб» и тральщик «Пиканон», также потопленные самолетами 24 февраля 1944 г.; сухогруз «Сянган» и эскортный корабль «Таюр», потопленные у мыса Валера американской субмариной «Флэшер» 29 апреля 1944 г.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 337.

Офан П., Мордаль Дж, Французский флот во Второй мировой войне.
С. 343.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 344, 345.

Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959. С. 164.

Зангхо – вьетнамское произношение китайских морфем: «занг» – «река» и «хо» – «озеро», переводится как «рыцари рек и озер».

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 349.

Jacquín H. La guerre secrète en Indochine. Paris, 1979. P. 169.

Navarre H. Agonie de L'Indochine (1953 – 1954). Paris, 1958. P. 33.

Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. С 401 – 402.

Замечу, что если бы японцы сошли с ума и действительно направили бы к Мадагаскару все свои авианосцы с большим десантом, это вызвало бы... бурные ликования на Даунинг-стрит, 10, в Белом доме и во всех союзных штабах.

Черчилль У. Вторая мировая война. С. 402.

Там же.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 197.

Об усилении роли авианосцев, появлении ядерного оружия и управляемых ракет английские политики и адмиралы в 1940 г., естественно, не могли знать.

Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. Операции в водах Северной Африки. Октябрь 1942 – июль 1943. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 42 – 43.

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980. С. 38.

Цит. по: Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне. С. 206 – 207.

Цит. по: Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. Операции в водах Северной Африки. Октябрь 1942 – июль 1943. С. 172.

Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. С. 175.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 223.

Там же. С. 225.

Морисон С.Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. Операции в водах Северной Африки. Октябрь 1942 – июль 1943. С. 227.

Цит. по: Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне. С. 210.

Офан П., Мордаль Дж. Французский флот во Второй мировой войне.
С. 217 – 218.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945. В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 212.

Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 153.

Одним из существенных факторов обеспечения политического и военного успеха Англии и Японии было свободное мышление послов, генералов, адмиралов и даже командиров отдельных судов, позволявшее, не сносаясь с центром, предпринимать решительные действия в интересах своего государства. К сожалению, Гольштейн-Готторпская династия, правившая в России под именем Романовых, требовала от своих дипломатов и военных абсолютного подчинения и пресекала самостоятельные действия. Вот, к примеру, в ходе войны с Турцией летом 1811 г. на Дунае были очень холодные ночи, много солдат простудилось. Ясно, надо одеться потеплее, например, поменять летние штаны на суконные зимние. Чей это вопрос? Очевидно, ротного командира, ну, в крайнем случае командира полка. Так нет! Кутузову лично пришлось обращаться к царю, чтобы солдатам штаны сменить. Пока шел запрос, пока Александр I думал над столь важной проблемой, пока шло обратно высочайшее повеление, пришла осень. Царь Николай I лично решал, могут ли жены декабристов брать с собой горничных или нет, что могут захватить из нижнего белья, и т. д. В 1900 г. вдова генерала в Нижнем Новгороде решила открыть богадельню на 10 мест, так на это потребовалось разрешение не исправника, не градоначальника, не даже губернатора, а аж самого Николая II!

Juliett Agam. L'angleterre en Egypte. Paris, 1922. P. 73.

Зарубежные страны. Справочник. Африка / Под ред. И. Колосова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 575.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 175.

Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2 т. М.: Новости, 1994. т. I. с. 271.

Цифры взяты из: Франция и ее владения / Под ред. Ф.Н. Петрова. М.: ОГИЗ, 1948. С. 489.

Локальные войны. История и современность / Под ред. И.Е. Шаврова.
М.: Воениздат, 1981. С. 177.

Материалы сайта <http://wvyw.vrazvedka.ru/wv2/index.php?option=com.content&view=article&id=48:--&catid=88888895&Itemid=88888898>

Материалы сайта <http://lib.rus.ec/b/261502/read>

Материалы сайта <http://lib.rus.ec/b/261502/read>

По материалам сайта <http://al-hayat.ru/forum/61-1904-1>

Молчанов Н.И. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1975. С. 329.

Там же. С. 333.

Молчанов И.М. Генерал де Голль. С. 370.

Лебедев С. Свобода, равенство, Папон! / Материалы сайта <http://www.apn-spb.ru/publications/print9514.htm>

Экономический совет – консультативный орган при парламенте и правительстве по вопросам экономического планирования и использования трудовых ресурсов.

Политические партии. Справочник / Под ред. В.В. Загладина, Г.А. Киселева. М.: Политиздат, 1981. С. 204.

А. Розин. Африканские эпизоды советского флота. Гвинея. //
Материалы сайта <http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

Боргулев М. Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России (II) // Материалы сайта <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a172.htm>

Боргулев М. Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России (II) // Материалы сайта <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a172.htm>

Протопопов А. Волны французской иммиграции // Материалы сайта
http://expert.ru/expert/2005/43/43ex-terna-p__38610/

Доминик Лескюр. «Во Франции нет демократии» // Материалы сайта
<http://www.ridus.ru/news/10580/>

Там же.

Материалы сайта <http://www.pravda.ru/world/europe/1...-arabsfranks-0/>

Никонов А.Л. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. М.: Издательство НЦ ЭНАС, 2005. С. 59.